

9 (Даг)
С. Н. Г. Г. О С М А Н О В

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
ДАГЕСТАНСКОГО
ДОКОЛХОЗНОГО
АУЛА

9(Дз)
0-74
А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

ДАГЕСТАНСКИЙ ФИЛИАЛ

*Институт истории, языка и литературы
имени Гамзата Цадасы*

Г. Г. ОСМАНОВ

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ
ДАГЕСТАНСКОГО
ДОКОЛХОЗНОГО
АУЛА

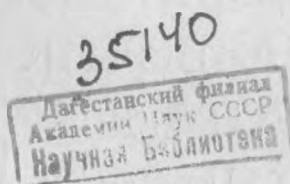

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1965

Ответственный редактор
доктор исторических наук
Г. Д. ДАНИЯЛОВ

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

1. Тема исследования и ее основные проблемы

Проблемы социально-экономического развития общества и роли народных масс как подлинных творцов всех материальных и духовных ценностей по праву привлекают к себе все большее внимание исследователей, особенно тех из них, кто занимается изучением и обобщением опыта социалистического и коммунистического строительства в СССР. Всесоюзное совещание историков, состоявшееся в декабре 1962 г., отметило, что изучение и научная пропаганда этого опыта — важнейшая задача советских историков¹. Совещание обратило внимание на необходимость всестороннего освещения опыта народов ранее отсталых колониальных окраин царской России, осуществивших переход к социализму от патриархально-феодальных отношений, минуя капиталистическую стадию развития. Академик Б. Н. Пономарев подчеркнул, что этот опыт должен стать достоянием народов, освободившихся от колониализма и ищущих пути к подлинной свободе и процветанию, в связи с чем его следует показать во всей конкретности, чтобы был виден не только конечный результат, но и реальный ход ломки феодально-колониального уклада².

Необходимость глубокого и последовательного изучения опыта социалистического преобразования ранее отсталых колониальных окраин вызвана еще и тем, что по уровню социально-экономического развития наша страна была далеко не однородной, формы и методы

¹ «Вопросы истории», 1963, № 2, стр. 70.

² Б. Н. Пономарев. Задачи исторической науки и подготовка научно-педагогических кадров в области истории. М., 1962, стр. 26.

перехода к социализму были весьма многообразны. Изучение этого опыта во всем его многообразии позволит наиболее полно показать как общие закономерности, так и специфические особенности социалистического строительства в СССР. Наконец, опыт прошлого помогает и в наши дни совершенствовать формы и методы руководства.

Исходя из всего этого, нами и была избрана в качестве предмета исследования тема «Социально-экономическое развитие дагестанского доколхозного аула». Такое хронологическое ограничение рамок исследования объясняется тем, что, во-первых, это наименее изученная проблема истории советского Дагестана, во-вторых, именно в этот период были осуществлены основные демократические преобразования, позволившие подтянуть отсталый аул до уровня передового и тем самым обеспечить более или менее одновременное социалистическое преобразование советской деревни, невзирая на прошлую неравномерность ее социально-экономического развития, и, в-третьих, история социально-экономического развития доколхозного аула — это прежде всего история самого многочисленного отряда трудящихся масс — крестьянства, которое составляло свыше 80% всего населения Дагестана. Поэтому, когда мы говорим о коренных социально-экономических преобразованиях, речь идет об изменениях в наиболее многочисленных слоях населения.

Ограничивая свое исследование определенными рамками, автор в то же время счел нужным коротко остановиться на характеристике аграрного строя и производственных отношений в дореволюционном ауле. Изучение дагестанского аула велось не изолированно, а на фоне исторических процессов в стране в целом и особенно в сравнении с аулом Средней Азии и Казахстана.

Основной вопрос, анализу которого посвящена данная работа, — это вопрос о развитии и характере производственных отношений в доколхозном ауле, т. е. в тот период, когда в экономике нашей страны, были «элементы, кусочки капитализма и социализма», когда борьба между этими элементами и составляла основное содержание эпохи. Как известно, в ходе этой борьбы Советская власть добилась поставленной цели, крестьянство прочно встало на социалистический путь развития.

Поэтому одна из главных задач работы — выяснить отношения между Советским социалистическим государством и многотысячной крестьянской массой Дагестана в переходный период, показать, каким путем, при помощи каких посредствующих звеньев удалось привлечь к социалистическому строительству самую многочисленную группу населения — мелких сельскохозяйственных товаропроизводителей.

В апреле 1921 г. в письме к коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана и Горской республики В. И. Ленин писал, что в борьбе за переход к социализму «всего более важно... чтобы коммунисты Закавказья поняли *своеобразие* их положения..., поняли необходимость не копировать нашу тактику, а обдуманно видоизменять ее применительно к различию конкретных условий»³.

В. И. Ленин указывал, что «кавказские республики — страны еще более крестьянские, чем Россия», и советовал — больше мягкости, осторожности по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно к крестьянству.

«Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР», — писал Владимир Ильич⁴.

Поэтому показать это своеобразие, раскрыть, как уроки российского революционного опыта применялись в конкретных условиях Дагестана — одна из важнейших задач настоящей работы.

С другой стороны, в этот период под влиянием преобразований, осуществленных в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, в корне изменился социально-экономический облик дагестанского аула. Очень важно проследить как все это происходило и как реагировали на эти изменения трудящиеся массы горцев Дагестана.

Таковы тема и основные проблемы, составляющие содержание настоящей работы.

---

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 295.

⁴ Там же, стр. 296.

2. Литература

Вопрос о сущности социально-экономических отношений в дагестанском доколхозном ауле — один из важнейших вопросов истории Дагестанской АССР. Несмотря на это, за последние тридцать лет не вышло ни одной сколько-нибудь серьезной работы на эту тему. Между тем в 20-х годах эта проблема неизменно находилась в центре внимания партийной и научной общественности. На партийных конференциях и съездах Советов, на страницах периодической печати вокруг нее разворачивались жаркие дискуссии. Это и понятно. От правильной оценки классовой структуры дагестанского аула в значительной степени зависела и практическая деятельность партийных и советских организаций в республике.

До XV съезда партии дискуссия велась больше вслепую: оппоненты еще не располагали почти никакими статистическими материалами, и верность суждений чаще всего зависела от умения правильно оценить и сопоставить специфические особенности, характерные для республики, и общие закономерности развития. И надо сказать, что в первое время агрикультурная и бытовая отсталость, живучесть полупатриархальных пережитков уводили многих от действительности. Среди практических работников, руководителей партийных и советских организаций было распространено мнение, будто Октябрьская революция не внесла существенных изменений в жизнь дагестанского аула, будто аул не знал социального деления и прозябал на стадии общинно-родовых отношений. В своей докладной записке на имя ЦК партии по итогам проверки деятельности дагестанской парторганизации инструктор ЦК ВКП(б) Ш. Н. Ибрагимов в марте 1924 г. писал: «В своем большинстве дагестанский аул и теперь представляет из себя религиозно-родовую общину с веками сложившимся бытом, обычаями и другими особенностями»⁵.

Эту точку зрения наиболее полно выразил Н. Самурский, бывший тогда председателем ДагЦИК. В книге «Дагестан» он писал, что «ни торговый, ни промышленный капитал не проникал в дагестанские горы, не разложил родовой общины, и в Великую социалистическую

---

⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 13, оп. 6. н., д. 324, л. 1.

революцию дагестанские горцы вошли с нетронутым от веков, окаменевшим патриархально-родовым бытом»⁶.

Докладная Ш. Н. Ибрагимова и книга Н. Самурского свидетельствовали о том, что в первые годы Советской власти теория родового строя имела довольно широкое распространение. Начало этой теории было положено еще дворянскими историками. Затем она была использована официальной пропагандой для прославления якобы цивилизаторской роли царизма на Кавказе. Позднее теорию родового строя подхватили буржуазные националисты-эмигранты Гайдаров, Бамматов и др., для того чтобы доказать будто Дагестан не имел никаких социально-экономических предпосылок для социалистической революции и Советская власть навязана ему Красной Армией силой оружия.

Согласно этой теории, дагестанское общество рассматривалось как вольное общество без классов, а его социальный строй — как первобытно-общинный, родовой.

Под непосредственным влиянием этой теории сложилось также представление будто в Дагестане «осереднячения, поравнения не было»⁷. С таким утверждением мы сталкиваемся довольно часто и в официальных документах того времени. Эти документы содержат богатейший материал по истории социалистического строительства в республике, и в этом отношении они незаменимы. Однако в определении характера социально-экономических процессов в дагестанском ауле того периода в них встречаются также неверные выводы и положения.

Вопрос о характере социально-экономических процессов в дагестанском ауле впервые был поднят Н. Самурским в брошюре «О методе определения социально-экономических групп крестьянства в условиях Дагестана», изданной в 1928 г. Брошюра была написана в связи с подготовкой земельно-водной реформы, и в ней автор пытался разработать метод определения экономических групп и слоев населения в Дагестане. Однако при этом автор допустил ряд ошибок и неточностей. Он утверждал, в частности, что «одно только определение кулачества не может дать исчерпывающего критерия для

⁶ Н. Самурский (Эфендиев). Дагестан. М.—Л., 1925, стр. 6—7.

⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 155.

отнесения того или другого хозяйства к этой категории. Еще более сложным является определение бедняцкой или середняцкой категории, для установления которой не имеется никаких общих, объективных признаков. Эти понятия чрезвычайно растяжимы»⁸. Больше того, Н. Самурский писал, что в Дагестане в «образе середняка весьма часто встречаются люди в социальном отношении гораздо опаснее, свирепее, чем зажиточные хозяйства»⁹.

Между тем известно, что еще задолго до революции В. И. Ленин дал точное определение всем этим социальным категориям внутри крестьянства и указал на признаки, которые позволяют сделать среди них необходимые разграничения.

Неудача попыток Н. Самурского разработать метод определения социальных слоев в условиях Дагестана объясняется тем, что свои выводы и заключения он делал, опираясь на сравнительные данные экономической мощи различных экономических групп в Дагестане и в центральных земледельческих районах страны. При этом он исходил из той посылки, что и там, и здесь социальные группы должны обладать одинаковой суммой всех средств производства. Такая механическая операция в отношении районов, отличавшихся между собой не только историческим прошлым, но и уровнем социально-экономического развития, предопределила ошибки Н. Самурского. В меньшей степени они проистекали еще и от того, что Н. Самурский преувеличивал местные особенности, архаизировал историческое прошлое края и плохо представлял себе социально-экономические процессы, происходившие в дагестанском ауле в начале переходного периода.

В другой книге — «Итоги и перспективы Советской власти в Дагестане», изданной к десятой годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, Н. Самурский утверждал, что крестьянство представляет собой реакционную, националистическую массу, и ее столкновение с рабочим классом неизбежно¹⁰. Партийно-советская и научная общественность еще тогда ука-

---

⁸ «Звезда», 1929, № 2 (16), стр. 46.

⁹ Там же, стр. 47.

¹⁰ Там же, № 4, стр. 5—6.

зала на ошибочность и неточность взглядов Н. Самурского.

В октябре 1928 г. в ежемесячном журнале Дагестанского обкома ВКП(б) «Звезда» появилась статья Саидова «К вопросу о изучении социального расслоения аула и станицы»¹¹. Указав на неизученность внутреннего состояния аула, автор в то же время справедливо отмечал: «Новая жизнь беспощадно вытесняет все старое и в связи с этим происходит интереснейшее явление коренной ломки социально-бытового (общественно-бытового) и религиозного уклада жизни горца.

Но..., как происходит все это, и что, и в какой степени способствует этому,— мы не знаем. Не зная все это, руководить социалистическим строительством в ауле-станице чрезвычайно трудно. При таком положении неизбежна масса ошибок в практической работе по осуществлению политики партии в деревне»¹². Исходя из этого, Саидов считал настоятельно необходимым глубокое и всестороннее изучение аула, «чтобы иметь соответствующие научные выводы»¹³. Эти выводы, как верно отмечал автор, должны были послужить основой в управлении и определении хозяйственной политики в ауле.

В то время, когда Саидов писал свою статью, в которой он поставил перед научной общественностью важнейший вопрос, тесно связанный с практикой тех лет, группа экономистов разрабатывала материалы переписей 1923, 1926 и 1927/28 гг.

Тщательное изучение материалов этих переписей уже тогда привело многих из них к мысли о том, что «направление дифференциации крестьянства Дагестана характеризуется передвижкой крайних групп к средним, т. е. осереднячиванием деревни»¹⁴. Так, в частности, характеризовался процесс социального деления дагестанского аула в записке «Экономика советской дагестанской деревни», подготовленной Наркомземом ДАССР и написанной на материалах весеннего опроса 1926 г. Одновременно в периодической печати появилась серия статей, посвященная социально-экономическим процессам в дагестанском доколхозном ауле.

¹¹ «Звезда», 1928, № 4 (12), стр. 21.

¹² Там же, стр. 22.

¹³ Там же.

¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп 3, д. 10, лл. 1—10.

В февральском номере журнала «Плановое хозяйство Дагестана» в 1929 г. публиковались сразу две статьи: В. Третьякова — «Производственная характеристика крестьянских хозяйств центрально-плоскостного района Дагестана» и В. М. Масленникова — «Рабочий скот в крестьянских хозяйствах Дагестана»¹⁵. Эти статьи были написаны по материалам 10%-ного выборочного опроса 1926—1927 гг.

В феврале следующего года в журнале «Звезда» была помещена статья А. Кадиева «О социальном расщеплении дагестанского аула-станицы»¹⁶. В ней подводились итоги обследования аула специальной комиссией Областного комитета партии в 1928 г. А в февральском и майском номерах журнала «Плановое хозяйство Дагестана» в 1930 г. была опубликована статья того же В. М. Масленникова «Социальный состав дагестанского аула и станицы»¹⁷. В этой статье он делает попытку показать классовую структуру аула на материалах переписей 1926 и 1927 гг.

Интересные сведения о социальной структуре дагестанского аула по материалам переписей 1926 г. содержатся также в книге А. С. Кириллова «Земельная реформа в Дагестане»¹⁸. Особенно большой интерес представляют приведенные в книге материалы о распределении земли.

Все эти авторы считали, что в Дагестане идет процесс осереднячения крестьян. Тот же А. С. Кириллов писал, что «по землепользованию середняк во всех районах является центральной фигурой в деревне, у него почти везде сосредоточено больше половины всех земель»¹⁹. В целом по республике середняку принадлежало 53,3% всех земельных угодий²⁰. Опираясь на итоги выборочного обследования дагестанского доколхозного аула, указанные нами авторы сформулировали ряд выводов. Однако их метод исследования страдал односторонностью, что не могло не наложить отпечатка

---

¹⁵ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 104—124.

¹⁶ «Звезда», 1930, № 1—2, стр. 54—59.

¹⁷ «Плановое хозяйство Дагестана», 1930, № 1—2, стр. 41—50; № 3—5, стр. 26—32.

¹⁸ А. С. Кириллов. Земельная реформа в Дагестане. М., 1928.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

на сделанные ими выводы о социально-экономических процессах. Указав на общие закономерности, характерные для всей советской доколхозной деревни, в том числе и для дагестанского аула, они не раскрыли специфики его развития, поэтому под их пером дагестанский аул потерял свои характерные особенности. Если последователи теории родового строя преувеличивали место и роль бытовых пережитков и явно архаизировали историю республики, то экономисты-практики, несмотря на верность многих их наблюдений, механически применяли к более отсталой дагестанской действительности категории, свойственные деревне центральной России.

В связи с подготовкой земельно-водной реформы и началом более энергичного наступления на эксплуататорские элементы борьба мнений резко обострилась. В ходе этой борьбы была доказана несостоятельность теории родового строя. Однако споры эти не завершились последовательным изучением социальных отношений крестьянства в доколхозном дагестанском ауле, начиная от перехода к новой экономической политике. Дело кончилось более или менее полной для своего времени разработкой данных выборочных обследований 1926—1928 гг., но ни сравнительное изучение этих материалов, ни изучение итогов перегруппировки крестьянских хозяйств в результате Октябрьской революции не было осуществлено. Собственно говоря, тогда такая задача и не ставилась. Все упомянутые авторы являлись экономистами-практиками, поэтому и их работы больше были связаны с текущей экономикой. Они не ставили перед собой цели дать историю социально-экономических отношений в доколхозном ауле. В лучшем случае ими обобщался материал той или иной переписи о классовом составе аула и о распределении средств производства между различными социальными группировками.

Лишь в середине 50-х годов делается первая попытка исследовать социально-экономические отношения в доколхозном ауле²¹. К сожалению, многие ценнейшие материалы тогда еще не были доступны исследователю:

---

²¹ Г. Г. Османов. Социально-экономические отношения в дагестанском ауле в 1921—1927 гг.— «Ученые записки Института ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР», т. I. Махачкала, 1956, стр. 98—120.

итоги сплошных и выборочных переписей находились под запретом только на том основании, что тот или иной участник комиссии или группы по разработке этих итогов был репрессирован в период культа Сталина. Первые попытки социально-экономического анализа, как правило, опирались на фрагментарные данные, охватывавшие узкий круг показателей и не позволявшие раскрыть сущность экономических отношений. XX съезд КПСС открыл широкий доступ к ценнейшим архивным материалам. Это самым благоприятным образом отразилось на состоянии научно-исследовательской работы в республике.

История социалистического строительства в ДАССР привлекла к себе внимание большого круга ученых²². Многие из них посвятили себя изучению истории колхозного аула. Однако их труды преимущественно иллюстрируют конечный результат процесса. Они содержат материалы о динамике развития колхозного строительства, сведения о росте удельного веса социалистического сектора во владении средствами производства, много материала о деятельности партийных и советских организаций по социалистическому переустройству аула, но в них редко встречается анализ социальных отношений в колхозах, анализ их производственной деятельности. Что касается социально-экономических процессов в доколхозном ауле, то исследователи, как правило, ограничиваются одной-двумя таблицами о классовом составе аула, совершенно не касаясь социальных отношений. Недостаточно изучалась эта проблема и в масштабах всей страны²³.

В апреле 1961 г. в Москве состоялась всесоюзная сессия по истории советского крестьянства и колхозного

---

²² А. А бил о в. Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала, 1959; Г. К ай м а р а з о в. Культурное строительство в Дагестане (1920—1940). Махачкала, 1960; Г. Д. Д а н и я л о в. Социалистические преобразования в Дагестане. Махачкала, 1960; Н. В. Д а н и я л о в а. Социалистическая реконструкция народного хозяйства Дагестана. Махачкала, 1962; М. К а з а н б и е в. Национально-государственное строительство в Дагестанской АССР (1920—1940). Махачкала, 1960; Г. Г. О с м а н о в. Коллективизация сельского хозяйства в Дагестане. Махачкала, 1961.

²³ Подробно об этом см.: В. П. Д а н и л о в. Изучение истории советского крестьянства.— «Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС». Сборник статей. М., 1962, стр. 449—492.

строительства в СССР. На сессии был сделан ряд докладов, посвященных анализу как общих закономерностей, так и специфических черт и особенностей развития доколхозной деревни²⁴. Однако доклады эти — только первые исследовательские опыты. Их цель активизировать научную мысль вокруг затронутых проблем и определить направление исследовательской работы.

3. Источники

Рассмотрим теперь кратко состояние источниковедческой базы.

Главными хранилищами документов, опираясь на которые можно разработать поставленные проблемы применительно к Дагестану, являются Центральный государственный архив Дагестанской АССР (ЦГА ДАССР) и партийный архив Дагестанского областного комитета партии (Архив Дагобкома КПСС). Особенно большой интерес представляют материалы, сосредоточенные в первом из них, в частности в фондах Статистического управления и Народного Комиссариата земледелия. В фонде Статуправления сосредоточены материалы сельскохозяйственной переписи 1923 г., охватившей 129 885 дворов 1343 аулов, весеннего 10%-ного опроса, осуществленного в 1926 г. и охватившего 20 тыс. хозяйств, а также материалы весеннего опроса 1927/28 г. Наиболее ценными среди них являются итоги весеннего 10%-ного опроса 1926 г. Опрос осуществлялся по следующей программе: 1) состав семьи; 2) земельная площадь; 3) посевная площадь; 4) сельскохозяйственный инвентарь; 5) рабочий скот; 6) продуктивный скот; 7) наем рабочей силы; 8) арендные отношения; 9) промыслы; и поэтому именно он дает возможность наиболее полно и четко охарактеризовать производственные отношения в дагестанском доколхозном ауле. К сожалению, эти материалы лишь недавно поступили в архив и стали доступны исследователю. Вместе с тем надо отметить, что для разработки этого первичного материала по нужной исследователю программе необхо-

---

²⁴ «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». Материалы научной сессии. М., 1963; Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921—1928 гг.). — «История СССР», 1961, № 6.

димо много времени, которое можно было бы использовать гораздо целесообразнее. Что касается самого материала, то можно смело сказать, что без него невозможно написать сколько-нибудь серьезного исследования по истории социально-экономических процессов в ауле. Именно в фондах статистического управления сосредоточены важнейшие материалы по истории коллективизации республики, данные о становлении и развитии социальных отношений в колхозах: о формах коллективного хозяйства, об организации, учете и оплате труда и т. д. Особенно большую ценность в этом отношении представляют итоги выборочного обследования колхозов, итоги разработки срочных сообщений колхозов к XVI съезду партии и др., которые дают возможность изучить, наряду с названными выше вопросами, также материально-техническую базу колхозов, степень механизации в них трудоемких процессов, сгруппировав колхозы по степени их экономической мощи, обеспеченности землей, рабочим и продуктивным скотом, сельскохозяйственным инвентарем и т. д.

Таким образом, фонды Дагестанского статистического управления дают наиболее полный ответ на вопрос, как изменился социально-экономический облик аула в результате Великой Октябрьской социалистической революции.

Исключительную ценность представляют фонды Народного комиссариата земледелия. Начиная с 1921 г., т. е. со времени организации комиссариата, здесь откладывались важнейшие дела по управлению земельным и лесным государственным фондами Дагестанской АССР, по осуществлению различных мероприятий в области развития сельского хозяйства. Здесь хранятся всевозможные отчеты, инструкции, планы, законопроекты по самым различным вопросам, которые характеризуют деятельность Наркомата в течение исследуемых лет и позволяют самым тщательным образом проследить земельную политику советского государства и ее конкретное осуществление в условиях Дагестана. Здесь же хранятся ценнейшие документы о развертывании в республике аграрной революции и наделении горцев землей, материалы земельно-водной реформы и важнейшие данные о различных сторонах сельскохозяйственного развития республики.

Серьезным дополнением к ним служат фонды Центрального исполнительного Комитета и Совета Народных комиссаров ДАССР, особенно первый из них. В стенографических отчетах съездов Советов и сессий ЦИК ДАССР сосредоточен огромный материал по общим вопросам хозяйственной жизни республики. Кроме того, материалы, имеющиеся в фондах ЦИК ДАССР, со всей наглядностью показывают всенародный, глубоко демократический характер управления политикой и хозяйством в нашей стране, активное участие самых широких слоев трудящегося населения в руководстве государством и его экономикой. К этой же группе фондов можно отнести и материалы местных органов власти, особенно окружных исполкомов депутатов трудящихся. В этих фондах сосредоточено много документов, позволяющих судить о том, как реагировали сами трудящиеся массы на закономерные хозяйственные процессы, вызвавшие коренное изменение социально-экономического облика аула в тот период.

Вторым основным хранилищем документов и материалов по истории советского Дагестана вообще и по исследуемой проблеме, в частности, является партийный архив Дагестанского областного комитета партии, особенно фонды обкома КПСС. Наряду со сводными документами, представляемыми различными советскими организациями в качестве отчетов или материалов к отчетам и докладам, здесь хранятся также итоги проверок деятельности партийных и советских органов, докладные записки комиссий, специально созданных для изучения того или иного вопроса хозяйственной и политической жизни республики, например, сводные данные о классовой борьбе в ауле в период выборов или осуществления хозяйственной кампании. Здесь же находится вся документация комиссии обкома партии и Комкадемии по изучению социальных процессов в дагестанском ауле в 1928—1930 гг. Именно документы партийного архива позволяют понять и оценить весь ход подготовки земельно-водной реформы. В этом отношении никакое другое хранилище не может соперничать с партархивом обкома КПСС. Политическая жизнь, думы, чаяния и настроения широких трудящихся масс, их активное творческое участие в хозяйственной и политической жизни, в социалистическом переустройстве

экономики республики особенно четко и выпукло прослеживаются именно на материалах партийного архива.

Ценные документы хранятся и в рукописном фонде Дагестанского Института истории, языка и литературы АН СССР. Речь идет не о систематически откладывавшихся коллекциях, а об уникальных документах, которые находятся в этом хранилище. Многие из них были также использованы при написании данной работы.

Из хранилищ, находящихся за пределами республики, надо указать на Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ) и Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства в Москве (ЦГАОР и СС). Следует отметить, что в этих архивах отложился в основном материал общего характера, который дает возможность проследить прохождение того или иного вопроса в центральных государственных учреждениях или взаимосвязь и взаимодействие центра с местами, руководство центра социалистическим строительством во всей стране. Кроме того, в этих хранилищах имеются общие материалы, специально подготовленные на местах для различных центральных учреждений, которых нет в республиканских архивах. В этом отношении особенно богат Центральный партийный архив. Здесь находятся стенографические отчеты и протоколы обсуждения деятельности областного комитета партии в секретариате ЦК партии в 1925, 1927 и в 1928 гг. Эти документы позволяют проследить деятельность ЦК по руководству местными партийными организациями, показать, какую огромную помощь оказывал ЦК партии местным партийным организациям в выработке правильной политической линии в том или ином вопросе с учетом местных условий и общих закономерностей развития, с учетом революционного опыта высококоразвитых районов страны.

Вместе с тем указанные источники страдают и серьезными недостатками. Во-первых, они характеризуют лишь отношения, складывавшиеся в результате неравномерности распределения средств производства между различными экономическими группами. Но в них нет сведений о роли и месте «традиционных» патриархальных форм собственности и эксплуатации; во-вторых,

чрезвычайно скудны данные о развитии социалистических форм сельского хозяйства до XV съезда партии. Удовлетворительные сведения по этой важнейшей проблеме истории дагестанского аула появляются лишь с 1928 г. Поэтому исследователь лишен сколько-нибудь полного и достоверного материала для изучения начального этапа развития коллективного хозяйства в Дагестанской АССР. Для восполнения этого пробела автор пользовался, когда это было необходимо, косвенными сведениями и полевым материалом. Таковы неопубликованные источники, которые были использованы при написании данной работы.

Среди опубликованных источников надо прежде всего указать на статистические сборники по самым различным вопросам. Так, наиболее ценные сведения о социальных отношениях в колхозах мы обнаруживаем в материалах сплошного обследования колхозов в 1928—1929 гг., изданных в 1931—1932 гг. Материалы о характере и условиях наемного труда собраны в двух изданиях — «Батрачество и пастушество в СССР» и «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.». Наряду с этими изданиями центральных ведомств есть и местные издания. Среди них прежде всего следует отметить сборник материалов к отчету правительства республики в связи с десятилетием социалистического строительства в ДАССР. Этот сборник содержит в себе ценнейшие сведения о социалистическом строительстве в республике с 1921 по 1930 г., об изменениях, происшедших в хозяйственной и политической жизни республики за этот период.

Богатые, хотя и разрозненные, сведения об интересующем нас вопросе содержатся в журнале «Плановое хозяйство Дагестана», на страницах которого были опубликованы первые систематические сводки подворных выборочных обследований дагестанского аула. В этом журнале немало сведений и о развитии сельского хозяйства республики в течение интересующего нас десятилетия. Ряд материалов, хотя и иного характера, концентрирует в себе и орган Дагестанского обкома партии — журнал «Звезда». На страницах этого журнала отразились различные оценки и борьба за выработку правильной программы изучения социальных отношений в ауле того периода.

Наконец, в качестве источника можно назвать газету «Красный Дагестан», которая наиболее полно и оперативно откликнулась на все явления жизни. Особенно большой интерес для нас представляют опубликованные в ней факты классовой борьбы в ауле того периода. По обилию этих материалов с ней не может соперничать ни один другой источник.

Таковы основные источники, использованные для написания работы. Одни из них были подвергнуты всестороннему анализу, например, материалы подворных переписей, сведения о развитии кооперативного движения; другие, вследствие многочисленности, были исследованы выборочно, например, материалы о росте сопротивления кулачества и обострении классовой борьбы, о переделе земли между сельскими обществами и т. п. Нередко источники подвергались предварительной критической проверке и взаимному сопоставлению.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции

1. К характеристике вопроса

Вопрос о характере социально-экономических отношений, об уровне социально-экономического развития дагестанского аула накануне Великой Октябрьской социалистической революции в общей его постановке споров не вызывает. Все исследователи сходятся на том, что в дореволюционном Дагестане господствовали патриархально-феодальные отношения. Однако, солидаризируясь в общей оценке, историки до сих пор конкретно эту важнейшую проблему не исследовали. Почти все авторы, в той или иной степени затронувшие в своих работах этот вопрос, ограничивались традиционной ссылкой на существование в Дагестане феодально-зависимых отношений, на силу и живучесть таких патриархально-феодальных пережитков, как кровная месть, ответственность рода за преступление, совершенное сородичем, многоженство и др. Немало страниц, кроме того, посвящалось описанию агрикультурной отсталости дагестанского аула. Однако анализ перечисленных вопросов не мог и не может дать сколько-нибудь верного и последовательного представления о всей совокупности общественно-экономических отношений в ауле, ибо, кроме бытовой и агрикультурной, исследуемый вопрос имеет еще политико-экономическую сторону. Изучение именно этой, второй, стороны вопроса имеет решающее значение для выяснения поставленной проблемы. Еще в 1908 г. В. И. Ленин писал, что не агрикультурная и не бытовая, а политико-экономическая сторона вопроса разделила, начиная со второй половины XIX в., два основных направления русской общественной мысли —

народническое и марксистское. В. И. Ленин считал, что не земледельческим бытом, не изучением разновидностей переделов, их техники и т. п. надо заниматься в первую очередь, хотя и эти вопросы имеют большое значение, а вопросом о том, «какие *типы хозяйств* складываются *внутри* общины, как развиваются эти типы»¹.

Перелом в исследовании этой важнейшей проблемы наметился в начале 50-х годов. В течение прошедшего десятилетия в этом направлении был сделан ряд более или менее удачных попыток². Однако эти попытки главным образом были посвящены анализу элементов капитализма в народном хозяйстве Дагестана и лишь мимоходом затрагивали другие вопросы проблемы. Тем не менее постановка вопроса даже в таком, сравнительно узком, плане была встречена с живейшим интересом, Правда, некоторые оппоненты усмотрели в этом тенденцию к преувеличению места капиталистического уклада в экономике области. Такая критика вызвана, на наш взгляд, односторонним подходом к проделанной работе, без учета того, что для получения всестороннего представления и суждения об этих вопросах необходимо предварительно выяснить ряд дополнительных вопросов, тесно связанных с их разработкой.

Учитывая такую необходимость, мы решили предпослать нашему исследованию краткий очерк социально-экономического развития дагестанского аула накануне Октябрьской социалистической революции, тем более, что в настоящее время мы располагаем для этого необходимым минимумом документов и материалов. Следует подчеркнуть, что такой очерк ни в коем случае не может заменить собой специальной работы и не претендует на это. Он посвящен, главным образом, исследованию общей линии развития аграрного строя и характера производственных отношений в дореволюционном Дагестане.

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 75.

² Г. Г. Гусейнов. Национализация земли в Дагестане (рукопись диссертации); А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в Дагестане в конце XIX — начале XX в., 1957 (рукопись диссертации); И. Р. Нахшунов. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956; Г. Г. Османов. Аграрные отношения в дагестанском ауле накануне Великой Октябрьской социалистической революции.— «Труды Дагфилиала ИМЭЛ при ЦК КПСС», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 27—52.

2. Некоторые особенности развития аграрного строя в Дагестане

Дагестан делится на две, резко отличающиеся друг от друга части, — равнинную и горную. Равнина, протянувшаяся узкой полосой по берегу Каспийского моря с Севера на Юг, представляет собой богатейший массив для сельскохозяйственного возделывания. Для горной части Дагестана характерна резко пересеченная каменистая поверхность. Она крайне бедна пахотной землей, зато здесь в обилии имеются летние альпийские луга. В связи с этим горные районы издавна специализировались главным образом на отгонном скотоводстве, а равнинные — на производстве зерна.

Горцы на протяжении веков тянулись на равнину, пытаясь освоить и обжить ее плодородные земли, но частые нашествия орд кочевников и разорительные походы иноземных завоевателей сводили на нет их попытки и периодически разрушали производительные силы края.

Возможность для осуществления вековых устремлений населения гор и развития сельского хозяйства в мирных условиях появилась с присоединением Дагестана к России. Но царское правительство, преследуя цель создания максимально благоприятных условий помещичье-дворянскому землевладению, раздавало равнинные земли местным феодалам, чиновникам, активно проводило курс на колонизацию этой части области, тем самым ограничивая возможность выхода горцев на равнину и обрекая их на безземелье.

В результате всего этого сложилась диспропорция в размещении производительных сил и средств производства в сельском хозяйстве Дагестана. В исследуемое время на равнину приходилось 67% всей пашни, 74% всех пастбищ и менее одной трети всего населения, а на горы, где проживало 70% всего населения, приходилось лишь 33% пашни и 26% пастбищ. В то время, как на равнине пустовали обширные массивы плодороднейшей земли, горец был вынужден довольствоваться клочком в 0,25 га посева, отвоеванного у природы трудом целых поколений.

Но не только в специализации отдельных частей Дагестана и исторически сложившейся диспропорции в размещении производительных сил и средств производства проявилось влияние географической среды. Под ее заметным влиянием сложились в Дагестане и формы земельной собственности. Так, в горах, где каждый клочок земли отвоевывался у природы трудом целых поколений, издревле сложилась частная подворно-участковая собственность на пашню и отчасти на сенокосы. Пастбища же находились в собственности общины. На равнине плодородной земли больше чем достаточно. Но чтобы она служила человеку, нужна была четко организованная система орошения. Создание такой системы, как известно, не под силу отдельному двору. Необходимость общественных усилий для создания ирригационной сети неизбежно породила здесь и общинную собственность на землю.

Естественно-географические условия жизни в известной мере наложили также отпечаток на характер и степень развития общественных отношений в Дагестане. К. Маркс в «Капитале» писал: «один и тот же экономический базис — один и тот же со стороны главных условий — благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д. — может обнаруживать в своем проявлении бесконечные вариации и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих эмпирически данных обстоятельств»³.

Многонациональный Дагестан может служить в этом отношении классическим примером. На земледельческой равнине, особенно на кумыкской плоскости, где феодальный строй развивался под сильным влиянием крепостной России, вся земля была захвачена феодалами, а крестьянство находилось в личной и поземельной зависимости. В случае перехода на другое место жительства или к другому владельцу феодальный обычай лишал крестьянина всякого права на сообственность в пользу бека. Больше того, некоторые группы населения, такие, как чагары^{3а}, были прикреплены к земле. Все

³ К. Маркс. Капитал, т. III. М., 1951, стр. 804.

^{3а} Чагары — в основном бывшие рабы, наделенные землей и на-

крестьянство равнинных земель отбывало в пользу своих феодалов барщину (булка) и платило оброк (ясак).

Иначе обстояло дело в нагорном Дагестане. Вследствие отсутствия здесь сколько-нибудь удобных больших массивов пахотной земли «барская запашка» и ее спутница — «барщина» не получили почти никакого развития. Поэтому не получила здесь особого развития и личная зависимость крестьянина от феодала. Основной производительной силой нагорного Дагестана являлись уздени, располагавшие юридически личной свободой.

Однако из этого не следует делать вывода, будто горское крестьянство было совершенно свободным, будто горское общество представляло из себя «вольное общество» без классов, будто здесь господствовал «демократический» первобытно-общинный строй. В. И. Ленин отмечал, что в феодальном обществе крестьянство находится в разной степени зависимости — от сословно-неполноправия до крепостного состояния. Это мы наблюдаем и в Дагестане. Если в земледельческих районах равнины мы сталкиваемся с самыми отвратительными сторонами феодализма — крепостными устоями, то в горных животноводческих районах, в силу указанных выше причин, лично зависимых крестьян было ничтожно мало. Однако почти все лично свободные уздени безусловно признавали сословные привилегии феодальной верхушки и находились в поземельной зависимости от нее. Как повествует документ конца XVIII в., «...сия зависимость происходит наипаче в необходимой надобности в пастбищных местах его (хана. — Г. О.) владений»⁴. И в самом деле, в горах, где удобной подпашню земли было очень мало, широкое развитие получила феодальная собственность на пастбищные горы. Например, в Аварском и Казикумухском ханствах пастбищные угодья в значительной мере принадлежали феодальной верхушке. И если иметь в виду, что основной отраслью сельского хозяйства нагорного Дагестана являлось животноводство, развитие которого немыслимо без использования летних альпийских пастбищ, то ста-

ходящиеся в личной зависимости от владельцев. Чагары были прикреплены к земле и без разрешения своих князей не могли переселяться из одного аула в другой или переходить от одного владельца к другому. Владелец мог продать чагара, отпустить на волю и т. п.

⁴ ЦГВИА, ф. 414, д. 301, л. 11.

нет очевидным, что основой власти феодалов над горскими узденями была феодальная собственность на пастбищные горы и угодья.

Некоторые горские общества находились в обязательных отношениях, платили подати и несли повинности в пользу ханов и беков. Зависимость других заключалась в поставке в случае необходимости воинов со своим продовольствием, но при этом они сохраняли полную личную и хозяйственную свободу Третьих, а их было значительное большинство, никаких нормированных обязательств по отношению к хану не имели, но пользовались его горными пастбищами и покровительством, за что оказывали ему различные знаки „внимания“. В преобладании узденей, располагавших юридической свободой личности, над всеми другими группами и категориями крестьян и заключалась характерная черта аграрного строя в Дагестане.

Феодалы, не довольствуясь номинальной властью, старались использовать любой предлог, обман или силу оружия, чтобы привести горских общинников в полное повиновение. Борьба длилась веками и с переменным успехом. Суровая гористая местность, которая крайне усложняла передвижение, многонациональный состав населения и феодальная раздробленность страны облегчали сопротивление узденей. Другим фактором, оказавшим исключительно большое влияние на развитие аграрных отношений и земельного строя в Дагестане, была так называемая Кавказская война.

Известно, что в период Кавказской войны весь нагорный Дагестан был охвачен восстанием. Такие крупнейшие феодальные владения, как Аварское и Казикумухское ханства, фактически прекратили свое существование. Восставшие физически истребили сотни семей феодалов и захватили их земли. Из повиновения другим владельцам вышли целые районы, зависимые крестьяне которых примкнули к восстанию. В частности, из-под влияния власти кумыкских князей вышли качкальковские и салатавские крестьяне общей численностью свыше трех тысяч дымов⁵. В результате сословное дворянское землевладение в нагорном Дагестане по существу

⁵ «Труды комиссии по исследованию современного положения землевладения и землепользования в нагорной полосе Терской области». Владикавказ, 1908, стр. 287.

было ликвидировано, а горькое крестьянство освобо-
дилось от ханско-бекского гнета.

Дальнейшим шагом на этом пути были реформы 60-х годов XIX в. После окончания Кавказской войны и «замирения» края царское правительство решило упразднить автономные феодальные владения, представлявшие собой как бы государства в государстве. В связи с этим от ханской зависимости освободились до 200 тыс. человек. При этом, если в ханствах Аварском и отчасти Казикумухском это было скорее признанием положения, сложившегося в результате Кавказской войны, то в Южно-Дагестанских феодальных владениях — Кайтагском, Кюринском, Табасаранском — освобождение коснулось лишь той части крестьян, которые находились в разной степени зависимости от верховного феодального правителя как носителя государственной власти. Наиболее последовательно реформа была осуществлена в засулакских кумыкских княжествах, включенных в состав Терской области, а также в Присулакском наибстве и Мехтулинском ханстве Дагестанской области. В этих владениях земля была поделена пополам между владельцами и крестьянами. Так, если до реформы в кумыкских княжествах почти вся земля, площадью свыше 400 тыс. десятин, была собственностью князей и беков, то в результате реформы за беками и князьями осталось лишь 186 тыс. десятин, остальная земля поступила в распоряжение крестьян, без выкупа. Первоначально царское правительство сделало попытку установить выкупные платежи, но эта попытка натолкнулась на решительное сопротивление крестьян. Опасаясь нового восстания, местная администрация отказалась от своих первоначальных планов и стала ходатайствовать перед центральными бюрократическими органами о ликвидации выкупных платежей. Колониальные власти ссылались при этом на то, что воспоминания о недавно минувших днях борьбы еще слишком свежи в памяти дагестанцев, и попытки установить выкупные платежи могут стать поводом для нового выступления. Центральные правительственные органы согласились с опасением местных властей и удовлетворили их просьбу. Однако царские власти сделали все, чтобы дворянская верхушка извлекла из реформы максимум возможных выгод: дворянам было предоставлено право выбора

земли. В результате привилегированная верхушка сохранила за собой наиболее плодородную и удобно расположенную землю.

По-прежнему остались в зависимом положении бекские райаты^{5а}. Реформа почти совершенно не коснулась их. В начале XX в. феодально-зависимые отношения существовали в 98 селениях Дагестана. В них насчитывалось свыше 13 тыс. дымов или «70 тысяч душ обоего пола»⁶, т. е. примерно десятая часть всего сельского населения области. Особенно много зависимого населения приходилось на три равнинных земледельческих округа — Темир-Хан-Шуринский, Кайтаго-Табасаранский и Кюринский. Из 13 026 дымов 11 821 дым приходился именно на эти три округа. В Аварском округе насчитывалось всего 72 зависимых дыма, остальные падали на Казикумухский и Самурский округа⁷.

Таким образом, реформа не была завершена. 9,4% всего населения области по-прежнему оставалось в феодальной зависимости от беков. Сущность зависимых отношений заключалась в том, что подневольные крестьяне были обязаны отбывать в пользу беков повинности и платить подати натурой и деньгами. Отношения между беками и райатами, размеры и перечень податей и повинностей в пользу беков при этом не были урегулированы. Вот что писал по этому поводу в августе 1910 г. директор канцелярии наместника царя на Кавказе Н. Петерсон: «Можно сказать безошибочно, что райаты были предоставлены полному, бесконтрольному усмотрению беков и их управляющих и приближенных»⁸.

И далее он отмечал, что последние при взыскании податей и повинностей не проявляют умеренности, не сообразуются ни с условиями времени, ни с экономическим положением райат, что в райатских селениях царит

---

^{5а} Райаты — группа лично зависимого населения. В отличие от чагар формально она сохранила еще право на переселение без разрешения владельца, но в этом случае, согласно феодальному обычаю, она теряла всякое право на собственность.

⁶ Записка в Совет наместника е. и. в. на Кавказе «О прекращении зависимых отношений поселян к бекам и кешкелевладельцам и о главных основаниях поземельного устройства населения в Дагестанской области и Закатальском округе». — «Красный архив», 1936, № 6 (79), стр. 106—107.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

произвол. Петерсон откровенно признает при этом, что в конфликтах, возникавших на этой почве, «местные власти всегда поддерживали бекское сословие», что неизбежно приводило к тому, что беки постоянно увеличивали размеры натуральных и денежных повинностей.

В прошении беков селений Магатыр и Митаги, поданном в 1908 г. на имя наместника, указывалось, что в денежном выражении каждый дым селения Митаги нес им повинности на сумму 51 руб., а селения Магатыр — на 49 руб.⁹

Одновременно зависимые райты должны были уплачивать в обычных размерах земские сборы и подымную подать, а после 1900 г. — государственный поземельный налог или оброчную подать в пользу казны¹⁰. Для того, чтобы получить представление о реальной величине указанных цифр, достаточно вспомнить, что, по свидетельству самих местных властей, среднегодовой доход дагестанского крестьянина составлял, примерно, 75 руб.

3. Аграрная политика царского самодержавия

Как свидетельствуют уже приведенные данные, в середине XIX в. подавляющее большинство дагестанского крестьянства по существу оказалось свободным от гнета феодалов. Между тем опыт истории учит, что в классовом обществе невозможно сохранить такую свободу на сколько-нибудь длительное время. Мелкое производство, в зависимости от политики правящего класса и развивающихся общественно-экономических отношений в стране, неизбежно эволюционирует в определенную сторону, а в эксплуататорском обществе при всех условиях становится легкой добычей либо крупного землевладельца, либо крупного предпринимателя. Так случилось и с дагестанским крестьянством.

С первых же дней своего развития в составе России Дагестан попал в водоворот вопиющих противоречий ее экономического строя. Как отмечал В. И. Ленин, сущность этих противоречий в пореформенной России заключалась в наличии отсталого земледелия, с одной стороны, и высокоразвитого промышленного капитализма — с другой, в господстве помещичьего землевладения

⁹ Там же, стр. 118.

¹⁰ Там же.

и кабальных отработок при неуклонном проникновении и развитии капиталистических отношений, причем политическое господство в лице царизма оставалось за помещиками. В силу этого «освоение» Дагестана, как и других окраинных территорий царской России, происходило двояким путем — путем захвата земель, укрепления класса помещиков и консервации отсталых патриархально-феодальных отношений, а также путем вывоза капитала, экономического освоения края и превращения его в источник сырья для капиталистической промышленности Центра. В первом случае Дагестан служил объектом помещичьей, фискальной и чиновничьей эксплуатации, во втором — объектом эксплуатации капиталистической; в первом случае мы имеем дело с официальной государственной политикой царского правительства, отражавшей интересы помещиков-полукрепостников, во втором — с объективными законами социально-экономического развития страны, с развитием капитализма вширь. До конца XIX в., вернее, до проведения здесь железной дороги, в Дагестане почти безраздельно господствовали военно-феодальные методы эксплуатации края как колониальной окраины. Но с тех пор, как железная дорога прошла по территории Дагестана и соединила Закавказье с центральными районами страны, объективные экономические законы, помимо воли царского самодержавия, все громче стали заявлять о себе, проникая во все новые области экономики края.

Чтобы полнее раскрыть сущность политического курса царского самодержавия в отношении крестьян, показать его социальную эволюцию в предреволюционные годы, когда в сельское хозяйство области стал проникать капитализм, обратимся сначала к некоторым историческим фактам.

Еще в 1785 г. в Манифесте от 24 июля Екатерина II провозгласила себя «наследней государыней и обладательницей земель черкесских и горских князей». В 1819 г. генерал Ермолов издает приказ, который возвестил, что отныне, кроме «Его императорского величества», никто не имеет права дарить бекам «за услуги» деревни, а также населенные и ненаселенные земли¹¹.

---

¹¹ АКАК, т. VI, ч. II, док. № 278.

Царское правительство обосновывало свои домогательства утверждением, будто в мусульманских странах поземельной собственности не существует, а вся земля там принадлежит посетителям государственной власти — шахам, султанам и другим феодалам, как представителям бога на земле, которым «единственно, по учению Магомета, принадлежат все земли»¹². А так как царское правительство считало, что по Гюлистанскому договору права «носителя государственной власти» перешли к нему, то, естественно, и себя оно рассматривало как единственного собственника земли. Надо отметить, что точно такой же точки зрения придерживались царские власти и в отношении других народов, исповедовавших мусульманскую религию, без всякого учета их исторического прошлого, сложившегося земельного строя и земельных отношений. Между тем даже самый поверхностный социально-экономический анализ приводит к выводу, что для такого механического отождествления не было никакой почвы. Даже в земледельческих районах Средней Азии и Азербайджана, где в силу характера феодализма государственная собственность получила наибольшее развитие, и государственная земля составляла абсолютное большинство всех земельных угодий, частное землевладение получило исключительно большое распространение. В Дагестане же, особенно в горах, где клочки удобной земли отвоевывались у природы трудом поколений, государственная собственность практически распространялась лишь на определенные пастбищные угодья. Пашня всегда находилась в личной собственности. В горах она была в собственности крестьян-узденей, на равнине — в собственности беков и князей. Обширные земельные угодья сохранялись также в общинно-родовой собственности¹³. Как свидетельствуют исследователи, эта форма собственности преобладала и у кочевых народов Средней Азии и Казахстана¹⁴.

¹² «История Азербайджана», т. 1—2. Баку, 1960; Б. Г. Гафуров. История Гаджикского народа, 1952, стр. 337—339; «История Туркменской ССР», т. 1. Ашхабад, 1955; «История Узбекской ССР», т. 1. Ташкент, 1956.

¹³ Там же.

¹⁴ М. Ким. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане.— «Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 18—105; В. П. Шерстобитов. Социально-экономические отношения в айле, кыштаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства.— «Исто-

Тем не менее первоначально в Дагестане и Закавказье даже беки были объявлены временными управителями, а в тридцатые годы XIX в. царское правительство попыталось на место туземного дворянства насадить в мусульманских феодальных владениях «природное русское дворянство, преданное престолу своих государей»¹⁵. Однако сложившаяся внутренняя и международная обстановка, Кавказская война и трудность осуществления намеченных преобразований вынудили царизм снова искать опору среди местных феодалов. Так появился на свет рескрипт 1846 г., признавший все права и привилегии местного дворянства. Но если в поисках социальной опоры для осуществления колониальной политики царское правительство изменило отношение к местному дворянству — своему естественному союзнику, — то в отношении крестьян такого изменения не последовало.

Пока шла Кавказская война, царское правительство не рискнуло открыто выступить со своими претензиями, но уже при осуществлении реформы для этого готовится почва. Так, несмотря на ликвидацию ханств и освобождение громадного большинства населения, вопрос о земле, исключая кумыкские княжества, вошедшие в Терскую область, остался открытым; земля не была закреплена за крестьянами, но она не была тогда открыто объявлена и государственной собственностью. Царское правительство решило, чтобы не будоражить и так далеко не спокойное дагестанское крестьянство, заявить о себе как о собственнике земли исподволь, поставить крестьян перед совершившимся фактом.

Начиная с конца 60-х годов XIX в. в различного рода документах крестьян называют сначала «поселянами, живущими на государственной земле»¹⁶, а затем и «государственными крестьянами», сидящими на «казенных землях, состоящих в постоянном пользовании поселян»¹⁷.

рия советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», стр. 81—97.

¹⁵ «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане». Сборник документов, т. I. М.—Л., 1936, стр. 279.

¹⁶ Известно, что закон «О поземельном устройстве государственных крестьян в 36-ти губерниях», утвержденный 24 ноября 1866 г., не коснулся Кавказа, в том числе и Дагестана. (Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1946).

¹⁷ ТПСЗ, 1907, т. XX, оп. 1, стр. 778.

При этом царская администрация утверждала, что она исходит из того, что «1) все земли, состоящие в распоряжении сельских (аульских) обществ, принадлежали при прежнем владычестве казне и отданы были лишь во временное пользование и 2) что отношения эти сохранились и по водворении русской власти»¹⁸.

За «поселянами, сидящими на казенной земле», не признавалось право собственности даже на мюльки^{18а}. Министерство финансов аргументировало это тем, что «все крестьянское население области по камеральному описанию отнесено к одному разряду крестьян, живущих на казенной земле»¹⁹. Центральные и местные власти всячески внушали эту точку зрения и крестьянам²⁰.

Объявив себя монопольным владельцем всех крестьянских земель, дворянское государство не упускало случая воспользоваться и правами, вытекающими из этого. Используя всякую возможность или же просто без всякого повода, царское самодержавие отнимало огромные участки крестьянской земли. Так, после событий 1877 г. у 35 селений Андийского округа были конфискованы летние пастбища площадью около 16 тыс. десятин и переданы в ведение Управления государственных имуществ²¹.

В 1911 г. в ведение этого же управления было передано 3 тыс. десятин земли крестьян Аварского округа. Свои действия царская администрация объясняла только тем, что эти земли когда-то принадлежали аварскому хану. Аналогичные случаи имели место в Куринском и других округах. Отобранные земли использовались либо для наделения беков и колонистов, для поощрения чиновников царской администрации, либо для пополнения фонда «оброчных статей». Например, в 1874 г. полковнику Тулаеву были пожалованы 652 десятины земли, отобранной у селения Фаргат-Кент²², в

---

¹⁸ «Дагестанский сборник», вып. 1. Темир-хан-Шура, 1902, стр. 126—136.

^{18а} Мюльки — в данном случае мелкие участки собственной земли.

¹⁹ «Дагестанский сборник», т. 1, стр. 126—136.

²⁰ Там же.

²¹ «Обзор Дагестанской области за 1912 г.», Темир-Хан-Шура, 1913, стр. 23.

²² ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 3, д. 24.

1878 г. майор милиции Адильхан Айдемиров «за усердную и полезную службу» получил 248 десятин²³. В Кайтаго-Табасаранском округе несколько тысяч десятин плодороднейшей земли было пожаловано чиновнику П. И. Лазареву, а в Хасавюртовском округе 10 царским чиновникам было отведено по 263 десятины каждому²⁴. В Кайтаго-Табасаранском округе накануне революции такого рода владельцам принадлежало более 30% всей частновладельческой земли²⁵. Вместе с тем, из года в год росли и оброчные статьи. Накануне революции их площадь составила 163 980 десятин.

Одновременно царское правительство все более и более стало усиливать борьбу со всевозможными земельными сделками, совершаемыми крестьянами. Уже в 1870 г. главноначальствующий Кавказской армией запретил «отчуждать земли лицам, не принадлежавшим к туземному населению»²⁶. В 1871 г. запрет был распространен на залог и долгосрочную аренду²⁷.

Позднее местным народным судам и нотариусам было дано строгое указание не утверждать земельные сделки. А 12 октября 1900 г. последовал указ царя, в котором говорилось, что земли сельских обществ Дагестанской области и их недра «принадлежат правительству» и отведены лишь в постоянное пользование государственных крестьян, но отнюдь не предоставлены им в собственность²⁸. Исходя из этого, указ отмечал, что жители не имеют «законных оснований» на земельные сделки²⁹. В этом отношении чрезвычайно характерен следующий факт.

По сообщению местных властей, «...общественные земли, принадлежащие Берекеевскому сельскому обществу, с появлением на участке «Неут-Кутан» нефти, стали предметом домогательства разного рода предпринимателей, причем многие лица, дабы приобрести участки нефтеносной земли, стали совершать земельные сделки

²³ ЦГА ДАССР, ф. 90, оп. 3, д. 24.

²⁴ С. Ш. Г а д ж и е в а. К вопросу о крестьянской реформе у кумыков.— «Ученые записки Дагестанского женского пединститута», т. 1. Махачкала, 1957, стр. 49—50.

²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93.

²⁶ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 848.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

помимо Окружного управления у нотариусов, преимущественно у Дербентского»³⁰.

Обеспокоенная этим администрация, исходя из указа царя от 19 октября 1900 г., обратилась в Бакинский окружной суд с протестом против действий нотариусов и потребовала дать им на этот счет соответствующие указания. 31 мая 1903 г. суд признал, что «вопрос о правах туземного населения на эти земли едва ли может подлежать сомнению, что по законам гражданским оно не имеет права совершать по отношению к сим землям никаких сделок, которые закон разрешает только собственникам земель». Далее суд определил: «едва ли может подлежать сомнению, что договоры частных лиц и общества о земле, принадлежащей, заведомо для Нотариуса, казне, должны быть отнесены к договорам, воспрещенным законом»³¹. 31 мая 1902 г. Бакинский Окружной суд постановил: «признать, что Нотариусы не имеют права совершать или принимать к засвидетельствованию сделки о переходе или ограничении прав собственности, а также об аренде с правом пользования недрами земель, расположенных в Дагестанской области и состоящих в постоянном пользовании горского населения, что не укрепленных за ним по общим законам Империи на праве полной собственности»³².

Царское правительство считало себя монопольным владельцем крестьянских земель, в лице узденей оно видело плательщиков феодальной ренты, держателей государственной земли. Экономическим выражением такой точки зрения была система податного обложения и натуральных повинностей, которая вводилась «в различных частях края разновременно, в зависимости от постепенного покорения и присоединения к России отдельных частей края»³³.

После окончания военных действий, в течение 1860—1867 гг., крестьянство Дагестана было обложено подымной податью, которая, по признанию «Вестника финансов, промышленности и торговли», «по основаниям своего исчисления вполне тождественна со взывавшеюся

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 2, д. 6, л. 35—37.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1900, № 1, стр. 574.

в прежнее время повсеместно в Империи подушную податью». И далее «Вестник» сообщает: «Между этими податями существует лишь одно отличие: при исчислении подушной подати объектом обложения служило всякое лицо мужского пола, занесенное в ревизскую сказку,— «ревизская душа», а при исчислении подымной — «дым» (хозяйство, двор), зарегистрированный по «камеральному описанию». Во всем остальном порядок исчисления подымной подати ничем не отличается от подушной подати. Платежной единицей является податное общество... Причитающаяся с общества сумма взимается за круговую порукою всех членов общества и не подлежит изменению впредь до составления нового камерального описания»³⁴.

Здесь следует оговориться, что не только подымная подать, но и все другие подати и повинности, которые несли дагестанские уздени в пользу казны, мало отличались от тех, какие в свое время отбывали государственные крестьяне в России. Да и царская администрация не отрицала этого. «Положение крестьян, водворенных на казенных землях,— читаем мы в официальном документе,— является аналогичным с бывшими государственными крестьянами внутренних губерний»³⁵, с той лишь разницей, что его совершенно не коснулся закон от 1 июля 1887 г., по которому в российской деревне земля была закреплена за крестьянами и в связи с этим оброчная подать была преобразована в выкупные платежи. Дагестанские уздени, как и государственные крестьяне в России, должны были отбывать в пользу казны натуральные повинности: подводную, дорожную, квартирную (в России — постоянную) и платить денежные подати. До 1901 г. они платили, кроме того, подымную подать и земские сборы, после податной реформы 1900 г.— оброчную подать и земские сборы.

Такое экономическое положение узденей налагало на них и определенные правовые ограничения, т. е. предполагало внеэкономическое принуждение, которое обеспечивало бы царской казне исправную феодалскую ренту. Как мы видели из приведенного выше документа, с этой целью в дагестанском ауле была установлена

³⁴ «Вестник финансов, промышленности и торговли», 1900, № 1, стр. 574.

³⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 19.

круговая порука. Значительно ограничено было право передвижения узденей. «Положение» о сельских обществах Дагестанской области 1868 г. предписывало старшине «выдавать жителям, просящим временной отлучки из деревни, записки за своею печатью о том, что на отлучку их препятствия не имеется, для получения по этим запискам письменных видов»³⁶. Даже при временной отлучке на заработки требовалось «увольнение» старшины. Затруднялся также переход на другое место жительства и из одного сословия в другое. Такой переход становился возможным только после того, как крестьянин очистит себя от повинностей и недоимок, и с особого на то разрешения высшей государственной власти.

Следует отметить, что сословие «государственных крестьян» не было однородно. В его состав наряду с бывшими «свободными узденями» вошли также крестьяне, находившиеся в зависимости от ханов и в 60-х годах освобожденные в связи с ликвидацией феодальных владений, а также раяты тех беков, которые были лишены владельческих прав «за измену престолу русских государей». Экономическое и правовое положение этих разрядов крестьян, включенных в состав государственных, было далеко не одинаковым. Особенно тяжелым было положение бывших частновладельческих крестьян. Наряду с повинностями и податями, общими для всех «государственных крестьян», за ними были сохранены также те повинности и подати, которые они несли при хане или беке.

Дагестанские уздени, несмотря на упорные домогательства царских властей, продолжали рассматривать занимаемую землю как свою собственность: отчуждали ее, передавали по наследству, завещали мечети. Да, и среди русской бюрократии не было единой точки зрения на формы земельной собственности в Дагестане. Даже наместник царя на Кавказе Воронцов-Дашков считал, «земли Дагестана... принадлежащими населению на праве собственности»³⁷. Межведомственное совещание, образованное для рассмотрения законопроектов наместника на Кавказе по поземельному устройству насе-

³⁶ Там же, л. 816.

³⁷ Там же, л. 1219.

ления Кавказского края, в 1912 г. также отмечало, что «различные административные ограничения поземельных прав жителей, установленные, правда, как бы в ожидании, что земли, состоящие в их пользовании, будут признаны собственностью казны, как, например, запрещение отчуждения земель нетуземцам, объявление недр этих земель казенным достоянием, и, наконец, обложение сельских обществ государственной оброчной податью» всецело основывалось на соображении, «будто в мусульманских странах поземельной собственности не существует, а вся земля там принадлежит государственной власти — шаху, султану и пр., как представителям бога, которым единственно, по учению Магомета, принадлежат все земли». И далее Совещание сделало вывод: «Однако, принадлежность всех земель в мусульманских странах не частным лицам, а государству, есть только теократическая фикция, столь же далекая от действительного положения этого вопроса, сколь далеко от римской доктрины полной собственности современное европейское право собственности, ограниченное и урезанное в общественных и частных интересах»³⁸.

Но сомнения даже таких высокопоставленных лиц и учреждений, как наместник царя на Кавказе и Междуведомственное совещание, не изменили положения дел. Царское правительство по-прежнему считало крестьянские земли государственными, состоящими в наследственном пользовании жителей и, исходя из этого, определяло свой экономический и политический курс. Характеризуя аграрную политику царизма в Дагестане, надо заметить, что у разных народов она осуществлялась по-разному. Так, сложившаяся историческая обстановка вынудила царских бюрократов отказаться от первоначального стремления насадить в мусульманских районах Кавказа военно-феодалное землевладение. За дворянством были признаны земельные права со всеми вытекающими из этого последствиями. Правда, в отношении крестьян царизм не отказался от своих намерений и, поощряемые сверху, местные власти всячески навязывали им мысль, будто земля находится лишь во временном пользовании туземных поселян и является собственностью государства. Однако практически, несмотря на указы и инструкции, ограничение прав владельца на-

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 31, д. 66, л. 1.

блюдалось лишь в том случае, когда для разработки недр появлялась необходимость оформить купчую у нотариуса. В остальных случаях местные власти по существу не предпринимали никаких практических мер, чтобы как-то ограничить широкое развитие купли-продажи земли.

По-другому сложились обстоятельства в Средней Азии. Как известно, Средняя Азия была включена в состав Российской империи на много десятилетий позже Гюлистанского договора, по которому Кавказ официально был закреплен за Россией. За это время в экономической жизни России произошли огромные изменения, которые не могли не отразиться на порядках во вновь приобретенных районах. Иным был здесь и аграрный строй. До присоединения к России Дагестан был раздроблен на множество феодальных владений и феодализирующихся общин. Поэтому из-за отсутствия единой государственности сравнительно слабо было развито здесь и военно-феодальное землевладение. В Средней Азии, или, как было тогда принято говорить, в Туркестане, наоборот, господствовал государственный феодализм, поэтому и военно-феодальная, государственная форма землевладения была наиболее распространенной формой собственности на землю. Правда, собственность на часть этих земель носила уже расчлененный характер: земля считалась собственностью государства, и оно собирало налоги. Нередко за особые заслуги государство в качестве вознаграждения частично или полностью уступало ренту крупным феодалам, а обрабатывали землю и владели ею на наследственных правах крестьяне³⁹. Это обстоятельство в дальнейшем сыграло решающую роль в развитии аграрного строя и земельных отношений в Туркестане. Если фактическое положение вещей и сложившаяся международная и внутренняя обстановка на Кавказе вынудили царизм отказаться от «теократической фикции» и заключить союз с местным мусульманским дворянством, то одним из важнейших результатов присоединения Туркестана была ликвидация военно-феодального землевладения и ослабление земельной аристократии. При введении положения об управлении Туркестанским краем в 1886 г. одновременно были осу-

---

³⁹ «История Узбекской ССР», кн. II. Ташкент, 1956, стр. 16.

ществлены преобразования и в области земельных отношений. В основу этих преобразований был положен принцип: во время разбора земельных споров принимать во внимание лишь фактическое владение землей. А так как земля фактически находилась в руках крестьян, то за ними она и была закреплена в наследственное владение. Больше того, по новому положению, владелец мог отчуждать ее. В этом отношении ограничение касалось лишь иностранных подданных и лиц нехристианского вероисповедания, за исключением местного коренного населения⁴⁰. Однако это не означало, что новый владелец был ее полным собственником. Права верховного собственника казна присвоила себе, поэтому крестьяне должны были нести в пользу казны многочисленные подати и повинности. В результате такой «реформы» подавляющее большинство крестьян по существу было освобождено от личной феодальной зависимости.

Вместе с тем закрепление земли в наследственное владение крестьян и разрешение купли-продажи значительно увеличили возможности богатой крестьянской верхушки. Как отмечают исследователи туркестанской деревни, на этой почве в конце XIX — начале XX в. происходит концентрация земли в руках крупных скотоводов-баев, которые и представляли эту крестьянскую верхушку, или феодализирующуюся знать. Однако главным и основным собственником земли до самой революции оставалось военно-феодальное российское государство. Так было в хлопковых земледельческих районах Средней Азии. В кочевых животноводческих районах, где по существу до присоединения к России ни частная собственность на землю, ни индивидуальное землепользование не получили сколько-нибудь широкого распространения и феодальные земельные отношения выступали в старых родовых формах, согласно которым родовой знати принадлежало «право распоряжаться районами кочевок», распределять их между общинниками, разбирать земельные тяжбы и т. д.⁴¹, земля была объявлена государственной собственностью. В любой момент ее могли отобрать и передать в переселенческий фонд. Как свидетельствует А. Турсунбаев, только у казахов к нача-

---

⁴⁰ «История Узбекской ССР», кн. II, стр. 110—111.

⁴¹ «Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 82—83.

лу первой империалистической войны было отнято 40—50 млн. дес. земли⁴². Поэтому, естественно, основным вопросом революционного движения в Туркестанском крае была ликвидация последствий колонизаторской политики царизма. Ослабление местной феодальной аристократии в земледельческих районах, с одной стороны, и преобладание патриархальных форм землевладения у кочевников, с другой, привели к тому, что здесь антифеодальное движение накануне революции не получило достаточно широкого развития. Главной задачей аграрного движения была ликвидация последствий колонизаторской политики царизма. Это, конечно, не означает, что трудящиеся не боролись против патриархально-феодальных и зарождающихся капиталистических порядков. Борьба эта шла. Однако дифференциация классов, особенно дифференциация пролетариата от буржуазных элементов, была еще слабо выражена и поэтому родовые и национальные интересы очень часто довели над классовыми.

Таким образом, мы имели возможность убедиться, что исходные позиции царизма при осуществлении аграрной политики на колониальных окраинах, населенных «мусульманами», были одни: царское правительство считало, что здесь до присоединения к России вся земля принадлежала государственной власти. Поэтому оно всячески стремилось свою земельную политику строить, исходя из этой ошибочной посылки. Однако конкретная действительность опровергла «теократическую фикцию» и в значительной степени вынудила царизм действовать, исходя из фактического положения вещей. На Кавказе, в том числе и в Дагестане, царизм вынужден был пойти на союз с местным мусульманским дворянством и все свои действия осуществлять, опираясь на него и через него. Этой цели служила и так называемая «военно-народная» или «военно-бекская» система управления, которая передала всю полноту власти на местах дагестанскому дворянству и колониальным властям в лице царских офицеров. Царское правительство всячески защищало интересы местного дворянства и поддерживало его.

---

⁴² А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1951, стр. 21.

В Туркестанском крае, наоборот, используя господство государственного феодализма и преобладание государственной собственности на землю, местная феодальная землевладельческая аристократия была ослаблена, земля была объявлена собственностью царской казны и передана в потомственное владение крестьян с правом отчуждения. В то же время царское правительство стало оказывать всяческую помощь и поддержку родовой знати из «черни» — баям, которые, используя свое привилегированное положение внутри рода, а также путем скупки, стали концентрировать землю в своих руках. В результате такой политики царизма здесь на смену земельной аристократии пришла патриархальная знать, которая представляла собой феодализирующуюся верхушку деревни.

4. Землевладение и землепользование

Вся земельная площадь области (в границах 1917 г.), по данным податных инспекторов, составляла 2749 тыс. дес., а площадь сельскохозяйственных угодий — 1,5 млн. дес., на долю пашни, садов и сенокосов приходилось примерно 18,4% всей этой площади, или 276 тыс. дес.,

Таблица 1

Распределение земли по группам владельцев *

Группы владельцев	Всего земли в группе, дес.	% к итогу
Частные владения . . .	445,011	28,1
Надельные земли	960,868	60,7
Оброчные земли	163,980	10,3
Мечетские земли	13,702	0,9
Итого . . .	1 583,561	100,0

* ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 2, д. 4, л. 124—129; ф. 80, оп. 1, д. 24, л. 236—237; ф. 21, оп. 3, д. 9, л. 10—21.

остальные угодья приходились на пастбища, выгоны, леса и пр.⁴³ Распределение земли между четырьмя основными группами владельцев показано в таблице (см. табл. 1).

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 2, д. 4, л. 124—129.

Как видно из таблицы, около девяти десятых всех сельскохоззяйственных угодий находилось в распоряжении двух антагонистических классов — помещиков и крестьян. Постараемся несколько подробнее рассмотреть землевладение и землепользование этих двух групп населения.

Прежде всего необходимо выяснить, кого представляли частные владельцы, в чьей собственности находилась частновладельческая земля. Это тем более необходимо, что многие авторы, в той или иной степени касавшиеся этой проблемы, механически отождествляли группу частных владельцев с ханами и беками и не делали даже попытки специально изучить ее социальную природу⁴⁴. Между тем подобное отождествление совершенно не соответствует действительности и не способствует выяснению тех социально-экономических сдвигов, которые произошли в Дагестане в конце XIX—начале XX в. Ведь если согласиться с таким отождествлением, то невозможно понять, какие причины побудили ту или иную группу владельцев держаться определенной позиции в революционном и национально-освободительном движении народов Дагестана.

Попытка изучить природу частного землевладения была сделана автором настоящей работы еще в 1955 г. в работе «Аграрные отношения в Дагестане накануне Великой Октябрьской социалистической революции»⁴⁵. Однако в то время в распоряжении исследователей был ограниченный круг документов и поэтому многие вопросы изучаемой проблемы не получили достаточного разрешения. За прошедшие годы накопился большой фактический материал и сейчас мы имеем возможность разработать эту проблему более детально.

Особую ценность для определения характера землевладения в начале нашего века имеют данные за 1905 год о распределении 380 тыс. десятин земли между различными сословиями владельцев (см. табл. 2).

---

⁴⁴ Г. Г. Гусейнов. Национализация земли в Дагестане (рукопись диссертации); Н. П. Эмиров. Дагестан в период русской революции 1905—1907 гг.— «Очерки истории Дагестана», т. I. Махачкала, 1950, стр. 156—213.

⁴⁵ Под таким же названием основные положения этой работы были опубликованы в кн.: «Труды Дагфилиала ИМЛ при ЦК КПСС», т. I, 1957, стр. 27—52.

Распределение земли между различными сословиями *

Сословия владельцев	Число владельцев	Количество земли, дес.	% к итогу	Количество земли в среднем из одного владельца, дес.
Дворяне	534	273 051	71,8	511,5
Крестьяне	389	87 875	23,1	225,9
Купцы и мещане	75	19 396	5,1	258,6
Итого	998	380 322	100,0	381,0

* ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 61—203.

Следует отметить, что в это время площадь частных владельческих земель составляла 433 202 дес. Разница между этой цифрой и приводимой в табл. 2—52 880 дес. Такое расхождение объясняется тем, что в материалах по Самурскому округу за частными владельцами указана площадь в 62 161 дес., тогда как в действительности у них было 9281 дес. Поэтому в архивные данные было внесено необходимое исправление. Кроме того, в табл. 1 указано, что у частных владельцев было 445 011 дес. земли, а в табл. 2—380 322 дес., разница в 64 689 дес. Объясняется это тем, что в 1905 г. по Кайтаго-Табасаранскому округу учетом было охвачено лишь около одной четвертой части всей площади частновладельческих земель (28 317 дес. вместо 104 125 дес.). Неточности в сторону увеличения или уменьшения действительной площади, правда, допущены и по другим округам. Автор не смог внести необходимых исправлений и в показатели землевладения отдельных сословий. Тем не менее приведенные данные, несмотря на их неполноту и неточность, в общем верно отражают характер распределения земли среди сословий собственников.

Как видно из табл. 2, в начале нашего века главными собственниками земли были дворяне. Они сосредоточили в своих руках свыше двух третей всей частновладельческой земли. Из 273 тыс. дес. дворянской земли 127 151 дес. находилась в пользовании раят, остальные 145 900 дес.— в личном распоряжении самих владельцев. Эти данные свидетельствуют о «власти земли»,

о господстве средневекового землевладения. Об этом еще более наглядно свидетельствуют данные о размерах владений (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение частной земельной собственности по размеру владений *

Размер землевладений, дес.	Число владений	% к итогу	Количество земли, дес.	% к итогу	Приходится в среднем на 1 владельца, дес.
20 и менее	617	62,0	2975,5	4,0	4,6
21—50	84	7,5	2680,5		31,9
51—100	48	5,0	3472,9		72,2
101—500	128	13,0	32 132,2	13,0	251,1
501—1000	57	6,0	36 298,8	15,0	636,8
Свыше 1000	64	6,5	165 017,1	68,0	2579,9
Итого	998	100,0	242 577,0	100,0	243,0

* ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203. В таблицу не вошли данные о землях, находившихся в пользовании раят, а также частновладельческая земля по Аварскому и Самурскому округам.

Очевидно, что мелкая собственность в частном землевладении не играла, по сути дела, никакой роли. 74,5% собственников владели всего 4% частновладельческой земли, зато 12,5% крупных владельцев, имевших свыше 500 десятин земли на каждого, сосредоточили в своих руках 83% всей земельной собственности. Особенно большое количество земли было сконцентрировано у высшей группы собственников, т. е. у тех, кто имел свыше одной тысячи десятин на каждого владельца. У 64 наиболее крупных представителей земельных собственников находилось 68% всей частновладельческой земли. При этом лица, которые принадлежали к высшей группе землевладельцев, имелись среди всех сословий, хотя число их в каждом сословии было различно. Так, из 145 тыс. дес. земли, находившейся в личном пользовании дворян, свыше 114 тыс. дес. приходилось на долю тех, кто имел свыше одной тысячи дес. на одно владение. Из 19 396 дес., принадлежавших купцам и мещанам, на долю высшей группы владельцев приходилось 14 835 дес. Примерно в таком же соотноше-

нии распределялась земля и среди владельцев из числа крестьян. Только на двор дворянина, имевшего свыше 1000 дес. земли, приходилось 2931,7 дес., купца и мещанина — 2472,7 дес., а владельца из крестьян — 1887 дес.⁴⁶

Сказанное подтверждается и данными по округам. Например, в Кайтаго-Табасаранском округе 158 владельцев (57% всех собственников) из 240 имели всего 1795 дес. земли (около 3%), а на долю 41 крупного собственника приходилось 42 905 десятин, или 76% всей земельной собственности⁴⁷. В Кюринском округе 60% всей земельной собственности концентрировалось в руках 21 крупного собственника, тогда как общее число собственников достигало 301⁴⁸.

В собственности некоторых владетельных родов, например потомков уцмий Кара-Кайтагского и майсума Табасаранского, находилось по 20—30 тыс. и больше дес. земли.

Эти данные свидетельствуют о том, что и в Дагестане громадное количество частновладельческих земель было сосредоточено по-прежнему в руках привилегированного дворянского сословия.

В первую очередь это относится к трем земельным округам — Темир-Хан-Шуринскому, Кайтаго-Табасаранскому и Кюринскому, где были сохранены и зависимые отношения. В этих округах было сосредоточено 95% всех частновладельческих земель области, и их удельный вес в общем землевладении достигал 42% против 28,1% в целом по Дагестану⁴⁹. На долю же шести горных округов приходилось всего 5% частновладельческой земли⁵⁰. О причинах такого неравенства в распределении частновладельческой земли между отдельными районами и округами нам уже приходилось говорить выше.

* * *

Черты средневековья обнаруживаются и в крестьянском землепользовании. В начале нашего века наделные земли крестьян составляли 960 тыс. дес. На

⁴⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

⁴⁷ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93.

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 79, оп. 2, д. 3, л. 1.

⁴⁹ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 27, л. 11—14, 17—18, 22—23.

⁵⁰ Там же.

душу населения приходилось, таким образом, немногим более одной десятины. Если же учесть, что 72,5% этой земли составляли пастбища и выгоны, а пашни всего 15% от общей площади, то станет очевидным, что дагестанцу-труженику приходилось довольствоваться нищенским клочком в 0,25 десятины посева. Однако крестьянская земля распределялась далеко не равномерно.

По выборочным данным сельскохозяйственной переписи 1916/17 хозяйственного года, около 10% всех крестьянских хозяйств сосредоточили у себя примерно столько же земли, сколько и остальные 90% хозяйств. Однако в то же время неравномерность распределения земли между крестьянами была неизмеримо меньшей, чем среди других социальных групп населения. Даже в таком многоземельном округе, как Хасавюртовский, где процесс движения земли был сравнительно интенсивным, посевы свыше 10 дес. имели 3,3% всех хозяйств, 50 и 100 дес. посева имели считанные единицы хозяйств⁵¹. Зато существовали исторически сложившиеся различия между различными феодальными разрядами крестьян. Статистика и официальные документы того периода называют в Дагестане государственных, частновладельческих, временно-обязанных крестьян и колонистов, отмечают внутри этих групп существенные различия. Так, зависимые уздени и райты, составляющие частновладельческих крестьян, по своему правовому и экономическому положению значительно отличались друг от друга. Еще большие различия наблюдались между отдельными группами так называемых государственных крестьян. Это различие в исследуемое время проявлялось главным образом в характере землевладения.

Как свидетельствуют источники, на двор частновладельческих крестьян приходилось 9,6 дес., на двор узденя, или, как его называет царская администрация, государственного крестьянина, — 6,7 дес. и колониста — 20,6 дес.⁵²

Судя по этим цифрам, частновладельческие крестьяне как будто бы значительно лучше обеспечены землей.

⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 265—276.

⁵² «Журнал съезда податных инспекторов». Баку, 1903; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 72—85; «Обзоры Дагестанской области за 1900—1915 гг.».

Но это только первое впечатление. Владельческие крестьяне в основной своей массе жили в землевладельческих районах равнинного Дагестана, тогда как три четверти узденей находились в горах, где всегда ощущался острый земельный голод и каждый клочок земли приходилось отвоевывать у природы неимоверными усилиями поколений. Для того чтобы все встало на свое место, необходимо сопоставить землевладение этих двух категорий крестьян по округам. Так, в Аварском округе на один двор узденя приходилось 6,8 дес. всей земли, а на двор частновладельческих крестьян — 1,3 дес., в Казикумухском соответственно — 6,1 и 4,8 дес., в Кюринском — 8,6 и 5,8 дес. и Кайтаго-Табасаранском — 11,6 и 7,7 дес., в Темир-Хан-Шуринском — 16,7 и 12,7 дес.⁵³ Иными словами, на двор узденя в среднем приходилось 9,96 дес., а на двор частновладельческих крестьян — 6,46 дес.

Но не только в характере землевладения проявлялось различие между группами и категориями крестьян. В меньшей степени это различие сказывалось и в размерах всевозможных платежей, в бремени налогового обложения и т. д.

Средневековый характер носили и сохранившиеся вплоть до революции сословные привилегии и ограничения. Прежде всего эти ограничения проявлялись в том, что царское правительство рассматривало дагестанское крестьянство как податное сословие. Все налоговое бремя — содержание низшей администрации и проходящих войск, ремонт дорог и обеспечение государственных нужд в транспортных средствах — с первых же дней присоединения Дагестана к России было возложено на плечи крестьян.

В 1900 г. впервые, в результате податной реформы, были обложены поземельным налогом помещичьи земли. Но это обложение лишней раз подчеркнуло помещичье-крепостной характер экономической политики царского правительства, так как и после реформы величина налога определялась не размерами земельной собственности, а сословной принадлежностью. Сумма только об-

---

⁵³ «Журнал съезда податных инспекторов». Баку, 1903; ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 72—85; «Обзоры Дагестанской области за 1900—1915 гг.».

рочной подати и земского сбора с крестьян в пересчете на десятину всех сельскохозяйственных угодий после податной реформы 1900 г. превышала сумму всех налогов с помещиков почти в 6 раз⁵⁴. При этом крестьяне несли все бремя и натуральных повинностей, которое было значительно тяжелее бремени денежных поборов.

* * *

Мы рассмотрели землевладение двух антагонистических классов дагестанского общества — помещиков и крестьян. Чтобы судить о характере аграрного движения, об остроте аграрного вопроса в дагестанском ауле накануне Октябрьской социалистической революции, мы должны рассмотреть эти классы в их взаимной связи.

По данным 1905 г., 129 тыс. крестьянских дворов имели 960 тыс. дес. земли, а 998 помещиков — до 450 тыс. дес.⁵⁵ На двор крестьянина приходилось примерно семь дес. всей земли, а на двор помещика — 450 дес., т. е. более чем в 60 раз.

Эта разница в землевладении была особенно большой на земледельческой равнине, где в собственности помещиков находилось 42% всех земель этого района, или 95% всей частновладельческой земли. Например, в Темир-Хан-Шуринском округе на одного бека приходилось 702 дес., в Кайтаго-Табасаранском округе — 602 дес. Многие представители дворянской верхушки имели здесь по 20—30 и более тысяч дес. И это в условиях острого земельного голода, когда на душу крестьянского населения приходилось всего 0,25 дес. посева.

Эти цифры убедительно говорят о том, что сущность аграрного вопроса в дореволюционном дагестанском ауле заключалась, с одной стороны, в крестьянском малоземелье, с другой — помещичьем многоземелье. Помещичье землевладение, наряду с другими остатками средневековья и колониальной политикой царизма, было одной из основных причин отсталости и обнищания аула.

---

⁵⁴ «Обзор Дагестанской области за 1909 год». Темир-Хан-Шура, 1910, стр. 64.

⁵⁵ «Обзор Дагестанской области за 1905 год». Темир-Хан-Шура, 1906; ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, лл. 61—203.

Наряду с казной и помещиками в качестве крупного собственника земли выступало и мусульманское духовенство. В исследуемое время в его распоряжении было свыше 13 тыс. дес. земли. Это была земля, пожертвованная прихожанами в пользу мечети, в надежде на отпущение грехов и за райскую жизнь в потустороннем мире. Пожертвования в пользу мечети носили самый разнообразный характер — от полной передачи прав собственности до предоставления в распоряжение мечети части доходов. Жертвовались как имущество, так и определенная часть дохода с него. И все эти пожертвования назывались вакуфом. Для того, чтобы судить о видах и размерах доходов, получаемых мечетью с вакуфов, приведем данные по Казикумухскому округу за 1899 г. Ежегодно мечети этого округа получали 2923 пуда зерна, 4870 пудов печеного хлеба, 1392 барана, 196 пудов мяса, 521 баранью ляжку, 493 пуда сала, 15 пудов масла и столько же сыра, 717 пудов толокна, 6 пудов соли, 44 пуда халвы и 3 пуда нефти⁵⁶. К сожалению, по другим округам такого рода данными мы не располагаем. Но и их наличие не дало бы даже приблизительной картины действительного положения дел, так как пути и формы извлечения мечетью наибольших доходов обычно не фиксировались. Не фиксировались, например, все тяготы по наблюдению за вакуфным имуществом, которые ложились на плечи крестьян: ведение хозяйства, обработка земли, сбор урожая, доставка дров для мечети, ремонт мечетских зданий и мельниц. Не фиксировалась и обязанность крестьян содержать многотысячную армию служителей мусульманской религии, платить им за отправление религиозных обрядов, обучение детей, за ведение шариатских дел. Чтобы реально представить себе, во что обходилось крестьянину-горцу одно лишь содержание духовных учреждений и служителей мусульманской религии, достаточно отметить следующее: в 1913 г. в Дагестане функционировали 800 мактебов и медресе с 7500 слушателями; на 600 с небольшим тысяч населения приходилось 1700 мечетей и свыше 10 тыс. духовных лиц — мулл, кадиев, дибиров и др.

⁵⁶ «Обзор Дагестанской области за 1899 год». Темир-Хан-Шура, 1900, стр. 46.

(вместе с семьями численность духовенства доходила до 50 тыс. человек)⁵⁷.

Одной из наиболее тяжелых повинностей, которую несли крестьяне в пользу мечети, был закат или мечетская десятина. Нам неизвестна даже приблизительная цифра денежного или натурального выражения всех этих многочисленных повинностей и обязательств в до-революционном Дагестане. Первая попытка определить их была сделана в 1928 г. в связи с ликвидацией мечетского землевладения и передачей вакуфного имущества кресткомам. Комиссия определила сумму всех мечетских доходов в это время в 4 млн. руб. Надо иметь в виду при этом, что после Октябрьской революции, в результате мероприятий Партии и Советского государства, о которых будет сказано дальше, а также культурного роста населения, эти доходы значительно снизились. Но и без этой поправки сумма доходов выглядит очень внушительно. В ценах 1913 г. она составляла примерно 2 млн. руб., т. е. почти в четыре раза больше всех денежных поборов со всего населения области в пользу казны! Все без исключения доходы мечеть получала, как правило, натурой; эти доходы были освящены религией и феодальным обычным правом.

Весь приведенный материал свидетельствует о том, что в конце XIX — начале XX в. землевладение в Дагестане носило средневековый характер. Значительная часть земельной площади по-прежнему была сосредоточена у крупных собственников-феодалов, у беков, военно-феодального государства и мусульманской мечети.

Черты средневековья были характерны не только для землевладения, но и для экономической организации хозяйства Дагестана того времени. Дагестанское дворянство, за редким исключением, непосредственно хозяйственной деятельностью не занималось. «Вестник финансов, промышленности и торговли» сообщал по этому поводу в 1900 г., что представители местной феодальной верхушки «сами хозяйства большей частью не ведут», а сдают свои земли в аренду из известной части урожая⁵⁸. Вестник объяснял эту практику силой

⁵⁷ «Обзор Дагестанской области за 1913 год». Темир-Хан-Шура, 1914, стр. 60—61, Прилож. № 12.

⁵⁸ «Вестник финансов, промышленности и торговли», т. 1. СПб., 1900, стр. 439.

традиций, «...укоренившихся еще до русского владычества»⁵⁹. О том, что беки, как правило, хозяйством сами не занимались, хотя и косвенно, но достаточно убедительно свидетельствуют материалы переписи сельскохозяйственных машин и орудий за 1910 г. Из 104 тыс. орудий по возделыванию почвы, зарегистрированных переписью, на эту группу владельцев приходилось 798 орудий, или всего 0,7%⁶⁰.

Дагестанская аристократия нестари считала для себя и своего сословия позором любой физической труд. Поэтому земля, как правило, сдавалась в аренду разоренным крестьянам обычно на половинных началах или за отработки. Нужно отметить, что наибольшее развитие получил первый вид аренды. В этом случае арендованная земля обрабатывалась крестьянским инвентарем и весь полученный урожай делился пополам между владельцем и арендатором. Во втором случае за арендованный участок крестьянин должен был выполнить весь условленный комплекс работ на земле владельца, причем выполнить в первую очередь и своими орудиями производства.

Помещик фактически не делал никаких капиталовложений, так как обрабатывал землю чужим инвентарем и эксплуатировал крестьян, используя наследственное право земельного собственника.

Возможности для такого рода крепостнической эксплуатации крестьян были заложены еще в реформе. На Кумыкской равнине, например, как уже отмечалось, при проведении реформы право выбора земли было предоставлено привилегированной верхушке общества. Естественно, что наиболее близкая к населенным пунктам и оросительным каналам и наиболее плодородная земля осталась за дворянами. Дальнеземелье и чересполосица стали характерными чертами крестьянского землевладения, они и предопределили закабаление крестьян помещиками. Вот характерный пример. При переделе земли в Баммат-ауле бек выбрал участок, расположенный между поселением и той землей, которая должна была отойти в собственность общества. Если крестьянский

---

⁵⁹ «Вестник финансов, промышленности и торговли», т. 1. СПб., 1900, стр. 439.

⁶⁰ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.». СПб., 1913.

скот или птица попадали случайно на бекскую землю, их либо убивали, либо брали за них штраф в пользу землевладельца. Бек в любую минуту по самому пустячному поводу мог закрыть дорогу и лишить крестьян возможности пользоваться своей землей. Поэтому бамматаульцы находились в полном его распоряжении⁶¹. Надельная земля, таким образом, стала источником закабаления бывших зависимых крестьян, источником кабальной крепостнической аренды.

Средневековая организация была особенно характерна для мечетского хозяйства. Как свидетельствуют документы, вся мечетская земля находилась в испольной аренде у сельских обществ⁶². Нередко мечетская земля сдавалась в аренду на условиях одной трети, а иногда и одной шестой части урожая. Таким образом, следствием сохранения феодальной собственности на землю, следствием средневекового землевладения, были кабальные средневековые формы эксплуатации.

Однако было бы неправильным предположение, что они характерны только для крупного частного или мечетского хозяйства. Полупатриархальные, полуфеодальные формы организации хозяйства были типичны и для крестьянского хозяйства, особенно в горных животноводческих районах Дагестана. Так, по давно сложившемуся обычаю, все члены сельской общины были обязаны, несмотря на имущественное неравенство, принимать равное участие в общественных работах. Например, такие «общественные» мероприятия, как очистка и исправление оросительных каналов, дорог и других общественных сооружений были одинаково обязательны и для малоземельного бедняка, которому и орошать-то было нечего, и многоземельного кулака. Бедняк, который имел всего 0,25 га земли, должен был платить за охрану полей ту же сумму, что и зажиточный, засеявший 5—6 дес. и больше.

Полупатриархальные, полуфеодальные формы организации хозяйства были особенно живучи в горных районах области, где основной отраслью сельского хозяйства являлось отгонное животноводство. Здесь издавна сложилась патриархальная система овцеводства, которая в Южном Дагестане называлась серкерством.

⁶¹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 87, л. 11—12.

⁶² ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 31—33.

Система эта строилась на следующих принципах. 10 или 20 хозяйств образовывали объединение — «кош» и избирали главу — серкера (отсюда серкерство). Он возглавлял всю хозяйственно-экономическую деятельность коша — арендовал пастбища, нанимал пастухов, проводил все платежные (и натуральные и денежные) операции и т. д. Когда-то, по всей вероятности, такие объединения имели кровнородственный характер, но постепенно, по мере распада родовой собственности и родовых отношений, сохранялась лишь старая форма организации хозяйства, но внутренняя ее сущность претерпела коренные изменения. В исследуемое время, в связи с проникновением в дагестанский аул капитализма и концентрацией производства, в роли серкера, как правило, стал выступать крупный овцевод. На объединение с ним шли, обычно, маломощные бедняцкие и середняцкие хозяйства, которые не могли самостоятельно организовать кочевку. Часть из них на определенных условиях присоединяла своих овец к отаре серкера, а сама уходила на заработки, другая становилась чабанами и за право войти в кош выполняла всю черную работу по уходу за отарой. Больше того, мелкие овцеводы за право войти в кош были обязаны обработать землю серкера. Тем самым серкер обеспечивал себе даровую рабочую силу.

Почти повсеместно сохранилась и общинная форма найма пастухов для содержания крупного рогатого скота. Как известно, крупный рогатый скот почти не участвовал в кочевке. Зимой он находился на стойловом содержании, а весной джамаат нанимал пастуха для пастьбы общинного скота. Распространенной формой содержания крупного рогатого скота была также пастьба по очереди — «ирга». В этом случае каждый член общины ходил за стадом столько дней, сколько голов его скота входило в стадо. Во многих горных аулах, где патриархальщина была наиболее живуча, каждый член джамаата выпасал общественное стадо независимо от того, сколько голов его скота находилось в стаде. В этом случае старая система явно служила новому нарождающемуся классу, обеспечивая ему даровую рабочую силу⁶³.

⁶³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 909, л. 138—147.

В дореволюционном дагестанском ауле имела также место и общинная собственность на землю, особенно на пастбищные горы. Источником кабальной эксплуатации горского крестьянства и консервации отсталых патриархально-феодальных отношений в хозяйственной жизни и в быту, источником межселенной и межнациональной розни при этом служило малоземелье. Примером может служить аул Урахи Даргинского округа. В 6—7 км от аула расположен участок «Ирау». До революции этот участок принадлежал многоземельному равнинному аулу Утамыш. Зажиточные урахинцы снимали этот участок в аренду, но самостоятельно обрабатывали лишь его небольшую часть. Остальную они сдавали в аренду своим более бедным сородичам мелкими участками и обычно исполу. Очень распространенной формой эксплуатации была также оплата в размере высева. Если учесть, что урожай в Дагестане обычно составлял сам три-четыре, это значит, что за арендованную землю платили одну треть или одну четверть всего урожая.

Особенно устойчивыми были полупатриархальные, полуфеодальные отношения в быту. Авторитарность или ответственность сородичей за преступление, кровная месть, калым, многоженство определяли повседневную жизнь дагестанского аула того времени. Во многих аулах отдельные влиятельные роды неограниченно руководили всей хозяйственной и политической жизнью общества. Особенно тяжелым было положение женщины-горянки. В случае отсутствия наследника мужского пола, после смерти главы семьи, часть собственности — движимой и недвижимой — по шариату переходила к родственникам мужа. В этом случае женская часть семьи теряла всякое право на долю и при переделе общественной земли.

Ярким выражением полупатриархальных полуфеодальных отношений являлось сословно-кастовое деление аула на лагов (рабов) и узденей (свободных общинников). Потомки бывших рабов почти повсеместно подвергались политической и экономической дискриминации. Так, по свидетельству Н. Дубровина, в селении Корода Гунибского округа каждую пятницу после службы в мечети чоуши обходили всех потомков рабов и говорили: «Помни, что ты приходишь не от узденя». Однако дело этим не ограничивалось. Как бы богаты

ни были потомки бывших рабов, обычай запрещал им резать больше трех баранов в год на все семейство, дабы они не смогли «в этом сравняться с кровными узденями»⁶⁴.

В селении Чох потомки рабов обязаны были через каждые 10 лет при разделе общественных пашен давать с каждого семейства в пользу общества по одному котлу ценою в 8—10 руб. Обычно один котел разбивали в куски, а другие продавали и на вырученные деньги устраивали угощение для членов сельского управления. В селении Мехельта потомки бывших рабов должны были раз в год на целую ночь уходить из дому. В их отсутствие приходили группы молодых узденей, которые съедали и выпивали все, что находили в доме и во дворе⁶⁵. Во многих аулах потомки бывших рабов не имели даже права на падел при распределении общинных угодий.

Мы располагаем сведениями о том, что, несмотря на официальную ликвидацию рабства в 60-х годах XIX в., факты купли-продажи рабов имелись даже накануне революции. Так, комиссия обкома партии, специально занимавшаяся обследованием классово-борьбы в нагорном Дагестане, зафиксировала так называемое «дело Айшат». Отец Айшат Ибрагим был женат на девушке из лагской семьи, которая на наследственных правах принадлежала узденю Сейпулле. Чтобы выкупить жену и двух дочерей, Ибрагим был вынужден отдать Сейпулле свой сад, баранту и дом, так как, в противном случае, по обычаю, хотя официально давно отмененному, но твердо державшемуся в аульной практике, Сейпулла мог разбить семью и «забрать свою собственность»⁶⁶. Сама Айшат, одна из дочерей Ибрагима, свидетельствовала, что за свою жизнь была дважды продана другому владельцу.

Надо отметить, что подобные факты для дореволюционного аула уже были анахронизмом, но они свидетельствуют о большой живучести и стойкости пережитков патриархальщины в быту и общественной жизни джамаата.

⁶⁴ Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, кн. 1. СПб., 1871, стр. 606.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 146—147.

5. Проникновение элементов капитализма и рост бессословного землевладения

Предшествующие разделы настоящей главы, хотя и позволяют сделать вывод о наличии полупатриархальных, полуфеодальных отношений в экономике и быту, но не могут служить основанием для заключения о безраздельном господстве этих отношений в ауле.

Присоединение Дагестана к России и проведение в крае крестьянской и административной реформ коренным образом изменили условия социально-экономического развития области. Товарно-денежные отношения стали проникать во все уголки отсталого колониального Дагестана, втягивать его в общероссийское русло экономического развития. Червь капитализма уже в середине XIX в. медленно, но неумолимо разрушал натуральное хозяйство горца. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Страна, слабо заселенная в начале пореформенного периода или заселенная горцами, стоявшими в стороне от мирового хозяйства и даже в стороне от истории, превращалась в страну нефтепромышленников, торговцев вином, фабрикантов пшеницы и табака, и господин Купон безжалостно переряживал гордого горца из его поэтического национального костюма в костюм европейского лакея»⁶⁷. Примечательно, что этот вывод Ленин делает со ссылкой на Глеба Успенского, который в своих путевых заметках, написанных весной 1883 г., с необыкновенной выразительностью изображает проникновение элементов капитализма в экономику Кавказа.

В своих записках «На Кавказе» Г. Успенский писал, в частности, что цивилизация (подразумеваемая капитализм) привезла на Кавказ «кулачишку, сделанного кое-как, на живую нитку, из мочал и рогож», но уже разнюхивающего куда и каким способом можно запустить свою лапу и покрикивающего: «Чилаэк, бутенброду подай!»⁶⁸ И этот окрик, как замечает далее Г. Успенский, приводил в трепет гордого горца, который

---

⁶⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 521.

⁶⁸ Г. И. Успенский. Собр. соч., т. 8. М., 1957, стр. 162—163.

раньше не робел перед солдатами генералов Евдокимова и Барятинского.

«Можете представить мое удивление,— писал он,— когда в горах... среди оригинальных построек, развалин, старинных замков, башен вдруг вижу: «Овощная и мелочная торговля с продажей чаю и сахара купца Белобрюкова»⁶⁹. И далее: «Я волей-неволей должен был убедиться, что Нобель и Палашковский начинают на Кавказе новую эру и суть предвестники пришествия Купона»⁷⁰.

Процесс разрушения патриархальной замкнутости еще более усилился после строительства Владикавказской железной дороги, тесно соединившей Россию с Кавказом. С 1902 по 1914 г. грузооборот на дагестанском участке железной дороги увеличился в два с лишним раза. Во столько же раз увеличился и грузооборот Петровского морского порта.

О проникновении капиталистических отношений в Дагестан говорят также данные об отвлечении населения от земледелия и привлечении его в промышленность. С 1862 по 1913 г. все население Дагестана выросло примерно на 80%, а численность только городского населения — в 7,8 раза⁷¹. Удельный вес городского населения с 2,1% в 1862 г. увеличился до 5,5% в 1899 г. и до 11% в 1913 г.⁷² За 13 предвоенных лет число городского населения выросло почти во столько же раз, во сколько оно выросло за 37 лет конца XIX в. Это был период завершения строительства Владикавказской железной дороги и начала разработки недр Дагестана. В это время начинается эксплуатация нефтяных богатств, появляется ряд предприятий по переработке сырья и др.

В начале нашего века по темпам промышленного развития Дагестан стоял на первом месте на Кавказе и значительно опережал средние темпы в целом по всей стране. Однако ни в коем случае нельзя преувеличивать значение этого факта. Дело в том, что промышленность

---

⁶⁹ Г. И. Успенский. Собр. соч., т. 8. М., 1957, стр. 162—163.

⁷⁰ Там же, стр. 165.

⁷¹ «Кавказский календарь» и Обзоры Дагестанской области за 1899 и 1913 гг.

⁷² «ЦУНХУ Госплана СССР. СССР в цифрах». М., 1935, стр. XVI, 201; «10 лет социалистического строительства в Дагестанской АССР». Махачкала, 1931, стр. 7, 39.

в Дагестане создавалась буквально на пустом месте и каждое новое даже небольшое предприятие полукустарного типа вносило заметные коррективы в сравнительные данные о темпах развития промышленности. Накануне Октябрьской социалистической революции Дагестан был отсталой, аграрной, колониальной окраиной царской России. В 1913 г. здесь на душу населения было произведено промышленной продукции в 3,9 раза меньше, чем в среднем по всей России⁷³. Удельный вес промышленности в валовой продукции всего народного хозяйства достигал лишь 17,7%⁷⁴. Для 89% населения области основным занятием являлось сельское хозяйство⁷⁵. Число постоянных рабочих на промышленных предприятиях не превышало 4 тыс. человек (три рабочих на сто душ населения) и лишь 11,2% из них составляли дагестанцы⁷⁶.

Вместе с тем надо решительно отказаться и от недооценки значения элементов нового строя в сельском хозяйстве области. Бесспорно, что фабрично-заводское производство является главным показателем степени развития капитализма, главным, но далеко не единственным. И это особенно важно помнить исследователям таких колониальных окраин, как Дагестан. Царизм намеренно тормозил промышленное развитие окраинных районов, намеренно консервировал темноту и отсталость их населения. Поэтому вплоть до Октябрьской социалистической революции здесь господствовали патриархальщина и средневековые, что особенно ярко проявлялось в земельном строе, в формах организации хозяйства, в быту, т. е. в той сфере общественной деятельности человека, которая труднее всего поддается влиянию нового и дольше всего остается во власти пережитков, во власти инерции и дедовской старины.

Однако окраины не были отгорожены от окружающего мира китайской стеной. Они находились в составе сравнительно развитой капиталистической страны. Именно поэтому было бы нелепо полагать, что элементы

⁷³ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 7, 39.

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37 р. оп. 19, д. 146, л. 84; «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 40.

⁷⁵ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 4.

⁷⁶ «10 лет социалистического строительства в Дагестанской АССР», стр. 41.

капитализма не свили себе гнезда в экономике окраинных районов. Первоначально они утвердились в такой наиболее конъюнктурной сфере экономической жизни общества, как товарообмен, затем они проникали в другие области экономики. В этой связи стоит обратить внимание на то, что уже в первой половине XIX в. сельское хозяйство Дагестана приспособивалось к российскому рынку, к нуждам растущей российской промышленности. Достаточно вспомнить такую отрасль хозяйства, как мареноводство. Известно, что добыча марены за тридцать лет середины XIX в. выросла в десять раз, несмотря на кровопролитную Кавказскую войну и крайне напряженную внутреннюю жизнь, несмотря на экономическую блокаду восставших районов Дагестана⁷⁷. Какие причины обусловили такое быстрое развитие мареноводства? Чем объяснить тот факт, что в течение сравнительно короткого промежутка времени, несмотря на исключительно неблагоприятные условия, марена превратилась в основную статью дагестанского экспорта.

Ответ на эти вопросы дает сборник «Обозрение российских владений за Кавказом»: «Торговля с Россией питает единственную их (дагестанцев.— О. Г.) промышленность — разведение марены»⁷⁸.

Известно, что до проникновения царизма в Дагестан российская текстильная промышленность потребляла главным образом голландский крап и марену. В 1836 г. было завезено 83 тыс. пудов голландской марены, а в 1840 г.—166 тыс. пудов⁷⁹. С начала 40-х годов, несмотря на дальнейшее развитие русской текстильной промышленности, импорт марены и крапа уменьшается, и в 1843 г. он составил уже всего 104 596 пудов⁸⁰. Объясняется это усилением вывоза крапа и марены с Кавказа, главным образом из Дагестана.

Только через Дербент было вывезено в 1847 г. 41 тыс., а в 1852 г.—141 тыс. пудов марены⁸¹. В качест-

⁷⁷ ЦГА ДАССР, ф. 126, оп. 2, д. 42, л. 129.

⁷⁸ «Обозрение российских владений за Кавказом», т. 4. СПб., 1936, стр. 169.

⁷⁹ М. К. Рожкова. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX в. и русская буржуазия. М.—Л., 1949, стр. 113—114.

⁸⁰ Там же, стр. 113.

⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 27, л. 38.

ве главных мест ее сбыта источники единодушно называют Астрахань, Казань, Нижний Новгород, Москву. К 60-м годам кавказская, в основном дагестанская, марена получила единодушное признание у российских фабрикантов текстиля и окончательно вытеснила импортную. Почти вся обрабатываемая земля равнинного Дагестана, особенно Южного, возделывалась под эту культуру.

В 1865 г., по сведениям Южнодагестанской таможенной заставы, только Кюринский и Кайтаго-Табасаранский округа поставили российской текстильной промышленности 299 тыс. пудов марены и 4700 пудов крапа, что составило 1825 тыс. руб. дохода в деньгах того времени. С этого времени и по 1872 г. марена ежегодно приносила указанным округам по два и более миллиона рублей дохода только от экспорта ее в центральные районы России. Марена стала вытеснять все остальные культуры. Н. А. Соколов в 1848 г. писал, что если бы не усилившаяся навигация с Астраханью и не подвоз хлеба из Кубинского уезда, то дагестанцы «при своих деньгах, вырученных от продажи марены, уподобились бы Крезу, который и при золоте своем будто бы голодал»⁸². В 1863 г. в Дербенте была открыта крупная краповая фабрика, оснащенная голландскими машинами и оборудованием, она должна была перерабатывать марену и готовить красители для российской текстильной промышленности.

Маренные плантации обрабатывались главным образом сезонниками, они поглощали тысячи выходцев из горных округов области. Только в районе Дербента на маренных плантациях ежегодно эксплуатировалось свыше шести тысяч горцев⁸³. В районах возделывания марены появилась группа крупных предпринимателей, которая путем аренды и покупки захватила всю землю, и группа обездоленной бедноты, вынужденная кормиться продажей своих рабочих рук.

Однако с изобретением искусственного химического красителя в 1869 г. мареноводство пришло в упадок. Фабрика по переработке корней марены закрылась. «Химия победила,— писал в своих путевых заметках

⁸² Газ. «Кавказ» от 13 марта 1848 г.

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 3, оп. 1, д. 27.

действительный статский советник В. Кривенко. — Смертный час мареноводства пробил. Владельцы плантаций разорились. Цена марены упала с 8—15 руб. до 30 коп. за пуд»⁸⁴. Марена, оставшаяся в земле только в Южном Дагестане и Кубинском уезде, оценивалась в 16 млн. руб.⁸⁵

Если сравнить последующий период с эпохой маренной лихорадки, то налицо спад экономической жизни, ослабление связей с общероссийским рынком. Дагестану до самой революции уже не суждено было играть такой большой роли в российской экономике, какую он играл в период расцвета мареноводства.

В 70—80-е годы XIX в. представители российской буржуазии, потерявшие интерес к марене, выжидают и присматриваются как бы повыгоднее устроить свои капиталы, а местные предприниматели долго не могут оправиться после маренного кризиса. Не последнюю роль играет в этом также отсутствие удобных путей сообщения и особенно железнодорожной связи с центральными районами страны. После завершения строительства Владикавказской железной дороги картина резко меняется.

В начале XX в. бурно развиваются рыночные связи с Центром. Растет товарность «традиционных» отраслей сельского хозяйства Дагестана: горы из года в год увеличивают поставку на общероссийский рынок животноводческой продукции, равнина — полеводческой. Вот данные, свидетельствующие об этом. По Аварскому, Гунибскому, Казикумухскому, Кюринскому и Темир-Хан-Шуринскому округам товарная продукция животноводства увеличилась с 602 549 руб. в 1902 г. до 2 143 979 рублей в 1914 г., т. е. более чем в 3,5 раза⁸⁶. Особенно быстро росла товарность животноводства в горных округах. За то же время, например, в Гунибском округе она увеличилась с 69 тыс. до 849 тыс. руб., т. е. более чем в 12 раз, в то время как в равнинном Темир-Хан-Шуринском — с 227 тыс. до 600 тыс. руб. — всего в 2,6

⁸⁴ В. С. Кривенко. По Дагестану. Путевые заметки, 1896, стр. 144—145.

⁸⁵ «Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 год». Тифлис, 1880, стр. 492.

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 4, 23, 24, 53, 55, 56, 61, 64—66, 68, 71, 84, 85, 88, 90, 100, 104, 105.

раза⁸⁷. Надо подчеркнуть, что этот рост происходил главным образом за счет продукции овцеводства. По тем же данным и за тот же период, удельный вес продукции овцеводства в товарной продукции животноводства вырос на 15—20%. А по некоторым округам и того более. Например, Гунибский округ в 1899 г. вывез за пределы области 9031 овцу и 5765 пудов шерсти, а в 1914 г.—51 тыс. овец и 14584 пуда шерсти⁸⁸. Казикумухский округ в 1902 г. поставил на внешний рынок около 6 тыс. овец и 880 пудов шерсти, а в 1914 г.—17575 овец и 9105 пудов шерсти⁸⁹. По единодушному заключению «Обзоров» и отчетов начальников округов, мясо вывозилось преимущественно в промышленные районы Закавказья и Северного Кавказа, а шерсть — в Москву и Иваново-Вознесенск, т. е. в текстильные центры, при этом в обоих случаях животновод имел дело со скупщиком или его агентом⁹⁰.

За это же время немало выросла товарная продукция и полеводства. К сожалению, точными цифрами мы не располагаем. Дело в том, что, считая Дагестан потребляющим районом, местная администрация не вела почти никакого учета товарной продукции зернового хозяйства даже по равнине, а занималась лишь определением того, сколько хлеба нужно завезти или уже завезено в отчетном году для покрытия хлебного дефицита. Однако данные о росте посевных площадей, усилении колонизации равнинных районов края без сомнения свидетельствуют о развитии торгового земледелия. Материалы свидетельствуют, что наиболее высокоразвитым был Хасавюртовский округ, входивший тогда в Терскую область. В 1913 г. этот округ поставил на рынок сельскохозяйственной продукции на 4 506 800 руб. в том числе миллион пудов муки, 2,5 млн. пудов сена, 40 тыс. пудов шерсти⁹¹.

---

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Обзор Дагестанской области; ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 85, л. 1.

⁹¹ «Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время» (составлено плановой комиссией Дагнаркомзема в 1925 г.), стр. 16.—Рукописный фонд ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР, д. 973, л. 16.

Одновременно в начале XX в. почти во всех сколько-нибудь значительных промышленных центрах страны можно было встретить и дагестанца-скупщика промтоваров: мануфактура завозилась в Дагестан преимущественно из Москвы, Лодзи, Белостока; бакалейные товары — из Ростова, Армавира, Одессы, Москвы, Баку, Астрахани; скобяные изделия — из Ростова, Одессы, Тулы, с Нижегородской ярмарки; галантерейные товары — из Москвы и Варшавы; обувь и кожа — из Москвы, Варшавы, Петербурга, Кимр, Нижегородской губернии, Таганрога, Одессы; строительные материалы — из Новороссийска, Донбасса, Астрахани, Царицына. Купца из Дагестана можно было встретить и в Ярославле. Даже простое перечисление пунктов закупки товаров свидетельствует о том, насколько широкими и разветвленными были торговые связи Дагестана с другими районами страны. Только в Хасавюртовский округ в 1913 г. было завезено промтоваров почти на 2 млн. руб. 60% этих товаров составляли мануфактура, бакалея и сельхозинвентарь⁹².

Почти в каждом округе имелось от двух до пяти населенных пунктов, где в строго определенные дни недели постоянно собирались базары и ярмарки. На эти базары приезжали купцы и скупщики из Москвы, Нижнего Новгорода, Терской области, Кубани, Ставрополя, Закавказья и т. д.

Все это свидетельствует о проникновении капиталистических отношений в сферу обращения. Накануне революции с капиталистическими отношениями мы встречаемся и в сфере производства. Наблюдается, в частности, процесс превращения рабочей силы человека в товар.

Капиталистические отношения стали подтачивать и средневековую систему землевладения. При анализе данных 1905 г. о землевладении и землепользовании мы видим, что 28,2% всей частновладельческой земли перешло к крестьянам (23,1%) и купцам (5,1%). Как свидетельствует П. В. Гидулянов, для приобретения земли уже не было «надобности принадлежать к бекскому сословию: достаточно одних денег — почему даже сам раят

---

⁹² «Экономическое положение Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время», стр. 16.

может сделаться господином своих бывших собратьев»⁹³. Об этом же говорят многочисленные документы, хранящиеся в фондах губернатора и Дагестанского областного суда⁹⁴.

Проникновение капитализма подрывало средневековую систему землевладения, превращало землю в предмет свободного товарного обращения. Уменьшался размер дворянского землевладения, росло бессословное землевладение. Особенно интенсивным был этот процесс в районах, где широкое развитие получило товарное земледелие, например, в Хасавюртовском округе. В результате реформы, в 1865 г. в собственность дворян этого округа было закреплено 186 311 десятин земли. Спустя тридцать пять лет, в 1900 г., за кумыкскими беками числилось лишь 77 173 десятины, или 41,4% земельной площади, закрепленной за ними, а 109 138 десятин (58,6%) земли перешло к новым владельцам, преимущественно к крестьянам⁹⁵.

В дальнейшем этот процесс развивался еще более бурными темпами. К 1917 г. больше половины (64,4%) дворянских земель перешло к новым владельцам, беки сохранили лишь 35,6% своей земельной собственности⁹⁶. Этот же процесс подтверждается и данными других округов.

Например, в Кайтаго-Табасаранском округе за десять предреволюционных лет удельный вес дворянского землевладения в частной земельной собственности сократился на 11,4%⁹⁷.

Однако «утечка» дворянской земельной собственности происходила не только за счет продажи земли. Нередко обремененные долгами беки вынуждены были

---

⁹³ П. В. Ги ду л я н о в. Сословно-поземельный вопрос и раятская зависимость в Дагестане.— «Этнографическое обозрение», 1901, № 2, стр. 98.

⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 1396, 139г, 168; оп. 5, д. 21, 28, 61, 81; ф. 71, оп. 2, д. 101; ф. 80, оп. 4, д. 3.

⁹⁵ Н. П. Гу л ь ч и н с к и й. Поземельная собственность и общинное землевладение на Кумыкской плоскости.— «Терский сборник», вып. 6. Владикавказ, 1903, стр. 83.

⁹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203; «Кавказский календарь на 1917 год»; Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 973, л. 11.

⁹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 3, д. 18, л. 79—93; ф. 21, оп. 4, д. 101, л. 61—203.

закладывать свои имения в земельных банках. Вот данные о задолженности частного землевладения области⁹⁸.

	На 1 января 1904 г.	На 1 января 1907 г.	На 1 января 1911 г.
Число заложенных имений	3	3	17
Размер принятой в залог земли (в дес.)	7334	7334	41 691
Стоимость заложенной земли (в тыс. руб.)	564 600	564 600	3 683 667
Сумма выданных ссуд (в тыс. руб.)	277 700	297 700	2 177 000
Остаток долга (в тыс. руб.)	277 266	295 713	2 165 933

Как видно из приведенных данных, за семь лет число заложенных имений и площадь заложенной земли выросли почти в шесть раз. О том же свидетельствуют данные и по Хасавюртовскому округу, приведенные А. С. Собривским в книге «Задолженность частного землевладения, городских недвижимых имуществ на Северном Кавказе» (см. табл. 4).

Таблица 4

**Задолженность частного землевладения
в Хасавюртовском округе***

Годы	Число задолжавших хозяйств	Количество земли, принятой в залог, дес.	Оценка заложенной земли, руб.
1894	31	78 771	790 881
1900	57	101 617	1 831 341
1903	67	108 650	2 369 290

* А. С. Собривский. Указ. соч., стр. 25.

В таблице приведены официальные данные о задолженности частных владельцев земельному банку и различным учреждениям. Однако действительность не исчерпывается этим. А. А. Собривский отмечал, что «Большое количество частновладельческих земель... заложено

⁹⁸ «Сборник статистико-экономических сведений по с/х России и некоторых иностранных государств, год первый-пятый». СПб., 1907—1912, раздел «Задолженность частного землевладения», стр. 6, 402, 558.

и иным путем, а именно в частных руках, т. е. у частных лиц и учреждений, не обязанных публичной отчетностью»⁹⁹. Многочисленные архивные материалы свидетельствуют также о том, что широко распространенным явлением в Дагестане был залог имений не только государственным учреждениям, но и частным лицам. В Дагестанском областном народном суде слушалось немало дел о неплатежеспособных должниках из беков, имения которых по суду переходили к новым владельцам, выдавшим им ссуду под залог имения¹⁰⁰.

Все эти данные свидетельствуют о разложении средневековой поземельной собственности дворянства. Наряду с дворянами, в качестве личных владельцев выступают богатые крестьяне, купцы, мещане, наконец, акционерные общества. В районах торгового земледелия, в частности в Хасавюртовском, они окончательно вытеснили средневековую собственность. Здесь утвердилась буржуазная частная собственность на землю.

Анализируя подобный процесс в европейской России конца XIX в., В. И. Ленин писал, «что развитие частной поземельной собственности в России состоит в переходе от сословности к бессословности. К концу XIX века феодальная или крепостническая земельная собственность дворянства продолжает обнимать громадное большинство всей частной поземельной собственности, но развитие идет явственно к созданию буржуазной частной собственности на землю. Убывает частное землевладение, приобретаемое по наследству от дружинников, вотчинников, служилых людей и т. п. Возрастает частное землевладение, приобретаемое просто-напросто за деньги. Убывает власть земли, растет власть денег. Земля все больше и больше втягивается в торговый оборот»¹⁰¹. Эта ленинская характеристика в определенной степени может быть применена к дагестанской действительности рассматриваемого времени.

---

⁹⁹ А. С. Собриневский. Задолженность частного землевладения городских недвижимых имуществ на Северном Кавказе.

¹⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 13, л. 14.

¹⁰¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 57.

6. Классовое расслоение дагестанского аула

Рост городов и городского населения, появление промышленных предприятий и фабрично-заводского пролетариата, развитие торгового земледелия и животноводства убедительно говорят о вторжении буржуазных отношений в повседневную жизнь, в быт дагестанского аула. Но эти явления больше связаны с развитием все-российского рынка, чем с внутренними потребностями края. В связи с этим трудно судить, особенно в начальный период этого процесса, о степени проникновения новых отношений, о месте, которое заняли эти отношения в экономике и быту края. Для объективного суждения необходимо изучить процесс появления сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих из числа мелких землевладельцев, процесс, который является основой образования внутреннего рынка и развития капиталистического производства.

Подробное изучение этого процесса — задача большого исследования. В данной работе рассматриваются лишь его основные черты. Богатейшим источником для изучения процесса образования и развития капиталистического производства служит сельскохозяйственная перепись 1917 г. Серьезным и очень ценным дополнением к этой переписи являются материалы первой переписи населения 1897 г., военно-конских переписей 1896, 1903 и 1912 гг., а также перепись сельскохозяйственных машин и орудий в европейской и азиатской России, осуществленной в 1910 г.

При анализе итогов сельскохозяйственной переписи 1917 г. надо обязательно учитывать, что перепись осуществлялась на исходе третьего года первой мировой войны, которая, как известно, нанесла сельскому хозяйству Дагестана, как и сельскому хозяйству всей страны, тяжелый урон. Экономика царской России трещала по всем швам. Тяжелый кризис охватил почти все стороны политической и хозяйственной жизни. По сравнению с 1913 г. к этому времени посевные площади в Дагестане сократились на 20,8%, поголовье лошадей — на 20,7%, крупного рогатого скота — на 5%, овец и коз — на 34,9%. Валовое производство всего сельского хозяйства в це-

лом уменьшилось почти на одну треть¹⁰². Особенно сильно отразились годы войны на сельскохозяйственной технике. Завоз новых орудий к 1917 г. почти прекратился, старые же постепенно выходили из строя. В итоге в 1917 г. усовершенствованные орудия составляли всего 51,2% от уровня 1910 г.¹⁰³ Например, плугов однолемешных и многолемешных в 1910 г. было 29 200, а в 1917 г. — всего 12 374, т. е. в два с лишним раза меньше¹⁰⁴.

В результате разрухи наблюдается обеднение всего дагестанского крестьянства, что, однако, не изменило отношений между аульной верхушкой и разоряющимся крестьянством, хотя серьезнейшим образом сказалось на удельном весе различных группировок среди крестьянского населения области.

Обратимся к данным переписи по Хасавюртовскому и Гунибскому округам. Первый округ — равнинный, с ярко выраженным земледельческим направлением хозяйства, второй — горный, животноводческий. Для характеристики экономических групп первого округа исходным моментом послужила земля, находившаяся в пользовании каждой группы, второго — скот. По общему мнению исследователей, такой выбор объектов изучения дает самые приближенные к действительности представления о процессе социального расслоения в Дагестане, о месте и роли каждой экономической группы в экономической жизни области. Рассмотрим данные по округам, сведенные, для большей наглядности, в табл. 5.

Следует заметить, что первая группа была лишена не только скота, но и в значительной степени пашни (более двух третей хозяйств этой группы не имели посева). Это была наиболее обездоленная группа крестьян, лишенная всяких средств к существованию. Не намного лучше было и положение второй группы. Правда, в ее распоряжении был скот, но речь могла идти лишь о коровенке, дающей немного молока на семью в пять-шесть душ. Эти две группы крестьян составляли наиболее обездоленную часть населения, лишенную средств к существованию. На них падало, правда, 21,3% всей пашни

¹⁰² ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, л. 146, л. 84—86 (цифры даны по Дагестану в границах 1927 г.).

¹⁰³ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 416/2, л. 131.

¹⁰⁴ Там же.

Таблица 5

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств Гунибского округа *

Группы хозяйств	Число дворов	%	Количество голов крупного рогатого скота	%	Количество овец и коз	%	Количество земли, дес.	%	Размер пашни на двор, дес.
Бесскотные хозяйства	1744	13,5	—	—	—	—	1674,3	20,9	0,27
Хозяйства без рабочего скота, но имеющие до 10 овец . .	2476	19,2	4322	14,5	757	0,6			
Хозяйства, имеющие 1 голову рабочего скота и не менее 25 голов овец	4694	36,3	10 902	36,4	34 406	26,0	1837,0	35,4	0,4
Хозяйства, имеющие 2 головы рабочего скота и от 25 до 99 голов овец	3056	23,6	9903	33,1	26 593	20,2	2387,3	29,7	0,5
Хозяйства, имеющие 3 головы рабочего скота и от 100 до 199 голов овец	840	6,5	4119	13,5	31 876	24,1	962	11,9	0,8
Хозяйства, имеющие 4 и более голов рабочего скота и от 200 и более голов овец	111	0,9	745	2,5	38 454	29,1	166,6	2,1	1,1
Итого	12 921	100,0	29 991	100,0	132 086	100,0	8027,5	100,0	0,6

* А. Г. Мелешко. Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Дагестана в конце XIX — начале XX в. М., 1957 (рукопись диссертации), Прилож. № 5. (Таблица составлена автором данной работы.)

округа, однако, не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, эти группы крестьян были вынуждены либо сдавать землю в аренду более крепким хозяйствам, либо на кабальных условиях нанимать волов и сельхозинвентарь для самостоятельной обработки своей земли.

Третья группа неспособна самостоятельно вести хозяйство, так как имеет не более одной головы рабочего скота и вынуждена либо нанимать рабочий скот, либо входить в супругу.

Таким образом, для первых трех групп населения говорить о самостоятельном хозяйстве не приходится. Это были батрацко-бедняцкие слои крестьянства, и они составляли 69% всего населения округа.

Возможность для самостоятельного хозяйствования выявляется лишь в четвертой группе, в хозяйстве которой имеются по две головы рабочего скота, несколько десятков овец и корова, иногда даже не одна. Однако и эта группа имеет минимальные условия для самостоятельного существования. Любая случайность — засуха, неурожай, падеж скота — в любой момент может разорить крестьян этой группы.

Более надежно положение пятой группы крестьян. Составляя всего 6,5% всех крестьянских хозяйств, она сосредоточила столько же крупного рогатого скота, сколько две первые группы, составлявшие почти треть населения округа, а также 24,1% поголовья овец и 11,9% всей земли. Крестьяне здесь имеют все условия для ведения самостоятельного хозяйства. Более того, как свидетельствуют материалы переписи, наиболее богатые представители этой группы, а их было большинство, выступают в роли эксплуататоров батрацко-бедняцких слоев населения. Незначительные размеры земли (0,8 дес. пашни в среднем на двор) неминуемо вели к тому, что излишек скота использовался для кабальных сделок с неимущими. Число поголовья овец у этой группы хозяйств также превышает ее внутренние возможности вести овцеводческое хозяйство самостоятельно. Часть наиболее крупных овцеводов этой группы безусловно прибегала к эксплуатации чужого труда.

Экономически самая мощная — шестая группа, хотя она и самая незначительная по численности (всего 0,9%). Естественно, что она ведет хозяйство почти исключительно

но путем эксплуатации чужого труда. Из материалов таблицы совершенно очевидно, что вследствие острого малоземелья в горах издавна существовала аграрная перенаселенность. Неимущих здесь всегда было очень много. По данным переписи 1917 г., неимущие составляли 32,7% всего населения. Если к ним прибавить еще 36,3% маломощных хозяйств, неспособных за счет своего хозяйства обеспечить свои нужды, то число обездоленных возрастет до 69%. Начавшееся классовое расслоение крестьян еще более усугубило тяжелое положение низших слоев деревни, однако далеко не этим объясняется тот факт, что 70% населения округа не было обеспечено средствами к существованию. Такое положение является следствием низкого технического и культурного уровня развития горцев, при котором они не могли взять большего у природы и в подавляющей своей массе прозябали в нищете и невежестве. Основным социально-экономическим укладом в горном Дагестане накануне революции, как свидетельствуют данные переписи, являлся мелкокрестьянский. На его долю приходится свыше двух третей всего сельскохозяйственного производства.

Об этом свидетельствует также и тот факт, что наряду с большим числом неимущих в средних слоях Гунибского округа наблюдалось примерно равное распределение средств производства. Из табл. 5 ясно видно, что удельный вес средних групп крестьянства и принадлежащего им скота и земли совпадают. Равное распределение средств производства особенно наглядно проявляется во владении крупным рогатым скотом и землей отдельными группами хозяйств.

Вместе с тем материалы таблицы позволяют выявить начавшийся процесс разложения крестьян. Две самые зажиточные группы крестьян, составляя всего 7,4% населения, сосредоточили у себя до трети всего крестьянского производства. Можно усомниться в том, что это результат классового расслоения крестьянства; следует скорее предполагать, что это свидетельство обыкновенного имущественного неравенства, сложившегося задолго до проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство. В этой связи нельзя не вспомнить указание В. И. Ленина о том, что возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса разложения крестьянства, поэтому нельзя так рез-

ко противопоставлять друг другу эти два связанные явления. Это становится очевидным, если обратить внимание на удельный вес двух верхних групп и принадлежащего им крупного рогатого скота и земли. Составляя 6,5% хозяйств, пятая группа владеет 13,5% крупного рогатого скота и 11,9% земли, шестая группа, составляя 0,9% населения, сосредоточивает у себя 2,5% крупного рогатого скота и 2,1% земли. Это в среднем 5 голов крупного рогатого скота и более одной десятины земли на двор. Очевидно, что о предпринимательском земледелии здесь говорить не приходится. Картина меняется лишь когда мы обращаемся к цифрам о поголовье овец: 7,4% хозяйств концентрируют у себя 53,2% всего поголовья овец. Особенно велика в скотоводческом хозяйстве роль последней, шестой группы, которая не достигает и одного процента ко всем обследованным хозяйствам округа, но держит у себя 29,1% поголовья овец. Налицо необычайно высокая степень концентрации одной из ведущих отраслей сельского хозяйства в руках малочисленной крестьянской верхушки. Это подтверждают также данные переписи 1917 г. по Аварскому округу. 1,1% хозяйств этого округа сосредоточили у себя 25% всего поголовья овец, в то время как 73,3% хозяйств были безовечными¹⁰⁵.

Известную роль в этом, безусловно, сыграли естественные условия. В горах, как мы уже отмечали, удобной под пашню земли очень мало. В том же Гунибском округе на 16,5 тыс. хозяйств приходилось всего около 7 тыс. дес. пашни — это 0,4 дес. в среднем на двор. Да и она, эта пашня, состояла из крохотных террасовых участков, созданных поколениями тружеников на склонах гор, по течению бурных горных рек, на выступях скал и т. д. Поэтому не было никакой возможности для распашки в горах цельных массивов пахотной земли с применением для ее обработки передовой сельскохозяйственной техники. Здесь крупное хозяйство земледельческого направления было большой редкостью. Хотя распределение земли крайне неравномерно, размеры посева все же позволяют говорить только о потребительском земледелии. Это очень рельефно прослеживается на материалах приведенной выше таблицы о распре-

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 29—48.

лении крупного рогатого скота, овец и земли в Гунибском округе. Даже самая высшая, шестая, группа хозяйства, как видно из этой таблицы, имеет в среднем на двор всего 1,1 дес. посева и всего 2,1% пашни. По сравнению с низшими, неимущими, группами это много, но совершенно недостаточно для ведения предпринимательского земледелия.

При таких обстоятельствах животноводство было наиболее выгодной сферой для приложения усилий предпринимателя, тем более, что исстари сложившаяся система отгонного скотоводства была крайне выгодна крупным скотоводам. Как известно, эта система сложилась в результате недостаточного числа зимних пастбищ в горах, из-за суровых климатических условий. Скот зимой приходилось перегонять на равнину, часто за 200—300 и более километров от родного селения. Зимние пастбища в то время арендовались в Грузии, Азербайджане и Терской области. Арендные щены на пастбища в местах отгона, по признанию местной администрации, были очень высокими. Мелкие и средние хозяйства не могли выдержать огромных затрат, связанных с перегонем скота и арендой пастбищ, разорялись и неизбежно попадали в кабалу к своим богатым землякам. С развитием рыночных отношений степень концентрации скота повышается еще более. Одновременно происходят изменения и в составе стада. Ведущее место в крупных хозяйствах постепенно переходит от разведения крупного рогатого скота к разведению овец. Как свидетельствуют итоги переписи 1917 г., удельный вес овец тем выше, чем крупнее хозяйство. Так, в низшей, второй, группе, судя по данным табл. 5, на голову крупного рогатого скота приходилась 0,18 овцы, а в верхней, пятой,— 52 головы. Отсюда очевидно, что товарное стадо овец находилось в руках крупных собственников. Изменения в составе стада и концентрация его наиболее товарной части наблюдается в этот период и в других национальных районах, в частности в Средней Азии и на Северном Кавказе. Как свидетельствует известный экономист, знаток советской деревни национальных районов страны П. Погорельский, отмеченный процесс происходил и в Киргизии. До присоединения к России стадо здесь состояло преимущественно из лошадей. С конца XIX—начала XX в. в составе стада начинает преобладать овца.

Ее удельный вес особенно высок в крупном хозяйстве, где овцы составляли 90% поголовья скота. П. Погорельский справедливо объясняет это тем, что овца к этому времени стала основной товарной единицей¹⁰⁶.

Все это свидетельствует о том, что хозяйства этой группы населения стали быстро приспосабливаться к новым отношениям. Об этом же говорят и данные о бурном росте рыночных связей овцеводческого хозяйства, особенно укрепившихся после проведения Владикавказской железной дороги, соединившей Дагестан с центральными районами страны, и установления регулярных экономических связей с другими районами России. Любопытно проследить развитие этого процесса в том же Гунибском округе.

В 1899 г., например, из округа за пределы области было вывезено животноводческой продукции на сумму в 69 614 руб. Из них 56 502 руб., или более 80%, было получено только за реализацию 9 031 овцы и 5 765 пудов овечьей шерсти. В 1906 г. было продано уже 9 668 овец и 6 949 пудов шерсти, в 1911 г.— 11 710 овец и 8 585 пудов шерсти, а в 1915 г.— 27 304 овцы и 16 414 пудов шерсти, т. е. более чем в три раза¹⁰⁷. За это же время намного увеличилась товарная продукция всего животноводства в целом. Но главной статьей вывоза по-прежнему оставалась продукция овцеводства, особенно овечья шерсть. По тем же данным, в конце XIX — начале XX в. поголовье овец в абсолютных цифрах и в пересчете на 100 душ населения имело тенденцию к сокращению. Зато товарная продукция и ее удельный вес в валовом производстве выросли в несколько раз. В конце XIX в. выход товарной шерсти составлял менее половины ко всему настригу, а в 1915 г. в Гунибском округе было настрижено 21 708 пудов, а вывезено за пределы области 16 414 пудов, т. е. примерно 75% всего настрига¹⁰⁸.

Несомненно, что такой бурный рост товарного овцеводства за такое сравнительно короткое время обусловлен дальнейшим усилением процесса концентрации поголовья овец, который в свою очередь был связан с ростом рыночных связей и ликвидацией патриархальной замкнутости деревни.

¹⁰⁶ «Революционный Восток», 1935, № 6, стр. 38—39

¹⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 4, 65, 100, 105.

¹⁰⁸ Там же.

Однако из этого не следует делать вывода, будто в овцеводческом хозяйстве горной части Дагестана утвердилось крупное капиталистическое производство. Господство патриархальной системы организации хозяйства, о которой мы говорили выше, неизбежно сопровождалось также господством и патриархальных форм эксплуатации. Например, в том же Гунибском округе 7,4% всех дворов держали у себя 53,2% всего поголовья овец и коз. Для выпаса этого поголовья нужно было минимум 350 наемных чабанов, считая, что один чабан выпасал по 200—300 овец. В то же время, к найму постоянной рабочей силы прибегали лишь 58 наиболее крупных собственников, т. е. около 7% от общего числа зажиточных хозяев. У них было занято и 109 наемных рабочих, из общего числа 119, зарегистрированных переписью в целом по округу¹⁰⁹.

Эти данные еще раз свидетельствуют о том, что несмотря на проникновение капитализма даже в самые отдаленные районы Дагестана, там еще господствовала патриархальщина. Для подавляющего большинства зажиточных дворов (93%) основной формой организации хозяйства и эксплуатации по-прежнему оставалось серкерство.

Рост крупного животноводческого хозяйства, концентрация овец в руках небольшой группы аульной верхушки не могли не сказаться и на земельном строе горского общества. Происходит уменьшение общественной пашни и увеличение общественных пастбищ. Если раньше, когда концентрация скота была не столь значительной, наиболее удобные для обработки общинные земли обычно использовались под пашню, то теперь крупные овцеводы стали выступать против подобной практики. Опираясь на многочисленных родственников, используя свое экономическое могущество, они добивались чтобы многочисленные горные участки под видом того, что для общественного скота не хватает места для выпаса, по решению джамаата объявлялись необрабатываемыми и превращались в пастбища. Этот пример лишний раз свидетельствует о том, что старые, патриархальные формы, с одной стороны, были тормозом общественного развития, разобцали крестьян, с другой —

---

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 50—82.

становились орудием новых, нарождающихся порядков, орудием закабаления бедноты.

При характеристике крестьянского хозяйства нагорного Дагестана нельзя ограничиваться материалами только Гунибского округа, так как условия хозяйствования были далеко не одинаковыми и в горах. Так, в рассмотренном нами Гунибском округе, как и во всем нагорном Дагестане, главной отраслью сельского хозяйства являлось скотоводство. Однако основным направлением скотоводческого хозяйства здесь было овцеводство, так как в округе было много летних пастбищ. В соседнем Аварском округе летних пастбищ не хватало, поэтому здесь скот летом содержали в Гунибском или Андийском округах, а зимой — в Терской области. Как свидетельствует отчет начальника округа за 1911 г., «Скотоводство, ...за неимением хороших пастбищ и скудности растительности в горах, не достигает желаемых результатов. Трав, даже при хорошем урожае, собирается настолько мало, что едва хватает на зиму для крупного рогатого скота; мелкий же скот на пастьбу обыкновенно перегоняется на лето в горы в Гунибский округ, а зимой в Темир-Хан-Шуриинский округ и Терскую область»¹¹⁰.

Следовательно, жителям Аварского округа приходилось нести двойные тяготы при аренде летних и зимних пастбищ и содержании овец во время перегона. В таком же положении находились Казикумухский и Даргинский округа, где овцеводство в связи с этим было развито сравнительно слабо. В 1913 г. на 100 душ населения в Андийском округе приходилась 391 овца, в Гунибском — 364, а в Аварском — 281, в Даргинском — 169, в Казикумухском — 225. По разному распределялось и имеющееся поголовье между различными экономическими группами крестьянства в разных округах. Вот, например, данные переписи 1917 г. по Аварскому округу¹¹¹. В округе было 7359 хозяйств. Не имели овец 5392 или 73,3% всех хозяйств. 1452 мелких хозяйства (19,7%) имели на двор не более 30 овец и сосредоточивали 23% всего поголовья. 51,8% всех овец находились в руках 5,9% мелких и средних хозяйств, имеющих от 31 до 100 овец в среднем на двор. Остальное поголовье

¹¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 53, л. 19.

¹¹¹ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 29—48.

приходилось на 87 крупных овцеводов. Данные говорят о большом имущественном неравенстве. Однако поголовье овец пока находилось в руках и мелкого и среднего собственника, хотя по логике вещей в Аварском округе степень концентрации овец должна была быть значительно выше, чем в Гунибском. Это объясняется тем, что в Аварском округе овцеводство требовало двойных расходов, так как овец круглый год держали за пределами округа. И хотя товарное стадо в значительной степени находилось у небольшой по численности аульной верхушки, но по сравнению с Гунибским округом процесс концентрации не получил здесь такого развития.

Несколько иную картину дают нам материалы переписи по землевладению. В Аварском округе, где довольно развито было садоводство, на душу населения приходилось гораздо больше пашни, чем в Гунибском. Здесь 25,7% всей пашни оказалось у крестьянской верхушки, составлявшей всего 3,2% всех хозяйств округа. В остальном картина та же: безземельных было 2,7%, а 74,3% всей пахотной земли сосредоточено у мелких производителей, составлявших 94,1% населения. Причем размеры посева у этой группы населения не превышают трех десятин. Та же картина и с распределением рабочего скота. 20% рабочего скота принадлежало тем же многоземельным. Остальные 80% приходились на долю мелких производителей.

Наконец, в Аварском округе, по сравнению с Гунибским, иначе осуществлялось распределение крупного рогатого скота между различными группами населения. По материалам переписи, из 7359 хозяйств 1368 (18,0%) вовсе не имели крупного рогатого скота, зато 35 крупных собственников, составляющих 0,5% всех хозяйств, держали 45,9% всего поголовья крупного рогатого скота (190 голов в среднем на одно хозяйство этой группы). Остальное поголовье принадлежало мелким и средним собственникам. Однако следует отметить, что крупный рогатый скот обычно мало участвовал в кочевке. Только в начале лета после зимней голодовки его угоняли иногда на отгул в горы на летние пастбища. Поэтому разведение крупного рогатого скота в округе не требовало дополнительных расходов, как овцеводство. И это сразу же сказывается на распределении стада между различными группами населения.

В Аварском округе крупный рогатый скот играл в товарной продукции животноводства значительно большую роль, чем в Гунибском. Если в последнем на долю овцеводства приходилось 75—80% всей товарной продукции животноводства, то в Аварском округе это соотношение было ниже на 20—30%, т. е. почти половина товарной массы здесь приходилась на долю крупного рогатого скота¹¹². И в этой наиболее товарной отрасли скотоводства округа наблюдалась и наибольшая степень концентрации. Однако в условиях Дагестана степень концентрации скота далеко не всегда соответствует объему вывозимой за пределы области продукции или степени развития той или иной отрасли животноводства. Например, Андийский округ по уровню развития в нем овцеводства уступал лишь одному Самурскому округу. Однако по объему вывозимой шерсти этот округ стоял на одном из последних мест. Так, в 1907 г. округ вывез всего 80 пудов шерсти¹¹³. Это объяснялось тем, что в округе было очень широко распространено выделявание андийских бурок. В связи с этим андийцы не только не вывозили шерсть, но, наоборот, даже нуждались в ее ввозе. Тоже самое можно сказать об Аварском округе, где широкое распространение получило производство войлока, Даргинском, — где шерсть шла на выделку сумахов и кавказского сукна, Самурском и Кюринском округах — исстари специализировавшихся на ковроткачестве. Подытоживая сказанное, надо заметить, что и в Аварском, и в Гунибском округах основной производительной силой оставалось мелкое патриархальное крестьянское хозяйство. Однако крупные хозяйства, не занимая сколько-нибудь значительного места, количественно играли и здесь уже видную роль в сельскохозяйственном производстве, особенно в наиболее товарных его отраслях.

На примере этих двух округов мы убедились, что направление и специализация сельского хозяйства нагорного Дагестана, и в какой-то мере даже степень развития экономических отношений, в определенном смысле зависели от местных естественных условий. Их роль была тем значительней, чем примитивнее были способ

¹¹² ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 23, 53, 55, 65, 90, 100, 105.

¹¹³ «Обзор Дагестанской области за 1907 год». Темир-Хан-Шура, 1909, стр. 18.

и техника ведения сельского хозяйства. Вместе с тем невозможно отрицать, что развитие животноводства в целом и крупного товарного стада в особенности, больше всего было связано с проникновением товарно-денежных отношений, с ростом рыночных связей.

Гораздо рельефнее эта связь выявляется на примере Самурского округа. Этот округ в избытке имел летние альпийские пастбища. Не было равных ему в Дагестане и по обеспеченности скотом. На душу населения здесь приходилось почти в два раза больше скота, чем в среднем по области. Причем 92% поголовья всего скота составляли здесь овцы и козы. Естественно, что в этой отрасли скотоводства наблюдалась и наибольшая степень концентрации. По существу, в Самурском округе мелкий производитель, как таковой, из овцеводства был вытеснен. На его долю приходилось лишь 5,1% всего поголовья овец. Остальное стадо было сосредоточено у крупных собственников, составлявших 10,6% всего населения. При этом 61,5% всего стада находилось у 2,5% наиболее крупных собственников, имевших свыше 300 овец на двор. Любопытно, что эта группа скотоводов в Аварском округе составляла всего 0,1% населения и держала у себя лишь 12,2% овец и коз¹¹⁴. Это говорит о том, что степень концентрации овец в Самурском округе была значительно выше, чем в Аварском и Гунибском округах. Об этом же свидетельствуют и другие данные. В Самурском округе не только поголовье овец, но и крупный рогатый скот уже перешел в руки эксплуататорской верхушки: 0,6% хозяйств держали у себя больше половины (53,2%) всего стада¹¹⁵. 5,1% хозяйств, составлявших верхнюю группу, сосредоточили у себя 91,9% всей земли, главным образом пастбищной. Из общей закономерности выпадают лишь данные о распределении рабочего скота. Здесь главная роль пока что остается за мелким собственником, в распоряжении которого находилось 70% всего рабочего скота.

Таким образом, при прочих примерно равных условиях в Самурском округе расслоение было более глубоким, чем в Гунибском и Аварском округах. В Самурском округе в основной отрасли хозяйства установилось без-

¹¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 188—216.

¹¹⁵ Там же.

раздельное господство крупного собственника. Процесс социального расслоения и концентрации производства в Самурском округе, конечно, обусловлен теми же причинами, что в Аварском и в Гунибском, но иные темпы его развития обуславливались бурным развитием бакинского нефтедобывающего района, с которым Самурский округ граничит. Самурский округ издавна осуществлял теснейшие экономические связи с Азербайджаном. Рабочего лезгина знали в Баку с тех пор, как добыча нефти стала представлять какой-то промышленный интерес. Уже в 1892 г. из Самурского округа на заработки ушло 6395 человек, и большинство из них ушло на бакинские нефтяные промыслы ¹¹⁶. По мере роста нефтедобывающей промышленности Азербайджана туда стали направляться представители и других народностей Дагестана. В 1915 г. дагестанцы составляли 12,3% всех рабочих бакинской нефтедобывающей промышленности ¹¹⁷. В 1913 г. из Самурского округа на заработки, главным образом в Азербайджан, ушло 23 189 человек. Это чуть ли не две трети всего трудоспособного населения округа или 24,9% всех отходников области. Таким образом, бакинский нефтедобывающий район сыграл роль катализатора в процессе раскрестьянивания в Самурском округе, да и в Дагестане в целом.

Совсем по другому обстояло дело в горных округах внутреннего Дагестана, таких как Аварский и Гунибский. Они были наиболее оторваны от внешнего мира, что при отсутствии хороших дорог и средств передвижения оказало огромное влияние на весь ход их экономического и политического развития. Архивные данные, в том числе и те, что мы приводили для иллюстрации развития товарного хозяйства в Гунибском округе, свидетельствуют, что регулярные рыночные отношения в этих округах развились сравнительно поздно. По существу появление крупного товарного хозяйства, как постоянно действующего экономического фактора, в горных округах внутреннего Дагестана относится к началу XX в. Так, в наиболее развитом округе этого района, Гунибском, в 1892 г. число хозяйств было почти на треть

¹¹⁶ «Обзор Дагестанской области за 1892 год». Темир-Хан-Шура, 1893, стр. 43.

¹¹⁷ К. А. П а ж и т н о в. Очерки по истории Бакинской нефтедобывающей промышленности. М.—Л., 1940, стр. 145.

больше, чем в Самурском, а скота и земли здесь было значительно меньше. Следовательно, житель Гунибского округа был значительно хуже обеспечен материальными благами. Несмотря на это, из Гунибского округа на заработки уходило 1746 человек, почти в четыре раза меньше, чем из Самурского¹¹⁸. Это говорит о слабости экономических связей округа, о безусловном господстве мелкого хозяйства. Оторванность от внешнего мира и нищенское хозяйство приковывали горца к родному очагу, обрекали его на полуголодное существование.

В дальнейшем, по мере того, как все более властно стали проявлять себя новые отношения, все больше и крепче становились рыночные связи, возрастало и отходничество. В 1913 г. из Гунибского округа ушло на заработки уже свыше 15 тыс. человек, т. е. почти в девять раз больше, чем в 1892 г.¹¹⁹ Однако отходничество в Гунибском, Аварском и других горных округах не достигло уровня Самурского округа.

Таким образом, как свидетельствуют итоги переписи 1917 г., в Самурском округе произошла концентрация средств производства в руках небольшой по численности аульной верхушки. Однако этот процесс не привел к ликвидации патриархально-феодальных отношений и патриархально-феодальных методов эксплуатации. Согласно той же переписи 1917 г., в Самурском округе было 535 хозяйств с поголовьем 200 и более овец в каждом. А наемных рабочих держали лишь 99 из них, или 18,5%¹²⁰. Некоторые наиболее крупные предприниматели имели по 7—10 работников. И это говорит о начавшемся процессе обуржуазивания этих хозяйств. Однако 81,5% наиболее крупных овцеводов по-прежнему вели свое хозяйство посредством организации коша. До присоединения Дагестана к России и проникновения товарно-денежных отношений эта группа состояла в основном из феодализирующейся знати. По мере роста рыночных связей она стала терять свою патриархальную замкнутость и приспособляться к рыночным отношениям, однако на первых порах она не могла еще хозяйничать иначе, как с помощью патриархально-феодальных методов эксплуатации, которые не требовали ника-

¹¹⁸ «Обзор Дагестанской области за 1892 год», стр. 43.

¹¹⁹ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 2.

¹²⁰ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 190—216.

ких затрат капитала, не нарушали экономических связей и в то же время обеспечивали даровую рабочую силу.

То же самое и в землевладении. Многие представители горской верхушки скупили тысячи десятин земли на равнине и в предгорьях. Такая концентрация земли создавала предпосылки для возникновения крупного высокоотоварного капиталистического земледельческого хозяйства. Однако горские собственники по старинке сдавали эту землю мелкими участками в аренду местным крестьянам. Надо отметить, что аналогичную картину мы наблюдали и на других колониальных окраинах царской России, стоявших на докапиталистической стадии развития. Усиление рыночных связей и рост товарного хозяйства в этих районах, в связи с проникновением российского капитализма, сопровождалось высокой степенью концентрации основных средств производства. Однако производственные отношения изменялись чрезвычайно медленно. Поэтому развитие происходило в основном в рамках патриархально-феодального уклада. В казахском кочевом ауле, например, полупатриархально-полуфеодальные методы типа суун оставались преобладающей формой эксплуатации крестьян, несмотря на концентрацию товарного стада в руках кучки баев.

Сущность суун заключалась в том, что бай давал малоскотному или бесскотному казаху во временное пользование скот. За это бедняк был обязан работать в хозяйстве бая, ухаживая за его скотом при перекочевках и т. д.¹²¹

В земледельческих районах Средней Азии наиболее распространенной формой такой эксплуатации было чайрикерство. Чайрикеры обычно сами пашни не имели и обрабатывали землю крупных собственников за определенную часть урожая. Если чайрикер не имел своего скота, он получал $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть урожая. В случае же обработки участка при помощи своего скота и своих орудий производства, ему полагалась половина урожая¹²². Конечно, эти две формы кабальной зависимости далеко не исчерпывали патриархально-феодальных методов эксплуатации трудящихся Средней Азии. В дан-

¹²¹ А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, стр. 20.

¹²² История Узбекской ССР, т. 1, кн. II. Ташкент, 1958, стр. 112—113.

ном случае мы коснулись для сравнения лишь наиболее общих и наиболее распространенных форм и методов патриархально-феодальной эксплуатации.

Подводя итоги анализу социального развития горского аула, можно констатировать, что, несмотря на резкое усиление товарного обмена и проникновение товарно-денежных отношений, производственные отношения оставались патриархально-феодальными. Это явление характерно для колоний в эпоху империализма. В экономике ведущее место занимало мелкое патриархальное крестьянское хозяйство. Вместе с тем явственно обозначился процесс возникновения двух противоположных групп населения — деревенской буржуазии и деревенского пролетариата. Но этот процесс был настолько завуалирован, настолько опутан патриархально-феодальными отношениями, что сделать какие-либо количественные разграничения внутри горского аула не представляется возможным.

* * *

Обратимся теперь к материалам переписи по равнинным земледельческим округам. В качестве примера возьмем Хасавюртовский округ. Империалистическая война особенно сказалась на экономике этого округа. Военная разруха и общий спад экономики страны нарушили торговые связи округа, оторвали его от традиционных центров снабжения и сбыта, подорвали сельскохозяйственное производство. В 1917 г. посевные площади составляли лишь 37,2% площадей 1914 г.¹²³ Почти наполовину сократилось поголовье лошадей и овец¹²⁴. Это не могло не отразиться и на показателях процесса классового расслоения: высшие группы уменьшились, низшие группы, напротив, возросли. Тем не менее материалы переписи позволяют получить достаточно определенное представление о процессе классового расслоения в округе накануне Великой Октябрьской социалистической революции.

Итоги разработки этих материалов сведены нами в табл. 6.

¹²³ «Отчет о деятельности Комиссариата земледелия за время с 1-го мая 1920 г. по 1 октября 1925 г.» — Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 1033, л. 30.

¹²⁴ Там же, стр. 43, 46, 48.

Таблица 6

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств Хасавюртовского округа *

Хозяйства	Число хозяйств	%	Количество земли		В том числе посевов		Количество земли на двор, дес.	Количество крупного рогатого скота		Количество овец и коз	
			дес.	%	дес.	%		голов	%	голов	%
Беспосевные	1438	28,1	1768	4,5	—	—	1,2	3 116	13,1	4524	8,5
С посевом до 3 дес. . .	2486	48,6	8951	23,0	3442	34,9	3,6	11 111	46,9	12 602	23,4
» от 3 до 5 дес.	766	15,0	7515	19,3	3609	26,5	5,1	4 761	20,0	6542	12,2
» от 5 до 10 дес.	254	5,0	4060	10,4	1564	15,8	7,8	2 373	10,1	9273	17,1
» свыше 10 дес.	163	3,3	16635	42,8	2236	22,8	104,0	2 304	9,9	20939	38,8
Итого	5107	100,0	38 929	100,0	9851	100,0	7,6	23 665	100,0	53 880	100,0

* ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 266—276; А. Г. Мелешко. Указ. соч. Прил. № 4 (таблица составлена мною.—О. Г.)

Материалы таблицы свидетельствуют о ярко выраженном процессе классовой дифференциации аула. Производственные возможности округа были исключительными; здесь было много пригодной для пахоты земли, достаточно пастбищ, выгонов, сенокосных участков. Однако маломощная батрацко-бедняцкая группа составляла 76,7% всех хозяйств. Удельный вес этой группы в Хасавюртовском округе на 6—7% выше, чем в Гунибском. Резко выделяются своей экономической мощью и две последние зажиточные группы крестьян. Составляя всего 8,3% населения, они сосредоточили у себя свыше половины всего сельскохозяйственного производства округа — им принадлежало 53,2% земли, 55,9% овец и 30% крупного рогатого скота. Роль средних слоев населения и их удельный вес в сельскохозяйственном производстве в округе накануне революции были очень незначительны. Они составляли 15% всего населения и держали у себя 19,3% всей земли, 20% крупного рогатого скота и 12,2% овец и коз. В Гунибском округе удельный вес средних слоев был немного выше. В том же 1917 г. группа «самостоятельных» составляла здесь 25—26% всех хозяйств и на их долю приходилось более трети всего крестьянского производства. Резко различаются между собой и две последние экономически наиболее мощные группы крестьян. В Гунибском округе группа зажиточных крестьян составляла всего 0,9% всех хозяйств и не играла сколько-нибудь серьезной роли ни в земледелии, ни в разведении крупного рогатого скота, и лишь в овцеводстве она выдвинулась на первое место; ей принадлежало 29,1% всех овец — гораздо больше, чем любой другой группе взятой отдельно. В Хасавюртовском округе удельный вес этой группы был значительнее. Составляя 3,3% населения, она сосредоточивала у себя 42,8% земли и 38,8% овец.

Раньше мы писали, что на Кумыкской равнине, главным образом в Хасавюртовском округе, до реформы почти вся земля принадлежала дворянам. В результате крестьянской реформы в 1864 г. земля была разделена между дворянами и крестьянами, и та часть, которая перешла в собственность крестьян, была закреплена за ними на правах общинной собственности с периодическими уравнительными переделами по едокам. Между тем, судя по табл. 6, накануне революции более

половины всей земельной площади оказалось в руках небольшой крестьянской верхушки. Чрезвычайно важно выяснить, каким образом это случилось. Вот что говорят нам по этому поводу материалы переписи (см. табл. 7).

Таблица 7

Удельный вес надельной, купчей и арендованной земли в крестьянских хозяйствах Хасавюртовского округа*

Хозяйства	Число хозяйств, %	Количество земли, %	В том числе, %			Приходится на двор, дес.
			надельная	купчая	арендованная	
Беспосевные	28,1	4,5	71,0	24,2	4,8	1,2
С посевом до 3 дес. посева	48,6	23,0	80,2	7,5	12,3	3,6
» от 3 до 5 дес.	15,0	19,3	62,7	21,6	15,7	5,1
» от 5 до 10 дес.	5,0	10,4	37,5	37,7	24,8	7,8
» свыше 10 дес. посева	3,3	42,8	2,5	40,3	57,2	104,0

* ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 244, 254, 266—276; А. Г. Мелешко. Указ. соч., прилож. 4 (таблица составлена мною — О. Г.).

Очевидно, что аульская верхушка вела хозяйство в основном на купчей и арендованной земле. Чем мощнее группа, тем ничтожнее роль надельной земли в ее общем землепользовании. 56,2% всей надельной земли находилось в руках двух низших групп крестьянства. 48,6% бедняцких хозяйств держали у себя 48,1% всей надельной земли. На две верхние группы крестьян приходилось 12,8% надельной земли. Вообще надельная земля распределялась более или менее пропорционально, в чем проявлялась общинная уравнительность. Как свидетельствует табл. 7, хозяйственное неравенство складывалось главным образом за счет купчей и арендованной земли, которая составляла 60,6% всего крестьянского землепользования. 68,7% этой земли (62% купчей и 74,2% арендной) приходилось на хозяйства пятой, высшей, группы. Этой группе принадлежало 6695 дес. (62%) из 10 850 дес. купчей и 9499 дес. (74,2%) из 12 842,5 дес. арендованной земли.

К сожалению, перепись не дает нам сведений о движении крестьянской земли. Но если учесть, что надель-

ная земля продолжала находиться в собственности общины, то такой высокий удельный вес высших групп в землевладении объясняется, видимо, приобретением ими в собственность дворянской земли. Об этом же свидетельствует и отмеченный нами ранее процесс роста бессословного землевладения. В Хасавюртовском округе накануне революции за дворянами оставалось 66 тыс. дес. земли из 186 тыс., полученной по реформе 1864 г. 120 тыс. дес. или 64,4% всей дворянской земли перешло к новым владельцам, преимущественно крестьянам¹²⁵. При этом, конечно, не следует забывать, что сельская буржуазия всевозможными путями захватывала и крестьянскую землю. Чаше это происходило в связи с неравномерным распределением рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Как показывают материалы переписи, на каждое хозяйство первой группы приходилось всего 0,6 головы рабочего скота¹²⁶. Это значит, что почти половина (42,8%) хозяйств этой группы вообще не имела рабочего скота, а остальные имели не более одной головы. Во второй группе обеспеченность скотом также недостаточна — здесь на каждое хозяйство приходится 1,3 головы рабочего скота. Естественно, что для самостоятельной обработки до трех десятин пашни, имевшейся у этой группы, необходим был либо наем рабочего скота, либо супруга. Обычно в этой группе практиковалась сдача пашни в аренду более мощным хозяйствам. В третьей группе на каждое хозяйство приходилось около двух голов рабочего скота и она имела возможность обрабатывать свой посев собственным скотом. В четвертой группе в среднем приходилось по 3 головы рабочего скота и это также было достаточно для обработки 7,8 дес. пашни. Излишек рабочего скота отмечается лишь в пятой группе. Но если учесть размеры землевладения этой группы, то станет ясно, что и здесь этот излишек имел лишь одну видимость, так как на хозяйство, при среднем количестве всей земли в 104 десятины и 14 десятинах пашни, приходилось всего 5,3 головы рабочего скота. Эти цифры

¹²⁵ Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время. (Справка составлена Плановой комиссией Дагнаркомзема в 1925 г.) — Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 973, л. 11.

¹²⁶ Рабочий скот дан в переводе на лошадь. Лошадь принята за единицу, вол и буйвол за 0,75.

определенно говорят о том, что в Хасавюртовском округе сдача в наем рабочего скота объективно не могла получить сколько-нибудь широкого развития. Диспропорция в землевладении и владении скотом ликвидировалась главным образом путем сдачи в аренду земли. Об этом и свидетельствует приведенная таблица. В высшей, пятой, группе арендованная земля составляла 74,2% всей земельной площади, находящейся в ее пользовании. Конечно, это не означает, что высшие группы крестьян вовсе не прибегали к сдаче земли в аренду. Путем скупки и аренды, создав значительный земельный фонд, богачи затем на кабальных условиях, мелкими участками, «в розницу», сдавали ее своим нуждающимся соседям. Налицо феодальный метод эксплуатации мелких производителей. Однако сдавали землю в аренду всего 8,0% хозяйств высшей группы, а сданная площадь составляла примерно одну десятую часть всей земли, которой пользовалась эта группа. Более того, размеры участков, сдаваемых в аренду высшими группами, свидетельствуют о том, что в ряде других случаев аренда земли не носила средневекового характера. Например, в четвертой группе средний размер сдаваемого участка составлял 34 дес., а в пятой — 131 дес. Очевидно, что мелкий производитель не мог арендовать такие большие участки. Следовательно, в данном случае речь идет о предпринимательской аренде. Все это говорит за то, что высшая группа предпочитала сама вести свое хозяйство и состояла из крупных предпринимателей, занимающихся высокотоварным земледелием.

О том же свидетельствуют и данные о распределении между группами сельскохозяйственной техники. Безинвентарные в округе составляли 42,9% всех хозяйств и 98,5% из них приходилось на первые три группы. В первой группе не имели сельскохозяйственного инвентаря 83,6% всех хозяйств, во второй — 36,6%. 94,1% всех безинвентарных составляли именно эти две низшие группы. Зато двум высшим группам принадлежали 30,2% однолемешных плугов, 81% многолемешных плугов, все сеялки, 77,6% всех жнеек, 10 молотилок (из 24), 70 веялок (из 89), 129 косилок (из 327) и т. д. Особенно много усовершенствованного инвентаря было у пятой группы хозяйств. Ей принадлежало около 60% всех многолемешных плугов, 4 сеялки из 5, имевшихся

в собственности обследованных хозяйств, 57 жнеек из 103, 46 веялок из 89 и другой инвентарь¹²⁷. Налицо в высшей степени неравномерное распределение сельскохозяйственной техники.

Таким образом, свыше половины всех хозяйств округа либо вовсе не были обеспечены средствами для ведения сельскохозяйственного производства, либо были обеспечены совершенно недостаточно. Зато небольшая крестьянская верхушка сосредоточивала у себя более трети всего рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Беднота была вынуждена сдавать богатыям и уравнительно полученную ею при общинном переделе землю. Бессилием «какой угодно уравнительности перед развивающимся капитализмом» назвал В. И. Ленин подобные же явления в России¹²⁸.

О капиталистическом характере крестьянской аренды в округе говорят многочисленные документы. Вот что сообщал, например, 25 июля 1912 г. чиновник переселенческого Управления И. В. Нестеренко, специально занимавшийся вопросом о характере аренды в Хасавюртовском округе, Кавказскому отделению крестьянского поземельного банка: «За три последние года в районе слободы Хасавюрта и линии железной дороги почти совершенно прекратилась издольная сдача земель в аренду и перешла в денежную. Издольный съем встречается среди туземцев случайно...»¹²⁹.

В документах Департамента государственного казначейства также неоднократно отмечается, что в начале XX в. в Хасавюртовском округе господствовала денежная аренда на год под урожай хлеба. Аренда одной десятины на таких условиях колебалась от 2 до 5 рублей. Зимой же земля сдавалась под выпас скота. В этом случае арендная цена составляла 50 коп. за десятину¹³⁰.

Под влиянием интенсивного развития капиталистических отношений стала перестраивать свое хозяйство и часть привилегированной верхушки. Из сообщений того же департамента явствует о распространении среди

---

¹²⁷ А. Г. Мелешко. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября.— «Ученые записки Института ИЯЛ», т. IV. Махачкала, 1958, стр. 46.

¹²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 83.

¹²⁹ ЦГИАЛ, ф. 592, оп. 33, д. 2093, л. 4—5.

¹³⁰ Там же, д. 2104, л. 5.

кумыкских князей «аренды за деньги под урожай одного года»¹³¹.

«Такое явление, как сдача крестьянами надельной земли,— говорил В. И. Ленин,— еще более наглядно показывает капиталистические отношения внутри общины, разорение бедноты и обогащение меньшинства на счет этой разоряющейся массы»¹³². То же самое можно сказать и относительно купчей земли, с той лишь разницей, что аренда ее носила на себе еще печать средневековья. В этом случае кабальная аренда служила способом прикрепления обнищавших общинников к помещицкому хозяйству. «Покупка же земли в частную собственность надельными крестьянами,— как отмечает В. И. Ленин,— представляет из себя чисто буржуазное явление»¹³³.

Еще одна чрезвычайно важная деталь. Из табл. 6 следует, что в таком развитом земледельческом округе, как Хасавюртовский, исключительно высокой степени концентрации достигло и овцеводство. У двух высших групп крестьян, составлявших 8,3% населения, было сосредоточено 55,9% всех овец (38,8% у пятой группы и 17,1% у четвертой). Степень концентрации здесь, таким образом, намного выше, чем в таком чисто животноводческом округе, как Гунибский, где, как мы уже отмечали, высшей группе принадлежало 29,1% овец, а всего в руках двух зажиточных групп находилось 53,2% поголовья. Одной из главных причин чрезвычайно неравномерного распределения овец среди экономических групп населения Гунибского округа мы считали отгонную систему содержания скота, неизбежно ведущую к разорению мелкого овцеводческого хозяйства. В Хасавюртовском же округе овец круглый год содержали внутри округа. Поэтому и причины такой высокой степени концентрации овец здесь были другие. Если в Гунибском округе бедняк был вынужден «расстаться» с овцой из-за разорительных для него издержек во время перегона с летних на зимние пастбища и обратно, то в Хасавюртовском округе это происходило потому, что у него не было участка земли для выпаса овец внутри округа.

¹³¹ ЦГИАЛ, ф. 592, оп. 33, д. 2105, л. 5.

¹³² В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 83.

¹³³ Там же, стр. 85.

Не мог он соперничать с богачами и в аренде пастбищ. Крупные горские и местные овцеводы, как правило, «оптом» арендовывали пастбища на весь сезон, и мелкий собственник даже и думать не мог о конкуренции с ними. Однако главная причина высокой концентрации поголовья здесь заключалась в разорении мелкого производителя и развитии крупного высокоотоварного капиталистического производства, с одной стороны, и превращении овцы в основной вид товарного скота — с другой. Хасавюртовский округ уже не знал ни патриархально-феодальной системы организации овцеводческого хозяйства, ни полупатриархально-полуфеодальных методов эксплуатации крестьян. Крупный собственник выпасал своих овец с помощью наемных пастухов.

Из всего сказанного следует один вывод: накануне Великой Октябрьской социалистической революции в Хасавюртовском округе капиталистические отношения безусловно стали доминировать. Однако ни в коем случае нельзя этот вывод механически переносить на все равнинные районы области. Во-первых, Хасавюртовский округ уже в XVII в. испытывал на себе сильное влияние крепостной России и в своем развитии значительно опередил остальные районы Дагестана; во-вторых, здесь, как уже отмечалось, с наибольшей последовательностью была осуществлена крестьянская реформа. Если в остальных районах Дагестана реформа освободила от феодальной зависимости в основном лишь ту часть крестьян, которая находилась в зависимости от ханов, как носителей государственной власти, и совсем не коснулась отношений между беками и раятами, то здесь были ликвидированы и зависимые отношения от беков, и крестьяне были наделены землей без выкупа. В-третьих, железная дорога прошла по территории округа до Петровска задолго до того, как она была продолжена до Баку, что укрепило экономические связи округа с промышленным севером. Эти обстоятельства и предопределили уровень социально-экономического развития округа. Исключительно большую роль в экономике округа сыграло наличие здесь обширных просторов плодородной, но не освоенной земли. Как только железная дорога соединила Хасавюртовский округ с севером, сюда хлынул поток колонистов. Уже в 1914 г. переселенцы составляли здесь 25,3% населения округа (из них 19,1%

русских и 6,2% немцев)¹³⁴. Через колонистов в округ стали проникать новейшие орудия производства, более совершенные формы организации хозяйства, стала повышаться культура земледелия. Достаточно сказать, что в Хасавюртовском округе во время переписи сельскохозяйственных машин и орудий в 1910 г. не была зарегистрирована ни одна соха или косуля¹³⁵. Усовершенствованная техника совершенно вытеснила эти примитивные орудия труда.

По-иному сложились судьбы других равнинных районов Дагестана. Реформа не была здесь доведена до конца и вплоть до 1913 г. официально сохранялись феодально-зависимые отношения. Железная дорога на территории области из-за сопротивления бюрократических верхов была сдана в эксплуатацию лишь в самом конце XIX в. Да и свободных земель в этой части Прикаспийской низменности было не так уже много. Эти обстоятельства не могли не затормозить развитие здесь капиталистических отношений в сельском хозяйстве. Равнинные районы Дагестана в своем социально-экономическом развитии несколько опережали горные районы области, но значительно отставали от Хасавюртовского округа. Об этом свидетельствуют и материалы переписи.

Для иллюстрации возьмем итоги переписи 1917 года по Южно-Табасаранскому наместству Кюринского округа.

Из табл. 8 видно, что в Южно-Табасаранском наместстве две трети всего сельскохозяйственного производства находилось в руках мелкого крестьянства. Составляя примерно 80% всех крестьянских хозяйств, мелкие производители держали у себя 70% пашни, 78,7% крупного рогатого скота и 52,5% овец и коз. Вместе с тем таблица говорит и о процессе концентрации производства у сравнительно небольшой группы зажиточных хозяйств. Две высшие группы, составлявшие 8,1% населения, сосредоточили у себя 30% пашни, 18,9% крупного рогатого скота и 46,8% овец. В этом отношении особенно выделяется последняя, пятая, группа, которая намного превосходит все остальные по обеспеченности землей и скотом.

¹³⁴ «Экономическое состояние Хасавюртовского округа в довоенное и настоящее время», л. 3.

¹³⁵ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 году». СПб., 1913.

Распределение земли и скота среди крестьянских хозяйств Южнотабасаранского наибства Кюринского округа *

Хозяйства	Число дворов	%	Пашня		Количество земли на двор, дес.	Крупный рогатый скот		Приходилось на двор голов скота	Овцы и козы		Приходилось на двор голов овец и коз
			дес.	%		голов	%		голов	%	
Беспосевные	362	10,2	—	—	—	300	2,4	0,8	262	0,7	0,7
С посевом до 3 дес.	2310	66,0	3097,50	41,9	1,34	7013	56,1	3,0	9852	26,8	4,2
» от 3 до 5 дес.	556	15,7	2079,50	28,1	3,74	2826	22,6	5,0	9116	25,7	16,4
» от 5 до 10 дес.	238	6,7	1281,10	17,4	5,38	1661	13,3	7,0	7552	21,2	31,6
» свыше 10 дес.	51	1,4	922,65	12,6	18,09	733	5,6	14,4	9090	25,6	178,4
Итого	3517	100,0	7380,75	100,0	2,09	12 533	100,0	3,5	35 372	100,0	10,1

* ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, дд. 168—169, 172—173, 175—178, 180, 181, 183, 184. А. Г. Мелешко. Рукопись диссертации. Прилож. № 3. (Таблица составлена автором настоящей работы.)

Однако в Южно-Табасаранском наибстве степень концентрации производства в руках небольшой крестьянской верхушки, а также рост крупного хозяйства, основанного на эксплуатации чужого труда, значительно ниже, чем в Хасавюртовском округе. О причинах этого было сказано выше.

Рассмотрев материалы переписи 1917 г., можно сделать заключение, что не только между двумя географическими зонами — горной и равнинной, — но и внутри этих зон процесс классового деления крестьянства имел существенные различия.

В таких округах, как Гунибский, Аварский, а также и в Южно-Табасаранском наибстве, несмотря на начавшийся процесс разложения крестьян, основной производительной силой оставалось мелкое патриархальное крестьянское хозяйство. На долю мелкого производителя приходилось здесь примерно две трети всего сельскохозяйственного производства.

В Самурском и особенно Хасавюртовском округах накануне революции главную роль уже играло крупное эксплуататорское хозяйство. В его руках находилось значительно больше половины всего крестьянского производства.

Неравномерность процесса классового расслоения определила и разницу в удельном весе одних и тех же экономических групп в различных районах. Например, высшая группа в Гунибском и Аварском округах и Южно-Табасаранском наибстве, по материалам переписи, составляла примерно 2% всех хозяйств, а в Самурском и Хасавюртовском — 5—8%. Средних хозяйств, наоборот, было больше в первой группе районов. Однако цифровая разница между ними была наименее значительной. Гораздо больше отличий было в их социальной природе. Если в Хасавюртовском округе капиталистические отношения в сельском хозяйстве восторжествовали и социальные группы выступают в наиболее «оформившемся» виде, то в других округах, особенно горных, буржуазные отношения сделали лишь первые шаги и развивались под оболочкой патриархально-феодалного уклада. В первую очередь это касается крупного производства. В Хасавюртовском округе на базе классовой дифференциации и раскрестьянивания поляризация социальных групп и концентрация всех видов средств

производства достигли высокой степени. Горные округа и многие районы равнины были еще далеки от этого. Под влиянием российского капитализма здесь безусловно шел процесс интенсивного разорения мелкого производителя. Однако мелкое патриархальное крестьянство продолжало сохранять ведущее положение в экономике. Крупное хозяйство заняло доминирующее положение лишь в одной наиболее товарной отрасли горского хозяйства — овцеводстве. Однако и в этой отрасли преобладала патриархально-феодалная система — серкертство. Горская верхушка представляла собой по существу патриархально-феодалную знать, которая активно вступила в рыночные отношения.

Вместе с тем для этих двух районов характерны и общие черты: многочисленность обездоленных групп и сравнительная малочисленность экономически мощных групп, при высокой степени концентрации средств производства у последних. Констатируя этот факт, надо помнить о последствиях военной разрухи. Нам уже приходилось отмечать, что в результате первой империалистической войны сельское хозяйство Дагестана пришло в упадок: в 1917 г. по сравнению с 1913 г. площадь посевов сократилась до 79,2%, а численность скота — почти на 30%¹³⁶. Вследствие разрухи на транспорте и предельного сужения рынка особенно сильно пострадали наиболее продуктивные и наиболее товарные отрасли сельского хозяйства. Например, поголовье овец уменьшилось на 34,9%, т. е. более, чем на треть¹³⁷, а в таких производящих районах, как Хасавюртовский, сельское хозяйство пришло в полное расстройство: сельскохозяйственное производство уменьшилось здесь более чем на половину¹³⁸. Конечно, разруха прежде всего отразилась на крестьянских низах, но она не могла не сказаться и на аульных верхах. Поэтому, надо полагать, что до первой мировой войны, удельный вес различных социальных групп был здесь несколько иным — меньше было представителей низших и больше — представителей высших, эксплуататорских групп. К сожалению, у нас нет материалов о расслоении крестьян за эти годы, но мы

¹³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84—86.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ «Отчет о деятельности комиссариата земледелия с 1-го мая 1920 г. по 1 ноября 1925 г.— Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1033, л. 30.

располагаем данными, относящимися к 1917 г., которые в какой-то мере могут служить основой для суждения и о более раннем периоде. Это данные о распределении рабочего скота. Дело в том, что численность крупного рогатого скота, в том числе и рабочего, за четыре военных года не претерпела особенных изменений. Нам уже приходилось отмечать, что по отношению к 1913 г. крупный рогатый скот на территории Дагестана, в его нынешних границах, сократился всего на 5%, а если взять Дагестан в границах 1917 г., то мы должны отметить, что общее число лошадей и крупного рогатого скота по сравнению с 1913 г. даже несколько увеличилось. Поэтому годы войны не должны были сильно отразиться на владении рабочим скотом. Более правомерно сомнение в том, насколько верно отобразят действительность данные о социальных группировках по владению рабочим скотом, ведь в неземледельческих районах рабочий скот играл далеко не ведущую роль в формировании экономической мощи хозяйства. Однако в этом отношении у нас нет выбора.

Что касается равнины, то известно, что она играет решающую роль в полеводстве, а рабочий скот для полеводства имеет основное значение. Как правило, размеры посева находятся в прямой зависимости от количества рабочего скота у двора. Иллюстрацией к этой мысли могут служить данные переписи по аулу Бейсей, Ачикулакского округа (см. табл. 9)

Таблица 9
Размеры посевных площадей и количество рабочего скота
по аулу Бейсей *

Группы хозяйств	Число хозяйств, %	Количество пашни у группы, %	Количество посева на двор, га
Без рабочего скота	25,0	1,4	0,5
Имеющие до 2 голов	41,1	17,8	4,1
» до 3 голов	19,7	35,1	16,6
» до 4 и более голов	14,2	54,7	29,2
Итого	100,0	100,0	9,2

* «Плановое хозяйство Дагестана». Махачкала, 1929, № 2—3, стр. 118.

Чем больше рабочее поголовье, тем больше посевов. По существу сельскохозяйственное производство сосредоточено в руках 14,2% зажиточных хозяйств. Из этого следует, что наличие рабочего скота является наиболее достоверным показателем хозяйственной мощи той или иной зажиточной группы, а также и свидетельством степени классового расслоения равнинного аула.

Обратимся теперь к данным о распределении рабочего скота между экономическими группировками на территории всего Дагестана в нынешних его границах. Материалы эти выборочные и извлечены они из сельскохозяйственной переписи 1917 г. комиссией Обкома КПСС по изучению социального строя в дагестанском ауле в переходный период. Согласно этим материалам, в 1917 г. не имели рабочего скота 34,4% всех хозяйств; хозяйств, имеющих одну голову рабочего скота, было 11,7%, две — 34,6%, три и четыре головы рабочего скота — 12,5% всех хозяйств, а больше четырех — 6,8% хозяйств^{139—140}. Эти данные дают нам несколько иное представление о классовой структуре дагестанского дореволюционного аула, об удельном весе той или иной социальной группы населения, нежели те, что приводились выше. Первые две группы крестьян, составлявшие 46,1% всех хозяйств, — это маломощные бедняцкие хозяйства. К ним можно отнести и часть хозяйств третьей группы, особенно проживающих на равнине. Если в горах и предгорье хозяин, имевший двух быков, вполне самостоятельно мог обработать свой участок, то в ряде районов равнины для обработки земли в ярмо нередко приходилось впрягать две пары рабочих волов. Следовательно, к низшей батрацко-бедняцкой группе можно отнести еще минимум 9,7% всех хозяйств. Вместе с ними батрацко-бедняцкая группа составляла примерно 55,8% всего населения области. Если объединить оставшиеся в третьей группе 24,9% хозяйств с четвертой группой, то самостоятельные по владению рабочим скотом составят около 37,4% всех хозяйств, а крупные зажиточные — 6,8%. Эти же материалы о распределении рабочего скота дают возможность уточнить и соотношение социальных групп в различных зонах. Особенно важно, что они позволяют более точно установить удельный вес высшей, эксплуа-

---

^{139—140} Партархив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 155.

таторской группы на равнине и в горах. Так, на равнине дворов, имеющих от четырех до восьми голов рабочего скота, в 1917 г. было 11,4%, а свыше восьми голов — 6,4%. Таким образом, если в среднем по Дагестану свыше четырех голов рабочего скота имели 6,8% дворов, то на равнине их число было почти в три раза больше и составляло 17,8%. Совсем иное положение наблюдалось в горных и предгорных районах. Здесь имеющих свыше четырех голов рабочего скота было 4,5% от числа всех дворов — в четыре раза меньше, чем на равнине.

Нам уже приходилось отмечать, что накануне Великой Октябрьской социалистической революции в распределении орудий и средств производства между различными социальными группами населения существовала огромная разница. Выборочные данные переписи 1917 г. свидетельствуют о том, что на территории тогдашнего Дагестана 8,7% всех крестьянских хозяйств совершенно не были обеспечены землей, а 3,2% мощных многоземельных хозяйств держали у себя 21,7% всех посевов; 78,3% всех хозяйств были безлошадными, а 2,4% дворов сосредоточили 30,7% всех лошадей; в то время как из каждых 100 хозяйств 34 с лишним не имели рабочего скота, в собственности у 6,8% дворов находилось свыше трети всех рабочих волов, и, наконец, в то время как до 80% хозяйств были безовечными, 2,9% дворов держали 58,7% всего поголовья овец.

За счет каких групп, каких слоев населения происходила такая концентрация средств производства на одном полюсе и постоянное увеличение обездоленных на другом?

Чтобы ответить на этот вопрос, сравним выборочные данные двух переписей, 1886 и 1917 гг., о владении крупным рогатым скотом и овцами по одним и тем же аулам и округам. Итоги перегруппировки крестьянских хозяйств за этот период по владению рогатым скотом представлены в табл. 10 (см. стр. 98).

Таблица свидетельствует, что увеличилась только одна группа, не имевшая крупного рогатого скота. Произошло это за счет уменьшения численности остальных групп. Число безовечных за 30 предреволюционных лет увеличилось на 11%, остальные группы уменьшились. Особенно сильно уменьшилась самая имущая группа, имевшая в среднем на двор свыше ста овец.

Изменения в группировке крестьянских хозяйств
по количеству рогатого скота в 1886—1917 гг., в % *

Группы хозяйств	Число дворов в группе	
	1886 г.	1917 г.
Без крупного рогатого скота	11,0	29,0
Имеющие до 6 голов	79,0	67,0
» 7—12 голов	9,0	3,0
» свыше 12 голов	1,0	0,4

* Партархив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 152.

В 1886 г. она составляла 3% хозяйств, а в 1917 г.—0,8% ¹⁴¹. Ту же картину рисуют материалы этих двух переписей и по Кюринскому и по Хасавюртовскому округам ¹⁴². Приведем наиболее полную таблицу по уже знакомому нам Южно-Табасаранскому наместству Кюринского округа, составленную А. Г. Мелешко (см. табл. 11).

Таблица 11

Изменения в группировке крестьянских хозяйств
по количеству пашни и скота в Южно-Табасаранском наместстве
Кюринского округа в 1886—1917 гг.

Социальные группы	Годы	Приходится на двор			
		пашни, дес.	крупного рогатого скота, голов	лоша- дей, голов	овец и коз, голов
Беднота (I и II группы)	1886	1,2	2,5	0,1	4,5
	1917	1,15	2,7	0,1	13,5
Средняки (III и IV группы)	1886	5,0	5,8	0,5	23,0
	1917	4,2	5,5	0,6	19,8
Зажиточные и кулаки (V группа)	1886	15,3	13,5	3,4	118,0
	1917	16,0	13,6	4,7	164,0

* А. Г. Мелешко. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября. «Ученые записки Института ИЯЛ», т. IV. Махачкала, 1958, стр. 38.

¹⁴¹ Партархив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 155.

¹⁴² А. Г. Мелешко. Расслоение крестьянства в Дагестанском ауле накануне Октября, стр. 38, 51, 55.

Процент беспосевных в наибстве увеличился с 8,6% в 1886 г. до 10% в 1917 г., а малопосевных — с 47% до 66%. Еще более разительные перемены произошли в Хасавюртовском округе. Число безземельных хозяйств выросло здесь с 9,8% в 1886 г. до 19,7% в 1917 г.¹⁴³

Исходя из этих данных, А. Г. Мелешко пришла к заключению, что «в течение всего исследуемого времени», т. е. 30-ти лет, прошедших после переписи 1886 г., в Дагестане шел процесс обнищания крестьянских масс. Она пишет: «Процесс расслоения шел здесь в одну сторону, в сторону увеличения низших групп за счет резкого сокращения высшей и средних групп. Это был процесс обнищания всего крестьянства»¹⁴⁴. А. Г. Мелешко принадлежит наиболее полная и последовательная разработка материалов переписей 1886 и 1917 гг. Однако надо отметить, что ее вывод никак не соответствует ни приведенным ею же данным, ни, тем более, объективному экономическому процессу, протекавшему в течение тридцати предреволюционных лет. Позволим себе на какое-то время согласиться с заключением А. Г. Мелешко, будто процесс расслоения шел в одну сторону, т. е. в сторону увеличения низших групп, и с ее определением, будто это был процесс пауперизации, обнищания *всего крестьянства* (курсив мой.— О. Г.) -- процесс нивелировки нищеты. Сразу же возникает целый ряд серьезнейших вопросов: в чем тогда проявлялось прогрессивное значение присоединения Дагестана к России, где влияние более передового способа производства на развитие производительных сил области, в чем заключалась прогрессивная миссия капитализма, особенно на отсталых колониальных окраинах, о которой неоднократно говорил В. И. Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» и т. д.

Очевидно, что с выводом А. Г. Мелешко согласиться нельзя. Во-первых, А. Г. Мелешко почему-то совершенно не учла того, что перепись 1917 г. проводилась в самый разгар разрухи военного времени, в результате которой, как мы уже отмечали, сельскохозяйствен-

---

¹⁴³ Данные за 1886 г. взяты из Рукописного фонда ИИЯЛ АН СССР, д. 1994; за 1917 г. — из ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, ф. 59, д. 244, 254, 265—276.

¹⁴⁴ Там же, стр. 38.

ное производство в Дагестане сократилось более чем на треть, во-вторых, она почему-то количественное уменьшение той или иной группы выдала за абсолютное обнищание всего крестьянства в целом. Между тем нам уже приходилось отмечать, что несмотря на общее обеднение, пауперизацию крестьян и значительное уменьшение верхних групп в результате войны, отношения между крайними группами совсем не изменились. Больше того, данные А. Г. Мелешко по Южно-Табасаранскому участку свидетельствуют, что у высшей, пятой, группы наблюдалось даже приращение богатств по сравнению с 1886 г., несмотря на ее численное уменьшение. Это особенно заметно в наиболее товарной отрасли сельского хозяйства — овцеводстве. Как видно из таблицы, приведенной выше, в 1886 г. высшая, эксплуататорская, группа имела в среднем на хозяйство 118 овец, а в 1917 г. — 164 овцы. Аналогичное положение наблюдалось и в других районах: высшая группа в годы первой мировой войны, уменьшаясь численно, значительно увеличила средний уровень экономической мощи своего хозяйства, особенно в овцеводстве. Однако это не означает, что процесс развивался только в одну эту сторону. При анализе материалов переписи 1917 г. мы встречаемся не только с концентрацией производства и ростом низших групп, но и с численным ростом верхней группы. Об этом говорят, например, сравнительные данные переписей 1886 и 1917 гг. по Верхне-Дженгутаевскому наибству Темир-Хан-Шуринского округа. Так, в 1886 г. в указанном наибстве было 82,9% безовечных хозяйств, а в 1917 г. — уже 92,4%; имевших свыше 100 овец в 1886 г. было 1,6%, а в 1917 г. — 2%. Особенно сильно возрос за этот период удельный вес высшей группы владельцев овец. Если в 1886 г. в ее собственности находилось 32,4% всей отары, то в 1917 г. эта цифра выросла до 55%¹⁴⁵.

И все это в условиях жестокой военной разрухи, когда сельскохозяйственное производство упало на треть, а поголовье овец сократилось на 34,9% по сравнению с 1913 г. Следовательно, речь может идти не об обнищании всего крестьянства в целом, а об обнищании и

¹⁴⁵ А. Г. Мелешко. Указ. рукопись диссертации, стр. 209.

науперизации трудящихся крестьян, с одной стороны, и о дальнейшей концентрации производства, с другой. К такому заключению мы пришли в результате сравнения материалов переписей 1886 и 1917 гг. (1917 г. далеко не характерный для всего периода развития после переписи 1886 г.). Материалы этого года в основном верно отражают лишь отношения, складывавшиеся между крайними группами в результате расслоения крестьян, но они, как мы убедились, не могут дать сколько-нибудь достоверного представления о развитии самого процесса классового деления и его характерных чертах на том или ином этапе. Для этого итоги переписи 1886 г. необходимо сравнить с материалами довоенного времени, в данном случае с материалами военно-конских переписей 1896, 1903 и 1912 гг.—единственным источником, позволяющим разрешить поставленные задачи. Вместе с тем нужно отметить, что лошадь в качестве рабочего скота в Дагестане почти не

Таблица 12

**Количество лошадей у различных групп крестьянства
в Хасавюртовском округе ***

Группа хозяйств	Годы	Хозяйства		Количество лошадей	
		число	%	голов	%
Безлошадные	1886	7487	75,0	—	—
	1912	7823	68,9	—	—
С 1 лошадью	1886	1787	17,9	1787	43,3
	1912	1126	9,8	1126	11,3
С 2 лошадьми	1886	458	4,6	944	22,9
	1912	1130	9,9	2260	22,7
С 3 лошадьми	1886	114	1,1	342	8,3
	1912	495	4,4	1485	14,5
С 4 и более лошадьми	1886	126	1,4	1056	25,4
	1912	791	7,0	5102	51,1
Итого	1886	9972	100,0	4129	100,0
	1912	11 365	100,0	9973	100,0

* Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1994; «Военно-конская перепись 1912 г.» СПб, 1914, стр. 18, 160 (таблица составлена мною — О. Г.)

использовалась. Она не имела и большого товарного значения. Исключением в этом отношении были Хасавюртовский и частично Темир-Хан-Шуринский округа. Поэтому ограничимся сравнением данных за 1886 и 1912 гг. по этим земледельческим округам, тем более, что свой вывод о всеобщем обнищании крестьян А. Г. Мелешко обосновывает также на материалах переписей 1886 и 1917 гг. по Хасавюртовскому округу. Для большей наглядности мы сгруппировали эти данные (см. табл. 12).

Таблица свидетельствует, что с 1886 по 1912 г. сельское хозяйство Хасавюртовского округа сделало скачок вперед,—валовое сельскохозяйственное производство увеличилось в 3,5 раза. Проведение железной дороги, бурный рост рыночных связей неминуемо повлекли повышение и общего среднего уровня жизни. Судя по таблице, больше всего сократились нижние группы, а верхние, напротив, выросли. Однако далеко не это главное в процессе, происходившем в то время в Хасавюртовском округе. Прежде всего следует отметить концентрацию производства в руках меньшинства за счет мелкого и среднего производителя. По данным 1886 г., вторая и третья группы, представлявшие в основном мелкие хозяйства, держали у себя 66,2% лошадей. По своему удельному весу особенно выделялась группа однолошадных. На их долю приходилось 43,3% всех лошадей округа. Это еще раз говорит о том, что и в Хасавюртовском округе в 1886 г. еще господствовало мелкое патриархальное крестьянское хозяйство. К 1912 г. картина резко изменилась. Безлошадных стало меньше, роль мелких коневладельцев сильно уменьшилась. За однолошадными осталось лишь 11,3% всех лошадей. Зато резко выделилась последняя, пятая группа. С 1,4% в 1886 г. ее численность выросла до 7% в 1912 г., а удельный вес во владении лошадьми повысился за эти годы с 25,4% по 51,1%.

Эти изменения нашли свое выражение и в абсолютных цифрах. Так, в 1886 г. однолошадных хозяйств было 1787, а в 1912 г. их стало 1126. Соответственно уменьшилось у них и число лошадей. Число хозяйств высшей группы увеличилось за эти годы со 126 до 791, а число лошадей у них возросло с 1056 до 5102. Это еще раз свидетельствует о том, что накануне револю-

ции в округе восторжествовало крупное хозяйство эксплуататорского типа.

Хотя и не такие коренные, но достаточно разительные изменения произошли и в Темир-Хан-Шурином округе. Здесь выросли преимущественно крайние группы: удельный вес безлошадных вырос с 78% в 1886 г. до 84% в 1912 г., увеличились также четвертая (1,8% вместо 1,5%) и пятая (1,3% вместо 0,9%) группы. Однако особенно большие изменения произошли в распределении лошадей между различными группами крестьян. По данным 1886 г., однолошадным принадлежало 45,5% всех табунов округа, а в 1912 г. за ними осталось лишь 25,9% поголовья. Зато у высшей, пятой,

Таблица 13

**Количество лошадей у различных групп крестьянства
в Темир-Хан-Шурином округе ***

Группы хозяйств	Годы	Хозяйства		Лошади	
		число	%	голов	%
Безлошадные	1886	8187	78,0	—	—
	1896	12 596	81,8	—	—
	1912	13 418	84,0	—	—
С 1 лошадью	1886	1594	15,2	1594	45,5
	1896	1406	9,2	1406	26,0
	1912	1290	8,0	1290	25,9
С 2 лошадьми	1886	455	4,4	910	26,0
	1896	811	5,3	1622	29,5
	1912	733	4,9	1546	31,1
С 3 лошадьми	1886	141	1,5	423	12,1
	1896	310	2,1	930	17,0
	1912	272	1,8	816	16,4
С 4 и более лошадьми	1886	86	0,9	566	16,4
	1896	246	1,6	1516	27,5
	1912	214	1,3	1326	26,6
Итого	1886	10 463	100,0	3493	100,0
	1896	15 369	100,0	5474	100,0
	1912	15 967	100,0	4978	100,0

* «Военно-конская перепись 1896 г.». СПб., 1898; «Военно-конская перепись 1912 г.». СПб., 1914 (таблица составлена мною.— О. Г.)

группы число лошадей выросло больше, чем на половину. В 1886 г. у них было 16,4% лошадей, а в 1912 г.— 26,6%¹⁴⁶.

Для полноты представления рассмотрим итоги перегруппировки крестьянских хозяйств по владению лошадьми в 1886, 1896 и 1912 гг. по Темир-Хан-Шуринскому округу (см. табл. 13).

Данные таблицы свидетельствуют, что вывод А. Г. Мелешко будто бы с 1886 г. в Дагестане происходил процесс пауперизации, процесс обнищания всего крестьянства, не выдерживает критики. Шел процесс лишь поляризации групп за счет разложения мелкого производителя. Причем в конце XIX — начале XX в. он был непосредственно связан с развитием рыночных связей и товарного хозяйства.

Ошибочный вывод А. Г. Мелешко объясняется тем, что она судит о сложном и длительном периоде истории Дагестана по отрывочно взятым статистическим данным двух переписей. Из факта уменьшения показателей экономической мощи хозяйств, в том числе и высшей группы, за период в 30 лет ни в коем случае нельзя судить о процессе в целом, не учитывая неизбежных колебаний, подъемов и спадов. Об этом довольно подробно говорил В. И. Ленин в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века». Остро критикуя буржуазных авторов, В. И. Ленин писал: «иначе как скачками, зигзагами, то быстро шагая вперед, то временно падая ниже прежнего уровня, *не может* развиваться капитализм»¹⁴⁷.

Об этом довольно выразительно свидетельствует и таблица о распределении лошадей между различными группами крестьян по Темир-Хан-Шуринскому округу. Сравнение показателей за 1886, 1896 и 1912 гг. дает возможность проследить эти скачки и зигзаги, подъемы и спады. Они тем более неизбежны и сильны в таком отсталом патриархально-феодальном районе, каким был дореволюционный Дагестан. Но в то же время очевиден последовательный характер основной закономерности — процесс явственно идет по пути разложения

---

¹⁴⁶ «Военно-конская перепись 1912 года». СПб., 1914, стр. 16, 150—152.

¹⁴⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 107.

крестьян, мелкий производитель разоряется, происходит концентрация производства в руках крупных собственников. Правда, эти собственники представляли в основном феодально-клерикальные верхи аула, но среди них видную роль играли уже и капиталистические элементы.

В связи с этим необходимо коснуться еще одного вопроса, тесно связанного с начавшейся реорганизацией крестьянского хозяйства. Речь идет о развитии животноводства. В изучаемый нами период в животноводческом хозяйстве Дагестана происходили сложные процессы. С одной стороны, наблюдается приобщение к более передовому способу производства, расширение рыночных связей, выход на всероссийскую и даже на мировую экономическую арену, с другой,— систематическое уменьшение поголовья скота, причем не только в расчете на душу населения, но и в абсолютных цифрах. И это в условиях ежегодного постоянного роста цен и объема вывозимой продукции животноводства! Отмечая эти процессы, некоторые исследователи даже стали склоняться к мысли о регрессе в развитии производительных сил области в конце XIX — начале XX в.¹⁴⁸

Известно, что в период Кавказской войны, в течение почти 30-ти лет, горный Дагестан находился в экономической блокаде. Будучи изолированными от традиционных центров поставки хлеба и зимних пастбищ для скота, горцы были вынуждены в значительной мере забросить овцеводство и заняться земледелием. Под пашню использовался каждый мало-мальски удобный клочок земли. В связи с этим резко сокращается поголовье овец, больше внимания уделяется разведению крупного рогатого скота. После окончания Кавказской войны экономические связи гор с равниной вновь возобновились. Правда, маренная лихорадка 60-х годов привела к тому, что крупные собственники земли стали предпочитать сдавать землю под марену, а не под выпас скота. Но уже в начале 70-х годов маренный кризис вновь создал условия для арендатора-овцевода. В этот период скотовод снова приобрел широкое поле

---

¹⁴⁸ А. Г. Мелешко. Расслоение крестьянства в дагестанском ауле накануне Октября.— «Ученые записки ИИЯЛ», т. IV, стр. 61.

деятельности. К 1886 г. овцеводство достигло высшей точки своего развития. Однако в дальнейшем возможности для использования исключительно плодородных, но заброшенных в годы маренного кризиса, обширных земельных пространств стали уменьшаться. Оправившись после жестокого удара, стала оживляться земледельческая культура, восстанавливалась заброшенная в свое время ирригационная система. С включением Порт-Петровска и Дербента в систему регулярного пароходного движения по Каспийскому морю вновь стали возрождаться прерванные на время экономические связи с севером. Однако следует подчеркнуть, что главную роль в бурном развитии земледельческой культуры на равнине в конце XIX в., особенно на ее северной части, сыграло проведение железной дороги. С этого времени равнинные районы играют роль житницы не только для внутреннего Дагестана. Сотни тысяч пудов зерна вывозилось также далеко за пределы области и Кавказа вообще. Только в одном Хасавюртовском округе за двадцать пять предреволюционных лет производство зерна увеличилось в 3,3 раза,¹⁴⁹ а вывоз хлеба — в четыре с лишним раза¹⁵⁰. Как мы уже отмечали, в 1913 г. округ поставлял на рынок около 1,5 млн. пудов зерна. В целом по Дагестану посевы в пересчете на 100 душ населения увеличились с 20,04 га в 1886 г. до 45,6 га в 1913 г., т. е. в 2,2 раза¹⁵¹.

Распашка земельных угодий и рост земледелия отвлекли большое количество трудовых ресурсов от животноводства, ограничили кормовую базу экстенсивного скотоводства, особенно овцеводства, что отразилось на размерах животноводческого хозяйства. Однако далеко не исторические причины сыграли главную роль в уменьшении поголовья скота в этот период, хотя они и оказали на это определенное влияние. Главную роль в этом играло то обстоятельство, что здесь преобладало мелкое крестьянское хозяйство, неспособное к расширенному воспроизводству и наиболее чувствительное к

¹⁴⁹ Отчеты Начальника Терской области за 1891—1915 гг.

¹⁵⁰ «Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам. Хлебные грузы. Статистика отправления», за 1895—1914 гг.

¹⁵¹ «Характеристика овцеводства дореволюционного периода, военного коммунизма и первых лет нэпа». — Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 866, л. 4.

изменению естественных условий. Это известное положение с исключительной точностью подтверждают данные о динамике численности поголовья скота в конце XIX — начале XX в. по округам. В тех округах, где, как например, в Аварском, Гунибском, основной производительной силой было мелкое крестьянское хозяйство, явственно намечается тенденция к систематическому уменьшению поголовья скота. Объясняется это крайней неустойчивостью мелкого хозяйства, в значительной степени подверженного влиянию неблагоприятных условий зимовки и эпизоотии, которые в начале нашего века повторялись регулярно, чуть ли не каждые два-три года, а также развитием и укреплением рыночных связей, которые также увеличивали неустойчивость мелкого хозяйства.

К этой же группе районов можно отнести также Даргинский, Казикумухский и отчасти Кайтаго-Табасарский и Кюринский округа. А в таких округах, как Самурский и Темир-Хан-Шуринский, не говоря уже о Хасавюртовском, где перевес был на стороне крупного хозяйства, явно прослеживается рост поголовья скота и в абсолютных величинах и в переводе на душу населения ¹⁵².

Это одна из причин сокращения общего поголовья скота в дореволюционном Дагестане. Другая, видимо, заключается в том, что процесс разрушения мелкого производства в овцеводстве шел значительно интенсивнее, нежели процесс роста и укрепления крупного товарного хозяйства. В отсталом, опутанном пережитками патриархально-феодальных и даже патриархально-родовых отношений ауле становление и развитие крупного капиталистического хозяйства на каждом шагу тормозилось всевозможными искусственными и естественными препонами, поэтому малоимущему бедняку было легче сняться с насиженного места и двинуться на заработки. В этом смысле традиции старины меньше довели над ним. Решающее значение имело и то обстоятельство, что Дагестан был в непосредственной близости от крупных центров нефтяной промышленности — Грозного и Баку, от экономически бурно развивающейся Терской области. Они поглощали десятки

---

¹⁵² Обзоры Дагестанской области за 1892—1913 гг.

тысяч рабочих-дагестанцев и, тем самым, значительно ускоряли процесс разрушения мелкого производства. Этот процесс проходил следующим образом. С одной стороны, росло товарное стадо, в разных районах и разными темпами интенсивно повышались удельный вес крупных собственников во владении поголовьем скота и общее количество скота в их распоряжении, с другой, — уменьшалось число мелких и средних производителей, падал их удельный вес в скотоводстве.

* * *

До сих пор речь шла о распределении основных средств производства — земли и скота — между различными группами населения, о распаде мелкого крестьянского производства и концентрации производства в руках аульной верхушки. Рассмотрим теперь вопрос о превращении крестьянина в вольнонаемного рабочего.

Наемный труд, как известно, один из важнейших показателей, характеризующих расслоение крестьянства. В. И. Ленин считал применение вольнонаемного труда главным проявлением земледельческого капитализма, поэтому изучение этого вопроса имеет важнейшее значение для определения степени проникновения капиталистических отношений в сельскохозяйственное производство области.

К сожалению, материалов для освещения эволюции, размеров и характера вольнонаемного труда в Дагестане того времени очень мало. В распоряжении исследователя имеется лишь более или менее полный единственный источник — итоги демографической переписи 1897 г. Дополнением к нему могут быть также фрагментарные данные сельскохозяйственной переписи 1917 г. Зато мы располагаем обильными ежегодными сведениями о развитии в области отходничества с конца XIX в. и до самого кануна Октябрьской революции. Опираясь на эти материалы, и попытаемся разрешить стоящую перед нами проблему.

Прежде всего рассмотрим хозяйства, систематически прибегавшие к найму рабочей силы. Согласно переписи 1897 г., число хозяйств, имевших постоянных рабочих, в сельской местности области достигало 3692 или 3,2%

от общего числа всех дворов¹⁵³. По округам это число колебалось от 1,2% в Аварском и 1,4% в Гунибском, до 5,8% в Кайтаго-Табасаранском и 6,9% в Темир-Хан-Шуринском¹⁵⁴. В целом во всех горных округах число дворов с постоянными работниками составляло 1,3% всего населения, а на равнине — 6,3%¹⁵⁵ (без Хасавюртовского округа). Цифры совсем незначительные. Но в этом нет ничего удивительного. Как отмечал В. И. Ленин, буржуазия во всяком обществе составляет ничтожное меньшинство населения, и дворов с наемными рабочими поэтому всегда будет мало¹⁵⁶. Это особенно характерно для таких районов, как Дагестан, где господствовали патриархально-феодалные отношения и капитализм только начал развиваться.

При характеристике наемного труда необходимо выяснить, представляет ли наем рабочей силы явление случайное или же служит проявлением закономерности складывающегося хозяйства нового типа. Имеющиеся материалы свидетельствуют о том, что наем рабочей силы для высших, зажиточных, групп крестьян стал системой, необходимым условием ведения расширенного производства. Для иллюстрации возьмем данные переписи 1917 г. по Хасавюртовскому округу (см. табл. 14). При этом надо иметь в виду, что перепись брала на учет лишь те дворы, которые имели постоянных наемных рабочих.

Как видно из таблицы, чем мощнее группа, тем многочисленней ее семейный состав и тем больше у нее наемных рабочих. Но это характерно не только для Хасавюртовского округа. Те же особенности мы наблюдаем и в Южно-Табасаранском наибстве¹⁵⁷. Хозяйства с наемными рабочими в наибстве составляли 1,3% всех дворов. Если же обратиться к данным по экономическим группам, то и здесь верхние группы резко выделялись и по своему семейному составу, и по численности наемного персонала. В наибстве беспосевные хозяйства вовсе не имели наемных рабочих. Из второй группы к найму

¹⁵³ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область». СПб., 1905.

¹⁵⁴ Там же, стр. 7.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 97.

¹⁵⁷ А. Г. Мелешко. Указ. рукопись диссертации, стр. 161.

Данные о найме рабочей силы в Хасавюртовском округе
в 1917 г. *

Группы хозяйств	Число трудо- способных чле- нов (в среднем на хозяйство)	Число хозяйств, наймавших рабочих, %	Количе- ство нанятых рабочих, %
Беспосевные	2,2	1,1	10,0
С посевом до 3 дес.	2,4	1,2	17,1
» от 3 до 5 дес.	2,8	2,7	10,8
» от 5 до 10 дес.	3,2	11,0	17,7
» свыше 10 дес.	3,8	25,0	44,4

* А. Г. Мелешко. Указ. соч., Прилож. № 3 (таблица составлена мною.—О. Г.).

прибегало всего 0,2% хозяйств, из третьей — 0,7%, из четвертой — 2,2%, а из пятой — 40% всех хозяйств группы. Эта самая верхняя, наиболее богатая, группа хозяев эксплуатировала 63,1% всей учтенной постоянной рабочей силы в наибольшем. Мало чем отличалось положение и в горных животноводческих округах. Например, в Гунибском округе, согласно данным переписи 1917 г., постоянных наемных работников имели всего 0,5% всех дворов.

Хозяйства трех низших, малоимущих, групп вовсе не держали работников. Из четвертой группы к найму прибегали всего 0,3% всех хозяйств, из пятой — 2,6%, а из верхней, шестой, — 32,4% всех дворов. Причем у шестой группы работали 73,1% всех постоянных наемных рабочих округа, взятых на учет переписью 1917 г. ¹⁵⁸

Приведенные данные свидетельствуют о концентрации основной наемной рабочей силы в высших группах крестьянства. Какова бы ни была степень развития найма и продажи рабочей силы в различных районах Дагестана, общим для них всех является то, что на каждое хозяйство высшей группы приходилось в среднем, примерно, три батрака. Это говорит о том, что использование наемного труда стало неременным условием существования зажиточного крестьянства, условием постоянного расширения их хозяйства.

¹⁵⁸ А. Г. Мелешко. Указ. рукопись диссертации. Прилож. № 5 (цифры выведены мною.—О. Г.).

Обратимся теперь к характеристике группы, систематически прибегавшей к продаже своей рабочей силы. И в этом случае статистика того времени дает нам сведения только о тех лицах, для которых работа по найму стала единственным способом добывания средств к существованию, т. е. о постоянных наемных рабочих. Согласно той же переписи 1897 г., последних в области насчитывалось 10 956 человек. Вместе с семьями их число доходило до 33 783 человек или 5,9% всего населения области¹⁵⁹. Следует отметить, что и в данном случае цифры очень незначительные. Выше мы отмечали, что группа малоимущих в целом по Дагестану составляла 65—70% всего населения. При таком значительном числе необеспеченных, с одной стороны, и малочисленности наемного персонала, с другой, невольно возникает недоразумение. Но это недоразумение надо отнести целиком и полностью за счет царской статистики. Достаточно было крестьянскому хозяйству иметь крохотный участок земли, и графа «основное занятие» в статистике заполнялась словом «земледелие». Все остальные заработки становились сторонними, дополнительными, даже если бы «заработки» эти составляли 90% семейного бюджета. Между тем основную массу сельскохозяйственных рабочих в дореволюционном Дагестане, как впрочем и по всей стране, составляли именно чернорабочие, поденщики и батраки, наделенные клочком земли. Статистика того времени называет отхожими рабочими всех их без исключения, причем не разделяя земледельческих и неземледельческих отходников.

Отходничество в Дагестане привлекало к себе внимание исследователей еще в 60—70-е годы прошлого столетия. А. В. Комаров писал в 1868 г., что из Казикумухского округа, например, «...почти все взрослые мужчины отправляются искать себе работу в разные места... Казикумухца можно встретить зимою везде, от Оренбурга до Тавриза»¹⁶⁰. При этом еще тогда совершенно правильно указывалось, что к этому их побуждал недостаток удобных для хлебопашества земель. Наскоро

¹⁵⁹ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Дагестанская область», СПб., 1905, стр. VI.

¹⁶⁰ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, стр. 42.

убрав поля, и кое-как обеспечив семью пропитанием на зиму, многие горцы спешили на заработки, чтобы весной вновь вернуться для обработки полей и поддержки семьи, жившей последними крохами. Уже в те годы из Казикумухского округа «увольнялось на заработки» 6—7 тыс. человек ежегодно¹⁶¹. Аграрная перенаселенность и крайняя ограниченность средств к существованию — вот, пожалуй, главная причина зарождения и развития отходничества в тот период. Часть крестьян уходила обычно на два-три месяца в период весенней путины на рыбные промыслы, в Кизлярские сады, или летом, в период уборки хлебов, на Кумыкскую равнину, зиму же они проводили дома, в бездействии.

Приобщение Дагестана к общероссийскому рынку и проникновение капиталистических отношений придали этому процессу новую окраску, новый социально-политический смысл. Если раньше рабочий уходил в поисках дополнительных средств, то в период усиления классового расслоения и концентрации производства, в конце XIX — начале XX в. «сторонний заработок» стал превращаться в основную статью бюджета низших групп крестьян. Проведение железной дороги, развитие нефтяной промышленности в Баку и Грозном, бурный рост торгового земледелия на равнине и, особенно в Терской области, создали исключительно благоприятные для этого условия. В результате с 1892—1896 гг. по 1912—1916 гг., т. е. за 20 лет, число отхожих рабочих выросло более чем в два раза¹⁶². С двух-трех месяцев до семидесяти выросло и время отхода. В 1913 г. из области ушло на «заработки» 93 317 человек — примерно половина всего трудоспособного населения¹⁶³.

По округам число отхожих рабочих распределялось следующим образом (см. табл. 15).

В целом из Дагестана на каждую тысячу человек населения уходило на заработки значительно больше людей, чем по 38 губерниям России¹⁶⁴, хотя по своему социально-экономическому развитию Дагестан значительно отставал. В данном случае мы сталкиваемся с

¹⁶¹ А. В. Комаров. Адаты и судопроизводство по ним. ССКГ, вып. 1. Тифлис, 1868, прим.

¹⁶² См. соответствующие Обзоры Дагестанской области.

¹⁶³ «Обзор Дагестанской области за 1913 год.»

¹⁶⁴ См. В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 504.

Распределение отходников по округам в 1913 г.*

Округа	Число отходников	% к общему числу крестьян	Размер пашни на хоз-во, дес.	Количество скота на душу населения, голов	Число отходников на 1000 чел. населения
Аварский	3286	3,5	0,9	3,6	96
Андийский	9375	10,0	0,6	4,7	170
Гунибский	15 967	17,1	0,6	4,4	212
Даргинский	11 763	12,6	0,9	2,5	143
Казикумухский	12 069	13,0	0,6	2,5	211
Кайтаго-Табасаранский	3828	9,2	1,4	1,8	47
Кюринский	8600	4,1	1,6	1,7	101
Самурский	23 189	24,9	0,7	5,6	330
Темир-Хан-Шуринский	5240	5,6	3,0	3,2	56
Итого	93 317	100,0	0,5	3,3	152

* «Обзор Дагестанской области за 1913 г.»; «Журнал съезда податных инспекторов». Баку, 1903.

последствиями аграрной перенаселенности внутри Дагестана при постоянном росте источников заработков за его пределами. На долю шести горных округов, где удобной земли было чрезвычайно мало, а отгонное животноводство было выгодно только крупным хозяйствам, приходилось 81,1% всех отходников. В зерновых, земледельческих районах отходничество не получило такого широкого развития. Например, из Кайтаго-Табасаранского и Темир-Хан-Шуринского округов на заработки уходило почти в три раза меньше крестьян, чем в среднем из области. Вместе с тем, как свидетельствует таблица, процесс передвижения населения в этот период уже не обязательно находится в прямой зависимости от средних экономических показателей в расчете на хозяйство или душу населения. Например, в Самурском округе средняя обеспеченность каждого жителя доходами от сельскохозяйственного производства была гораздо лучшей, чем в любом другом горном округе. Но из этого округа на заработки уходило значительно больше, чем из любого другого. И понять это будет нетрудно, если вспомнить, что по ряду причин, в том числе

в силу близости с нефтяным Баку и традиционных связей с бакинским нефтедобывающим районом, процесс классового расслоения в округе получил настолько глубокое развитие, что по сути дела накануне революции мелкое хозяйство здесь не играло почти никакой роли в сельскохозяйственном производстве. Наоборот, во внутренних округах нагорного Дагестана, только-только вступивших на путь приобщения к общероссийской экономике, власть клочка земли над мелким производителем сказывается еще достаточно сильно. Патриархальная замкнутость и консерватизм быта, приверженность к земле предков еще поддерживают в нем стремление, хоть и впроголодь, но жить безвыездно в отцовской сакле. Более того, он гордится своим консерватизмом, попрекает других в «измене» праху родителей. Итак, развитие отходничества в это время в значительной степени связано и с проникновением капитализма в экономику области.

О том, из кого состояли и кем пополнялись многотысячные ряды отхожих рабочих, достаточно красноречиво повествуют многочисленные документы разных должностных лиц и государственных учреждений. Например, «Обзоры Дагестанской области» из года в год подтверждают одно и то же: «Отхожий промысел, обязанный своим существованием сравнительной густоте населения, бедности природы, слабому развитию обрабатывающей промышленности и другим стесненным экономическим условиям, весьма распространен в области и доставляет средства к жизни *беднейшей части* (курсив мой.— О. Г.) населения»¹⁶⁵.

Тот же вывод содержат и материалы переписи 1917 г. Согласно этим материалам, из Гунибского округа ежегодно отпускали на заработки своих членов 3606 хозяйств, или 27,8% всех учтенных дворов. Из них 98,7% приходились на бедняцко-батрацкую (65%) и середняцкую (33,7%) группы и лишь 1,3% — на зажиточную¹⁶⁶.

Таким образом, армия отходников в основном пополнялась за счет низших, батрацко-бедняцких, слоев населения, которые выбрасывали на рабочий рынок все растущее число рабочих рук. Отходники шли на рыбные

¹⁶⁵ «Обзор Дагестанской области за 1905 год», стр. 68.

¹⁶⁶ А. Г. Мелешко. Указ. рукопись диссертации. Прилож. № 5 (цифры выведены мною.— О. Г.).

промыслы Каспия, нефтяные промыслы Баку, Грозного и даже Майкопа, на железную дорогу. Добрая их половина занималась крупными предпринимательскими хозяйствами на Северном Кавказе, в Закавказье, а также в земледельческих районах равнинного Дагестана. Возникли специальные рынки рабочей силы, куда стекались десятки тысяч дагестанцев. Складывались формы найма, характерные для капитализма. Наиболее крупными пунктами, где концентрировались сельскохозяйственные рабочие, были Кизляр и Дербент. В Кизляр обычно шли рабочие из северной, нагорной, части, из центральных районов Дагестана. Здесь собирались главным образом отходники даргинцы и аварцы, в Дербенте — выходцы из Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов.

Отходники сосредоточивались обычно в центрах развивающейся индустрии (Баку, Грозный и др.), колонизируемых местах (Северный Кавказ — Терская область) и местностях, где особенно интенсивно развивались технические культуры: виноградарство, садоводство (район г. Дербента). В. И. Ленин писал по этому поводу: «...передвижение рабочих направляется из наиболее заселенных местностей в наименее заселенные, колонизируемые местности; — из местностей, в которых всего сильнее было развито крепостное право, в местности, где оно было всего слабее; — из местностей с наибольшим развитием отработков в местности слабого развития отработков и высокого развития капитализма. Рабочие бегут, следовательно, от «полусвободного» труда к свободному труду»¹⁶⁷. Вместе с тем В. И. Ленин считал, что такое бегство — это не просто передвижение из густонаселенных в малонаселенные места, а что передвижение населения объясняется стремлением рабочих «уйти туда, где лучше»¹⁶⁸, т. е. где лучше условия найма, где выше заработок. Прекрасной иллюстрацией к этой мысли Ленина могут быть следующие данные. По официальным сведениям, сельскохозяйственный рабочий во внутреннем Дагестане, т. е. на месте выхода, за сезон мог заработать от 35 до 55 руб. в зависимости от того, на чьих он «харчах», на своих или хозяйских. А в местах отхода он зарабатывал в

¹⁶⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 201.

¹⁶⁸ Там же.

среднем 80—130 руб. за тот же период работы¹⁶⁹. Естественно, что при выборе места для продажи своих рабочих рук горцу-отходнику не приходилось долго колебаться. В этом и заключалась главная причина быстрого увеличения численности отхожих рабочих. Накануне революции «уход на заработки» во многих аулах и даже округах принял настолько широкий размах, что на местах выхода рабочих беднота почти перестала обрабатывать свою землю. Несмотря на острый земельный голод, она предпочитала сдать свой клочок в аренду и даже забросить его и уйти на заработки. Число уходящих во многих районах было настолько велико, что в разгар полевых работ на местах выхода не хватало рабочих рук. С этим явлением мы встречаемся особенно часто в Казикумухском, Даргинском и Самурском округах.

О том, что одной из главных причин быстрого развития отходничества в предреволюционные годы было стремление рабочих уйти туда, где лучше, говорит и такой факт: при повышении спроса и росте цен на рабочие руки в районах выхода, как правило, число уходящих за пределы округа и области резко сокращалось. Так, в связи с началом первой мировой войны было мобилизовано значительное число мужчин, особенно на равнине, в земледельческих районах. В связи с этим, внутри области увеличился спрос на рабочую силу, выросли цены на рабочие руки. На этой почве уменьшилось и число отходников. Податной инспектор Даргино-Табасаранского податного участка в 1915 г. сообщал по этому поводу: «Сокращение числа уходящих на сторону объясняется повышением спроса и ростом цен на рабочие руки на местах»¹⁷⁰.

Таким образом, на смену «полупатриархальным», «полуфеодальным» формам работы по найму шла капиталистическая форма купли-продажи рабочей силы. Характерно, что «Обзоры Дагестанской области», равно как и сообщения податных инспекторов, отмечают главным образом поденный наем и поденную оплату, которые, как указывал В. И. Ленин, позволяют «...точнее

---

¹⁶⁹ «Обзор Дагестанской области за 1913 год», стр. 20; ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 25, л. 33.

¹⁷⁰ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 30, д. 22, л. 15.

регулировать плату сообразно со спросом на труд»¹⁷¹. Однако, как мы уже отметили, в дореволюционном дагестанском ауле патриархально-феодалные и даже патриархально-родовые формы эксплуатации были еще очень широко распространены. Наряду с названными раньше методами распространенной формой завуалированной эксплуатации были патриархально-родовые формы взаимопомощи, которые у разных народностей носят разные названия, но сущность которых одна и та же. Заключается она в том, что в период определенного цикла сельскохозяйственных работ — в период унавоживания полей, сбора и молотбы урожая, стрижки овец, мытья и расчесывания шерсти, строительства дома и др. — сельское общество собиралось «на помощь» своему именитому члену, который в лучшем случае был обязан за это угощением. Нередко за такого рода помощью обращались даже к жителям других сел. Эта форма «взаимопомощи» у аварцев называлась «гой», у даргинцев — «бухъа», у кумыков — «булхъа», у лакцев — «марша», у лезгин — «эврез». У казахов такая форма кабальной эксплуатации называлась асар.

Следует подчеркнуть, что с ростом передвижения населения такие формы эксплуатации изживали себя.

Теперь постараемся показать соотношение между земледельческим и неземледельческим отходом, а также распределение отходников по местам отхода. К сожалению, мы не располагаем для этого почти никакими данными. У нас нет сведений и о том, какое число отхожих рабочих оседало на территории самого Дагестана. Между тем выяснение вопроса о степени распространения вольнонаемного труда в сельском хозяйстве области имело бы исключительное значение. Возможности для некоторых обобщений дает перепись 1897 г. При этом надо учитывать, что в то время отходничество в области особого развития не имело.

Согласно итогам этой переписи, число временно отсутствующих по округам составляло 21 456 чел., а временно проживающих в округах — 5484 чел.¹⁷²

Среди этих временно проживающих выходцев из-за пределов области было ничтожное меньшинство. Отсюда

¹⁷¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 206.

¹⁷² «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.», стр. 5.

можно полагать, что примерно одна пятая часть всех отхожих рабочих оставалась внутри самого Дагестана. Но эти цифры не охватывают наиболее высокоразвитого Хасавюртовского округа, входившего в Терскую область. Между тем, как свидетельствуют документы, там временно оседало значительное число отходников. Например, податной инспектор Аваро-Андийского участка в начале нашего века сообщал, что значительная часть отходников из этих двух округов «нанимаются косарями в Терской области»¹⁷³. Податной инспектор Даргино-Табасаранского податного участка, в который входили Даргинский и Кайтаго-Табасаранский округа, в хозяйственно-экономическом обзоре за 1913 г. сообщал, что наряду с работой на рыбных и нефтяных промыслах Грозного и Баку значительная доля заработка добывается также на полевых и садовых работах в низменной полосе участка (в особенности в г. Дербенте)¹⁷⁴. Такие же сообщения мы имеем и по другим округам области.

Согласно этим данным, на сезонную работу внутри самого Дагестана накануне революции нанималась, примерно, треть всех отхожих рабочих, т. е. 25—30 тыс. человек. Вместе с постоянными сельскохозяйственными рабочими их число доходило до 40 тыс. Примерно три четверти всей этой рабочей силы нанималось зажиточными хозяевами четырех земледельческих округов — Хасавюртовского, Темир-Хан-Шурина, Кайтаго-Табасаранского и Кюрина. По той же переписи 1897 г., 54% или 2962 всех временно проживающих в области приходилось на два земледельческих округа — Кайтаго-Табасаранский (1126 человек) и Темир-Хан-Шурина (1836 человек)¹⁷⁵.

В горных районах земледелие сколько-нибудь значительного числа рабочих не требовало, а в животноводстве, как уже отмечалось, господствовала патриархальная система серкерства, которая в значительной степени освобождала зажиточные хозяйства от необходимости прибегать к найму пастухов, к тому же экстенсивное животноводство обходилось услугами минимума рабочих рук. Поэтому наемный труд, тем более сезонный, не

¹⁷³ ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 8, л. 41.

¹⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 80, оп. 1, д. 25, лл. 17—18.

¹⁷⁵ «Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г.», стр. 5.

играл здесь такой роли, как на равнине, где торговое земледелие получило довольно значительное развитие, особенно в Хасавюртовском округе.

Значительное число отходников концентрировалось на рыбных промыслах. По свидетельству многих источников, сезонная работа во время весенней путины привлекала от 10 до 15 тыс. и более рабочих, в зависимости от хода улова. В связи с этим привычным лицом для дагестанского аула стал и «пудратчи» — подрядчик. Подрядчики заключали с рыбопромышленниками договор на поставку рабочей силы. Хозяин промыслов брался принять от подрядчика определенное число рабочих и заплатить три рубля за каждого из них. Подрядчик был обязан доставить рабочих на промыслы в точно установленные сроки. Характерно, что подрядчик брал плату не только с рыбопромышленника за доставку ему рабочей силы, но и с рабочего за то, что он «изволил» его нанять. В конце XIX в. такой задаток за право продать свои рабочие руки равнялся одному рублю. С увеличением числа желающих наняться на рыбные промыслы задаток в пользу подрядчика увеличился до трех рублей.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что на территории Дагестана сезонная работа в сельском хозяйстве поглощала почти наполовину больше рабочих, чем в промышленности. Если же говорить о всех отходящих рабочих, соотношение будет иным. Как уже отмечалось, две трети всех рабочих искали себе работу по найму за пределами области. Документы говорят о том, что подавляющее большинство их оседало на нефтяных промыслах Баку, Грозного, на железной дороге. В начале нашего века рабочий уходил на заработки уже не на два-три месяца, чтобы «доработать» прожиточный минимум для семьи, а на семь-девять и даже больше месяцев. Такую «долгосрочную» работу, конечно, он мог получить главным образом на промышленном предприятии или на железной дороге.

Таким образом, до 60 тыс. дагестанцев большую часть года находились в сфере капиталистического промышленного производства. И это обстоятельство не могло не оставить глубокого следа не только на их психологии, но и на всем укладе жизни тех аулов и районов, откуда они уходили и куда возвращались ежегодно.

Отходники же были не только во всех округах и аулах, но, можно сказать без преувеличения, почти в каждой семье. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «Подобно отвлечению населения от земледелия в города, неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессивное»¹⁷⁶. Разрушая патриархальную замкнутость жизни, обнажая истинные отношения между классами, ослабляя приверженность крестьян к своему «родному» уголку, каким бы темным он ни был, отход в города вырывал горца из пут патриархально-родовых и узкоместных представлений и втягивал его в водоворот политической и общественной жизни тогдашней России.

* * *

Для определения степени проникновения капиталистических отношений в Дагестан, для характеристики его социально-экономического и технического дореволюционного уровня, для выяснения технико-экономического прогресса отдельных социальных групп крестьянства исключительно важно определить уровень технического оснащения сельского хозяйства области.

В исторической литературе по сей день бытует представление о том, что Дагестан накануне революции был чуть ли не самой отсталой колониальной окраиной царской России, что здесь господствовали самые примитивные формы ведения и организации сельского хозяйства и чуть ли не первобытные орудия производства.

Одни авторы утверждают, что «в хозяйстве горца Дагестана не были известны не только плуг, сенокосилка, лобогрейка и другие сельскохозяйственные машины, но даже соха для значительной части горной полосы является техническим завоеванием по сравнению с мотыгой и просто заостренной палкой (*хиш*), которые представляли основные орудия обработки земли»¹⁷⁷ (курсив мой.— О. Г.). Другие пишут, что «патриархально-феодальные отношения тормозили развитие культуры земледелия: способы ведения сельскохозяйственного производства не менялись в течение многих столетий и стояли на низком уровне. В горных районах пахота

---

¹⁷⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 505.

¹⁷⁷ «Сельское хозяйство Дагестана». М.—Л., 1946, стр. 8.

производилась легкой сохой, а на плоскости преимущественно очень тяжелым плугом. Для боронования применяли обычно пучок хвороста, а для молотбы — доску с вбитыми в нее камнями, которую волокла лошадь»¹⁷⁸. К сожалению, в подтверждение своих слов ни те, ни другие не приводят никаких данных о сельскохозяйственных орудиях в Дагестане. Между тем в распоряжении исследователя имеются итоги обследования сельскохозяйственных машин и орудий в Европейской и Азиатской России за 1910 г.¹⁷⁹ По этой переписи, в Дагестане вместе с Хасавюртовским округом, входившим тогда в Терскую область, имелось 104 838 единиц орудий производства. Из них усовершенствованных и вполне современных было 48 391 единица, или 46,3% от числа всех сельскохозяйственных орудий, среди них сеялки, веялки, молотилки, вплоть до паровых, сенокосилки, жатвенные машины и др., неусовершенствованных — 56 447 единиц, или 53,7%¹⁸⁰.

Чтобы получить четкое представление об уровне технического развития сельского хозяйства дореволюционного Дагестана, обратимся к сравнительным данным. По той же переписи, в целом по России удельный вес неусовершенствованных орудий — сохи и косули — среди орудий по подъему почвы составлял 48%, а в Дагестане — 68,9%, среди орудий рыхления это соотношение было уже в пользу Дагестана. Если в целом по империи удельный вес неусовершенствованных орудий рыхления составлял 94,8%, то в Дагестане он равнялся 79,7%. Для получения более полного представления сопоставим данные по всем видам орудий для обработки почвы¹⁸¹ (см. табл. 16).

Как свидетельствуют материалы переписи, даже среди орудий рыхления почвы удельный вес наиболее примитивных деревянных борон в Дагестане в два с лишним раза выше, чем в среднем по стране. Таким образом, факт значительного отставания технического уровня сельского хозяйства Дагестана бесспорен. Но если срав-

---

¹⁷⁸ И. Р. Нахшуров. Указ. соч., стр. 65—66.

¹⁷⁹ «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.». СПб., 1913.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ Там же (цифры выведены мною.— О. Г.).

Распространение орудий для обработки почвы, % *

Наименование орудий	В целом по России	По Дагестану	Наименование орудий	В целом по России	По Дагестану
Орудия вспашки			Орудия рыхления почвы		
Сохи	43,0	59,2	Бороны:		
Косули	5,0	9,7	деревянные	25,1	52,2
Плуги:			деревянные с желез-		
деревянные	16,3	11,4	ными зубьями	69,7	27,5
железные	32,7	18,3	железные	2,1	0,6
Прочие усовершенство-			Прочие усовершенство-		
ванные орудия	3,0	1,4	ванные орудия	3,1	19,7
Итого	100,0	100,0	Итого	100,0	100,0

* «Сельскохозяйственные машины и орудия в европейской и азиатской России в 1910 г.» СПб., 1913 (цифры выведены мною. — О. Г.).

нить данные по отдельным районам, Дагестан окажется далеко не на последнем месте. Так перепись 1910 г. делит Европейскую Россию по применению в крестьянских хозяйствах орудий для подъема почвы (сохи, косули и деревянные плуги и др.) на шесть районов:

первый район — район исключительного распространения неусовершенствованных орудий (усовершенствованных здесь менее 1%). Сюда включены Архангельская, Вологодская, Вятская и Олонецкая губернии;

второй район — где усовершенствованные орудия составляют менее 10%. Это Витебская, Владимирская, Калужская, Костромская, Московская, Нижегородская, Новгородская, Пензенская, Пермская, Псковская, Рязанская, Смоленская, Тамбовская и Тверская губернии;

третий район — где усовершенствованные орудия составляют менее 25%. Это Виленская, Волынская, Казанская, Курская, Могилевская, Орловская, С.-Петербургская, Симбирская, Тульская, Эстляндская и Ярославская губернии;

четвертый район — переходный. Здесь усовершенствованные орудия составляют от 25 до 60%. Это Воронежская, Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Саратовская и Уфимская губернии;

пятый район — район преобладания усовершенствованных орудий. Их приходится от 60 до 80%. Это — Гродненская, Киевская, Минская, Оренбургская, Подольская, Самарская и Черниговская губернии;

шестой район — район почти исключительного распространения усовершенствованных орудий, их больше 80%. Это Астраханская, Бессарабская, Екатеринославская, Полтавская, Харьковская и Херсонская губернии, а также область Войска Донского¹⁸².

К какому же району можно отнести Дагестан? По переписи в Дагестане было зарегистрировано 75 085 орудий для подъема почвы, из них железных плугов и других усовершенствованных орудий было 13 748 ли 18,3%. Следовательно, Дагестан, если сравнить его с районами Европейской России, смело можно включить в третью группу районов. Если же провести такое сопоставление с районами Закавказья, то Дагестан значительно выигрывает. Для иллюстрации приведем данные переписи по Закавказским областям и губерниям (см. табл. 17).

Как видно из таблицы, по удельному весу усовершенствованных орудий для подъема почвы Дагестан среди Закавказских областей и губерний занимает пятое место, а для разрыхления почвы — первое. По численности других сельскохозяйственных орудий, таких как сеялки, жатвенные машины, молотилки, веялки, сенокосилки и др., область находится в верхней части таблицы. Может возникнуть предположение, что, несмотря на такое соотношение учтенных усовершенствованных и неусовершенствованных орудий обработки почвы, в земледелии Дагестана больше, чем в других областях и губерниях, использовали примитивную первобытную технику. Однако, если рассмотреть данные о пахотной земле в расчете на одно орудие, такое предположение отпадает. В целом на Кавказе на одно орудие для подъема почвы приходилось в среднем 11,2 дес., а в Дагестане — лишь 2,2 дес. пашни, т. е. меньше, чем в любой другой губернии или области. Та же картина рисуется и при рассмотрении данных в пересчете на одно орудие для рыхления почвы.

---

¹⁸² «Сельскохозяйственные машины и орудия в Европейской и Азиатской России в 1910 г.». СПб., 1913, стр. VI.

Удельный вес сельскохозяйственных машин и орудий
в хозяйствах Закавказья и Дагестана, % *

Области и губернии	На 100 орудий подъема почвы приходится		На 100 орудий рыхле- ния почвы приходится	
	неусовер- шенство- ванных	усовер- шенство- ванных	неусовер- шенство- ванных	усовер- шенство- ванных
Бакинская	67,6	32,4	96,6	3,1
Батумская	88,8	11,2	99,8	0,2
Дагестанская	83,9	16,1	75,9	24,1
Елисаветпольская	80,1	19,9	99,1	0,9
Карсская	88,6	11,4	99,1	0,9
Кутаисская	95,4	4,6	99,3	0,7
Тифлисская	80,0	19,9	91,1	8,9
Черноморская	28,1	71,9	91,3	8,7
Эриванская	94,3	5,7	96,2	3,8

* Данные по Дагестану без Хасавюртовского округа.

Приведенные выше материалы, таким образом, опровергают неправильные утверждения о том, что техника земледелия в Дагестане была «самой отсталой», а способы ведения сельскохозяйственного производства будто бы не менялись в течение многих столетий. Материалы переписи сельскохозяйственных машин и орудий 1910 г. убедительно свидетельствуют о том, что во второй половине XIX — начале XX в. в области произошел значительный прогресс.

Начавшийся с колонизуемых северо-восточных районов (Хасавюртовский округ), которые в тот период входили в Терскую область, процесс вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий к кануну революции охватил почти все основные земледельческие низменные районы области. Больше того, перепись 1910 г., а затем и свидетельства областного агронома, относящиеся к более позднему периоду, говорят о том, что в этих районах в 1913 г. уже преобладали усовершенствованные орудия¹⁸³.

Чтобы в полную меру оценить значение этого явления, напомним ленинскую характеристику подобных

¹⁸³ «Дагестанские областные ведомости», 16 декабря 1913 г.

фактов из общественно-экономической жизни России. Известно, что В. И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» проводил знак равенства между процессом вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий улучшенными и процессом вытеснения примитивных форм хозяйства капитализмом. Подытоживая данные о производстве, привозе и потреблении сельскохозяйственных машин и орудий, он писал: «Из этих данных видно, с какой силой проявляется процесс вытеснения примитивных сельскохозяйственных орудий улучшенными (и, следовательно, процесс вытеснения примитивных форм хозяйства капитализмом)»¹⁸⁴. И далее: «Распространение сельскохозяйственных машин означает вытеснение отработков капитализмом»¹⁸⁵. Как и по стране в целом, в Дагестане процесс распространения улучшенной техники происходил далеко не равномерно, и в этом отношении область можно разделить на три района.

Первый — район исключительного распространения неусовершенствованных орудий и царства сохи. Сюда относятся Аварский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский и Самурский округа;

Второй — район, где соха и косуля еще господствуют, но железный плуг уже играет видную роль в земледелии и постепенно вытесняет примитивные орудия. К этому району Дагестана относятся Кайтаго-Табасаранский и Кюринский округа;

Третий — район, где соха не играет сколько-нибудь видной роли в земледелии, а на усовершенствованные орудия приходится больше 80%. Таких округов в Дагестане два: Темир-Хан-Шуринский и Хасавюртовский. В последнем перепись не зарегистрировала ни сохи, ни косули.

Интересно отметить, что каждый из этих трех районов характеризуется особой хозяйственной специализацией, а также различной степенью проникновения капиталистических отношений.

В первом районе пашни было очень мало, поэтому земледелие здесь носило строго потребительский характер. Главной отраслью сельского хозяйства в этом рай-

---

¹⁸⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 3, стр. 185.

¹⁸⁵ Там же, стр. 193.

оне было скотоводство. Сильно пересеченная поверхность и абсолютное преобладание мелкого собственника — вот, пожалуй, главные причины отсталости земледельческой культуры в этом нагорном районе Дагестана.

Второй район охватывает предгорные аулы и округа области, для которых специфично хозяйство смешанного типа — земледельческо-скотсводческое. Причем, в районах, близких к нагорному Дагестану, ведущей отраслью сельского хозяйства было скотоводство, и соха здесь оставалась «царицей полей». В более низменных районах, где пахотных угодий было вполне достаточно, быстро развивалось земледелие на рынок; здесь интенсивно шел процесс концентрации земли и укрупнения хозяйства, улучшалась земледельческая культура.

Третий район, — это район высокоразвитой земледельческой культуры, район, где уже к этому времени утвердилось господство крупного товарного хозяйства.

К концу 1913 г., т. е. спустя четыре года после упомянутой переписи, по сообщению областного агронома В. А. Вартанянца, «Железные плуги Гека, Акса, Сакка и других фирм скончательно вытеснили соху и старинный деревянный плуг из обихода населения» уже и в предгорьях¹⁸⁶.

«Сноповязалки, лобогрейки, сенокосилки, веялки, сортировки, сенные прессы и пр. насчитываются уже сотнями в жаркой и умеренно-холодной зонах...»¹⁸⁷, т. е. на равнине и в предгорьях.

Таким образом, факт прогресса, как сельского хозяйства в целом, так и крестьянского хозяйства в частности, бесспорен. Причем, судя по материалам переписи 1910 г., технический прогресс в условиях Дагестана был характерен главным образом именно для крестьянского хозяйства. Перепись учитывает две категории собственников — крестьян и частных владельцев. На группу частных владельцев приходилось всего 798 единиц, или 0,7% всех, взятых на учет сельскохозяйственных орудий, удельный вес усовершенствованных орудий достигал среди них лишь 24,9%, т. е. был вдвое ниже, чем в крестьянских хозяйствах. Это лишний раз подтвержда-

---

¹⁸⁶ «Дагестанские областные ведомости», 16 декабря 1913 г.

¹⁸⁷ Там же.

ет вывод о том, что дворяне-землевладельцы, как правило, хозяйством своим не занимались, а сдавали землю в аренду за деньги или определенную часть урожая.

Важно теперь выяснить направление прогресса и общественные условия, при которых он происходил. Вот данные переписи 1917 г. о распределении наиболее распространенных видов орудий земледелия среди 3675 хозяйств Хасавюртовского округа (см табл. 18).

Таблица 18

Распределение сельскохозяйственных орудий между различными группами крестьян, % *

Группы хозяйств	Количество хозяйств	Плуги однолемешные	Плуги многолемешные	Жнейки	Веялки	Число дворов без инвентаря
Беспосевные	25,1	4,3	1,7	2,0	1,1	83,6
С посевом до 3 дес.	49,5	38,1	5,0	6,8	6,8	36,6
» от 3 до 5 дес.	16,0	29,1	12,5	13,6	13,6	17,6
» от 5 до 10 дес.	5,2	15,0	23,3	22,3	27,2	8,5
» свыше 10 дес.	4,2	13,5	57,5	55,3	61,3	3,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	42,0

* Для составления таблицы использованы данные, извлеченные А. Г. Мелешко из материалов переписи («Ученые записи ИИЯЛ», т. 4, стр. 46).

Распределение здесь явно в пользу многоземельной аульной верхушки. Две первые группы населения, составляя 74,6% всех дворов, держали у себя лишь 33,1% всех усовершенствованных орудий. В этой группе на двор приходилось всего 0,2 орудия. Средняя группа составляла 16% дворов и имела в своем распоряжении 24,9% всей техники, т. е. в среднем 0,8 орудия на двор. Остальные 42% машин и другой техники приходились на 9,4% дворов двух самых зажиточных групп. Каждый двор в этих группах имел в среднем по два орудия.

В этом отношении особенно выделялась последняя пятая группа. Каждое хозяйство этой группы имело в среднем до трех единиц усовершенствованной техники,

тогда как в низшей, первой, группе это число обозначалось цифрой 0,07.

Как свидетельствуют итоги переписи, в Хасавюртовском округе улучшенные орудия были довольно широко распространены среди крестьян. Более того, перепись не фиксирует в округе примитивной техники. Однако распределение усовершенствованной техники среди социальных групп населения в высшей степени неравномерное. По сути дела, низшие группы почти не пользуются такими орудиями; из 1541 безынвентарного хозяйства 1412, или 94,1%, приходилось именно на эти две низшие группы. Почти вся техника в округе была сосредоточена в руках многоземельной верхушки. Из таблицы видно, что тут речь идет не просто о систематическом употреблении высшими группами усовершенствованных орудий, а о том, что это «единственный» для них вид орудия, на котором основано крупное товарное производство.

Если вспомнить известное ленинское положение о том, что усовершенствованное орудие стоит гораздо дороже и окупается только в крупном хозяйстве, вводится только успешно развивающимся хозяйством и концентрируется в целом в этом хозяйстве, и что «Данные об этой концентрации чрезвычайно важны, потому что это единственные данные, позволяющие точно судить о том, в какую сторону, при каких общественных условиях идет *прогресс* крестьянского хозяйства»¹⁸⁸, то станет очевидным, что в земледельческих районах Дагестана это был прогресс крупного зажиточного хозяйства.

* * *

Помещики, царская казна, мусульманское духовенство и все более крепнущая аульная верхушка жестоко эксплуатировали горскую бедноту. На этой почве в дореволюционном ауле происходили две социальные войны: одна — между всем крестьянством в целом и помещиками, другая — между кулаками и батрацко-бедняцкими слоями. В конце XIX — начале XX в. в связи с бурным проникновением капитализма борьба между двумя антагонистическими классами — крестьянством и

---

¹⁸⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 15, стр. 95.

помещиками приняла исключительно острый характер. Борьба же внутри крестьянства только-только начиналась. Горец-бедняк далеко не всегда еще умел отличить свои классовые интересы от так называемых «национальных» и «родовых». Пользуясь этим, феодально-клерикальным элементам нередко удавалось направить недовольство крестьянина по ложному пути, использовать его в своих целях.

Особенно острый характер носили выступления феодально-зависимых крестьян. В 90-х годах XIX в. они дважды брались за оружие. Но оба раза царские власти жестоко расправились с восставшими¹⁸⁹.

В самом конце XIX в., отчаявшись получить облегчение от властей, раяты и зависимые уздени почти повсеместно в явочном порядке прекратили выполнять обязательные повинности бекам. Они требовали отмены зависимых отношений и наделения их землей. Начальник Темир-Хан-Шурина округа писал, что «стесняемое... повинностями население все чаще и настойчивее выражало свои протесты против их существования, из года в год жителями возбуждались ходатайства об освобождении их от бекских повинностей, а за последние три-четыре года многие сельские общества категорически отказались отбывать их»¹⁹⁰. 21 ноября 1905 г. наместник царя на Кавказе граф Воронцов-Дашков в «конфиденциальном» письме барону Нольде сообщал, что антифеодальное движение в Дагестане приняло форму настоящих волнений, что «прекращено фактическое выполнение в отношении беков каких-либо повинностей, и такое положение существует уже более 9 лет, причем, хотя некоторые беки подавали жалобы по этому поводу администрации, но сами были против принятия репрессивных мер из боязни восстания»¹⁹¹.

Борьба раят и зависимых узденей за свое освобождение постепенно перекинулась и на другие слои населения области. Участились случаи захвата государственных земель, порубки леса, поджога помещичьих имений. Быстро стало расти абречество — стихийное выражение народного гнева против гнета эксплуататоров.

¹⁸⁹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 79. Письмо Воронцова-Дашкова к царю от 17 июня 1906 года.

¹⁹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 66, л. 115—116.

¹⁹¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 86, л. 15.

торов. С 1899 по 1905 г. в три с лишним раза выросли недоимки по области. В годы первой русской революции их сумма увеличилась еще в два раза¹⁹². Воронцов-Дашков справедливо замечал, что все это происходило «под влиянием общеимперского революционного движения». «В настоящее время,— писал он,— замечаются последствия социал-демократической пропаганды и среди мусульман: так, в отдельных местностях крестьяне отказываются отбывать повинности в пользу беков...»¹⁹³

Напуганная ростом революционного движения, местная администрация Дагестана засыпала центральные органы письмами и проектами о необходимости срочного освобождения зависимого населения. При этом зависимые отношения назывались «остатком отжившего уже крепостного права», ненормальными и вызывающими враждебные отношения поселян к бекам¹⁹⁴. Более откровенным в этом отношении был Воронцов-Дашков. Он прямо писал тому же барону Нольде, что «...при нынешних условиях (речь идет о сложившейся революционной ситуации.— О. Г.) дальнейшее существование обязательных и зависимых отношений крестьян и поселян к помещикам и владельцам не может быть более терпимо»¹⁹⁵. Перепуганный наместник категорически настаивал даже на том, что «...отмена всех личных, натуральных и денежных повинностей в пользу помещиков и владельцев», должна быть проведена «...без замены их выкупными платежами»¹⁹⁶.

«Только при этих условиях,— писал он,— возможно внести умиротворение в местности, охваченные на Кавказе крестьянскими волнениями, и предупредить их в остальных местах, где население уже давно тяготится обязательными отношениями»¹⁹⁷.

Однако революция потерпела поражение, победила реакция. Колониальной администрации было предложено

---

¹⁹² Обзоры Дагестанской области за 1899—1908 гг.

¹⁹³ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 110. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова, 1907 г.

¹⁹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 21, оп. 3, д. 66, л. 115—116.

¹⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

но «принять все меры к взысканию повинностей в пользу беков»¹⁹⁸. Были также приняты меры и для взыскания всех недоимок в пользу казны и помещиков.

Это вызвало резкий протест со стороны крестьян. В течение 1908—1909 гг. по всему Дагестану прокатилась новая волна крестьянского недовольства. Как сообщала газета «Вестник Баку», жители Дагестанской области обратились в Думу с просьбой «помочь их горю». С 1898 по 1908 г. они уплатили казне земельного налога 101 550 руб., а земельная комиссия на заседаниях своих 30 апреля, 10 и 12 сентября 1908 г. постановила взыскать с крестьян в пользу беков и помещиков за то же время 99 524 руб. «Мы не знаем,— писали крестьяне,— кто является хозяевами обрабатываемых нами земель, казна или беки; если первая, то почему с нас взыскивают в пользу беков, если же последние, то пусть казна вернет нам уплоченные нами деньги»¹⁹⁹. Жалоба раят, конечно, осталась без ответа. Видя, что жалобами ничего не добиться, крестьяне наотрез отказались выполнить распоряжение администрации. Жители селений Кадар, Деличобан, Татлар, Зиль, Марага и др. Кайтаго-Табасаранского округа, Верхнего Казанища и Кумторкала Темир-Хан-Шуринского округа отказались нести повинности в пользу беков²⁰⁰. Борьба продолжалась почти два года. В некоторых местах раяты захватили и распахали бекские земли. Царские власти послали против непокорных полицейские силы. Многие крестьяне были арестованы, другие высланы за пределы Кавказа. С помощью военной силы непокорных удалось усмирить. Однако раятское движение 1908—1909 гг. имело широкий общественный резонанс. Чтобы успокоить общественное мнение, им вынуждена была заняться Дума.

7 июля 1913 г., после почти полувековой беспримерной волокиты, был принят закон о прекращении зависимых отношений поселян Дагестанской области и Закатальского округа к бекам и кешкелевладельцам. От феодальной зависимости были освобождены 13 152 хозяйства. За ними было закреплено 125 252 дес. бывшей

¹⁹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187а, л. 7—11.

¹⁹⁹ «Вестник Баку», 16 декабря 1908 г.

²⁰⁰ ЦГА ДАССР, ф. 2, оп. 3, д. 187а, л. 1.

бекской земли²⁰¹. Но «освобождение» предусмотрело, чтобы в течение 1913—1915 гг. казна выплатила бекам все выкупные платежи крестьян в сумме свыше 302 тыс. рублей золотом одновременно. Крестьяне должны были постепенно погасить эту сумму казне.

В результате реформы 1913 г. дворянское землевладение уменьшилось более чем на 125 тыс. дес. Накануне революции его удельный вес едва ли превышал 15% всех сельскохозяйственных угодий. Однако на земледельческой равнине значение средневекового землевладения по-прежнему оставалось большим. Здесь и после реформы за дворянами осталось около трети всей земельной площади. Причем, это была наиболее удобная и плодородная часть земельных угодий. Реформа 1913 г., таким образом, не решила вопроса. Помещичье многоземелье и крестьянское малоземелье по-прежнему сохраняли свою силу. Трудящиеся Дагестана по-прежнему испытывали двойной гнет. Царизм намеренно насаждал темноту и невежество, проводил шовинистическую политику насильственной русификации края.

Не внесла существенных изменений в положение крестьян и Февральская революция. Хотя аграрный вопрос был главным вопросом буржуазно-демократической революции в России, крестьяне и в Феврале не получили земли. Более того, буржуазия выступила рьяной защитницей помещичьего землевладения. Когда после Февральской революции крестьяне в явочном порядке стали захватывать на равнине бекские земли, органы Временного правительства, и прежде всего земельный комитет дагестанского областного исполкома, ответили на это карательными экспедициями. И в этом нет ничего удивительного. В рассматриваемое время половина бывшей дворянской земли перешла к новым собственникам — буржуазии, бекская земля была заложена и перезаложена в банках и находилась в руках банкиров-капиталистов. Борьба за конфискацию помещичьих земель для буржуазии означало бы бороться против своих интересов. Поэтому она стала на защиту помещиков. Аграрный вопрос по-прежнему оставался одним из наиболее острых вопросов революционного движения в Дагестане.

---

²⁰¹ ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1.

7. Краткие выводы

I. Итак, исследуя дагестанский дореволюционный аул, мы сталкиваемся с наличием в нем элементов различных общественно-экономических укладов: патриархального, мелкотоварного, феодального и капиталистического. Патриархальный уклад — это мелкое натуральное крестьянское хозяйство, которое, как указывал В. И. Ленин, работает только на себя. Если вспомнить, что накануне революции в области преобладала меновая торговля и сельскохозяйственное производство в значительной степени было сосредоточено в руках мелких производителей, хозяйство которых носило сугубо потребительский характер, то нетрудно предположить, что патриархальный уклад, представленный мелким натуральным крестьянским хозяйством, являлся преобладающим.

Второй уклад также был представлен мелким крестьянским хозяйством, но уже имеющим более или менее устойчивые связи с рынком. Этот уклад главным образом стал развиваться в связи с приобщением Дагестана к российской экономике, когда нарушилась патриархальная замкнутость аула и сельское хозяйство стало все больше и больше приспособливаться к рыночным отношениям. Вместе с тем это был наиболее неустойчивый уклад. Неблагоприятные погодные условия и господство рыночной стихии еще больше увеличивали его неустойчивость. В результате мелкие товаропроизводители чаще всего разорялись и теряли свою хозяйственную самостоятельность; небольшой части из них, при стечении благоприятных условий, удавалось подняться до уровня более мощных экономических групп. В этом случае они превращались в эксплуататоров и пополняли группу аульных богатеев.

Феодальный уклад не был единым. Наряду с царским военно-феодальным государством, помещиками и мусульманской мечетью, которые, опираясь на сословное средневековое землевладение, эксплуатировали крестьян феодальными методами, его представляли также крупные скотоводы и землевладельцы, т. е. представители аульной патриархально-феодальной верхушки.

До присоединения Дагестана к России эта верхушка состояла из феодализирующейся патриархально-родовой знати, которая играла исключительно большую роль в экономике области, но не имела сословных привилегий. С присоединением к России ее социальный облик претерпел существенные изменения. Не оформившись в феодальное сословие до присоединения Дагестана к России, она не получила соответствующих привилегий и после вхождения Дагестана в состав России.

Однако, когда царские власти увидели, что, благодаря своей экономической мощи аульская верхушка пользуется огромным политическим влиянием, они в осуществлении своей политики стали опираться и на эту группу. Многим ее представителям были даны офицерские чины, другие были привлечены на государственную службу и стали чиновниками. Видное место занимали они и в местном бюрократическом аппарате. Немало старшин, наибов и даже начальников округов были выходцами из их среды. Эта группа играла большую роль в системе так называемого военно-бекского управления, олицетворявшего политическое господство помещиков.

Вместе с тем надо отметить, что именно эта категория собственников была наиболее тесно связана с рынком. Ее экономическая мощь, особенно в исследуемое время, достигалась не через средневековые сословные привилегии и наследственную собственность, а благодаря тесным связям с рынком. Об этом говорит хотя бы тот факт, что эта группа занимала наиболее видное место именно в наиболее товарных отраслях сельского хозяйства. Причем ее удельный вес в этих отраслях постоянно повышается. Несмотря на это, мы не можем причислить эту группу к числу деревенской буржуазии, так как их экономическая мощь основывалась на эксплуатации крестьян патриархальными и феодальными методами.

Капиталистический уклад был представлен малочисленной аульной буржуазией, значительная часть которой состояла из вчерашних представителей патриархально-феодальной и даже патриархально-родовой знати. Интенсивный рост товарного стада и высокая степень концентрации скота привели к тому, что наиболее

крупные животноводы стали отказываться от традиционной патриархальной формы скотоводства и вести хозяйство путем найма рабочей силы. И в самом деле, для двора, имеющего около тысячи и более овец, десятки и сотни голов крупного рогатого скота, в условиях роста и укрепления рыночных отношений, кош и серкерство уже были невыгодны. Выпас скота сравнительно мелкими отарами был связан с необходимостью иметь дополнительную рабочую силу, т. е. с дополнительными издержками при аренде пастбищ. Такая система значительно затрудняла также и работу по улучшению породности скота. Между тем рынок ставил перед крупными собственниками все новые и новые требования по улучшению качества шерсти, по увеличению выхода мяса. Для этого необходимы были дополнительные вложения капиталов в животноводство и переход к новой системе хозяйствования. Крупные собственники скота, которые поняли это, стали отказываться от старой патриархальной формы животноводства и переходили к новой, более рациональной. Аналогичное положение наблюдалось и в земледелии.

Как свидетельствуют итоги переписи 1917 г., на капиталистический путь развития стали Хасавюртовский округ, виноградарский район г. Дербента и равнинные районы Темир-Хан-Шуринского округа — в основном земледельческие районы и районы технических культур. В других округах этот переход, в большей или меньшей степени, лишь намечался.

Мы коротко охарактеризовали типы общественно-экономических укладов. Однако ограничиваться такой отдельной характеристикой было бы неправильно, ибо она может создать впечатление, будто все уклады существовали обособленно друг от друга. На деле же эти уклады тесно переплетались между собой. Больше того, существование одного было обусловлено существованием другого. Крупная земельная аристократия и феодализирующаяся верхушка аула и существовали благодаря подневольному труду патриархального крестьянства. На базе разложения патриархального крестьянства развивались и два других уклада — мелкотоварный и капиталистический. Поэтому ни один из этих укладов нельзя было встретить в чистом виде. Все докапиталистические уклады несли на себе печать разложения и

в какой-то мере, хотя бы в сфере обмена, были связаны с капитализмом и чувствовали на себе его влияние. Это относится и к патриархальному укладу, который, хотя и не поставлял продуктов своего труда на рынок, но был теснейшим образом связан с рынком рабочей силы.

II. Как свидетельствуют материалы, отложившиеся в различных архивных хранилищах, аграрные отношения в дагестанском ауле в конце XIX — начале XX в. развивались под воздействием двух противоположных тенденций. С одной стороны, наблюдалось систематическое стремление российского военно-феодального государства утвердить систему внеэкономического принуждения и добиться признания единоличных прав государства на землю, укрепления класса крупных помещиков-землевладельцев и консервации патриархально-феодальных отношений. С другой стороны, Дагестан все теснее связывался с всероссийским рынком, все больше втягивался в общерусское товарное обращение. Особенно активизировался этот процесс после завершения строительства Владикавказской железной дороги, соединившей Кавказ с Россией. С этого времени значительно усилилось отвлечение населения из земледелия в промышленность, росли города и городское население, увеличивалось число промышленных предприятий и рабочих, занятых на производстве. Однако это были небольшие предприятия полукустарного типа по переработке некоторых видов сырья. Дагестанцы на этих предприятиях составляли всего 11,2% от общего числа всех рабочих (около одной тысячи человек). Незначительным был и удельный вес промышленной продукции в валовом производстве народного хозяйства (17%). Это говорит о том, что в дореволюционном Дагестане капиталистическая фабрично-заводская промышленность делала лишь первые шаги.

Капиталистические отношения проникли и в сельское хозяйство области. Наблюдалось падение частного землевладения, приобретаемого по наследству от ханов и беков, и рост частного землевладения, приобретаемого за деньги, т. е. феодальная частная собственность сменялась частной собственностью буржуазии. Общественно-экономические отношения также свидетельствовали о наличии всех противоречий, свойствен-

ных товарному хозяйству. Крестьянство распадалось на экономические группы, резко отличающиеся друг от друга. Однако, как свидетельствуют приведенные материалы, на значительно большей части территории области, особенно в горах, этот процесс лишь начинался. Накануне революции здесь уже происходила поляризация социальных групп, мелкое натуральное хозяйство горца все больше и больше, сотнями видимых и невидимых нитей связывалось с рынком и постепенно, теряя свой замкнутый характер, превращалось в мелкотоварное. Но, за исключением овцеводства, все отрасли сельского хозяйства несли еще на себе отпечаток патриархальной уравнительности. Мелкий производитель все еще занимал ведущее место в сфере сельскохозяйственного производства. Это дает нам основание полагать, что в дореволюционном ауле преобладал частью патриархальный, частью мелкобуржуазный мелкокрестьянский уклад, господствовала патриархальная средневековая организация хозяйства. По-прежнему значительная часть земельной площади, особенно на земледельческой равнине, находилась в руках вчерашних феодалов. Черты средневековья были свойственны и для крестьянского землевладения. Сохранились полупатриархальные, полуфеодальные формы скотоводства и земледелия. Особенно сильны были эти отношения в быту. И в этом нет ничего противоречивого. Новые отношения не могли сразу возникнуть, старые — не могли сразу исчезнуть. Патриархально-феодальный уклад был основательно подорван. Новые отношения нарушили его замкнутость, натуральный и самодовлеющий характер. Однако в дагестанской действительности того времени новые и старые отношения чаще всего встречались вместе, в рамках одного хозяйства. Такое соединение нередко порождало самые глубокие, самые сложные и самые неожиданные конфликты и противоречия, но никак не исключало этого сожителства.

По месту того или иного уклада в экономике области Дагестан можно разделить на три группы районов:

первую группу составляли северо-равнинные районы, где к кануну революции безусловно восторжествовало крупное товарное капиталистическое производство. Сюда входили Хасавюртовский округ и низменная

часть Темир-Хан-Шуринского округа. К этой же группе можно отнести и виноградарский район г. Дербента;

вторая группа, которая охватывала остальную часть Темир-Хан-Шуринского округа, а также низменные и предгорные районы Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов, переживала переход от докапиталистических отношений к капиталистическим;

третью группу составляли районы, безусловно стоявшие на докапиталистической стадии развития. Это почти весь внутренний нагорный Дагестан, включавший в себя Аварский, Андийский, Гунибский, Даргинский, Казикумухский, Самурский округа, а также горные районы Кайтаго-Табасаранского и Кюринского округов. Но процесс разложения патриархального хозяйства и становления крупного товарного производства стал наблюдаться и здесь, хотя накануне революции этот процесс находился в указанном районе еще в зачаточном состоянии. По переписи 1917 г., на долю этого района приходилось две трети всего населения и 70% всего сельскохозяйственного производства.

III. Анализируя аграрные отношения в дореволюционном дагестанском ауле, мы провели некоторые аналогии с среднеазиатской деревней, учитывая при этом, что аграрный строй и аграрные отношения там имели свои специфические черты, свои отличительные особенности, которые не могли не наложить отпечатка на уровень социально-экономического развития и характер классовой борьбы. В частности, нельзя не обратить внимания на то, что в отличие от Туркестанского края, аграрное движение в Дагестане всем своим острием было направлено против местной феодальной верхушки — ханов и беков. Если в Средней Азии основной задачей аграрного движения была ликвидация последствий колонизаторской политики царизма, то здесь борьба шла главным образом за ликвидацию средневекового сословного землевладения.

Это не могло не отразиться на характере и движущих силах революционного движения. В Средней Азии и Казахстане к аграрному движению примкнула, в частности, недовольная своим ослаблением земельная аристократия, а также байско-манапская знать. Именно этим и объясняется то обстоятельство, что в период восстания 1916 г., центром которого был казахский аул,

классовые противоречия между социальными слоями внутри казахского общества, по словам М. П. Кима, проявились крайне слабо.

В Дагестане, наоборот, в конце XIX—начале XX в. аграрное движение носило ярко выраженный классовый характер: зависимые крестьяне боролись за ликвидацию помещичьего землевладения.

В таком резком обострении внутренних социальных противоречий в Дагестане большую роль играла и другая историческая причина. На протяжении почти ста лет дагестанское дворянство неизменно выступало союзником царизма. Так было и в период Кавказской войны, которая по существу началась с антифеодальных выступлений горского крестьянства, и в период аграрных волнений конца XIX—начала XX в. Лишь в 1877 г. некоторые представители феодальной верхушки, недовольные ликвидацией ханств, временно примкнули к восстанию, однако в целом ханско-бекское сословие активно участвовало в подавлении и этого восстания. Поэтому в дореволюционном дагестанском ауле наиболее острый характер носили внутренние классовые противоречия. Национально-освободительное движение было здесь сравнительно слабым.

Однако остроту внутренних социальных противоречий в дагестанском дореволюционном ауле по сравнению с среднеазиатской деревней, особенно кочевой, нельзя объяснять лишь политическими причинами. Процесс раскрестьянивания и развитие отходничества свидетельствуют, что в Дагестане интенсивно развивались капиталистические отношения. И в этом нет ничего удивительного, если вспомнить, что Дагестан был присоединен к России на много лет раньше Средней Азии и по своему географическому положению находился в центре высокоразвитых районов, с которыми издавна поддерживал самые тесные экономические связи. В непосредственной близости от Дагестана были расположены такие промышленные центры, как Баку и Грозный, высокоразвитые сельскохозяйственные районы Северного Кавказа, Закавказья, которые поглощали десятки тысяч рабочих рук дагестанцев. Все это не могло не сказаться на степени его социально-экономического развития,

Разрешение аграрного вопроса Октябрьской революцией и осереднячение аула

1. Первые аграрные преобразования

Вопрос о земле был разрешен Великой Октябрьской социалистической революцией. На второй день после свержения буржуазного Временного правительства и установления диктатуры пролетариата II Всероссийский съезд Советов принял ленинский Декрет о земле, один из первых законодательных актов Советской власти. По этому декрету вся земля, в чьих бы руках она ни находилась, отчуждалась безвозмездно и превращалась во всенародное достояние. Одновременно земля была изъята из торгового оборота.

Ликвидировав помещичье землевладение и отменив частную собственность на землю, декрет, тем самым, положил начало ликвидации остатков феодально-крепостнических отношений и одного из источников капиталистического накопления в деревне. Так было в центральных районах страны, где осуществление Декрета о земле началось с разрешения задач, не выполненных буржуазно-демократической революцией. В ряде районов страны, в силу неравномерности социально-экономического развития народов России, эти задачи были разрешены не сразу.

В большинстве районов Средней Азии и Казахстана, например, первоначально революция коснулась главным образом последствий колонизаторской политики царизма. Как свидетельствуют исследователи среднеазиатской и казахской деревни, землевладение манапов и баев в

этот период почти не было затронуто. На это указывают, в частности, Г. Ф. Дахшлейгер, М. П. Ким, А. Турсунбаев и В. П. Шерстобитов¹. Во втором томе истории Туркменской ССР отмечается, что первые аграрные преобразования были направлены против переселенческого кулачества, но почти не затронули байского землепользования².

Как же развивались события в Дагестане?

До мая 1918 г. в Дагестане у власти держался буржуазный Областной исполком, который с самого начала объявил о своей верности Временному правительству и выступил против Советской власти. Однако широкие пародные массы с энтузиазмом встретили весть о победе Октябрьской революции. 7 (20) ноября 1917 г. в пролетарском центре Дагестана, Петровске, большевики добиваются принятия резолюции о признании Советской власти. Вскоре создается Петровский Военно-революционный комитет, который под руководством У. Буйнакского в течение четырех месяцев вел неравную борьбу против горской феодально-клерикальной и националистической контрреволюции.

Победа Октябрьской революции и национализация земли резко активизировали аграрное движение в Дагестане. В середине ноября 1917 г., как только крестьяне Дагестана узнали о ленинском Декрете о земле, на равнине вновь развернулись жаркие схватки вокруг земли: кафыр-кумухцы захватили кутан, принадлежавший княгине Тарковской, и поделили его между собой; жители селения Мугатыр распахали земли беков Табасаранских, таркинцы захватили пастбища бека Геллинского; чирюртовцы — имение князя Темирова; кумторкалинцы отобрали у своего бека кутан «Арбабукюн», а крестьяне сел. Кадар изгнали с кутана служащих бека

---

¹ Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле. На правах рукописи. М., 1961, стр. 67; М. П. Ким. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане. — «Вопросы истории», 1947, № 10, стр. 98—99; А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, стр. 20—22; В. П. Шерстобитов. Социально-экономические отношения в ауле, кыштаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства. — «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, стр. 90.

² «История Туркменской ССР» т. 2. Ашхабад, 1957, стр. 211.

Геллинского. Аналогичные факты происходили в Шамхал-Янги-Юрте, Султан-Янги-Юрте, Каякенте и многих других аулах³.

Областной исполком и его земельный комитет не останавливались ни перед чем, чтобы «оградить владельцев»⁴ от народного гнева и «восстановить их в законных правах»⁵. Аресты, посылки воинских частей на постой, преследование крестьянских активистов приняли широкий размах. Однако репрессии имели обратный результат и способствовали лишь тому, что буржуазный исполком и его националистические деятели окончательно разоблачили себя в глазах трудящихся горцев. Крестьяне стали понимать, что только Советская власть может удовлетворить их чаяния. Не случайно, что в борьбе против беков они все чаще обращаются за помощью к Петровскому Совету рабочих и солдатских депутатов. Характерно в этом отношении заявление поверенного общества селения Шамхал-Янги-Юрт в Петровский Совдеп. Родственник князей Тарковских некий Будабеков сдавал в аренду воды Каспийского моря и Сулака у селения Шамхал-Янги-Юрт. По этому поводу 16(29) ноября 1917 г. поверенный от имени общества писал: «Ввиду того, что Российская революция провозгласила, что земля и вода тем, кто ими пользуется и работает собственным трудом, наше общество объявило арендатору вод, чтобы он более не эксплуатировал достояние народа в промышленных целях, а если желает, то ловил бы рыбу... собственным трудом. Арендатор и Будабеков этого не желают добровольно исполнить. Ввиду этого от лица уполномочившего меня общества обращаюсь к народной власти Совету депутатов и прошу оказать защиту домогательству общества в отношении свободного лова рыбы на прилегающем к нашему селению Сулаке и море и заявляю, что общество объявило арендатору и Абдул Меджиду Будабекову, что осуществляя явочным порядком на эти воды права — „права человека“ жить и работать на земле и

---

³ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане. 1917—1921 гг. (Сборник документов)». М., 1958, док. 27, 29, 32, 35, 51, 53, 54, 61, 71, 75.

⁴ Там же, док. № 54.

⁵ Там же, док. № 29.

воде, оно не допустит эксплуатации вод с промышленной целью»⁶.

Порт-Петровский Совдеп активно поддержал шамхал-янги-юртовцев. На рыбные промыслы были посланы делегаты Петровского союза ловцов для подготовки промыслов к национализации. Акт о национализации был принят 27 февраля 1918 г. Одновременно Порт-Петровский Военно-революционный комитет национализировал также и другие наиболее крупные предприятия города: холодильник акционерного общества «Рыбак», бондарные предприятия, текстильную фабрику «Каспийская мануфактура», фабрику стальных канатов, гвоздильный завод и др.

Деятельность Порт-Петровского ВРК вызывала бешеную злобу буржуазного исполнительного комитета. В конце марта 1918 г. Облисполком двинул на Петровские конные части и отряды имама Гоцинского. Реакции удалось временно ликвидировать первый очаг Советской власти. Однако контрреволюция торжествовала недолго. Уже в конце апреля 1918 г. с помощью бакинского и астраханского пролетариата трудящиеся Дагестана свергли буржуазный исполком. 2 мая 1918 г. был образован Дагестанский Областной Военно-революционный комитет, который провозгласил установление Советской власти в Дагестане.

Примерно к этому времени относится и первая попытка практического осуществления Декрета о земле в Дагестане. В частности, ВРК в своем воззвании к трудящимся Дагестана объявил, что его ближайшей задачей является «полное освобождение трудового народа от всякого гнета беков, князей и богачей, установление прочного мира между всеми национальностями на основе свободы, равенства и братства, немедленная передача казенных, бекских, ханских и крупных частновладельческих земель, пастбищных гор и лесов в руки трудового народа Дагестана»⁷.

Однако это общее декларативное положение ВРК в дальнейшем осталось неконкретизированным. По крайней мере нам не известны даже общие принципы форм

---

⁶ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане», док. № 27.

⁷ Там же, док. № 126.

землеустройства, порядок землепользования и т. д., установленные ВРК.

В практическом осуществлении ленинского декрета в Дагестане огромную роль сыграл Бакинский Совнарком во главе с С. Шаумяном. В апреле 1918 г. в составе посланного на помощь трудящимся горцам красногвардейского отряда была создана агитационно-пропагандистская группа для работы в ауле. Группа была снабжена всевозможной литературой, инструкциями, брошюрами, газетами, воззваниями и распространяла в Дагестане, наряду с газетами «Правда» и «Бакинский рабочий», также и «Основной закон о социализации земли», «Инструкцию-наказ делегатам на крестьянский съезд». Иногородный отдел Бакинского СНК подготовил, кроме того, на русском и местных языках «Положение о земельных комитетах и инструкцию земельным комитетам» и другие документы⁸.

18 июня 1918 г. за подписью председателя Бакинского СНК Степана Шаумяна и Наркома земледелия М. Везирева вышел в свет «Декрет Бакинского Совета народных комиссаров о социализации земли в Закавказье и Дагестанской области»⁹.

Первый пункт Декрета гласил: «Немедленно произвести изъятие земель, построек, инвентаря, сельскохозяйственных продуктов и материалов из частного владения всех помещиков (беков, ханов, маликов, князей), их доверенных и нетрудовых арендаторов...»¹⁰. Впредь до проведения в жизнь «Основного закона о социализации земли», изданного Всероссийским Центральным Комитетом, Декрет предлагал использовать конфискованное имущество на основании «Временной инструкции переходных мер по проведению закона о социализации земли».

Однако Декрет Бакинского СНК лишь в общих чертах наметил основы будущего земельного строя. Более конкретно порядок земледеления и землепользования был разработан в Положении о земельной реформе, принятом в тот же день, что и Декрет Бакинского Совнаркома.

⁸ Там же.

⁹ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане», док. № 149.

¹⁰ Там же.

«Земельная реформа,— указывалось в первом пункте этого Положения,— имеет целью осуществить коренное преобразование земельных отношений в Закавказье и Дагестанской области на началах социализации в интересах трудового крестьянства и всего народного хозяйства»¹¹.

Положение определяло и порядок перераспределения общенародного фонда. В нем прежде всего отмечалось, что «все земли сельскохозяйственного назначения, донныне состоящие в нетрудовом владении, передаются в пользование трудового населения без выкупа и распределяются между ним...»¹². Исключение составляли «леса, воды, недра, а также земли специальной культуры и промышленного значения, имеющие особую народнохозяйственную ценность — сады, питомники, хлопковые и рисовые плантации, хозяйства, разводящие виноград, табак, свекловицу и т. п. и равным образом опытные и показательные поля и участки, уголья сельскохозяйственных и других учебных заведений и общественных учреждений, преследующих культурные цели...»¹³. Эти земли распределению не подлежали и образовывали особый фонд, в который были также включены бывшие казенные летние и зимние пастбища.

Как отмечалось в Положении о земельной реформе, земля передавалась крестьянам временно, путем уравнительного распределения по числу едоков в семье. Распределение производилось «по трудовой норме, устанавливаемой особо для каждой местности»¹⁴.

Трудовое крестьянство области, особенно бывшие раяты, с энтузиазмом приняло Декрет о земле. Характерно в этом отношении письмо теркемейских раят Комитету революционной обороны Дербента. Избавившись от вековой эксплуатации беков и ханов, они писали, что «теперь мы ни в коем случае не согласимся опять посадить их на свою шею и будем до последней капли крови защищать Советскую власть»¹⁵.

---

¹¹ Там же, док. № 151.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», 19 мая 1918 г.

Летом 1918 г. местные Советы развернули деятельность по конфискации и перераспределению помещичьих земель. Так поступили крестьяне селения Чонтаул с собственностью князя Казанлипова¹⁶. Бекская земля была отобрана и распределена и между крестьянами всех Теркемейских аулов¹⁷. Кадарцы также вынесли решение о выселении из аула представителей дворянства, о конфискации их имущества¹⁸. Примеров, свидетельствующих о развертывании летом 1918 г. аграрной революции в дагестанском ауле, особенно на земледельческой равнине, где главным образом и концентрировались частновладельческие земли, очень много.

Однако в начале осени 1918 г. под напором объединенных сил контрреволюции Советская власть в Дагестане временно пала. Все аграрные преобразования, осуществленные ею, были ликвидированы, и горское правительство с рвением выступило в защиту частной собственности. В результате, несмотря на сопротивление крестьян, права беков и князей были восстановлены.

Это вызвало широкую волну народного недовольства. Местные власти с тревогой сообщали об усилении сопротивления населения любому начинанию, исходящему от горского правительства. Уже в начале февраля 1919 г. губернатор горского правительства проводит съезд начальников округов для выработки мер борьбы с усиливающимся влиянием большевиков среди населения области. Съезд вынужден был откровенно признать, что «большинство населения заражено большевизмом», что «доверия к власти нет». Единственный выход из создавшегося положения съезд видел в «принятии крутых мер без всякого послабления, вплоть до применения воинской силы»¹⁹. В то же время, не полагаясь на свои силы, губернатор призвал начальников округов «разъяснить населению, что англичане ведут и будут вести открытую и упорную борьбу с большевиками и большевистскими идеями»²⁰. Но угрозы не испугали трудя-

¹⁶ «Известия Комитета революционной обороны г. Дербента», 19 мая 1918 г.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦГА ДАССР, ф. 135р, оп. 1, д. 15, л. 21.

¹⁹ «Борьба за установление Советской власти в Дагестане», док. № 252.

²⁰ Там же.

щихся горцев, вкусивших плоды свободной жизни. Областная администрация была вынуждена обратиться за помощью непосредственно к горскому правительству. Губернатор Дагестана в рапорте на имя министра внутренних дел горского правительства от 10 апреля 1919 г. писал: «...сообщаю, что по достоверным сведениям селения Кумторкала, Дженгутай, Дургели и Кадар вышли совершенно из повиновения властям благодаря агитации со стороны большевиков, и что в данный момент у администрации нет сил бороться с этим злом. Поэтому необходимо командировать в эти селения организованную воинскую силу для подавления развившейся анархии»²¹. Горское правительство, конечно, с готовностью откликнулось на просьбу своего ставленника и приняло все меры, чтобы усмирить недовольных.

Однако осилить растущее с каждым днем революционное движение оно уже было не в состоянии, и тогда реакция решила поставить у власти более «сильную личность» — генерала Халилова, который призвал на помощь генерала Деникина.

Летом и осенью 1919 г. в Дагестане развернулись героические события, подобных которым история страны гор больше не знает. В июне-июле в разных районах Дагестана горцы неоднократно поднимали восстания против белогвардейцев. Но последние обрушивали против восставших карательные отряды, неся народу смерть и страшные насилия. И вот, когда казалось, что звезда белогвардейского генерала Деникина находится в самом зените, когда его озверевшие полчища взяли Курск, Орел и рвались на Москву, когда мировая реакция потирала руки, будучи уверена в скором крахе молодой Советской республики, в последних числах августа и начале сентября в Дагестане начинается всенародное восстание против Деникина. Восстание охватило и многие районы Северного Кавказа. В конце марта 1920 г. с помощью Красной Армии трудящиеся Дагестана очистили свою землю от деникинцев, и Советская власть утвердилась здесь окончательно.

Война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству республики. Сразу же по установлении Советской власти был принят ряд революционных мер по улучше-

²¹ Там же, док. № 259.

нию положения трудового крестьянства. 4 мая 1920 г. Дагестанский ревком принимает решение о передаче земельному отделу для бесплатного наделения безземельных и малоземельных обществ всех бывших частновладельческих и казенных земель²². Через четыре дня, 8 мая, «для обсеменения полей беднейшего населения Дагестана» Ревком выделил тысячу пудов кукурузы²³. Наконец, 23 августа 1920 г. Дагестанский революционный комитет издал «Положение об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной Республики о социализации земли». В Положении отмечалось, что основной задачей земельных отделов является «установление земельных отношений и землеустройство на социалистических началах. Основанием и руководящим принципом деятельности земельных отделов,— говорилось далее,— должен служить провозглашенный Российской революцией принцип: „Вся земля—всему трудовому народу”»²⁴.

Положение еще раз подтвердило отмену всякой собственности на землю, недра, воды, леса и живые силы природы. Оно провозгласило: «Земли без всякого (явного или скрытого) выкупа переходят в пользование всего трудового народа. Право пользования землей принадлежит лишь тем, кто обрабатывает ее собственным трудом, кроме случаев, особо предусмотренных Законом о социализации земли. Право пользования землей не может быть ограничено ни полом, ни вероисповеданием, ни национальностью, ни подданством»²⁵. На содержании этой статьи Положения следует остановиться особо. Как уже указывалось в первом разделе настоящей работы, в дореволюционном ауле адат лишал женщину всякого права на землю. В случае смерти мужа и отсутствия в семье детей мужского пола двор терял всякое право на свою долю и при разделе общественных угодий. Декрет о земле положил конец такой вопиющей несправедливости и сыграл в высшей степени революционную роль в раскрепощении горянки. Земля была зачислена в государственный фонд и перешла в непо-

²² «Революционные комитеты Дагестана. Сборник документов». Махачкала, 1959, док. № 166.

²³ Там же, док. № 167.

²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 34.

²⁵ Там же.

средственное ведение Народного комиссариата земледелия и подведомственных ему местных органов власти.

Положение устанавливало также общий порядок землепользования. Рекомендовалось всю площадь сельскохозяйственных угодий в первую очередь использовать для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую — для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, в третью — для добывания средств к существованию единоличных землепользователей²⁶.

Положение сделало также попытку каким-то образом урегулировать межселенное неравенство в землевладении. Одна из его статей так и гласила: «Во временном, впредь до проведения землеустройства, пользовании сельских обществ должна оставаться лишь такая площадь земли, которая может быть использована личным трудом работоспособных его членов, не превышающая приблизительной потребительно-трудовой нормы»²⁷. Излишки предполагалось передать во временное пользование безземельным и малоземельным сельским обществам, до пределов приблизительной продовольственно-трудовой нормы и затем отдельным трудящимся гражданам, сначала безземельным, а затем малоземельным, также в пределах нормы²⁸. Аренда земли была категорически запрещена.

Кроме того, конфисковывались и передавались в руки трудящихся без выкупа «весь живой и мертвый инвентарь, а равно все постройки и сельскохозяйственные предприятия» нетрудовых хозяйств²⁹.

Большое внимание в Положении уделялось формам землепользования. Крестьяне могли вести земледелие на любых началах и в любой форме, но преимущества сохранялись за коллективными формами землепользования.

Наделение крестьянских дворов землей должно было осуществляться строго на «уравнительно-трудовых началах так, чтобы потребительно-трудовая норма, применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования, не превышала трудоспособ-

²⁶ Там же, л. 35.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

ности наличных сил каждого отдельного хозяйства и в то же время давала бы возможность безбедного существования семье земледельца»³⁰.

Идея уравнительного землепользования не была большевистской идеей. Однако основная масса крестьянства считала, что для коренного улучшения их положения необходимо конфисковать помещичьи имения и провести уравнительное распределение всей земли. По мнению крестьянина это обеспечивало равные условия для хозяйственного роста и максимум свободы в отношении землепользования. Настроения широких крестьянских масс нашли свое отражение в «Крестьянском наказе о земле», который был приложен к Декрету о земле. Большевики понимали, что в обстановке неравного распределения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота никакого равенства на деле быть не может, но они считали необходимым удовлетворить требования крестьянских масс. Вот что говорил В. И. Ленин по этому поводу: «Мы, большевики, были противниками закона о социализации земли. Но все же мы его подписывали, потому что мы не хотели идти против воли большинства крестьянства. Воля большинства для нас всегда обязательна, и идти против этой воли — значит совершать измену революции.

Мы не хотели навязывать крестьянству чуждой ему мысли о никчемности уравнительного разделения земли. Мы считали, что лучше, если сами трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственной шкуре увидят, что уравнительная дележка — вздор»³¹.

В интересах бедноты был решен также вопрос о зимних пастбищах. Нет нужды специально говорить о том, какое огромное значение имел этот вопрос в условиях отгонного животноводства. До революции мелкий скотовод и помышлять не мог о свободной аренде необходимых пастбищных угодий для перегона на зиму своего скота. Крупные горские овцеводы снимали все пастбища на равнине и использовали их для закабаления и эксплуатации бедноты. Советская власть ликвидировала такое положение. Уже накануне осеннего перегона скота в 1920 г. областной ревком дал указание предо-

³⁰ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 5, л. 34.

³¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 156.

ставить горской бедноте зимние пастбища в первую очередь и в бесплатное пользование³².

В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и утверждения Советской власти трудовое крестьянство получило 441,6 тыс. га бывшей помещичьей и казенной земли³³. Позднее, в 1923 г., у кулаков были конфискованы, кроме того, 1200 десятин виноградников и все винодельческое имущество³⁴. Трудящиеся горцы, таким образом, были освобождены от всевозможных поборов и арендных платежей. Были аннулированы и долги земельному банку в сумме свыше 300 тыс. руб. золотом³⁵.

Коммунистическая партия и Советское правительство приняли также самые радикальные меры для ликвидации земельного голода и обеспечения горцев пашней и зимними пастбищами. Решением правительства РСФСР в 1920 г. Дагестану были возвращены присулакские и засулакские земли, населенные кумыками, и в свое время искусственно оторванные царскими колонизаторами. В состав Дагестанской республики были также включены многоземельные Кизлярский и Ачикулакский округа, что увеличило фонд удобных земель республики более чем на 50%.

Таким образом, осуществились вековые чаяния дагестанского крестьянства, оно освободилось от помещичьей кабалы и получило землю. Огромное значение национализации земли состояло еще и в том, что она, как отмечал В. И. Ленин, создала «земельный строй, наиболее гибкий в смысле перехода к социализму»³⁶.

Следует, однако, отметить, что аграрные преобразования в Дагестане не носили такого последовательного характера, как в центральных районах страны. Декрет о земле преимущественно коснулся казенных и дворянских земель. Земли патриархальной знати, феодально-клерикальных элементов и кулачества в подавляющем своем большинстве экспроприации не подверглись. Так, например, мусульманская мечеть в рассматрива-

---

³² «Революционные комитеты Дагестана», док. № 180.

³³ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 5.

³⁴ Там же, оп. 2, д. 15, л. 4—6.

³⁵ «Красный архив», 1936, 6(79), стр. 105.

³⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 290.

емое время сохранила свои земельные владения почти полностью. Законодательство по аграрному вопросу совершенно не коснулось вакуфной (мечетской) собственности. Объяснялось это тем, что крестьянство Дагестана еще в значительной мере находилось во власти религии и потому не было готово к полному изъятию вакуфного имущества.

Сохранились также старые патриархально-феодальные формы эксплуатации мечетской собственности. Так, по сообщениям местных органов власти, мечетская земля по-прежнему находилась в испольной аренде на условиях одной шестой или даже трети урожая. Мечетский скот был роздан овцеводам и содержался главным образом «за отпущение грехов». По-прежнему во многих аулах действовала мечетская десятина³⁷.

Другой особенностью аграрной революции в Дагестане являлось сохранение права купли-продажи и завещания крестьянских мюльков в высокогорных районах. Правда, ни декрет Бакинского СНК от 18 июня 1918 г., ни Положение Дагестанского ВРК «об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной республики о социализации земли» специально об этом ничего не говорят. Лишь 22 января 1922 г. в тезисах Народного Комиссариата земледелия Дагестана об осуществлении декрета о земле было признано такое право. Причем отмечалось, что это временная мера и допущена она «в горных округах, где культурные клочки земли созданы чрезмерным трудом целых поколений (террасы и т. п.)»³⁸. Более того, это право ограничивалось условием, чтобы в одних руках не накапливалось земли более потребительско-трудовой нормы данного района.

Эта уступка была продиктована необходимостью. Горское крестьянство годами и поколениями трудилось, чтобы отвоевать у природы крохотный участок земли, который и составлял мюльк — надежду и опору крестьянской семьи. После присоединения Дагестана к России, как отмечалось выше, царское правительство пыталось внушить горцу, что все земли, в том числе и

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 31—33; Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 138—147.

³⁸ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 1, д. 3-а, л. 3.

мюльки, принадлежат казне, государству. Горский крестьянин упорно считал мюльк своей полной собственностью, и колониальные власти ничего с такой практикой сделать не смогли. Наоборот, эти попытки царизма еще более усилили привязанность горца к своему клочку. Именно поэтому нельзя было ожидать, что трудящийся горец сразу же после революции откажется от своей собственности, сразу поймет необходимость национализации земли. Только упорная борьба за переделку психологии горского труженика могла создать условия для ликвидации мюльковой собственности.

В первые годы своего существования Советское государство не располагало такой возможностью, поэтому временно было сохранено право купли и продажи мюльков. Одновременно были приняты меры для ограничения возможной концентрации мюльков в одних руках и роста крупного частного землевладения. С этой целью крестьянину, владеющему установленной нормой земли, было запрещено покупать новый мюльк. Вместе с тем тут же следует подчеркнуть, что площадь мюльковых земель была очень незначительной, и местные органы власти и партийная организация прекрасно понимали это. Сохранение ограниченного права купли-продажи мюльков в условиях Советской власти не могло скольконибудь значительно сказаться на социально-экономических процессах в дагестанском ауле того времени.

Важно остановиться еще на одной характерной особенности первых аграрных преобразований в Дагестане. Известно, что Декрет о земле резко обострил классовую борьбу в деревне. Беднота, не имея рабочего скота и инвентаря, не могла освоить земли, отобранные у помещиков. Воспользовавшись этим, помещичьи земли стали захватывать кулаки. Стремясь в то же время сорвать социалистическое строительство, кулачество открыто стало бойкотировать хлебные поставки государству по твердым ценам.

Страна оказалась в трудном положении. Партия была вынуждена принять самые решительные меры для подавления сопротивления контрреволюционного кулачества. Особую роль в этом сыграли комитеты бедноты (комбеды), специально созданные декретом от 11 июня 1918 г. для разгрома кулачества. Комбеды с помощью рабочих перераспределили конфискованные у помещи-

ков земли и инвентарь, насильственно изъяли у кулаков 50 млн. га земли и продовольственные излишки. В пользу бедноты у кулачества была конфискована и часть орудий производства. Эти меры были дальнейшим развитием социалистической революции в деревне. По выполнении своей роли комбеды в конце 1918 г. были слиты с волостными и сельскими Советами.

По-другому протекали эти события в дагестанском ауле. Как уже отмечалось, Советская власть в Дагестане была провозглашена в мае 1918 г. В июле-августе того же года в некоторых аулах равнинного Дагестана возникли бедняцкие комитеты, которые стали распределять бекскую землю и повели решительную борьбу против кулачества. Но их деятельность не получила сколько-нибудь широкого размаха. Когда в начале сентября 1918 г. Советская власть в Дагестане временно пала, помещичья земля была возвращена владельцам, а кулацкое землевладение осталось почти нетронутым. По далеко не полным официальным данным того периода, только излишки сверх потребительско-трудовой нормы у патриархальной верхушки аула и кулачества составляли 207,8 тыс. га, или по 20 га на хозяйство в среднем³⁹. В то же время известно, что феодально-клерикальные элементы были главной опорой дагестанской контрреволюции, поэтому наиболее активные из них уже в ходе революции и гражданской войны подверглись экспроприации.

Такая участь постигла, например, главарей контрреволюции князей Тарковских, Уцмиевых, представителя феодально-клерикальных верхов Гоцинского, крупных собственников-овцеводов, вроде Перзулаева, и др. Тысячи гектаров пашни и пастбищ, десятки тысяч голов скота, сельскохозяйственный инвентарь и другое имущество, принадлежавшее им, уже в 1919—1920 гг. было распределено между красными партизанами и аульной беднотой. В подрыве их экономической мощи большую роль сыграла и политика военного коммунизма. И все же, в силу особенностей исторического прошлого и социально-экономического развития края, в силу особенностей развития революции и событий гражданской войны, удельный вес патриар-

³⁹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 8.

хально-феодалных элементов и кулаков в экономике Дагестана был более значителен, чем в центральных районах страны.

Осуществление ленинского лозунга «Земля трудовому народу» в Дагестане имело и ряд других особенностей, обусловленных как уровнем социально-экономического развития края, так и его физико-географическими условиями. В частности, 204 представителя помещицкой и феодально-клерикальной верхушки и после революции сохранили 75,4 тыс. га земли, т. е. примерно 370 га на каждого владельца, в то время как в среднем по Дагестану на человека приходилось 4,98 га (7,2 га на равнине и 3,4 га в горах), т. е. почти в 80 раз меньше⁴⁰.

Ликвидация помещицкого землевладения не исключала возможности наделения бывших помещиков землей. Законодательство о социализации земли прямо предусматривало специальный пункт о наделении бывших помещиков землей по общей для всех норме. В этом случае от них требовалось лишь неучастие в контрреволюционных заговорах и обработка отведенного участка личным трудом, без наемных рабочих и без сдачи в аренду. Такой пункт был и в Положении ВРК Дагестана⁴¹. Советское правительство надеялось при этом использовать опыт помещиков в ведении современного крупного сельскохозяйственного производства. Больше того, рабоче-крестьянская власть допускала даже участие бывших помещиков в коллективных хозяйствах. В. И. Ленин на заседании Петроградского Совета 12 марта 1919 г., отвечая на вопрос, можно ли оставлять бывших помещиков в сельскохозяйственных коммунах, говорил: «Это зависит от того, какой помещик. Такого декрета не было, чтобы помещиков не пускать. Конечно, помещик внушает недоверие, потому что он веками угнетал крестьян, которые его ненавидят, но если есть такие, которых крестьяне знают, как порядочных людей, то их пускать не только можно, но и должно. Мы должны использовать таких специалистов, у них есть привычка ставить крупные хозяйства и они мно-

---

⁴⁰ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 8.

⁴¹ Там же, оп. 2, д. 5, л. 35.

гому могут научить крестьян и сельскохозяйственных рабочих»⁴².

Однако, как показал опыт, бывшие помещики и крупные землевладельцы «использовали» свои организаторские навыки совсем в других целях.

Чем же объяснить тот факт, что незначительная по численности эксплуататорская верхушка и после революции сохранила за собой сравнительно много земельных угодий и на этой основе — политическое влияние в ауле? Ответить на этот вопрос будет нетрудно, если обратиться к материалам о классовой дифференциации дагестанского аула накануне Октябрьской революции. Изучая эти материалы, мы заметили, что на значительной части территории Дагестана процесс экономической и политической дифференциации аульных «верхов» и «низов», процесс классового размежевания различных социальных сил в ауле только начался. Горец еще в значительной степени находился в плену социальной демагогии эксплуататорской верхушки о «национальном и родовом единстве» и далеко не всегда осознавал свои классовые интересы и задачи. Это особенно характерно было для горного Дагестана.

В документах того периода неоднократно отмечалось, что «бывшие помещики и крупные землевладельцы получали земли, обходя существующие законы», главным образом «пользуясь темнотой местного крестьянства»⁴³.

Наряду с этим были и другие причины, больше связанные с различием естественно-географических условий, но оказавшие большое влияние на развитие аграрной революции в республике. Коротко остановимся на них.

В большинстве районов равнинного Дагестана победа Советской власти ознаменовалась революционным захватом крестьянством помещичье-дворянской земли и уничтожением старых порядков землепользования. Из земельной площади в 441,6 тыс. га, которая после революции перешла в руки трудящихся, на равнинную часть приходилось 356,2 тыс. га. Однако население равнины и до этого не испытывало острого земельного го-

---

⁴² В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 18.

⁴³ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 159.

года. Пользуясь трудностями переходного периода, часть крупных владельцев равнины сумела сохранить за собой значительные излишки земли.

Иное положение наблюдалось в горных районах Дагестана. Основная проблема горского крестьянства — малоземелье, не могла быть решена сразу же по установлению Советской власти, так как в этой части Дагестана удобной земли вообще было мало.

Для освоения равнинных земель путем массового переселения горцев и ликвидации аграрной перенаселенности гор нужны были время и средства. Поэтому аграрные преобразования меньше всего коснулись этой части республики. Используя культурную и политическую отсталость горского населения и его приверженность к мюльковой собственности, опираясь на патриархально-феодальные пережитки и влияние эксплуататорских элементов, особенно духовенства, многие представители феодально-клерикальной и родовой верхушки горского общества сумели и после революции сохранить свою землю почти в нетронутом виде. Этому способствовала также разбросанность земель по горам и ущельям, многонациональность, плохие средства сообщения, затруднявшие связь и объединение трудящихся горцев в борьбе за свои интересы.

Особенности социально-экономического развития дагестанского доколхозного аула заключались не только в том, что здесь не были разрешены до конца задачи буржуазно-демократической революции. Они проявлялись еще и в том, что из-за незавершенности аграрной революции патриархальщина по-прежнему продолжала сказываться на земельном строе, на формах организации хозяйства и особенно в быту и идеологии народных масс, т. е. в той сфере общественной деятельности человека, которая труднее поддается влиянию нового. Изучение места и значения патриархально-феодального уклада в социально-экономическом строе доколхозного аула — одна их самых трудных задач. Дело в том, что специальные учреждения и комиссии того времени изучали преимущественно классовую структуру аула, распределение основных средств производства между различными экономическими группировками и отношения, складывавшиеся на почве их неравномерного распределения. Вопросы о месте и роли патриархально-феодаль-

ных пережитков они не касались. В силу этого в лучшем случае мы располагаем всевозможными письмами и заключениями комиссий лишь о характере отдельных проявлений патриархальщины. Никаких итоговых данных, чтобы судить о том, какое распространение имели патриархально-феодалные отношения среди различных экономических групп в различных районах, у нас нет. Между тем не ответив на этот вопрос, невозможно воссоздать сколько-нибудь полной и достоверной картины социально-экономического развития доколхозного аула.

Великая Октябрьская социалистическая революция в корне изменила экономические и политические основы жизни горского общества. Однако от провозглашения политической декларации до ее претворения в жизнь всегда проходит определенное время, которое принято называть переходным. Длительность переходного периода, как правило, находится в прямой зависимости от степени развития классовых сил и классовых отношений, степени морально-политического развития общества, исторического прошлого края и т. д. Для переходного периода характерно сосуществование противоположных, взаимно исключаящих друг друга экономических укладов: старый подорван и низвергнут, но до определенного этапа, в силу инерции, его существование неизбежно, новый нарождается, но еще не может сразу целиком заменить собой старый и до поры до времени вынужден сосуществовать с ним.

С таким сосуществованием различных укладов мы сталкиваемся и в дагестанском ауле переходного периода. Хотя Октябрьская революция в корне изменила экономические и общественно-политические условия существования горского общества, из-за недостаточной дифференцированности классов и классовых интересов, из-за влияния мусульманской религии и общей отсталости, унаследованной от прошлого, остатки старины — пережитки патриархально-феодалных и даже патриархально-родовых отношений — продолжали существовать и после революции, на каждом шагу мешая движению к социализму, тормозя экономическое и политическое возрождение края.

По-прежнему довольно широко был распространен патриархальный уклад в животноводстве, так называемая система серкерства, когда вокруг одного зажи-

точного овцевода собирались 10—20 мелких овцеводческих хозяйств для совместного перегона и выпаса скота на зимних пастбищах. До революции, как было уже отмечено, в качестве серкера — главы коша, т. е. объединения, выступал крупный овцевод-кулак. После революции с целью маскировки кулак выставлял в качестве серкера середняка и даже бедняка, однако сущность серкерства от этого не изменилась, за их спиной кулак по-прежнему руководил всей жизнью коша.

Нередко сохранялась и родовая собственность на землю, особенно на пастбищные горы. Так, при проверке аула Унчукатль, одного из девяти обследованных аулов, комиссия обкома партии установила, что крупный овцеводческий род Штанчаевых «безраздельно владел пастбищной горой „Мицкинтукалу”»⁴⁴. Аналогичные факты были выявлены и в других обследованных аулах. Правда, это не значит, что весь род на равных правах использовал свою собственность. Как правило, пастбища использовались наиболее богатой родовой верхушкой и форма собственности в данном случае играла всего навсего роль ширмы для прикрытия давно сложившегося неравенства внутри рода. Но, способствуя укреплению идеи-фикс о родовом единстве, родовом равенстве, этот пережиток старого оказывал ощутимое влияние на психику членов рода и на всю общественную жизнь аула. В некоторых отсталых горных аулах сохранилась даже родовая организация джамаата — сельского общества. В таких аулах отдельные влиятельные роды безоговорочно руководили всей хозяйственной, политической и культурной жизнью членов общества. Имели место факты, особенно в начале переходного периода, когда все вопросы жизни села решались на совете старейшин, а советским и партийным организациям предлагалось лишь засвидетельствовать принятые решения. При обследовании классовой борьбы в нагорном Дагестане в 1929 г., например, выяснилось, что в селении Ричиганик сохранился совет старейшин. Как записано в докладной записке по итогам проверки этого аула, «единственное новшество в его структуре за время

---

⁴⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 138—139.

революции заключается в том, что в его состав входит и уполномоченный сельсоветом, так же как старшина в прежние годы. Все вопросы, прежде чем быть обсужденными на сходе, решаются здесь. Таким образом, сход ставится перед фактом и утверждает только решения „стариков“. И так крепок этот пережиток старого, что уполномоченный сельсоветом, получив директивы, циркуляры, или, как их называют, „приказы“ центра, прежде оглашения на сходе, обсуждает их в Совете старейшин»⁴⁵.

Далее в той же записке говорится, что только после обсуждения на этом совете решались такие важнейшие вопросы, как выдвижение кандидатур в сельсовет, распределение ссуды, распашка новых земель, организация выпаса и т. д. О том, в чьих интересах действовал этот совет, можно судить по его решению, которое вопреки циркуляру окружного земельного отдела о распределении между беднотой и распашке некоторых пастбищных угодий предписывало наделить этой землей по равной норме всех членов джамаата без исключения. По этому поводу в записке говорится: «Беднота, зная, что в этом случае им достанется худшая доля, отказалась от своего плана, не будучи никем организована против кулачества»⁴⁶.

Пережитки родовой организации были настолько сильны, что они и в новых условиях использовались аульной верхушкой в своих целях. До революции в дагестанском ауле сплошь и рядом можно было столкнуться с таким явлением как «родовая профессия», «родовая специальность» и т. д. Интересно, что поставка даже духовных лиц — мулл, дибиров, кадиев и даже ученых-арабистов нередко была «привилегией» отдельных родов. Это явление было зафиксировано и указанной комиссией. Больше того, во многих отсталых аулах между отдельными родами имела место борьба «за овладение» органами советской власти на местах.

Патриархально-феодалные пережитки нашли свое выражение и в сохранении в известной мере сословно-кастового деления аула на лагов-рабов и узденей — свободных общинников. Лаги, или потомки бывших

⁴⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 138—139.

⁴⁶ Там же.

когда-то рабов, подвергались всевозможной дискриминации и ограничениям даже после установления советской власти. Вот что писала по этому поводу комиссия, обследовавшая нагорный Дагестан: «Сейчас горец очень хорошо знает, что все люди в ауле делятся на бедняков, середняков и кулаков, но также хорошо, если не лучше, он знает, что граждане делятся на „узденей“ — людей свободных и „лагов“ — рабов.

„Лагов“ нельзя продавать, ... „лага“ нельзя заставить работать на себя, но „лага“ нельзя считать и равным себе. И эти отношения сохранились... в быту, в общественной жизни и даже в окружных и руководящих органах»⁴⁷.

Комиссия обнаружила, например, такие факты: в ауле Шагода, да и в других аулах, родители запрещали детям дружить с потомками лагов; отправившись вместе в путь, на привале шагодинец-лаг никогда не садился с узденем. Как отмечает комиссия, «считалось величайшим позором выдать дочь узденку за потомка лага или жениться на девушке из лагского рода»⁴⁸.

Не лучшим было положение потомка лага и в общественной жизни аула. Во многих аулах они либо вовсе не участвовали в деятельности сельского схода, либо их мнение просто не принималось в расчет. В Ричиганике «лаги» жаловались на то, что «обо всех мероприятиях соввласти они узнают последними, что ссуды получают тоже последними»⁴⁹.

Из этого можно заключить, что в тех аулах, где сохранились такого рода пережитки, потомки бывших когда-то рабов почти совсем не были представлены и в местных органах власти. Например, в Гоцатле из 18 членов сельсовета 11 были потомками дворян, зато в его составе не было ни одного лага. Настолько крепки были еще пережитки сословно-групповых отношений в ауле. Правда, в подавляющем большинстве аулов Дагестана сословно-групповые различия между так называемыми лагами и узденями давно стерлись и превратились в бытовые пережитки, не имеющие никакого отношения к имущественным отношениям в селении. Но в ряде аулов, особенно внутреннего, нагор-

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

ного Дагестана, где слабо было развито классовое расчленение и сильны были устои патриархальщины, с этими пережитками приходится сталкиваться даже в настоящее время.

Особенно живучи были пережитки патриархально-родовых и патриархально-феодальных отношений в быту. Авторитарность и ответственность рода за преступление сородича, кровная месть, калым, многоженство, бесправное положение женщин в семье стойко удерживались в быту и были довольно распространенным явлением в первые годы после революции.

Однако несомненно и то, что полупатриархальные и полуфеодальные отношения в рассматриваемое время были лишь пережитком, внешней оболочкой, символом прошлого, так как содержание их претерпело коренные изменения и приняло ярко выраженный классовый характер. Фактически уже до революции они прикрывали эксплуатацию горской бедноты, разобщали трудящихся крестьян, умело использовались зажиточными в своих целях.

Вместе с тем приведенный выше материал со всей очевидностью свидетельствует о том, что в начале переходного периода полупатриархальные-полуфеодальные отношения в хозяйстве, в общественной жизни и особенно в быту играли еще значительную роль, и причиной этого была исторически сложившаяся экономическая и культурная отсталость края, консерватизм определенной части населения, а также влияние мусульманской религии, освящающей эту отсталость и консерватизм. Материальной основой силы и живучести полупатриархальных-полуфеодальных пережитков являлась сохранившаяся помещичья, мечетская и кулацкая частная собственность. В пользовании этих трех категорий населения находилась земля площадью в 447 200 га. Из них 75,4 тыс. га принадлежали помещикам, 361 800 га — зажиточной верхушке аула и 10 тыс. га — мусульманской мечети. В то время, как в среднем на одного крестьянина приходилось 4,98 га удобной земли, каждый помещик имел 370 га, или в 80 раз больше, а каждый кулак 34,6 га, или в семь раз больше⁵⁰.

Опираясь на эту материальную базу, а также

---

⁵⁰ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 8.

используя всевозможные предрассудки общественного, бытового и религиозного характера, феодально-клерикальные элементы и кулаки всячески стремились расширить свое влияние на крестьянские массы, пытались сорвать социалистическое строительство в деревне и затормозить реконструкцию сельского хозяйства республики. И до тех пор, пока трудящиеся слои находились под влиянием мулл, это было неизбежно.

Таким образом, аграрные преобразования в Дагестане имели много отличительных черт, обусловленных спецификой исторического, социально-экономического и политического развития этого района.

В отличие от центральных районов страны здесь задачи буржуазно-демократической революции, такие, как ликвидация помещичьего землевладения и овцеводов-полуфеодалов, ликвидация мечетской собственности и другие, не были доведены до конца. Дагестан не знал периода комбедов, а это означало, что кулаки сохранили свою экономическую мощь. На этой почве в первые годы после революции в дагестанском ауле сохранялись как патриархально-феодальные, так и капиталистические формы эксплуатации.

Первые аграрные преобразования в Дагестане имели много отличительных черт и по сравнению с среднеазиатской деревней. Там революция ограничилась в основном ликвидацией последствий колониальной политики царизма, т. е. возвращением коренному населению миллионов десятин земли, отнятых у них царскими властями, и почти не коснулась внутреннего землепользования, в том числе и патриархально-феодального. В Дагестане же дворянское, сословное землевладение в основном было ликвидировано сразу же по утверждению Советской власти. Кстати, так было почти во всех Северо-Кавказских национальных республиках. Так было и в Крыму. Все это позволяет различать три группы районов по степени разрешения в них аграрного вопроса.

Первую группу составляют в основном те области и края, где остатки феодально-крепостнических устоев были сметены сразу, что позволило положить начало социалистической революции в деревне.

Во вторую группу входят те области и республики, где феодально-крепостнические устои были ликвидированы неполностью, где сохранились еще остатки патри-

архально-феодалного уклада, и социалистические аграрные преобразования поэтому слабо коснулись или почти не коснулись деревни.

И третью группу составляют края и области, где на первых порах революция ограничилась ликвидацией лишь последствий колониальной политики царизма.

Вместе с тем очевидно и то, что аграрные преобразования в Дагестане, как и в любом другом районе страны, преследовали ту же цель, что и в центре страны — удовлетворить требования крестьянства и укрепить союз рабочего класса и крестьянства.

* * *

Не менее важен для нас и вопрос о том, каким путем, каким образом осуществлялось перераспределение конфискованной земли среди крестьянства. И в положении Бакинского СНК «О земельной реформе», и в Положении Дагревкома «Об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной республики о социализации земли» подчеркивалась необходимость уравнительного перераспределения земли на основе потребительско-трудовой нормы. Однако эти Положения не устанавливали такой нормы и ограничивались лишь рекомендацией выработать ее «применяясь в данном районе к исторически сложившейся системе землепользования»⁵¹. Пойти по этому пути в условиях Дагестана означало закрепить исторически сложившуюся диспропорцию в размещении производительных сил и средств производства, закрепить разницу между равниной и горами, о которой так часто приходится нам говорить. Известно, что около 95% всех частновладельческих земель, которые и составляли в основном распределительный фонд, приходилось на равнину и использовалось равнинным населением⁵².

Между тем справедливость требовала, чтобы этот фонд как можно полнее удовлетворил интересы не только равнинного, но и горского крестьянства. А это можно было сделать не путем «приспособления к исторически сложившейся системе землепользования», а путем революционной ломки этой системы. Кстати, мы выше отмечали, что в другом пункте названного Положения гово-

⁵¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 5, л. 34.

⁵² ЦГИАЛ, ф. 1276, оп. 2, д. 84, л. 1.

рилось о необходимости изъять у сельских обществ все излишки, остающиеся после наделения ее членов землей по потребительско-трудоустройственной норме. Именно так мыслили свою задачу и органы Советской власти в Дагестане. Однако с самого начала они столкнулись с такими трудностями, о которых в центральных районах страны, возможно, и не подозревали. Во-первых, оказалось, что Дагнаркомзем не располагает никаким межевым и плановым материалом, так как до революции в этом направлении не проводилось никакой работы и вся сельскохозяйственная политика царизма в Дагестане строилась на материалах опроса, которые «дополнялись» и «уточнялись» местными колониальными властями по своему усмотрению. Во-вторых, львиная доля помещичьей и казенной земли сразу же после окончательного утверждения Советской власти в Дагестане была захвачена равнинным крестьянством. Поэтому получилось так, что безземельный горец как был без земли, так и остался без нее на первых порах. Интересно в этом отношении замечание Управления землеустройства Наркомзема ДАССР: «Когда до народа дошло: „Земля трудящимся“,—говорится в докладе этого управления,—плоскостная беднота, а за нею малоземельные и многоземельные жители богатых плоскостных сел, захватили столько частновладельческих земель, что справиться с ним не смогли, но никому их и не уступили»⁵³.

При таких обстоятельствах для того, чтобы добиться элементарной справедливости в распределении земли, необходимо было изъять у равнинных обществ незаконно захваченные ими излишки земли и распределить их между малоземельными горцами. И это, пожалуй, была самая трудная задача, стоявшая тогда перед Наркомземом. Недаром в записке Управления землеустройства читаем: «Этого-то изъятия Дагнаркомзему и не удастся до сих пор провести в жизнь по той простой причине, что нет межевых и плановых материалов, на основании чего мы могли бы определенно сказать, кто чем располагал, кто сколько захватил и кому сколько нужно оставить и какой именно земли...»⁵⁴.

⁵³ Доклад Управления землеустройства Наркомзема ДАССР «О Земельном вопросе в Дагестане». — Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1527, л. 17.

⁵⁴ Там же.

Такая обстановка позволяла кулаку и зажиточной части общества концентрировать у себя крупные массивы земли. В первое время в определенной степени это им и удалось.

Партийная организация и правительство республики приняли ряд мер для преодоления этих трудностей и наделения бедноты землей. С этой целью были приглашены квалифицированные землемеры и начаты съемочные работы для межевания земельных угодий. Однако эта работа требовала длительного времени, поэтому, не дожидаясь ее завершения, местные органы власти стали выделять земельные участки и пастбищные угодья малоземельным горским обществам, стали готовить на равнине фонд для переселения горцев, прозябавших в обстановке острого безземелья. Об этом свидетельствуют многочисленные отчеты и доклады земельных отделов при окружных ревкомах. Например, из отчета земельного отдела Кайтаго-Табасаранского ревкома явствует, что за сорок дней своей деятельности — с 1 декабря 1920 г. по 10 января 1921 г. — отдел наделил землей селения Мургук, Урахи, Каякент, Усемикент, Башлы, Джемикент, Берикей и др.⁵⁵ 500 дес. земли, до революции принадлежавшей помещику Алим-Паше Аджаматову, получили атлыбуюнцы⁵⁶, за счет бывших казенных имений было наделено землей малоземельное ярыхсуауховское общество⁵⁷. 22 сентября 1921 г. состоялось решение Президиума Дагестанского ревкома о предоставлении во временное пользование безземельным и малоземельным хлебопашцам селений Урахи и Башлы земельного участка «Мамай-кутан», до революции принадлежавшего одному из представителей колониальной бюрократии⁵⁸.

Об этом же свидетельствует доклад заведующего земельным отделом Хасавюртовского ревкома о раздаче частновладельческих земель и сенокосных участков малоземельным обществам округа. За три летних месяца 1920 г. отдел наделил землей десять малоземельных обществ. Им были переданы во временное пользование земли, ранее принадлежавшие помещикам Уцмиевым, Тутушеву, Даутову, Пейзулаеву и колонистам, выселив-

⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 24, л. 7.

⁵⁶ Там же, д. 41, л. 15.

⁵⁷ «Революционные комитеты Дагестана», док. № 179.

⁵⁸ Там же, док. № 183.

шимся в годы гражданской войны за пределы республики⁵⁹. В распоряжение крестьян передавалась не только земля, но и орудия обработки почвы, рабочий скот и другая собственность, конфискованная у нетрудовых и контрреволюционных элементов.

Был также принят и ряд других мер для того, чтобы как-то разрядить острое безземелье и в горах. В частности, было принято постановление, по которому все более или менее удобные для обработки общественные пастбищные угодья распределялись между безземельной и малоземельной горской беднотой. Эта мера в условиях дагестанского горного аула была наиболее революционной: она способствовала хозяйственному росту неимущих слоев внутреннего горного Дагестана и ограничивала возможности крупного скотовода, который, как правило, пользовался этими пастбищами почти единолично. Так было, например, в аулах Мехельта, Ричаганик Андийского округа, Шагода и Гамсу Гунибского округа, Кулушац и Унчукатль Лакского округа и во многих других⁶⁰. Но таких земель было совершенно недостаточно для наделения горской бедноты, и основная ставка поэтому делалась на наделение их земель за счет пустующих площадей на равнине.

Вместе с тем надо отметить, что при наделении земель сельских обществ и перераспределении ее среди крестьянских дворов не было выработано каких-либо единых норм. На равнине этот вопрос обычно решался относительно просто: малоземельному обществу отводился определенный участок земли, прилегающий к селению. Этот участок включался в общественный фонд и, по исстари сложившемуся обычаю, периодически перераспределялся между членами джамаата по едокам. Гораздо сложнее было с горским крестьянством. Малоземельные горские общества получали на равнине участки для распашки за 50—60 и даже за 100 и более км от своего селения. Освоение такого участка требовало больших расходов и было не под силу маломощной горской бедноте, плохо обеспеченной рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем или вовсе не имеющей их. Естественно, что такой участок становился легкой добычей зажиточного члена сельского общества.

⁵⁹ Там же, док. № 182.

⁶⁰ Архив Дагобкома КПСС. ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 138—147.

Очевидно, что если в первом случае распределение земли по едокам было выгодно неимущим, то во втором случае в явном выигрыше оказывался зажиточный и особенно кулак. Однако в Дагестане нередко бывали случаи распределения земли и соответственно количеству рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Эта форма наделения землей была наруку зажиточным и кулакам, значительно лучше обеспеченным средствами производства, чем рядовые крестьяне.

Для наглядного представления о многообразии форм наделения землей можно сослаться на пример того же аула Урахи. До революции урахинцам своей земли не хватало и они были вынуждены арендовать ее у многоземельного общества Утамыш. Революция решительно изменила такое положение. Участок «Ирау», ранее арендуемый у утамышцев, был передан в распоряжение Урахи, дополнительно урахинцы получили еще на равнине участок Мамай-кутан, до революции принадлежавший одному из руководителей военно-колониальной администрации. Таким образом, в результате победы Октябрьской революции урахинцы получили дополнительно около 800 га плодороднейшей земли. Вследствие этого фонд пахотной земли аула возрос почти в два раза. Каким же образом обрабатывался весь этот земельный фонд? После революции исконный урахинский участок «Ургуба», находившийся до революции в собственности нескольких многоземельных семей, был перераспределен между урахинцами по единой норме — 1,25 га на едока. Участок «Ирау» первое время находился в коллективной собственности джамаата и использовался его членами для весеннего содержания скота и для сенокосения. Причем право выпаса и сенокосения не было ни ограничено, ни нормировано. Каждый член общества эксплуатировал этот участок сообразно своим хозяйственным нуждам и возможностям. Правда, это продолжалось очень недолго. В 1924 г. вся земля «Ирау» была передана только что возникшей артели по совместной обработке земли.

Гораздо сложнее обстояло дело с «Мамай-кутаном». Как мы уже отмечали, этот участок был выделен урахинцам распоряжением Президиума Дагревкома 22 сентября 1921 г. «Мамай-кутан» находится на расстоянии 50—60 км от аула. В постановлении Дагревкома указыва-

лось, что «Мамай-кутан» предоставляется во временное пользование безземельным и малоземельным хлебопашцам. Однако, как бы понимая, что безземельной и малоземельной бедноте трудно пользоваться землей, расположенной в таком отдалении от их аула, в постановлении была сделана оговорка, что эти безземельные и малоземельные хлебопашцы должны быть «достаточно оборудованными земельным инвентарем», т. е. достаточно зажиточными, чтобы отправиться за 50—60 км для распашки выделенной земли. На деле так и получилось. Негласно установили такой обычай, согласно которому любой урахинец мог спуститься со своим скотом весной, пока в горах не взошла трава, на «Мамай-кутан», распашать и засеять там столько земли, сколько мог. И, конечно, этот «любой урахинец», как правило, был достаточно зажиточным хозяином.

Однако было бы неверным делать из этого вывод, будто в первые годы Советской власти в Дагестане кулак получил возможности неограниченного роста. Уже иными были политические условия развития аула. Рабоче-крестьянская власть сознательно регулировала экономические процессы в деревне, а ее местные органы, опираясь на советское законодательство, решительно пресекали попытки кулака выйти за рамки, в пределах которых ему была дана возможность для развития. В корне изменилась по сравнению с дореволюционным временем и экономическая обстановка развития аула. Национализация земли и ликвидация помещичьего землевладения, изъятие земли из торгового оборота положили конец беспредельной концентрации земли в одних руках, резко сузили базу капитализма в земледелии.

И все же перераспределение земли, согласно закону о социализации земли, не решило проблемы, и крестьянство очень скоро само стало убеждаться в этом. Однако перераспределение земли сделало свое дело: окреп союз рабочего класса и крестьянства, изменилось социальное лицо аула.

Аграрные преобразования, осуществлявшиеся Советской властью, проходили в ожесточенной классовой борьбе. Эксплуататорские элементы оказывали отчаянное сопротивление, всячески стремясь сорвать реализацию Декрета о земле. Нередко им удавалось проникнуть в земельные и низовые советские органы и направить их

деятельность в нужном им духе. Еще в июне 1920 г., на первом съезде дагестанской бедноты, делегаты с мест отмечали многочисленные факты, свидетельствующие о проникновении в местные органы власти подобных элементов⁶¹.

Так, представители бедноты Даргинского и Кайтаго-Табасаранского округов, выступая на этом съезде, отмечали, что в некоторых аулах «у власти стоят люди, не пользующиеся доверием населения, а обязанные своим избранием многочисленности родни. Есть среди них и враги рабочей власти, надевшие маски революционеров»⁶².

На первом съезде Советов ДАССР в декабре 1921 г. были вскрыты факты, когда окружные земельные органы раздавали помещикам по 200—300 дес. земли, а бедноте выделяли всего по одной-две десятины на двор, когда пробравшиеся в земельные органы враждебные элементы, используя свое служебное положение, всячески препятствовали конфискации земель князей и беков, активно борющихся против Советской власти⁶³.

В таких местах, естественно, помещичье-дворянской верхушке удавалось сохранить свое положение и после революции. Характерно в этом отношении выступление на первом съезде дагестанской бедноты делегата из селения Капчугай Буйнакского округа. «Издавна,— говорил он,— земельные участки были захвачены князьями. Теперь князья бежали, но остались их многочисленные родственники, которые продолжают систему первых. Землей распоряжаются по своему усмотрению: продают, сдают в аренду, выгоняют бедноту с участков»⁶⁴.

Этому в значительной мере способствовала оппортунистическая деятельность некоторых руководителей Народного комиссариата земледелия ДАССР. Показательна в этом отношении история обсуждения доклада «О земельной политике» Дагнаркомзема на первой сессии ДагЦИКа в апреле 1922 г. С докладом выступал заместитель Наркомзема Клименко, который, по заключению сессии, фактически возглавлял Наркомзем.

⁶¹ «Красный Дагестан», 1923, № 161.

⁶² Там же.

⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 9, д. 1, л. 19.

⁶⁴ Там же, оп. 2, д. 9, л. 76.

В отчете об этой сессии говорится, что «почти в полтора часа речи тов. Клименко пытался нарисовать перед сессией картину почти полного благополучия в нашей «земельной политике»⁶⁵. И, пожалуй, доклад произвел бы «вполне благоприятное впечатление, если бы замечания не выявили другой картины»⁶⁶. Во-первых, обнаружилось, что Наркомзем давал указания распределять землю по степени наличности земельного фонда и инвентаря. А это означало наделение земель многоземельных и обеспеченных инвентарем дворов. Во-вторых, Наркомзем, взяв на учет конфискованные частновладельческие земли, давал указание вернуть их «прежним владельцам — бекам и помещикам». И, в-третьих, по свидетельству заведующего Махачкалинским Райземотделом Атаева, зам. наркомзема Клименко выступил с предложением «удовлетворять земель по потребительно-трудовой норме многочисленных родственников одного из злейших врагов дагестанской бедноты — бека Тарковского»⁶⁷. Как же реагировал на эту критику Клименко? По этому поводу в протоколе сделана следующая запись: «докладчик (т. е. Клименко. — О. Г.) в весьма простодушной форме заявляет, что ему, в сущности, безразлично, кто будет сидеть на земле, лишь бы ее фактический обладатель не ушел бы от соблюдения принципа потребительно-трудовой нормы»⁶⁸. Больше того, он обвинил многие окружные земотделы в том, что те «определенно и сознательно уклонялись от намеченной Наркомземом линии земельной политики»⁶⁹.

Но бедноте не было безразлично, кто и как сидит на земле. Она выступала не только против помещиков и князей, но и против тех, кто пытался покровительствовать им. Так, например, окружной съезд бедноты в 1920 г. отказал в доверии Хасавюртовскому земельному отделу, который при наделении землей давал предпочтение бывшим помещикам.

Точно так же реагировала и первая сессия Дагестанского ЦИКа. В постановлении сессии записано:

---

⁶⁵ Первая сессия ДагЦИК (Стенографический отчет). Темир-Хан-Шура, 1922, стр. 21.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

«Заслушав доклад тов. Клименко, замнаркомзема, фактически возглавляющего Наркомат земледелия, о деятельности Наркомзема, сессия находит эту деятельность со дня Учредительного съезда (т. е. с декабря 1921 г.— О. Г.) неудовлетворительной, лишенной основной линии, направленной к развитию производительных сил малоимущего и среднего хозяйства и созданию устойчивых поземельных отношений»⁷⁰. В заключении своего решения сессия отметила, что «деятельность Наркомзема должна быть построена на твердой политике незыблемого сохранения государственной собственности на землю, обеспечения пользования ею исключительно трудового малоимущего и среднего населения, основанного на развитии самостоятельности через свои выборные, в особенности кооперативные, организации, обеспечивающие постепенный переход к товарищеским социалистическим формам землепользования»⁷¹.

Преодолевая сопротивление эксплуататорских и капитулянтских элементов партия и советское государство осуществляли необходимые меры для наделения землей безземельных и малоземельных горцев. В годы восстановительного периода крестьянам, главным образом безземельным и малоземельным, было отведено 438 тыс. дес. земли⁷².

2. Классовое расслоение аула

Империалистическая и гражданская войны и разразившиеся вслед за ними в 1922—1923 гг. засуха, голод и массовый падеж скота нанесли народному хозяйству Дагестана огромный ущерб. Особенно сильно пострадало сельское хозяйство. В 1923 г. посевные площади по сравнению с 1913 г. сократились на 67%, число овец и коз — на 33%, лошадей — на 36%, крупного рогатого скота — на 20%⁷³. Это не могло не сказаться на состоянии крестьянского хозяйства. Наблюдается общее обеднение крестьян, передвижение их в низшие группы,

⁷⁰ Первая сессия ДагЦИК (Стенографический отчет). Темир-Хан-Шура, 1922, стр. 23.

⁷¹ Там же, стр. 24.

⁷² «Отчет народного комиссариата земледелия ДАССР за 1921—1925 гг.». — Рукописный фонд ИИЯЛ, л. 1033, л. 126.

⁷³ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 25.

даже по сравнению с далеко не благоприятным 1917 г. Приведем некоторые данные, которые наглядно свидетельствуют об этом. Если в 1917 г. хозяйств без рабочего скота было 34,4%, то в 1923 г. их стало уже 37%. Группа крестьян, имевшая одну—три головы рабочего скота, в 1917 г. составляла 62,4% всех хозяйств, а в 1923 г.— 61,9%, высшая группа, имевшая четыре и более лошади, за это время сократилась с 3,2 до 1,1% обследованных хозяйств ⁷⁴.

Обеднение крестьянских хозяйств в результате разрухи военных лет становится еще более ощутимым при сравнении данных по зонам. Например, на равнине число хозяйств без рабочего скота увеличилось на 10%, в предгорье — на 14,6%. В то же время в горах эта разница составила всего 2% ⁷⁵. Следовательно, больше всего пострадали от разрухи равнинные и прилегающие к ним предгорные земледельческие округа, где в основном и происходили военные действия.

Однако, надо заметить, что эти цифры далеко не полно отображают действительную картину разорения и обнищания крестьян. Дело в том, что, как мы видели выше, крупный рогатый скот, в том числе и рабочий, по ряду обстоятельств понес наименьшие потери — 20% от общего поголовья. К тому же в годы гражданской войны трудовое крестьянство отобрало десятки тысяч голов скота, принадлежавшего бывшим помещикам и активным контрреволюционерам и как бы восполнило свои собственные потери. Куда тяжелее сказались эти годы на состоянии сельскохозяйственной техники. Число орудий для подъема почвы уменьшилось с 80 987 (по переписи 1910 г.) до 39 049 к 1924 г., т. е. более чем в два раза. В связи с полным прекращением завоза особенно сильно сократилась численность усовершенствованного инвентаря. Например, если в 1910 г. железных плугов насчитывалось 29 200, то в 1924 г.— всего 6488, т. е. в четыре с лишним раза меньше, число борон соответственно сократилось с 30 318 до 2777, т. е. уменьшилось почти в одиннадцать раз ⁷⁶. К сожалению, мы не располагаем материалами, дающими возможность показать, каким обра-

⁷⁴ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 112.

⁷⁵ Там же, стр. 117—118.

⁷⁶ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 216, д. 416/2, л. 130.

зом сказался этот ущерб на распределении сельскохозяйственной техники среди различных социальных групп. Бесспорно лишь одно, что по сравнению с дореволюционным временем, в результате военной разрухи, удельный вес безынвентарных дворов вырос чуть ли не наполовину. Поэтому говорить об итогах перегруппировки крестьянских хозяйств после Великой Октябрьской социалистической революции по данным этих лет не приходится.

Коммунистическая партия и Советское государство своевременно приняли решительные меры, чтобы оказать помощь крестьянству и приостановить падение сельскохозяйственного производства. Благодаря этому уже с 1924 г. в сельском хозяйстве Дагестана начинается восстановительный процесс. К XV съезду партии посевные площади по сравнению с 1923 г. почти удвоились, поголовье скота было близко к уровню 1913 г., а численность крупного рогатого скота по сравнению с довоенным уровнем увеличилась на 17% ⁷⁷.

Значительные сдвиги произошли и в оснащении сельского хозяйства всевозможной техникой. В 1927 г. по сравнению с 1923 г. количество железных плугов более чем удвоилось. По многим видам сельскохозяйственной техники был перекрыт не только неблагоприятный 1923 г., но и дореволюционный 1910 г. Так, в 1927 г. по сравнению с 1910 г. в пять с лишним раз выросло количество жаток, в четыре раза — количество сеялок. Более чем на 70% выросло за это время и количество сенокосилок — с 1804 до 3232 и т. д. ⁷⁸ В это время на полях Дагестана впервые появился и трактор. Накануне XV съезда партии здесь уже насчитывалось 104 трактора. Эту усовершенствованную сельскохозяйственную технику дагестанский крестьянин получал из рук Советского государства. Однако в тот период возможности страны в этом отношении были ограничены.

Наряду с самой современной неизбежно воссоздавалась и старая, примитивная, техника полеводства, которая могла обеспечить лишь небольшой хозяйственный рост. По сравнению с 1923 г. в 1927 г. число таких примитивных орудий подъема почвы, как соха и косуля,

---

⁷⁷ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 56.

⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 100.

почти удвоилось. Их численность значительно превысила даже уровень 1910 г.⁷⁹

Перейдем к непосредственному анализу процесса классового расслоения дагестанского аула. В советской исторической науке принято считать, что в послеоктябрьский период в социальном расслоении советского крестьянства главная роль принадлежала не земле, которая была объявлена общенародным достоянием, а орудиям производства. Еще XIII съезд партии в резолюции «О работе в деревне» отмечал, что если до этого орудием накопления и средством эксплуатации маломощных элементов являлась в основном земля, то теперь в этой роли выступают торговля, скот, инвентарь. Причем съезд указывал на это как на своеобразие происходящего в деревне расслоения⁸⁰. Правда, кулак еще сохранил возможность путем аренды концентрировать у себя значительные массивы земли, но размеры земли уже зависели от оснащенности его хозяйства другими орудиями и средствами производства⁸¹. Главным экономическим фактором социальной дифференциации крестьян в рассматриваемое время считается рабочий скот. Как мы уже отмечали, до революции в Дагестане в валовом производстве сельского хозяйства преобладала продукция животноводства, в основном овцеводства. После революции, с присоединением Хасавюртовского, Кизлярского и Ачикулакского округов чаша весов склонилась в сторону полеводства. Накануне XV съезда партии на долю полеводства приходилось 62,4% всей сельскохозяйственной продукции⁸². Земледелие по-прежнему являлось главным занятием для подавляющего большинства населения республики. Однако в бюджете горных аулов по-прежнему главную роль продолжали играть ремесло, отхожий промысел и животноводство.

Посмотрим, каковы же были итоги перегруппировки крестьянских хозяйств в зависимости от владения рабо-

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 850.

⁸¹ В. П. Д а н и л о в. О характере социально-экономических отношений советского крестьянства до коллективизации сельского хозяйства.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, стр. 58.

⁸² «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 4—5, стр. 30.

чим скотом. Вот сравнительные данные материалов сельскохозяйственной переписи 1917 г. и выборочного 10-процентного весеннего опроса 1926 г. по одним и тем же округам (весь рабочий скот дан в переводе на рабочего вола)⁸³.

Группы крестьянских хозяйств	1917 г.	1923 г.	1926 г.
Без рабочего скота	34,4	37,0	33,2
С одним волом	11,7	15,4	7,0
С двумя волами	34,6	28,0	39,3
С 3—4 волами	12,5	15,2	13,7
Свыше 4 волов	6,8	4,4	6,8
	100,0	100,0	100,0

Приведенные данные со всей очевидностью свидетельствуют о нивелировке крестьян. В первую очередь уменьшилось число хозяйств, вовсе лишенных рабочего скота, или обеспеченных им совершенно недостаточно для самостоятельного хозяйствования, в то же время увеличилась группа средних хозяйств. Судя по этим данным, в 1926 г. средние слои составляли абсолютное большинство обследованного населения. Это выравнивание крестьян, их осереднячивание, происходило главным образом на базе их хозяйственного роста.

Одновременно, как видно из тех же данных, в эти годы происходил также рост крупных зажиточно-кулацких хозяйств. И в этом нет ничего удивительного. Осуществляя переход от политики военного коммунизма к новой экономической политике, развязывая, правда, в определенных рамках, рыночную стихию и частную инициативу, В. И. Ленин предупреждал: «Не надо закрывать глаза на то, что замена разверстки налогом означает, что кулачество из данного строя будет вырастать еще больше, чем до сих пор. Оно будет вырастать там, где оно раньше вырастать не могло»⁸⁴. И пример Дагестана лишний раз подтверждает верность ленинского предвидения. Однако при изучении

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 9, д. 3, л. 1; Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 165; «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 112.

⁸⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 202.

приводимых данных обращает на себя внимание тот факт, что за какие-нибудь три-четыре года число зажиточных дворов, имеющих более четырех рабочих волов на хозяйство, достигло уровня 1917 г. Объясняя это явление, надо вновь подчеркнуть, что здесь сказалась незавершенность аграрной революции в Дагестане.

Если в центральных районах страны в 1918—1920 гг., т. е. в эпоху комбедов и военного коммунизма, экономическая мощь кулака была основательно подрезана и осереднячение крестьянства происходило главным образом за счет сокращения зажиточных слоев населения, то Дагестан, как и многие другие районы страны, в это время находился в руках иностранных интервентов и внутренней контрреволюции и, естественно, не пережил этих преобразований. Аграрная революция здесь осуществлялась в эпоху нэпа, в совершенно иных политических условиях, при совсем иной экономической политике, когда кулак получил возможность, используя рыночную свободу, наращивать свою экономическую мощь. Вместе с тем надо учесть, что к 1917 г. за годы первой империалистической войны сельское хозяйство области пришло в упадок и в связи с этим произошло значительное сокращение этой группы по сравнению с довоенным временем.

Одновременно эти же данные свидетельствуют, что в условиях Советской власти рост кулацких хозяйств был значительно ограничен в своем развитии. Так, в 1926 г. по сравнению с 1917 г., поголовье крупного рогатого скота, в том числе и рабочего, выросло более чем на 20%, однако это не повлекло за собой соответственного увеличения верхней, зажиточно-кулацкой, группы по сравнению с 1917 г. Наоборот, используемые нами данные об итогах перегруппировки крестьянства в зависимости от владения рабочим скотом, свидетельствуют о том, что в эти годы наиболее мощные слои аульной верхушки росли очень медленно и так и не достигли дореволюционного уровня. Согласно этим данным, группа, имевшая свыше восьми голов рабочих волов на двор, в 1917 г. составляла 1,8%, а в 1926 г.—1,1% от числа всех хозяйств. Это говорит о том, что рост всей группы происходил в основном за счет увеличения не наиболее богатой прослойки, а за счет увеличения крепких, зажиточных хозяйств.

Как же распределялось между этими группами поголовье рабочего скота? К сожалению, используемые нами материалы переписей 1917 и 1926 гг. не дают на этот счет никаких сведений. Но мы располагаем другими, не менее ценными, материалами — данными налоговых сводок по единому сельхозналогу за 1925/26 г. Анализ этих данных, охвативших 47,5 тыс. крестьянских дворов, показывает, что средние слои крестьянства, имевшие две — четыре головы рабочего скота на двор, составляли 48,4% всех хозяйств, и у них было сосредоточено 57,8% всего рабочего скота⁸⁵. Однако эти же данные свидетельствуют о большой неравномерности в распределении поголовья рабочего скота. Так, группа бедноты, составлявшая 46,4% всех хозяйств, имела лишь 22,4% рабочего скота, а 5,2% мощных дворов держали у себя 19,8% рабочего скота⁸⁶. На одно хозяйство крестьянской верхушки приходилось в 5—8 раз больше рабочего скота, чем на двор бедняка.

Аналогичную картину мы наблюдаем и при анализе данных о распределении всего скота, в переводе на крупный. Те же 48,4% средних хозяйств держали у себя 50,3% всего скота. Но неравномерность между крайними группами здесь еще более выразительна. Беднота, составляя 46,4% всех хозяйств, сосредоточивала в своих руках всего 17,6% скота, зато 5,2% крупных хозяйств концентрировали 32,1% всего поголовья⁸⁷. Особенно ощутимой была эта неравномерность в овцеводстве. Нам уже приходилось говорить о том, что главной причиной этого являлась исстари сложившаяся система животноводства, выгодная только для крупных скотоводов.

Советская власть с первых же дней своего существования приняла ряд мер для облегчения участи мелких овцеводов. Как мы уже отмечали, 4 мая 1920 г. было принято постановление о бесплатной передаче горской бедноте бывших казенных и частновладельческих пастбищ. Немного позднее в пользу маломощных животноводов был изменен и порядок аренды. Лучшие и ближайшие пастбища в первую очередь стали отводиться

---

⁸⁵ «Сельское хозяйство Союза ССР в 1926—1927 гг. по данным налоговых сводок по единому сельхозналогу». М., 1929, стр. 579.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

мелким скотоводам⁸⁸. Это не могло не сказаться на перегруппировке крестьянских хозяйств. Число безовечных с 77,4% в 1917 г. уменьшилось до 70,4% к 1927 г. Удельный вес поголовья скота, принадлежавшего мелким и средним собственникам в стаде, увеличился за это же время с 47,3% до 49%, одновременно на 7,7% упал удельный вес зажиточных и крупных кулацких хозяйств⁸⁹. До революции, например, 890 крупных собственников-овцеводов имели свыше 490 тыс. овец, а после революции максимальное число овец в их руках не превышало 360 тыс., т. е. на 26,5% стало меньше, чем до революции⁹⁰. Это особенно примечательно, если вспомнить, что в 1927 г. овец было больше, чем в 1917 г. на 22% с лишним. Значит, весь прирост стада был связан с хозяйственным ростом мелких и средних хозяйств.

Однако, несмотря на эти изменения, неравномерность распределения овец и коз между различными социальными группировками продолжала оставаться слишком резкой. Хотя удельный вес наиболее зажиточной группы и общее число овец и коз в ее собственности уменьшились, тем не менее и в 1927 г. эта группа концентрировала 51% всего поголовья овец.

Это еще раз свидетельствует о том, что, несмотря на меры, принятые Советской властью, отгонное животноводство по-прежнему благоприятствовало только крупным хозяевам. Это подтверждают также и данные бюджетного обследования 1926 г. о доходности овцы в каждой из социальных групп, занимающейся откочевкой⁹¹.

Категория хозяйств	Валовой доход с одной овцы	Расходы на содержание овцы	Условный чистый доход	Доходность к первой группе, %
Имеющие до 10 овец	5 р. 13 к.	3 р. 28 к.	1 р. 85 к.	100
Имеющие свыше 10 до 100 овец . . .	5 р. 83 к.	2 р. 87 к.	2 р. 96 к.	160
Имеющие более 100 вец	7 р. 13 к.	2 р. 87 к.	4 р. 96 к.	230

⁸⁸ «Красный Дагестан», 14 сентября 1927 г.

⁸⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 94, л. 324—325.

⁹⁰ Там же, оп. 14, д. 16, л. 1.

⁹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 35.

Эти данные наглядно свидетельствуют о том, что чем больше стадо, тем значительно рост дохода от овцеводства. В этом и заключалась главная причина, обусловившая большую неравномерность в распределении овец между различными социальными группировками. Но не менее важную роль играло и то обстоятельство, что в условиях национализации земли и максимального ограничения всевозможных земельных сделок, животноводство, и в первую очередь овцеводство, превратилось в отрасль наиболее выгодную для наращивания собственности. Характерно, что даже на равнине, в сугубо земледельческих районах, по материалам того же бюджетного обследования, 75% всей валовой продукции этой группы приходилось на животноводство, а 70% всей продукции животноводства падало на овцеводство⁹².

К тому же надо отметить, что животноводство по-прежнему оставалось наиболее товарной отраслью сельского хозяйства. Хотя в валовом производстве после революции в связи с присоединением ряда земледельческих округов первенство перешло к полеводству, в товарной продукции животноводство сохраняло безраздельное господство. Так, в 1926/27 г. на растениеводство приходилось 59% всей сельскохозяйственной продукции, но в товарной массе его удельный вес составлял лишь 47%⁹³. Здесь сказались два обстоятельства: во-первых, продукция животноводства по-прежнему оставалась основной статьей дагестанского экспорта; во-вторых, в животноводстве преобладало крупное хозяйство, дающее максимум товарной продукции.

* * *

Важное значение для характеристики социального расслоения дагестанского аула имеет выяснение вопроса о том, как распределялись сельскохозяйственные машины и орудия среди крестьянских хозяйств. К сожалению, мы не располагаем материалами об итогах перераспределения сельскохозяйственного инвентаря в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления Советской власти в

⁹² «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 108.

⁹³ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 8, стр. 56—57.

Дагестанс. Известно только то, что первая мировая и гражданская войны нанесли сельскому хозяйству Дагестана огромный ущерб. В результате разрухи военных лет и прекращения завоза сельскохозяйственного инвентаря общая численность орудий производства сократилась здесь более чем на половину. К 1927 г., благодаря мерам Коммунистической партии и Советского государства, направленным на оказание помощи трудящимся крестьянам, эти потери в значительной степени были восполнены. Однако и тогда сельскохозяйственных орудий было на 36,9% меньше, чем в 1910 г.⁹⁴ По материалам весеннего выборочного обследования 1926 г. пропашного инвентаря не имели 59,5% всех хозяйств⁹⁵. Это на 27,9% выше, чем в среднем по РСФСР, и на 8,9% выше, чем на северном Кавказе⁹⁶. Однако мы должны констатировать, что в результате изменившейся политической обстановки и экономической политики Советского государства, защищающего интересы бедняцко-средняцких масс, несмотря на огромные потери и значительное число безынвентарных хозяйств, в распределении сельскохозяйственного инвентаря, причем усовершенствованного, произошли большие изменения в пользу средних слоев крестьянства. По тем же материалам весеннего выборочного обследования 1926 г., в их распоряжении находились более двух третей всех усовершенствованных орудий подъема и рыхления почвы — железных плугов, буккеров, железных борон. В их собственности находилось также значительно больше половины сенокосилок и молотилок, не говоря уже о примитивных орудиях, вроде сохи, косули, молотильных катков и т. д. Между тем следует еще раз напомнить, что до революции на долю средних слоев приходилось всего около 25% всех усовершенствованных орудий.

Наиболее полную картину распределения средств производства дают данные подворного обследования

---

⁹⁴ «Перепись с/х орудий 1910 года»; ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27.

⁹⁶ Данные по РСФСР и Северному Кавказу взяты из статьи В. П. Данилова «Социально-экономические отношения в советской деревне накануне коллективизации» («Исторические записки», т. 55, стр. 96).

4340 хозяйств, произведенного Наркомземом в 1927 г.⁹⁷ Согласно этим данным, деревенский пролетариат, составляя 18,7% всего населения, держал у себя только 9,1% всех средств производства. У 25,7% бедняцких хозяйств находилось 17,4% всех орудий производства. Середняки, по этим же материалам, составляли 49,2% населения и владели 44,7% всех орудий производства. При этом характерно, что удельный вес всех этих групп населения преобладает над удельным весом орудий производства, концентрируемого каждой группой в отдельности. Совсем другое положение в последней, эксплуататорской, группе. Эта группа составляла 6,4% всего населения, но ей принадлежало 28,8% всех средств производства⁹⁸. Другими словами, кулак был обеспечен средствами производства почти в десять раз лучше, чем бедняк и в четыре с лишним раза лучше, чем середняк.

Однако в распределении сельскохозяйственных орудий существовала не только количественная, но и качественная неравномерность. Как свидетельствуют итоги весеннего выборочного обследования 1926 г., примитивные, простейшие орудия обработки почвы — сохи, косули, деревянные плуги и бороны, молотильные катки — составляли основную массу сельскохозяйственного инвентаря бедняцких дворов. Наоборот, в кулацких хозяйствах этих орудий было мало. Так, из общего числа в 9866 простейших орудий, зарегистрированных обследованием в 1926 г. в 15 354 дворах, верхней, зажиточно-кулацкой, группе, сеявшей свыше восьми дес. на двор, принадлежало всего 147 орудий, или 1,4%. Совсем по-другому распределялся сложный сельскохозяйственный инвентарь. Беспосевные и сеявшие до десятины составляли около 80% всех обследованных дворов и имели в своей собственности около 20% этого инвентаря, а сеявшие свыше восьми дес. на двор составляли всего 1% обследованных дворов и имели 22% этого инвентаря. Более того, некоторые виды сложного сельскохозяйственного инвентаря в значительной степени все

---

⁹⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 31. Средства производства в данном случае включают живой и мертвый инвентарь.

⁹⁸ Данные об удельном весе групп населения взяты из докладной записки Наркомзема «Экономика советской Дагестанской деревни» и относятся к 1926 г. (ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 1—7).

еще концентрировались в хозяйстве этой эксплуататорской группы. Так, в ее собственности было 76,2% всех сеялок, 77,5% всех жнеек и т. д.⁹⁹

Таким образом, несмотря на огромные изменения, неравномерность в распределении основных средств производства все еще здесь сохранялась. В результате целенаправленной классовой политики Коммунистической партии и Советского государства удалось ограничить рост крупных эксплуататорских хозяйств, обеспечить подъем беднейших групп до уровня средних, самостоятельных. Однако, пока хозяйство основывается на частной собственности, ликвидировать неравенство невозможно, и опыт нашей деревни переходного периода — яркое тому свидетельство. Кулацкая группа, будучи в пять раз меньше бедняцкой по численности, сосредоточивала в своих руках такое же количество средств производства, а техническая вооруженность одного хозяйства кулака была в среднем в семь раз выше батрацкой, в четыре раза выше бедняцкой и в два раза выше середняцкой. Если стоимость живого и мертвого инвентаря в бедняцком хозяйстве выражалась в среднем суммой в 260 руб., то в кулацком она доходила до 2030 руб.¹⁰⁰

Таким образом, благодаря бескорыстной братской помощи народов нашей Родины и, прежде всего, русского народа, улучшалась, совершенствовалась техническая база сельского хозяйства республики и на этой основе происходил подъем маломощных слоев горцев Дагестана. Вместе с тем, несмотря на все эти изменения, в дагестанском доколхозном ауле еще преобладала примитивная техника. Достаточно отметить, что усовершенствованные орудия и машины в общей сумме средств производства крестьянских дворов в 1927 г. составляли на равнине 5,1%, в предгорье — 0,6%, а в горах 0,3%¹⁰¹.

Среди орудий для подъема почвы в большинстве районов республики по-прежнему преобладали сохи. Вместе с косулями и прочим примитивным инвентарем они составляли 83,4% всех указанных орудий¹⁰². Для

⁹⁹ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27.

¹⁰⁰ «Звезда», 1930, № 1—2, стр. 57.

¹⁰¹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 101.

¹⁰² Там же, л. 100.

реорганизации технической базы сельского хозяйства тогда еще не было достаточных средств. Потери в период гражданской войны были настолько велики, что выделяемой современной техники не всегда хватало даже на восстановление старого дореволюционного уровня. Крестьянство было вынуждено, как и до революции, обращаться к сохе. В исследуемое время число железных плугов в Дагестане, несмотря на огромную заботу партии и правительства, не составило и половины от уровня 1910 г., зато количество сох выросло с 51 787 до 57 504¹⁰³. В связи с этим и рост крупного кулацкого хозяйства в первый период нэпа происходил здесь не столько на базе введения новой техники (так как Советская власть в первую очередь и на льготных условиях обеспечивала техникой бедняцко-средняцкие слои крестьянства и кооперативные объединения), сколько на базе более рациональной организации. Так, если рассмотреть размеры и состав основных средств производства по социальным группам, то мы увидим, что в высшей, зажиточно-кулацкой, группе крестьян мертвый инвентарь, машины и орудия, в составе средств производства играют сравнительно небольшую роль. Для подтверждения такого заключения исследователь располагает материалами бюджетного обследования 1926/27 г., по центрально-равнинному району, который объединяет основную часть Кизлярского округа (без Караногая) и большую часть Хасавюртовского округа. Итоги разработки этих материалов, представленные в табл. 19, наглядно показывают, какова была роль отдельных видов средств производства, принадлежавших отдельным группам крестьянства.

Данные табл. 19 лишней раз свидетельствуют о колоссальной неравномерности в распределении средств производства между социальными группировками крестьянства. Но сейчас речь не об этом, нас в данном случае интересует состав средств производства. Рассматривая таблицу в этом плане, мы видим, что основная часть средств производства приходится на живой инвентарь: рабочий и продуктивный скот, птицу, пчел и т. д. На их долю приходится от 68 до 88% всех основных капиталов. При этом характерным является то, что чем выше группа, тем больше возрастает удельный вес

¹⁰³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

Стоимость средств производства, находившихся во владении различных экономических групп *

Группы хозяйств	Стоимость средств производства на одно хозяйство, руб.	В том числе		
		живой инвентарь	мертвый инвентарь	хозяйственные постройки
Пролетарские	236,26	162,21	49,39	24,66
Бедняцкие	364,88	285,56	61,07	18,12
Середняцкие	762,9	576,43	140,58	45,9
Зажиточные	882,53	647,62	179,68	55,23
Кулацкие	5547,25	4884,48	471,48	191,29

* «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 107.

живого инвентаря. Удельный вес мертвого инвентаря и хозяйственных построек в составе средств производства наиболее низок в самой верхней и самой мощной группе. Более того, в валовой продукции сельского хозяйства этой группы животноводство почти в четыре раза преобладает над земледелием. И это в таких сугубо зерновых округах, как Кизлярский и Хасавюртовский! Что же тогда говорить о горных и предгорных животноводческих районах!

Нам уже приходилось отмечать, что переход крупных хозяйств к животноводству в этот период объясняется национализацией земли и ограничением возможностей земельных сделок. Но, очевидно, это далеко не единственная причина такого перехода. В условиях технической отсталости и наличия обширных пастбищных угодий животноводство, меньше поддаваясь учету и контролю со стороны органов власти, давало больше простора для частной инициативы, тем более, что сложившаяся отгонная система скотоводства, как мы уже отмечали, была выгодна только крупным хозяевам. Кроме того, животноводческое направление крупного хозяйства стимулировалось и наличием широких массивов пустующих земель, вполне пригодных под пастбища. Используя эту землю для потравы, крупные овцеводы добивались большого экономического эффекта без всяких затрат. Чтобы наши рассуждения не были беспочвенными, сошлемся на итоги бюджетного

обследования 1926 г., касающегося интенсивности использования сельскохозяйственной площади. По этим данным, в батрацко-бедняцкой группе интенсивность затрат достигала 35 руб. на 1 га земли, в то время как в кулацкой — всего 11,6 руб. В первой группе на рубль затрат получали всего 1,52 руб. дохода, а в последней, пятой — 2,73 руб.¹⁰⁴ Такая высокая эффективность сельскохозяйственного производства в этой группе в тех конкретных условиях достигалась в основном не за счет введения улучшенной техники, а за счет более рациональной организации хозяйства и большой экстенсивности использования земельных угодий при наличии большого количества скота.

Таким образом, в доколхозном ауле основным держателем средств производства был середняк, однако сохранялась неравномерность в распределении средств производства по группам, что и было источником закабаления и эксплуатации.

* * *

Обратимся теперь к данным о распределении земли. Мы уже убедились, что в результате Великой Октябрьской социалистической революции в распределении скота и инвентаря между различными группами населения произошли коренные изменения. Посмотрим теперь, как отразился этот факт на распределении земли.

Как уже отмечалось, в ходе аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, сотни и тысячи горских крестьян получили землю и освободились от помещичье-кулацкой кабалы. Благодаря перераспределению земли в крестьянстве произошла перегруппировка по обеспеченности землей. Если, согласно выборочной разработке данных переписи 1917 г., удельный вес безземельных в области составил 9,4%, а малоземельных (имеющих не больше десятины посева на двор) — 77,5%¹⁰⁵, то, судя по материалам обследования 1926 г., т. е. спустя девять лет после сельскохозяйственной переписи 1917 г., в результате Октябрьской революции распределение земли значительно изменилось. Удельный вес безземельных снизился на 2,7% и соста-

¹⁰⁴ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 109.

¹⁰⁵ ЦГА ДАССР, ф. 59, оп. 1, д. 59, 100—108, 112—116 (все листы).

вил 6,7%, а число дворов, имеющих до одной десятины, сократилось с 77,5% в 1917 г. до 40,1% в 1926 г., т. е. на 30,4%¹⁰⁶. Об этом свидетельствуют и материалы по отдельным округам. Например, в Хасавюртовском округе удельный вес безземельных уменьшился с 28,1% в 1917 г. до 17,7% к 1926 г.¹⁰⁷ В общем, при сравнительном анализе материалов 1917 г. и 1926/27 г., по землевладению мы четко прослеживаем все ту же тенденцию к поравнению крестьян.

Больше всего это характерно для округов, где до революции в землевладении преобладал помещик. Для примера обратимся к данным все по тому же Хасавюртовскому округу. По материалам переписи 1917 г., верхняя, зажиточно-кулацкая, группа округа концентрировала у себя 62,1% всех земельных угодий и 38,6% всей пашни. В 1927 г. ее удельный вес в посевной площади составлял лишь 14,1%. У нижней, батрацко-бедняцкой, группы в 1917 г. находилось 34,9% всех посевов округа, а в 1927 г. — лишь 26,4%. Зато удельный вес посева средних слоев населения вырос с 26,5% в 1917 г. до 59,5% в 1927 г.¹⁰⁸

Аналогичное положение мы наблюдаем и в Кюринском округе. Только здесь процесс нивелировки, поравнения крестьян происходил на другой базе. Нам уже приходилось отмечать, что в этом округе до революции господствовало мелкое полунатуральное крестьянское хозяйство. Более половины всего сельскохозяйственного производства находилось в то время в руках 76,2% дворов или вовсе не имевших посева, или имевших не более трех десятин на двор. Что касается зажиточно-кулацкой группы, то до революции она хоть интенсивно увеличивалась, но видную роль играла лишь в овцеводстве. На долю этой группы приходилось около трети всего сельскохозяйственного производства округа. Беднейшей группе принадлежало тогда 41,9% всей земли округа, зажиточно-кулацкой — 30% и средним слоям — 28,1%¹⁰⁹. Совсем другую картину обнаружило

¹⁰⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 116.

¹⁰⁷ Данные за 1926 г. извлечены из архива Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6., д. 23, л. 95.

¹⁰⁸ Данные о землепользовании в 1927 г. извлечены из ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 47, л. 1.

¹⁰⁹ См. стр. 92 данной работы.

обследование 1927 г. Батрацко-бедняцкой группе принадлежало уже 32,2% всей пашни, а зажиточно-кулацкой — всего 8,9%. Вся остальная пашня — 58,9% всей площади — находилась уже в руках середняков¹¹⁰.

Материалы выборочного обследования 1927 г. дают полное представление о распределении земли между различными социальными группировками накануне XV съезда партии. Вот итоги разработки этих материалов (в %) ¹¹¹.

	Число хозяйств в группе	Размер всей земли	Размер посевных площадей
Пролетариат	18,8	14,3	7,9
Бедняки	29,4	18,3	15,9
Средняки	46,7	53,3	59,0
Кулаки	5,1	14,1	17,2

И здесь мы наблюдаем ту же картину, что и при анализе данных о распределении скота, сельскохозяйственного инвентаря и других средств производства: центральной фигурой земледелия является середняк. Составляя 46,7% обследованных хозяйств, середняки концентрировали у себя 53,3% всех земельных угодий и 59% всей пашни. Вместе с тем очевидна неравномерность в распределении земли между крайними группировками, особенно в распределении посевной площади. 48,2% хозяйств двух беднейших групп имеют всего 23,8% всей пашни, а 5,1% хозяйств, составляющих верхнюю кулацкую группу, держат у себя 17,2% пахотной площади. На двор кулака приходилось в среднем в семь-восемь раз больше пашни, чем на двор бедняка¹¹².

Таким образом анализ распределения средств производства между различными экономическими группами крестьян показал, что центральной фигурой в доколхозном дагестанском ауле был середняк. Средние слои крестьян были в рассматриваемое время самой многочисленной группой населения, в их распоряжении находилось и больше половины всех средств производства: скота, земли, орудий труда и т. д.

¹¹⁰ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 47, л. 2.

¹¹¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 157.

¹¹² Там же.

Вместе с тем необходимо отметить огромную неравномерность в распределении населения и средств производства между крайними группировками. Эта неравномерность служила почвой для развития отношений найма, для кабальной эксплуатации бедноты кулаками.

* * *

Теперь о характере производственных отношений в доколхозном дагестанском ауле. Для этого важнее всего установить масштабы найма и сдачи средств производства, а также участие различных экономических групп крестьянства в этих отношениях. Это, пожалуй, наиболее трудная проблема, стоящая перед исследователем переходного периода в истории нашей республики. Трудность ее в значительной степени обусловлена тем, что, кроме материалов выборочного весеннего обследования 1927 г., мы не располагаем никакими сведениями по этому вопросу. Следовательно, мы можем говорить о положении дел только на 1927 г., не имея никакой возможности документально проследить эволюцию отношений найма и сдачи на различных этапах развития.

Как мы уже отметили, в результате аграрной революции в дагестанском ауле произошло поравнение крестьянских дворов. Вместе с тем годы гражданской войны и разразившиеся затем голод, засуха и массовый падеж скота нанесли сельскому хозяйству республики такой урон, от которого оно окончательно не оправилось и накануне XV съезда партии. Удельный вес дворов, лишенных средств производства, оставался все еще слишком высоким. Всего на 1,2% уменьшилось число хозяйств без рабочего скота, а дворов без пропашного инвентаря, по сравнению с дореволюционным периодом, стало даже больше. В 1926 г., по материалам весеннего выборочного обследования, они составляли 59,5%, т. е. больше половины всех крестьянских хозяйств. О самостоятельном хозяйствовании этой группы не приходится и говорить. Правда, рабоче-крестьянская власть делала все, чтобы путем организации прокатных пунктов, через кооперацию и различные общественные организации вырвать эту группу из кабалы. Но материальные возможности Советского государства в тот

период были еще ограничены. В результате в большинстве случаев эти слои населения попадали в зависимость к своим более состоятельным соседям. Источником такой зависимости являлось неравномерное распределение средств производства между различными экономическими группами населения. Если в низшей, батрачко-бедняцкой, группе ощущался острый недостаток средств производства, а середняк был обеспечен лишь настолько, чтобы относительно самостоятельно вести хозяйство, то в высшей группе, как мы видели, размеры средств производства значительно превышали трудовые возможности семьи. И, конечно, излишек средств производства не лежал у нее «мертвым грузом», а служил источником наживы и обогащения. Характерно, что число хозяйств, сдающих инвентарь в наем, составляло 5,2% всех дворов, т. е. почти столько же, сколько и кулаков¹¹³. К найму средств производства прибегало 34,8% всех хозяйств¹¹⁴. Таким образом, в отношении найма-сдачи орудий и средств производства (живой и мертвый инвентарь), согласно материалам весеннего опроса 1927 г., было втянуто 40% всех крестьянских дворов Дагестана. При очень высоком удельном весе безынвентарных (59,5%) и не имевших рабочего скота (33,2%), число дворов, нанимавших средства производства, было сравнительно небольшим (34,8%). Причину этого прежде всего надо искать в слабой обеспеченности Дагестана средствами производства. Сказались также годы войны и послевоенной разрухи, когда почти прекратился завоз сельскохозяйственных орудий, а бывшие до этого в употреблении орудия в значительной степени вышли из строя.

При подобных обстоятельствах значительная часть бедняцких дворов предпочитала не обременять себя малоэффективным хозяйством и либо шла в отход на рыбные и промышленные предприятия, либо работала по найму в сельском хозяйстве. Достаточно заметить, что в 1926 г. в Дагестане было зарегистрировано свыше 58 тыс. отходников¹¹⁵. Наконец, довольно значительная часть дворов находила выход из трудного положения, вступая в супругу. По данным 1927 г., супругающиеся

¹¹³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 100.

¹¹⁴ Там же, ф. 22, оп. 11, д. 24, л. 36.

¹¹⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 118.

составляли 35% всех крестьянских дворов республики ¹¹⁶.

Из обследованных 120 тыс. дворов своим скотом и инвентарем вполне самостоятельно обрабатывали пашню лишь 32 948, т. е. 27,4% всех хозяйств ¹¹⁷. Среди занимающих средства производства особенно выделялась группа, обрабатывавшая пашню наемным скотом и наемным инвентарем. 32 641 хозяйство из 42 010, прибегавших к найму средств производства, приходилось именно на эту группу. Они составляли 27,1% всех обследованных дворов ¹¹⁸. К найму рабочего скота, при наличии своего инвентаря, обращалось всего 2,8% дворов, а своим скотом и наемным инвентарем обрабатывали землю 4,9% дворов ¹¹⁹. Очевидно, что к найму рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря прибегали главным образом наиболее маломощные слои населения. Для такого вывода мы располагаем совершенно достоверными сведениями. Так, итоги того же весеннего выборочного обследования свидетельствуют, что 98,5% всех дворов, обрабатывавших пашню наемным скотом и инвентарем, были малоземельными, имевшими не более одной десятины посева на хозяйство ¹²⁰. Они же составляли в основном группу, обрабатывавшую пашню с помощью супруги. Зато в верхних группах, сеявших свыше восьми дес. на двор, мы почти не встречаемся с наймом средств производства. Эти группы, наоборот, являлись сдатчиками средств производства. Плата за прокат инвентаря и рабочего скота производилась главным образом в форме отработок или частью урожая, реже — деньгами. Принято объяснять это тем, что путем кабальных отработок кулак стремился обеспечить себя даровой рабочей силой. Это совершенно верно. Но нужно четко представлять себе, что кулак при этом преследовал далеко идущие экономические и политические цели. Обращение к натуральной оплате в значительной степени было обусловлено тем, что в период нэпа рынок как никогда стал связующим звеном между городом и деревней, что кулак

¹¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 147, л. 101.

¹¹⁷ Там же, ф. 22, оп. 11, д. 24, л. 36.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же, л. 53

предпочитал сосредоточить в своих руках продукты сельского хозяйства в натуре и использовать их, с одной стороны, как средство закабаления деревенской бедноты, а с другой — как средство экономического нажима на Советское государство.

Следствием неравномерного распределения орудий производства было не только развитие отношений найма-сдачи рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. На этой почве развивалась также и земельная аренда. Арендные отношения охватывали в среднем до одной трети (27,6%) всего населения республики¹²¹. Исследователи доколхозной советской деревни считают, что в тот период в качестве главных сдатчиков выступали бедняцкие и маломощные средние слои крестьянства. Материалы о развитии арендных отношений в Дагестане лишней раз подтверждают это заключение. Согласно данным весеннего выборочного обследования 1926 г., 87,5% всех сдающих дворов и 70,2% всей сданной в аренду пашни приходилось на группу беспосевных или сеющих не более трех десятин на двор. Середняки же играли сравнительно небольшую роль среди сдающих, зато они занимали центральное место в группе арендаторов. 63,3% всех дворов, участвующих в аренде, и 51,7% всей арендуемой пашни принадлежало середнякам¹²². Удельный вес кулацких дворов среди арендующих был невелик — всего 9,8%, но они концентрировали у себя 31,8% всей арендуемой пашни¹²³. Таким образом, социальный смысл арендных отношений ясен. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, или имея их в совершенно недостаточном количестве, маломощные слои населения очень часто были вынуждены бросать сельское хозяйство и обращаться к другим источникам заработка; для зажиточных же слоев крестьянства аренда служила средством наживы и обогащения. Аренда в хозяйстве середняка являлась преимущественно показателем экономического роста и улучшения его благосостояния, так как носила трудовой характер и была основана на собственных трудовых ресурсах. Это положение характерно для всей страны, поэтому оно не требует специального

¹²¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208 (см. табл. Б).

¹²² Там же.

¹²³ Там же.

доказательства. Гораздо важнее выяснить, что особенного, отличительного было в этих отношениях и чем это особенное, отличительное вызвано к жизни. И хотя материалы об аренде пашни в Дагестане ничего нового в этот вопрос не вносят, попытаемся все же проследить движение не только пашни, но и всей земли в совокупности. Возьмем данные по Ачикулакскому округу, извлеченные нами из материалов 10-процентного весеннего обследования 1927 г. Согласно этим данным, в округе было 4380 крестьянских дворов, из которых 2608, или 59,3% всех хозяйств, были втянуты в арендные отношения¹²⁴. Из числа последних 741 хозяйство арендовало землю, а 1867 — сдавали ее в аренду¹²⁵. 93,3%, сдающих дворов либо вовсе не занимались земледелием, либо сеяли не больше пяти десятин на двор¹²⁶. Точно такую картину можно было наблюдать и в других районах страны. Однако при рассмотрении данных о том, кто арендовал земельные угодья, мы сталкиваемся с явлением, выходящим за рамки общего положения. 73% всех арендующих дворов были из группы, сеявшей свыше десяти дес. на двор, т. е. явно зажиточно-кулацкой¹²⁷. Таким образом, если в аренде пашни первенствовал середняк, то здесь ведущее место явно принадлежало крупному собственнику. Обратимся к цифрам. В округе за 4380 хозяйствами было закреплено свыше 65 тыс. дес. сельскохозяйственных угодий¹²⁸. Из этой площади в сферу арендных отношений было вовлечено свыше 25 тыс. дес., т. е. более трети всех земельных угодий¹²⁹. Кто же сдавал эту землю, и кто ее нанимал? 97,6% всей сдаваемой площади принадлежало тем же беспосевным или сеявшим не более пяти дес. на двор, т. е. беднякам и маломощным середнякам. Зато 89,3% всей арендованной площади приходилось на верхнюю группу, сеявшую свыше десяти дес. на двор. Особенно выделялась самая мощная группа, сеявшая свыше 20 дес. на двор, которая сосредоточила у себя 76,7% всей сдаваемой земли¹³⁰.

¹²⁴ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

В этой группе в среднем надвор приходилось 52,4 дес. и 39,5 из них были арендованными. Чем объяснить это явление, в чем причина такого «отклонения от нормы»? Чтобы ответить на этот вопрос, достаточно вспомнить о хозяйственной специализации района. В Ачикулакском округе основное сельское население составляли ногайцы — скотоводы (преимущественно овцеводы). Как мы отмечали, свыше половины поголовья овец и более трети крупного рогатого скота в животноводческих районах принадлежало крупным животноводам. Естественно, что они играли ведущую роль и в аренде пастбищно-сенокосных угодий.

Если в земледельческих районах весь земельный фонд перераспределялся путем аренды в соответствии с наличными в хозяйстве орудиями производства, то в животноводческих районах фактическое перераспределение всего земельного фонда, в основном пастбищно-сенокосного, происходило сообразно с численностью скота.

И все же, говоря о значении крупного собственника в арендных отношениях, мы не должны забывать, что ему уже не суждено было играть той роли, какую он играл в дореволюционном ауле. В первом разделе работы отмечалось, что до революции на равнине, в земледельческих районах области, арендуемая земля нередко имела большее значение, чем надельная. В первую очередь это касалось наиболее мощных предпринимательских слоев населения. В качестве примера тогда мы сослались на Хасавюртовский округ, где по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. 57,2% всей обрабатываемой площади (в группе сеющих свыше десяти дес. на двор) принадлежало к арендуемой. В Советское время мы такого не наблюдаем ни в одном районе республики. Даже в Ачикулакском округе, где земельная аренда получила наибольшее развитие, арендуемая площадь (в этой же группе) составляла 30,7% всего землепользования¹³¹. В результате национализации земли помещичье землевладение и помещичья кабальная аренда в основном были ликвидированы. Сотни и тысячи представителей трудового крестьянства получили землю, поэтому отпала и нужда

---

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 25, л. 2.

в аренде. Если раньше аренда была порождением безземелья и малоземелья, то теперь она получила развитие на почве отсутствия средств производства. Однако у того и другого вида аренды сохранились и общие черты. И тогда, и теперь она была источником развития крупного капиталистического производства. Но если раньше возможности для развития крупного предпринимательского хозяйства были почти неограниченными, то в условиях Советской власти национализация земли, да и вся сельскохозяйственная политика партии и государства, были для этого непреодолимым препятствием. Вообще допущение найма-сдачи и арендных отношений в нашей стране было делом временным, вызванным необходимостью восстановить разрушенное войной хозяйство. Как только восстановление в основном было завершено и партия решительно взяла курс на социалистическое переустройство сельского хозяйства, отношения найма-сдачи стали постепенно ограничиваться и вытесняться, стала свертываться база частного-капиталистического сектора. С обобществлением средств производства и победой колхозного производства аренда вовсе прекратила свое существование.

Теперь о формах оплаты за аренду. Те же материалы весеннего выборочного обследования 1927 г. дают об этом достаточно полное и точное представление. Если судить о формах оплаты по числу дворов, участвующих в аренде, то наиболее распространенной была издольная аренда. «Из доли» снимали земли в 35,5% случаев. Наименее распространенной была аренда за отработки — всего в четырех случаях из ста¹³². В целом натуральный расчет со сдатчиком вели 62,5% всех дворов, участвовавших в аренде, 30,6% расплачивались деньгами и лишь 6,9% — как деньгами, так и натурой¹³³.

Совсем иная картина обнаруживается при рассмотрении данных о площади земли, охваченной той или иной формой аренды. Так, 51,3% всего арендуемого фонда снималось за деньги, 17,6% — за деньги и продукты, 31,1% — исключительно за натуральную плату. В первых двух случаях арендуемая площадь составляла

---

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

три-четыре дес. на двор, в третьем — едва достигала десятины¹³⁴. Согласно этим данным, можно сделать заключение, что денежная форма оплаты была распространена среди более зажиточных слоев населения, тогда как натуральная, наоборот, — среди мелких арендаторов из маломощных бедняцко-средняцких слоев населения. Собственно говоря, в конкретных условиях того времени это было неизбежно. Если, отдавая на прокат орудия производства, зажиточный в целях обеспечения себе дешевых рабочих рук предпочитал отработки, то арендуя землю, он стремился единовременной денежной оплатой освободиться от сдатчика и получить полную свободу в отношении продуктов земледелия. Такой знаток доколхозной советской деревни как А. И. Хрящева отмечала в свое время, что преобладание денежной оплаты станет понятным, если вспомнить, что арендуют землю более зажиточные слои, которым невыгодно вставать по отношению к сдатчику в положение отработчика или другие зависимые условия¹³⁵.

Материалы о распределении земли в Дагестане еще раз доказывают иллюзорность крестьянских представлений об уравнительном переделе. В обстановке неравномерного распределения орудий производства равного распределения земли быть не может, и опыт доколхозной советской деревни — яркое тому свидетельство.

* * *

Для определения характера производственных отношений в доколхозном ауле исключительно большое значение имеет изучение такого важнейшего вопроса, как эксплуатация наемного труда. Итоги выборочного обследования 37 аулов в 1927 г. свидетельствуют о том, что в продаже и найме рабочей силы участвовало 69,3% всех крестьянских дворов республики¹³⁶. Из них 44,3% продавали рабочую силу, а 25% нанимали ее¹³⁷. Какие же социальные группы поставляли всю необходимую рабочую силу, и кто нанимал ее? Итоги переписи

¹³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 11, д. 25, л. 2.

¹³⁵ А. И. Хрящева. Группы и классы в крестьянстве. М., 1926, стр. 27.

¹³⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208 (см. табл. Б).

¹³⁷ Там же.

си дают ответ и на этот вопрос. К продаже рабочей силы прибегало 70% дворов, не имевших средств производства, и 54,2% дворов, имевших средства производства на сумму менее 200 руб. Это были в основном пролетарские и полупролетарские бедняцкие слои. Они поставляли на рынок свыше 70% всей рабочей силы. Из середняков к работе по найму прибегало 30,4% дворов, т. е. 29,5% всех рабочих, а из кулаков всего лишь 5,6%¹³⁸. Среди наемного персонала выходцы из этой группы составляли всего 0,5%. Таким образом, участие той или иной социальной группировки в отчуждении рабочей силы целиком и полностью связано с ее обеспеченностью средствами производства: чем больше средств производства, тем меньше рабочих рук выбрасывает двор на рынок.

Совсем иная картина рисуется при рассмотрении материалов о нанимающих рабочую силу. Из числа тех, кто не имел средств производства или имел их на сумму не более 200 руб., т. е. из группы бедноты, к найму прибегало всего 10,2%. Из середняков к найму рабочей силы прибегало 42,9% всех хозяйств, а из кулаков — 68%. Как видим, пропорция здесь обратная. Если в первом случае по мере роста обеспеченности группы средствами производства ее участие в продаже рабочей силы все более и более сокращалось, то здесь, наоборот, степень участия в найме тем выше, чем больше средств производства.

Таким образом, очевидно, что основными поставщиками необходимой рабочей силы являлись беднота и маломощные середняки. В качестве же главных нанимателей выступали зажиточно-кулацкие элементы. Приблизительно такую же картину мы наблюдали при анализе данных об отношениях найма-продажи рабочей силы и в дореволюционном Дагестане. Однако даже при самом поверхностном сопоставлении материалов переписи 1917 г. и выборочного обследования 1927 г., можно убедиться в том, что в этих отношениях произошли и большие изменения. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции на базе аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, батрацко-бедняцкая группа значи-

¹³⁸ Там же.

тельно уменьшилась, тысячи представителей горской бедноты получили землю и стали на путь самостоятельного хозяйствования. Естественно, вследствие этого сократились также пролетарские и полупролетарские слои аула. Достаточно сказать, что почти наполовину уменьшилось и число отходников, и число сельскохозяйственных рабочих¹³⁹. Но изменения эти были не только количественными. Как видно из материалов переписи 1917 г. по Хасавюртовскому округу и Южно-Табасаранскому наместству¹⁴⁰, более половины всех дворов нанимателей и около двух третей всей наемной рабочей силы приходилось на самую мощную, кулацкую, группу. По другому обстояло дело в дагестанском ауле в начале переходного периода. 12,7% всех дворов, использовавших наемную рабочую силу, не имели рабочего скота, 75,4% имели от одной до четырех голов и лишь 12,9% дворов имели свыше четырех голов¹⁴¹, т. е. больше двух третей нанимателей являлись середняками. Это явление характерно для начальной степени развития капитализма.

Чем объяснить такое сравнительно широкое применение наемной рабочей силы в бедняцко-середняцких слоях крестьянства Дагестана. В первом разделе, анализируя аналогичное явление в дореволюционном ауле, мы отмечали, что из-за скудности природных ресурсов добрая половина трудоспособного населения вынуждена была искать средства к существованию на стороне. На этой почве широкое распространение получило отходничество. Дело доходило до того, что в разгар полевых работ на местах выхода отходников не хватало рабочих рук, поэтому даже бедняцким хозяйствам нередко приходилось прибегать к найму. Но если в этом заключалась основная причина довольно частого обращения бедноты к найму рабочей силы в дореволюционном Дагестане, то в переходный период применение наемного труда в значительной мере было связано с хозяйственным ростом бедноты до уровня середняков. Однако использование наемного труда в этой группе вызвано было не столько расширением хозяй-

---

¹³⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 119.

¹⁴⁰ См. стр. 109 и 110 настоящей работы.

¹⁴¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208

ства, сколько необходимо в возможно короткие сроки закончить уборку и избежать потерь урожая. Поэтому здесь мы почти не встречаем постоянных рабочих. Наем в этой группе ограничивался обычно временем уборочных работ. Но не это для нас сейчас главное.

Нам важно выяснить, какое место принадлежало капиталистической эксплуатации наемного труда. Для этого мы располагаем исключительно ценными материалами Центрального Статистического Управления за 1926 г.¹⁴² Согласно этим материалам, в 1926 г. в Дагестане было 18,5 тыс. сроковых рабочих, для которых работа по найму являлась чуть ли не единственным источником существования. 15,3 тыс. из них, или 82,7% всех рабочих, батрачили в индивидуальных крестьянских хозяйствах¹⁴³. Посмотрим, какие же социальные слои они представляли, на кого они работали и каковы были условия их найма и труда.

Как показало обследование, 83,5% этих рабочих не имели рабочего скота, а 58,3% — были беспосевными¹⁴⁴. Так что сомневаться в их пролетарском происхождении не приходится. Теперь о группе нанимателей. 87,2% всех дворов этой группы держали одного постоянного наемного рабочего, 12,8% — двух и более рабочих. Из этой последней группы 2,6% хозяйств имели трех и более рабочих на двор. Каков же был их социальный состав? Среди дворов с одним постоянным наемным работником 10,3% хозяйств не имели рабочего скота и в значительной степени были беспосевными, дворов с одной-двумя головами рабочего скота было 35,9%, с тремя и более — 41%, остальные 12,8% были много-скотными, многоземельными мощными дворами с несколькими постоянными работниками¹⁴⁵. Здесь, наоборот, преобладает зажиточно-кулацкий элемент. Об этом же свидетельствуют и данные о продолжительности сроков найма. У одного и того же нанимателя работали: до одного месяца — 2% всех рабочих, от одного до трех месяцев — 2% рабочих, от трех до шести

¹⁴² «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.». М., 1928.

¹⁴³ Там же, стр. 122, 123.

¹⁴⁴ Там же, стр. 124.

¹⁴⁵ Там же, стр. 54.

месяцев — 4,1% рабочих, от шести до девяти месяцев — 20,4% рабочих, от девяти месяцев до года — 6,2% рабочих, год и более — 65,3% рабочих¹⁴⁶. Памятуя, что к долгосрочному найму, как правило, прибегает крупное предпринимательское хозяйство, мы смело можем сказать, что подавляющее большинство сроковых рабочих также «оседало» у кулаков.

Анализируя эти данные, важно обратить внимание еще на одну деталь. Как мы заметили, среди нанимателей преобладали середняки. Однако при рассмотрении данных об использовании постоянной наемной рабочей силы первенство переходит к кулаку. Крупные собственники составляли абсолютное большинство дворов, имевших постоянных работников, они эксплуатировали и большинство постоянного наемного персонала.

Группа так называемых сроковых сельскохозяйственных рабочих, для которых работа по найму являлась чуть ли не единственным источником дохода, находилась в наиболее тяжелом положении. По данным обследования условий труда и быта батрачества в 1926 г., сельскохозяйственному рабочему приходилось скитаться в поисках работы в среднем 0,9 месяца, остальные 11,1 месяца составляли средний срок найма — это почти в два раза выше, чем в среднем по СССР. Рабочий день длился в среднем 12,7 часа. А в страдную пору батраки трудились, как говорится, от зари до зари. 85,4% всех рабочих, нанятых кулаками, несмотря на категорическое запрещение, вынуждены были выходить на работу даже в праздничные дни, не говоря уже о днях воскресных¹⁴⁷.

В итоге, за два летних месяца на каждого рабочего приходилось 60,6 дней физической работы — больше чем в любом другом районе страны¹⁴⁸. И за этот тяжелый изнурительный труд батрак получал в среднем 17,4 руб. По стране среднемесячный заработок составлял 15,4 руб., как будто бы меньше, чем в Дагестане¹⁴⁹. Однако в Дагестане из 17,4 руб. более 11 руб. приходилось на хозяйские харчи, в то время как в целом по

¹⁴⁶ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.», стр. 30.

¹⁴⁷ Там же, стр. 34—35.

¹⁴⁸ Там же, стр. 37.

¹⁴⁹ Там же, стр. 40.

стране за харчи вычиталось по 7,3 руб. И если учесть, что продукты сельского хозяйства в республике из-за отрицательного хлебного баланса были сравнительно дорогие, то окажется, что здесь рабочие за более длительную и тяжелую работу получали гораздо меньше. Очень часто аульные верхи нанимали батраков за одни харчи. Такие факты были зарегистрированы бюджетной экспедицией в 1926—1927 гг. при обследовании Аварского, Андийского и Гунибского округов¹⁵⁰. В связи с этим не случайно, что в республике коэффициент рабочих, получавших зарплату деньгами, был самым низким в стране (от Дагестана в этом отношении отставала лишь Киргизия)¹⁵¹. Показательны в этом отношении сравнительные данные ЦСУ СССР за 1926 г. На 100 руб. зарплаты приходилось деньгами: в Дагестане 18,4%, в РСФСР — 43,8%; продуктами сельского хозяйства соответственно — 22,3% и 10,9%; отработками — 0,6% и 1,6%; хозяйскими харчами — 58,7% и 39,9%. Удельный вес рабочих, имевших в составе заработной платы деньги, составлял в Дагестане 50%, а по СССР в целом — 77,7%; продукты сельского хозяйства — соответственно 56,3% и 22,3%; отработки — 6,3 и 4%; хозяйские харчи — 87,5%, 86,8%¹⁵². Таким образом, в Дагестане преобладала натуральная форма оплаты наемного труда, причем львиная доля этой платы приходилась на «хозяйские харчи», в то время как в среднем по стране преобладала доля денежного заработка. Это значит, что сельскохозяйственный пролетариат в Дагестане находился в значительно худших материальных условиях, что кабальные патриархальные формы зависимости и эксплуатации здесь были гораздо сильнее. Используя естественный земельный голод, плохую обеспеченность средствами производства и высокие цены на сельхозпродукты, кулак фактически диктовал свои условия. Характерно, что если в среднем по РСФСР письменными трудовыми договорами было охвачено 60,1% всех рабочих, то в Дагестане — всего 20,8%¹⁵³ (в этом отношении положение было хуже

¹⁵⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 93—94.

¹⁵¹ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.», стр. 37.

¹⁵² Там же, стр. 43.

¹⁵³ Там же, стр. 32.

только в Бурят-Монголии). Это значит, что в Дагестане на заранее оговоренных условиях работал лишь один рабочий из пяти, а четверо, не оформляя своих отношений с кулаком, целиком зависели от его капризов. Очень часто они работали на кулака без всякой оплаты — за продовольственную или семенную ссуду, за прокат инвентаря или рабочего скота. Не поддаваясь учету или контролю со стороны органов Советской власти, эта форма кабальной эксплуатации была наиболее тяжелой для рабочих и самой выгодной для кулаков. Именно поэтому кулачество так умело использовало все выгодные им условия, чтобы с наименьшим риском и за бесценок получить необходимые рабочие руки. Вместе с тем, продолжительность сроков работы по найму на сравнительно тяжелых условиях свидетельствует о том, что в Дагестане для большинства деревенских батраков продажа рабочих рук являлась основным, если не сказать единственным, источником существования, в то время как в большинстве районов РСФСР это был дополнительный источник дохода.

Советское государство вело решительную борьбу против кабальных сделок. Регулируя отношения найма-продажи рабочей силы, оно постоянно стремилось направить их в законное русло. Эта борьба резко усилилась в связи с курсом на коллективизацию и ограничением и вытеснением кулачества экономическими мерами. На этой почве с 1927 г. наемный контингент в кулацких дворах стал постоянно уменьшаться. Если в 1926 г. в индивидуальных дворах было 15,3 тыс. наемных рабочих, в 1927 г. их было 13,4 тыс., а в 1928 г. — 10 тыс.¹⁵⁴ Надо отметить, что это сокращение было результатом не столько ограничительных мер, сколько всемерной экономической помощи партии и Советского государства, благодаря которой бедняк освобождался от кулацкой кабалы и становился на путь самостоятельного хозяйствования.

Наряду с индивидуальными дворами к найму рабочей силы прибегали и сельские общества. У них в 1926 г. было занято 3,6 тыс. человек, или 17,3% всех постоянных сельскохозяйственных рабочих¹⁵⁵. В подавляющем

¹⁵⁴ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.», стр. 43.

¹⁵⁵ Там же, стр. 122—123.

своём большинстве это были пастухи и подпаски. Обследование условий труда и быта батраков показало, что рабочие сельских обществ и групп нанимателей находились в лучшем положении, нежели рабочие индивидуальных дворов. Об этом красноречиво свидетельствовали и данные об условиях найма. Так, средний срок найма в сельских обществах и группах нанимателей составлял 6,7 месяца, вместо 11,1 в индивидуальных хозяйствах, на 5,4 руб. был выше и среднемесячный заработок рабочего, причем из этой суммы на так называемые «хозяйские харчи» приходилось всего 4,9 руб.¹⁵⁶ Правда, и здесь преобладала натуральная оплата наемного труда, однако удельный вес работников, получивших зарплату деньгами, был выше, чем в индивидуальных дворах почти наполовину.

Любопытно и другое обстоятельство: число рабочих в индивидуальных хозяйствах падало, а здесь, наоборот, увеличивалось. В 1926 г. в «сельских обществах и у групп домохозяев» было 3,6 тыс. рабочих, в 1927 г.— 5,4 тыс., т. е. увеличилось на 50%¹⁵⁷. Объясняется это тем, что наемный труд в этой группе нанимателей лучше поддавался учету и контролю, и Советское государство, регулируя отношения найма-продажи рабочей силы, до поры до времени главное внимание сосредоточивало на борьбе против индивидуальной кулацкой эксплуатации. Но из этого не следует делать вывод, будто групповой наем рабочих не носил эксплуататорского характера. Боясь лишиться права голоса, к групповому найму все чаще и чаще стали прибегать и кулаки. Однако здесь элемент сокрытия был минимальным, и органы власти в нужный момент могли на основании закона оградить права батрака.

Однако далеко не все рабочие нанимались индивидуальными дворами или группами домохозяев. Многие из них шли в совхозы и другие государственные предприятия и таким образом оказывались в сфере социалистических производственных отношений. В начальный период нэпа таких рабочих было еще сравнительно мало. На 1 мая 1926 г. в совхозах Дагестана числилось 392 срочных рабочих, главным образом поден-

---

¹⁵⁶ Там же, стр. 41.

¹⁵⁷ Там же, стр. 122—123.

ных, и 49 служащих,— всего 441 человек¹⁵⁸. Но по мере развертывания совхозного строительства, их численность быстро возрастала. Сроковые рабочие, о которых мы вели речь, составляли незначительное меньшинство наемного персонала, поставляемого дагестанским аулом на рынок рабочей силы. Как и до революции, типичнейшим представителем пролетарских и полупролетарских слоев аула был рабочий с наделом. Анализируя распределение средств производства между социальными группировками, мы пришли к выводу, что свыше 40% всех дворов были маломощными, хозяйственно несамостоятельными. От собственного хозяйства эта группа получала лишь 47% годового дохода семьи¹⁵⁹. Поэтому, естественно, в Дагестане очень широкое развитие получили всевозможные промыслы.

Комиссия РКИ, осуществившая бюджетное обследование Даргинского округа, зарегистрировала в 96% обследованных аулов кустарные промыслы, которые служили основным подспорьем для 24,7% всех хозяйств¹⁶⁰. О социальной природе этих хозяйств говорит тот факт, что среди них 52% были безземельными и 48% — малоземельными. Комиссия РКИ определила, что 85,7% кустарей — бедняки, а 14,3% — середняки. Основным их занятием было производство кавказского сукна. Производством сукна занимались 81,3% всех кустарей¹⁶¹, преимущественно женщин. Мужчины предпочитали отхожий промысел.

Всесоюзная перепись населения 1926 г. зарегистрировала в Дагестане 58 141 человек отходников, т. е. на 35 тыс. человек меньше, чем в 1913 г.¹⁶² Очевидно, что такое резкое сокращение численности отхожих рабочих произошло в результате аграрных преобразований, осуществленных Советской властью, а также целенаправленной классовой политики Коммунистической партии и Советского государства, обеспечивших рост значительной части бедноты до уровня середняков. Однако Октябрьская революция не могла одним махом разрешить такую серьезнейшую проблему, как неравномер-

¹⁵⁸ «Батрачество и пастушество в СССР». М., 1929, табл. 3, стр. 7.

¹⁵⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 107, л. 117.

¹⁶⁰ Там же.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Там же, л. 119.

ное распределение производительных сил и средств производства, в результате которого исторически сложилась аграрная перенаселенность гор. Поэтому и после революции для многих тысяч представителей горской бедноты вопрос о средствах существования оставался не разрешенным. Источником этих средств по-прежнему продолжал оставаться отхожий промысел. По-прежнему большая часть отхожих рабочих (33 тыс.) уходила за пределы республики, меньшая (25 тыс.) — оставалась внутри. Но далеко не прежними были отношения найма-продажи. В первом разделе работы мы постарались показать, что до революции, как правило, почти все отходники попадали в сферу капиталистической эксплуатации. Это и понятно. В условиях господства частной собственности и засилья монополий иначе и быть не могло.

Совсем другое дело в Советскую эпоху. Национализация промышленности и транспорта, строительство крупных предприятий в сельском хозяйстве привели к тому, что много рабочих рук нашли себе применение на предприятиях социалистического типа. Надо отметить, что в конце 20-х годов на этой почве сельскохозяйственный отход постепенно стал терять свое значение. Подавляющее большинство отходников стало оседать в промышленности и на новостройках. Это значит, что огромное большинство отходников в условиях Советской власти оказалось в сфере последовательно социалистических отношений. Наблюдалась характерная для переходного периода картина: имея ничтожное хозяйство на клочке земли, отходник в известной мере являлся частным собственником и, следовательно, носителем буржуазных отношений. Однако его личное хозяйство не обеспечивало его личных нужд и он вынужден был восполнять дефицит, прибегая к отхожему промыслу, в основном нанимаясь сезонным рабочим на рыбные промыслы, на промышленные предприятия, транспорт, строительство и в совхозы, т. е. работая в социалистическом секторе. Следовательно, с другой стороны, будучи рабочим социалистической промышленности, он представлял социалистические производственные отношения. И надо заметить, что не менее 80% всех рабочих, связанных с сельским хозяйством, составляли именно отходники, втянутые в эти отношения.

Говоря о характере производственных отношений в доколхозном ауле, мы коснулись лишь отношений, складывавшихся на почве неравномерного распределения орудий и средств производства — найма-аренды-продажи рабочей силы, скота, сельскохозяйственного инвентаря и земли, т. е. главным образом капиталистических отношений. Однако ограничиваться этим нельзя, ибо может сложиться одностороннее и ложное впечатление о социально-экономическом развитии доколхозного аула. Выше уже было указано на незавершенность аграрной революции, на остатки патриархально-феодалного уклада в хозяйственной и политической жизни. Из этого следует, что в доколхозном ауле еще имели место и патриархально-феодалные методы эксплуатации, особенно в горных животноводческих районах. Известно, что до революции в животноводстве преобладала патриархальная система под названием «кош», «серкерство». Сущность этой системы подробно рассматривается в первом разделе данной работы. Как можно судить по ряду документов, эта система продолжала господствовать в ряде районов и после революции. Разница заключалась лишь в том, что во многих случаях в целях маскировки в качестве главы объединения — серкера — крупные овцеводы стали выставлять середняка и даже бедняка. Однако сущность серкерства от этого не менялась; по-прежнему за спиной серкеров стоял крупный собственник, который руководил всей жизнью коша.

О том, какое место занимала эта система в экономике можно судить по справке Наркомзема «Организационные типы кочевого овцеводства», в которой указывалось, что по организационному типу животноводства Дагестан можно разделить на три района:

первый район — равнинный. Здесь «мелкие, средние и крупные хозяйства выпасали своих овец самостоятельно, не объединяясь в кош», через общественного или индивидуально нанятого пастуха;

второй район — предгорный. Здесь наиболее распространенной формой являлась передача мелкими и средними овцеводами своих овец более крупному овцеводу, который занимался наймом пастухов, арендой пастбищ и пр.;

Третий район — горный. Здесь наблюдались в основном две организационные формы:

а) когда крупный овцевод непосредственно принимал к себе овец мелких и средних собственников, как и в районах предгорья, однако в напряженные моменты перегона скота мелкие скотоводы обязаны были трудиться лично или оплачивать дополнительно расходы по найму людей на этот период;

б) когда крупный овцевод непосредственно не принимал овец, а мелкие овцеводы, сколотив стадо овец в 200—300 голов, сами нанимали пастуха и лишь потом уже вливались в стадо крупного овцевода¹⁶³.

Право войти в кош мелкие овцеводы получали обычно «за определенную плату натурой». Кроме того, крупный овцевод имел три—десять доек всего стада и бесплатную обработку земли в ауле.

Таким образом, как свидетельствует этот документ, старая патриархальная система по-прежнему была самой распространенной формой содержания скота в горных и предгорных округах, т. е. в большинстве районов республики. Однако это не означает, будто для подавляющего большинства населения республики эта система являлась основной формой содержания скота. Во-первых, она получила развитие лишь в овцеводстве (крупный рогатый скот в перегоне с зимних на летние пастбища и обратно обычно не участвовал), во-вторых, согласно данным выборочной переписи 1927 г., скотоводство было основным занятием лишь для 10—12% всех крестьянских дворов республики. Однако бесспорно, что подавляющее большинство крупных горских скотоводов эксплуатировало бедноту именно посредством этой патриархальной системы.

Пережитки патриархальщины проявлялись не только в животноводстве, но, не в меньшей степени, и в землепользовании, особенно в организации земельной общины. Конечно, конфискация помещичьей и казенной земли, передача значительных земельных угодий в горных районах в распоряжение бедноты и другие акты, осуществленные в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, в значительной мере очистили систему землевладения и землепользования от

¹⁶³ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 62, л. 201—203.

пережитков средневековья и подорвали феодальные методы эксплуатации, однако пережитки патриархальщины и здесь встречались на каждом шагу.

О том, что патриархальщина в животноводстве, особенно в овцеводстве, была широко распространена, хотя и косвенно, свидетельствуют и такие факты. Во-первых, согласно выборочной переписи 1927 г., постоянной наемной рабочей силой пользовались лишь 68% всех кулацких дворов. Между тем хорошо известно, что эти наиболее мощные деревенские слои располагали хозяйством, выходящим далеко за рамки их собственных внутренних трудовых возможностей. Поэтому невольно возникает вопрос, каким образом вели свое производство остальные 32% кулацких хозяйств. Даже если и допустить, что во время переписи вкралась ошибка, все равно предположение о том, что эта группа пользовалась какой-то, не учтенной переписью формой эксплуатации, не снимается. А такой формой в тех конкретных условиях могла быть лишь патриархальная система, ибо только она могла завуалировать действительные отношения найма и обеспечить крупных собственников даровой рабочей силой. Во-вторых, по данным статистики, у крупных собственников был сосредоточен 51% всего поголовья овец — это около 1,3 млн. голов. Согласно расчетам экономистов и как свидетельствует практика, для выпаса такого количества овец нужны были не менее 6,5 тыс. чабанов, из расчета по 200 голов на человека. Между тем в Дагестане насчитывалось немногим более 4,6 тыс. наемных чабанов, т. е. значительно меньше необходимого числа. В-третьих, около 10% наиболее крупных овцеводов имели до одной тысячи и более овец на двор. Это значит, что каждый из них должен был пользоваться услугами не менее пяти—семи чабанов. Между тем обследование ЦСУ показало, что из всех дворов, прибегавших к найму рабочей силы, лишь 2,6% имели три и более работников на двор¹⁶⁴. А ведь в данном случае среди нанимателей имелись и сельские общества. И, наконец, анализируя данные переписи о распределении скота, мы заметили «уход» крупного собственника в овцеводство. Это, конечно, не случайность. В условиях

---

¹⁶⁴ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР в 1926 г.», стр. 54.

национализации земли и систематического ограничения отношений найма-продажи рабочей силы крупные предприниматели предпочитали действовать с наименьшим риском. А для этого удобной отраслью хозяйства было отгонное овцеводство, которое давало возможность скрывать кабальные, наиболее тяжелые формы эксплуатации и развивать крупное индивидуальное производство.

Патриархально-феодалные и даже патриархально-родовые пережитки особенно отчетливо проявлялись в системе организации земельной общины. До революции во многих горных аулах Дагестана древний обычай обязывал всех членов сельского схода принимать равное, невзирая на имущественное положение, участие во всех общественных работах и мероприятиях: бедняк, имевший не более 0,10—0,15 га посева или вовсе не имевший пашни, был обязан наравне с богатеями участвовать в очистке и ремонте общинной оросительной системы и платить за охрану посева, а труженик, имевший одну коровенку, — пасти общественное стадо столько же дней, сколько и крупный собственник, имевший десятки голов крупного рогатого скота и сотни голов овец. Как показала выборочная проверка девяти горных аулов, специально организованная областным комитетом партии в 1927—1929 гг., этот обычай сохранился в очень многих сельских обществах и после революции. Комиссия ссылается, в частности, на такой факт: в селении Ричиганик Цунтинского района на сельском сходе «бедняки подняли вопрос о том, чтобы очередь выхода на выпас общественного скота была установлена соответственно с наличием скота в каждом хозяйстве. Выступавшие кулаки добились сохранения старого порядка очереди: будь бесскотный, будь с многочисленным скотом, каждый хозяин выходит пасти скот один день в очередь»¹⁶⁵. Комиссия отмечала, что подобные явления имелись преимущественно в отсталых аулах, где не было партячейки или где ячейка была очень слаба, и называла такие аулы: Кулушац, Шагода, Ричиганик, Гамсутль, Мехельта, Мургук и т. д. В этих аулах, как правило, сельский сход находился на поводу у духовенства и кулаков, и партийно-советскому активу

¹⁶⁵ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, 209, л. 138—139.

стоило очень многих трудов, чтобы избавить горцев от тлетворного влияния феодально-клерикальных элементов. Нередко дело доходило даже до того, что из-за живучести полупатриархальных, полуфеодальных пережитков и засилья духовенства в некоторых аулах сельский сход выступал против мероприятий Советской власти и завоеваний Октября. Так, указанной комиссией было отмечено, что в аулах Мехельта и Ричиганик общественная земля, которая до революции использовалась под выпас скота крупными овцеводами, после победы Октября была передана малоземельной бедноте, однако, пользуясь своим влиянием и новой обстановкой, вызванной нэпом, аульная верхушка сумела склонить сход к тому, чтобы эти земли вновь были превращены в пастбища ¹⁶⁶.

В первое время после установления Советской власти довольно широко распространенной была также патриархальная форма эксплуатации неимущих слоев под видом общественной взаимопомощи — «булхъа», «билха» и т. д., о которой более подробно написано в первом разделе.

Все это свидетельствует о том, что наряду с капиталистической эксплуатацией в Дагестане еще имели место и патриархально-феодальные методы эксплуатации. И хотя в значительной мере все эти формы угнетения были подорваны, однако пока что они были еще довольно широко распространены и играли видную роль в экономической жизни. Конечно, перечисленные нами формы патриархальной эксплуатации не исчерпывают всего многообразия этих форм. Мы остановились лишь на основных и наиболее распространенных.

Анализируя аграрный строй и социально-экономические отношения в дореволюционном дагестанском ауле мы заметили, что основной производительной единицей, особенно в горном Дагестане, являлось мелкое бедняцкое и маломощное середняцкое хозяйство. На эту группу до революции приходилось до 70% всего населения области и около двух третей всего сельскохозяйственного производства. Однако процесс социального расслоения основательно прошелся по дагестанскому крестьянству, особенно на земледельческой

---

¹⁶⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 138—139.

равнине, где явно наметилась тенденция к поляризации крайних групп, резко возросла неравномерность между ними, особенно в такой отрасли, как овцеводство.

Совсем по-другому выглядит социальное лицо дагестанского советского доколхозного аула. Национализация земли и передача помещичьих и казенных угодий горской бедноте, постоянная и все растущая всесторонняя экономическая помощь и политическая поддержка со стороны Коммунистической партии и Советского правительства привели к тому, что значительное число маломощных крестьян сумело подняться до уровня середняков. Средняк в общем занял центральное место и по числу населения, и как производительная сила, и как собственник основных средств и орудий производства. Как отметил XV съезд партии, в усилении, укреплении середняка и заключалась отличительная особенность социального расслоения крестьянства в переходный период.

Вместе с тем, рассматривая процесс социального расслоения дореволюционного дагестанского аула, мы отметили, какое большое влияние оказывали на его характер и степень развития естественные условия, действовавшие извне, историческое влияние и другие эмпирические обстоятельства. Октябрьская революция, конечно, не могла ни ликвидировать воздействия этих факторов, ни уравнивать их последствия для всех областей и районов, невзирая на их прошлое, на степень их экономического развития и т. д. Поэтому очень важно проследить социально-экономические процессы по различным географическим зонам Дагестана. Во-первых, это позволит нам еще полнее ощутить и подлинные итоги Октябрьской революции, во-вторых, и это главное, поможет понять последующий ход развития событий и дифференцированную политику в отношении гор и равнины в период коллективизации.

На первых порах революция не ставила, да и не могла ставить перед собой задачу ликвидировать исторически сложившуюся неравномерность в размещении производительных сил и средств производства. Как была аграрная перенаселенность гор до революции, так она осталась и после революции. Правда, будет глубоким заблуждением думать, будто Октябрь не внес никаких изменений в это обстоятельство. Ликвидация

помещичьего и особенно казенного землевладения, передача республике ряда округов, имевших свободный земельный фонд, позволили наделить землей многих горских тружеников. Достаточно обратиться к данным об изменениях в землепользовании, чтобы убедиться в этом. Так, согласно переписи 1917 г., в Аварском округе беспосевные составляли 2,7% всех дворов, а по данным ДСУ на 1926 г., — 1,6%. Дворов с одной десятиной вместо 47% в 1917 г. стало 28,6% в 1926 г., зато число дворов, имевших до трех десятин посева, увеличилось на 11,1%¹⁶⁷. То же самое наблюдалось и в Гунибском округе. Здесь численность несеющих в результате революции сократилась еще больше — в три с лишним раза¹⁶⁸. Такая перегруппировка сил по землевладению произошла благодаря конфискации казенных земель и передаче их горской бедноте. Огромную роль в этом сыграла также всесторонняя экономическая помощь Советского государства трудящимся горцам. Однако в самих горах земли вообще не хватало, а безынвентарной маломощной бедноте равнина в тех условиях была недоступна. Поэтому по-прежнему остро ощущался «земельный голод» в горах, в то время как на равнине пустовали огромные массивы плодороднейшей земли.

Достаточно отметить, что, несмотря на происшедшие перемены, в горах по-прежнему преобладало мелкое землевладение. Это особенно бросается в глаза при сравнении гор с равниной. Например, по одним и тем же данным в 1926 г. в Хасавюртовском округе было 28,1% хозяйств, сеющих три и меньше десятин на двор, в Аварском округе — 86,8%, в Андийском — 89,5%, в Гунибском — 89,4%¹⁶⁹. И в этом нет ничего удивительного, если учесть, что в Андийском округе на душу населения приходилось в среднем 0,18 га пашни и садов, в Гунибском — 0,20 га и в Аварском — 0,26%¹⁷⁰. Если же сравнить эти данные с приведенными в первом разделе, налицо хотя и незначительный, но безусловный рост крестьянских угодий, хотя далеко не достаточный для решительного преобразования экономики горского труженика. Малоземелье не могло не сказаться на

¹⁶⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1. оп. 6, д. 23, л. 95.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, оп. 9, д. 107, л. 115.

процессе социального расслоения дагестанского крестьянства и после революции. Обратимся к материалам о классовой структуре и экономической мощи каждой социальной группы горского аула.

Анализируя сельскохозяйственную перепись 1917 г. по Гунибскому и Аварскому округам, мы отметили, что до революции в горном Дагестане основной производительной силой являлось мелкое патриархальное крестьянское хозяйство, главным образом бедняцкое, имевшее не более одной головы рабочего скота и 25 овец на двор. Вместе с бесскотными таких дворов, например, в Гунибском округе было 69%. Они держали у себя 50,9% всего крупного рогатого скота, 26,6% всех овец и 56,3% всей земельной площади¹⁷¹. Средних, самостоятельных дворов насчитывалось 3056 или 23,6%, они держали у себя 33,1% крупного рогатого скота, 20,2% овец и 29,7% всей земли¹⁷².

Таким образом, 84% всего крупного рогатого скота, 46,8% всех овец и 86,6% всех земельных угодий находились в собственности бедноты и маломощных середняков; зажиточно-кулацкие слои аула преобладали лишь в овцеводстве. Примерно таким же было положение в Аварском, да и в других горных округах.

Если проанализировать распределение орудий и средств производства между трудовой и эксплуататорской частями населения гор после революции, то особые внешние перемены на первый взгляд трудно и заметить. Бедняцко-середняцкие слои по-прежнему оставались основной производительной силой; кулачество, хотя оно в результате революции и понесло потери, по-прежнему продолжало господствовать в овцеводстве. Однако, если обратиться к данным по социальным группам, убедимся, что перемены произошли большие. В 1926/27 г. Народный комиссариат земледелия произвел выборочное обследование 4330 дворов в 35 селениях республики, в том числе 903 дворов в Андийском, Аварском, Гунибском и Самурском округах¹⁷³. Как показало это обследование, в горах подавляющее большинство дворов (62,9%) по-прежнему принадлежало мелким хозяевам. По сравнению с 1917 г. налицо

¹⁷¹ См. стр. 68 (табл. 5).

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209.

некоторое уменьшение числа бедняцких хозяйств (на 6,1%), но факт абсолютного преобладания бедноты среди населения очевиден. Сохранили они свое ведущее положение и в землевладении. В их распоряжении оставалось 46,6% всей земельной площади — больше чем у любой другой группы. Но, если эту цифру сравнить с дореволюционными данными, становится очевидно, что земли у бедноты стало меньше (на 9,7%), а по владению средствами производства они уступили первенство, правда, с минимальным перевесом в 0,4%, середнякам¹⁷⁴. Более ощутимы перемены, происшедшие в группе середняков. На 10,1% вырос удельный вес этой группы среди населения и резко улучшилось ее положение в производстве. Сосредоточив у себя 39% всех орудий производства, 44,8% всей земли и 45% всей пашни, она стала претендовать на ведущее место в доколхозном ауле внутреннего нагорного Дагестана.

Наиболее рельефное представление об изменениях, происшедших в нагорном Дагестане в результате Октябрьской революции, дают данные о социальных группах по владению рабочим скотом. Верность этих данных обусловлена, во-первых, тем, что для определения социальных групп и по переписи 1917 г., и по выборочному обследованию 1926 г. взяты одни и те же аулы и, во-вторых, как уже отмечалось в первом разделе, рабочий скот в период военной разрухи к 1917 г. понес совсем незначительные потери и поэтому в какой-то мере мог служить наиболее верным показателем действительного соотношения социальных групп до и после революции.

Согласно этим данным, в 1917 г. в горах было 33,1% дворов без рабочего скота, а в 1926 г. — 26,5%, дворов с одним волом в 1917 г. было 26%, а в 1926 г. — 18,2%. Это значит, что в результате утверждения рабоче-крестьянской власти число маломощных хозяйств горного Дагестана уменьшилось на 14,4%. Число дворов с 2—4 волами увеличилось с 34,7% в 1917 г. до 49,6% в 1926 г. Хотя и не сильно, но все же уменьшилась и верхняя группа, имевшая свыше четырех волов на двор. Ее удельный вес уменьшился с 6,2% в 1917 г. до 5,7% в 1926 г. Таким образом, за счет сокращения крайних

¹⁷⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, стр. 92—93.

групп увеличивались средние слои дагестанского аула. Вместе с тем бросаются в глаза и очень незначительные, на первый взгляд, изменения в верхней, зажиточно-кулацкой, группе. Так, в 1917 г. в этой группе было 4,6% дворов, имеющих до восьми голов рабочего скота, а в 1926 г.— уже 5,1%, т. е. больше на 0,5%. Показательно при этом, что наиболее мощный слой, имеющий свыше восьми голов на двор, уменьшился с 1,6% в 1917 г. до 0,5% в 1926 г.¹⁷⁵ И это при абсолютном увеличении поголовья рабочего скота в 1926 г. по сравнению с 1917 г. Рост верхней группы происходил главным образом не за счет увеличения наиболее мощных кулацких дворов, а за счет хозяйственного роста зажиточных слоев.

Перейдем к анализу данных о социальном расслоении равнинного аула. Из материалов переписи 1917 г. мы убедились, что до революции равнинные районы развивались далеко не равномерно. Если северные районы равнины, например Хасавюртовский округ и низменная часть Темир-Хан-Шурина округа, встали на путь капитализма, если в этих округах крупное предпринимательское хозяйство заняло доминирующее положение, то в Южно-Табасаранском наместничестве Кюринского округа процесс расслоения еще не завершился, крупное кулацкое хозяйство играло здесь куда более заметную роль, чем в горах. Тем не менее значительно больше половины производства оставалось еще за бедняками и маломощными середняками. Охарактеризуем положение этих округов после революции. Вот данные обследования Хасавюртовского, Махачкалинского и Кизлярского округов в 1927 г.¹⁷⁶ По этим данным, удельный вес бедноты в этих округах достигал 39,5%, середняков — 53%, кулаков — 7,5%. Таким образом, среди населения равнины абсолютное большинство составляли середняки. Между тем, согласно переписи 1917 г., в Хасавюртовском округе две трети всего населения составляли пролетарские и полупролетарские бедняцкие слои. Если в 1917 г. в округе было 28,1% беспосевных дворов, то в 1926 г. их стало уже 17,7%, т. е. на 10,4% меньше. С 48,6 до 28,1%, т. е. на 20,5%

¹⁷⁵ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 116 (цифры выведены мною.— О. Г.).

¹⁷⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 85—86.

уменьшилась и группа, сеющая три и меньше дес. на двор. Зато в два с лишним раза (с 15 до 30,9%) выросла группа, сеющая три—пять дес. Большие изменения произошли и в группе многопосевных. Она уменьшилась почти в два раза¹⁷⁷. Перед нами, таким образом, явный процесс осереднячения, поравнения крестьян.

По данным 1927 г., середняк на равнине занял центральное место и по численности, и в производстве; ему принадлежало 62% пашни и 44,2% всех остальных средств производства¹⁷⁸. Еще более предпочтительным было положение середняка в южных районах равнины. До революции 41,9% земли, 56,1% крупного рогатого скота и 26,8% овец держали 66% дворов, которые имели не более трех дес. на двор или вовсе не имели посева. В 1927 г. беднота составляла 30,2% населения этого района и у них сосредоточивалось 15,3% посевов и 16,4% всех прочих средств производства. В это время абсолютное большинство населения было уже середняцким. Средняцкие хозяйства составляли 61,5% всех дворов и у них концентрировалось 73,9% посевной площади и 64,6% всех средств производства этого района¹⁷⁹.

Такое решительное преобразование равнинного аула будет вполне понятным, если мы вспомним, что, наряду со сравнительно высоким социально-экономическим развитием, здесь концентрировалось свыше 80% всей конфискованной земли. Выше уже отмечалось, что из 441 тыс. га земли, конфискованной сразу же по утверждении в республике Советской власти, 356 тыс. га приходились на равнину. Эта земля поступила в распоряжение трудового крестьянства и способствовала хозяйственному росту бедноты до уровня середняков.

Теперь о предгорной полосе. Ее хозяйство существенным образом отличалось и от внутреннего нагорного Дагестана и от низменных районов. Если в первой зоне преобладало животноводство, а во второй земледелие, то в предгорной зоне, куда входили Буйнакский, Кайтаго-Табасаранский, Даргинский и Кюринский округа, преобладало хозяйство смешанного типа. До революции в этом районе начался процесс перехода от докапита-

---

¹⁷⁷ Данные о перераспределении пашни в 1926 г. взяты в архиве Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 6, д. 23, л. 95.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же, л. 88—89.

листических отношений к капиталистическим. Однако, согласно переписи 1917 г., несмотря на интенсивный процесс расслоения, в этом районе преобладал мелкий производитель, главным образом бедняк и маломощный середняк. Судя по переписи 1927 г., в исследуемое время на центральное место уверенно выдвинулся уже середняк. Средняки составляли 50,1% населения, им принадлежали 57,6% всей земли и 49,7% всех средств производства. Беднота, составляя 46,3% всего населения, владела 32,9% земли и 29,7% всех средств производства¹⁸⁰.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции характер социально-экономических процессов в Дагестане претерпел коренные изменения. Если в дореволюционном Дагестане шел процесс разорения мелкого производства и рост крайних групп — верхней — кулацкой и низшей — пролетарской, если, с одной стороны, наблюдалась концентрация производства и эксплуатация наемного труда, а с другой — разорение мелкого собственника и превращение в товар его рабочих рук, то после революции главным направлением социально-экономического развития аула был процесс осереднячения крестьянства. Однако степень развития этого процесса в различных районах республики зависела от естественных и исторических условий, от дифференциации классов и классовых отношений в прошлом. На равнине, где в основном была сосредоточена помещичья земля и, следовательно, был фонд наделения бедноты, где в результате проникновения капитализма социальные отношения были сравнительно высокоразвитыми, после революции процесс осереднячения шел сравнительно быстрыми темпами, и к 1927 г. середняк, безусловно, стал здесь центральной фигурой.

Иначе обстояло дело в горах. Как отмечалось в первом разделе, накануне революции в общественной жизни и быту нагорного аула господствовала патриархальщина, слабо было выражено классовое деление аула. Частновладельческих земель, которые впоследствии составили бы фонд наделения бедноты, здесь было очень мало, и классовый антагонизм не получил такого

¹⁸⁰ Там же, л. 90—91,

развития, как на равнине. Очень часто интересы религии и родства брали верх над классовыми интересами. Эти факты, наряду с острым земельным голодом, сыграли немалую роль в том, что и после революции в горах преобладала беднота. Кроме того, надо заметить, что рост бедноты до уровня середняков сдерживался и самим хозяйственным направлением этой зоны. Уже было отмечено, что ведущей отраслью сельского хозяйства в горах являлось животноводство, в основном отгонное овцеводство. Две трети всего сельскохозяйственного производства в нагорном Дагестане приходилось именно на эту отрасль. Между тем, как уже было отмечено, отгонное овцеводство в условиях индивидуального хозяйствования рентабельно только для крупного собственника. Поэтому даже в условиях Советской власти, когда труженику был предоставлен максимум льгот, процесс хозяйственного роста мелких овцеводов протекал слишком медленно.

Различие между горами и равниной проявлялось не только в степени осереднячения аула, но и в степени технической оснащенности сельскохозяйственных районов гор и равнины.

В соответствующем месте мы уже указывали, что в результате победы Октябрьской революции и установления рабоче-крестьянской власти в распределении сельскохозяйственной техники между различными социальными группами населения произошли коренные изменения. В то же время распределение техники по географическим зонам осталось прежним. Сошлемся на данные обследования 1926 г.¹⁸¹ Обследование зарегистрировало 37 624 сельскохозяйственных орудия, из них 22 174, или 59% примитивных и 15 450, или 41% сложных, усовершенствованных. Как же распределялась эта техника между географическими зонами? На горы приходилось 21 243 орудия или 56,5% всей зарегистрированной техники. Из них 98,6% составляли примитивные сохи и лишь 1,4% усовершенствованные орудия. На равнине, наоборот, соотношение было в пользу усовершенствованных орудий; они составляли 92,2% всей земледельческой техники¹⁸². Сравнивая эти данные с доре-

---

¹⁸¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 1—7.

¹⁸² Там же.

волюционными, мы можем обоснованно утверждать, что в распределении орудий сельскохозяйственного производства между горами и равниной существенных изменений не произошло, ибо не произошло никаких перемен и в хозяйственном направлении зон. Равнина, как была земледельческой, так и осталась, горы по-прежнему специализировались на скотоводстве. Естественно, что усовершенствованная земледельческая техника концентрировалась на земледельческой равнине, где были сосредоточены обширные земельные массивы. В горах же, где земли не хватало, где преобладало террасное земледелие на клочке, добытом у природы трудом поколений, применялась почти исключительно примитивная техника. Мелкий собственник, которому принадлежала земля в горах, вполне обходился для вспашки своего клочка дедовской сохой.

3. Роль советского государства в регулировании социально-экономических процессов в доколхозном ауле

Говоря о социально-экономических сдвигах в доколхозной деревне, ни в коем случае нельзя ограничиваться констатацией факта осереднячения крестьян. Известно, что после победы Великой Октябрьской социалистической революции и установления диктатуры пролетариата общественные условия в стране изменились коренным образом. Если до революции социально-экономические процессы развивались главным образом за счет внутренних источников и носили стихийный характер, то после революции Советское государство стало регулировать и направлять их в интересах социалистического строительства. Возьмем для примера такой факт. После победы Октябрьской революции, в результате ликвидации помещичьего землевладения и уравнительного передела земли, наша страна, по определению В. И. Ленина, стала мелкобуржуазной, мелкокрестьянской. В эксплуататорском обществе это неизбежно привело бы к разорению мелкого производителя и утверждению крупного эксплуататорского производства. Совсем другим путем пошла советская деревня. Правда, в начале переходного периода наблюдался некоторый рост кулаче-

ства, но далеко не это было главным и типичным для социально-экономической жизни того периода. Главное заключалось в росте и экономическом укреплении середняков, в постепенном ограничении и вытеснении эксплуататорских слоев общества. Так продолжалось до тех пор, пока крестьянство не осознало, что в одиночку из нужды не выйти, что выход — в организации крупного высокодоходного, высокотоварного хозяйства, оснащенного самой передовой, новейшей техникой. Решающую роль в этом сыграло Советское государство — государство нового типа, опирающееся на знание объективных закономерностей экономического развития, регулирующее эти закономерности и направляющее их по нужному руслу. Поэтому, характеризуя особенности социального развития нашей деревни в переходный период, надо особо остановиться на роли советского государства и Коммунистической партии в этом развитии.

Известно, что отсталые колониальные окраины царской России, в том числе и Дагестан, до Великой Октябрьской социалистической революции либо застряли на докапиталистической стадии развития, либо только начали переход к капитализму. Царизм насильственно задерживал развитие окраин, всячески тормозил развитие в них обрабатывающей промышленности, так как его устраивала их роль поставщиков сырья. На этой почве сложилось фактическое национальное неравенство, без ликвидации которого нечего было и говорить о приобщении бывших окраин царской России к социалистическому строительству. Эту благородную миссию — покончить с вековой отсталостью и приобщить народы бывших колониальных окраин к социализму — с первых же дней своего возникновения взяло на себя советское социалистическое государство рабочих и крестьян.

Одним из первых его декретов была «Декларация прав народов России», принятая 2(15) ноября 1917 г., провозгласившая политическую свободу и равенство всех народов страны. Согласно декларации, в основу всей деятельности советского государства в отношении национальностей России были положены следующие принципы:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределе-

ние, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.

3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России»¹⁸³⁻¹⁸⁵.

Однако, чтобы обеспечить подлинную свободу и равенство национальных меньшинств, необходимо было политическое равенство закрепить равенством экономическим.

Победоносно завершив гражданскую войну и изгнав иностранных интервентов, партия и Советское государство решительно взялись за разрешение этой сложнейшей проблемы. Начало этому курсу было положено на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. В решениях съезда по национальному вопросу было записано: «Теперь, когда помещики и буржуазия свергнуты..., задача партии состоит в том, чтобы помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию»¹⁸⁶. Съезд отметил, что для этого необходимо прежде всего планомерное насаждение промышленности на окраинах. В этих целях съезд предложил перенести фабрики к источникам сырья.

Большое внимание вопросу о вовлечении отсталых национальных окраин в социалистическое строительство было уделено и на XII съезде партии. XII съезд также указал на необходимость преодоления фактического национального неравенства. В резолюции съезда особо было подчеркнуто, что достичь этого можно «... лишь путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым народам Союза»¹⁸⁷.

Исходя из этого Советское государство уже в восстановительный период обеспечило на национальных окраинах опережающие темпы роста капиталовложений и развития обрабатывающей промышленности. Причем более половины всех средств направлялось на новое строительство. В течение 1922—1925 гг. из центральных районов в Дагестан был перебазирован ряд

¹⁸³⁻¹⁸⁵ «Декреты советской власти», т. 1. М., 1957, стр. 40.

¹⁸⁶ «КПСС в резолюциях...», ч. I, изд. 7. М., 1954, стр. 559.

¹⁸⁷ Там же, стр. 714.

предприятий легкой промышленности (рыбодобывающие и кожевенно-обувные предприятия), была начата реконструкция старых и развернулось строительство новых предприятий. Благодаря этому к концу восстановительного периода валовая продукция промышленности Дагестана выросла на 73,8% по сравнению с 1913 г., в то время как промышленность всего Советского Союза лишь достигла к этому времени дореволюционного уровня¹⁸⁸. Успехи в борьбе за ликвидацию фактического неравенства носили не только количественный, но и качественный характер. Так, в 1913 г. удельный вес промышленности в валовом производстве народного хозяйства Дагестана составлял 17,7%, а к концу восстановительного периода — 31,5%¹⁸⁹. На треть увеличилось число постоянных рабочих. Особенно большие изменения произошли в национальном составе рабочего класса. Если в 1913 г. дагестанцы составляли всего 11,2% всех квалифицированных рабочих, то в 1926 г. эта цифра выросла почти в четыре-пять раз¹⁹⁰. Благодаря такому бурному развитию значительно сократился и разрыв в уровне производства на душу населения. До революции в Дагестане производилось промышленной продукции в 3,9 раза меньше, чем в среднем по стране, а в 1926/27 г. благодаря усилиям партии и Советского государства этот разрыв был сокращен в 1,5 раза¹⁹¹. Это был уже заметный скачок на пути к достижению фактического экономического равенства. Значение этого факта было исключительным не только для преодоления экономической отсталости края, но и для разрешения проблемы занятости населения, улучшения благосостояния горцев, укрепления их экономической самостоятельности, роста сельскохозяйственного производства.

Особенно большую роль в оживлении сельскохозяйственного производства и улучшении материального положения горца сыграло развитие консервной промышленности. Поглощая тысячи свободных рук и стабилизируя рыночные цены в интересах трудящихся, она

---

¹⁸⁸ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 39.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же, стр. 41.

¹⁹¹ «ЦУНХУ Госплана СССР. СССР в цифрах». М., 1935, стр. 201; «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 39.

давала быстрые и реальные результаты, которые в корне меняли быт и материальные условия жизни крестьян. Вот характерный пример. Когда в Хасавюрте началось строительство овощно-консервного завода мощностью в 5 млн. банок в год, были опасения, что в первые годы он не будет обеспечен сырьем. Поэтому трест консервной промышленности принял энергичные меры не только по инструктированию крестьян через приглашенных агрономов, но и снабдил крестьян семенами, произвел контрактацию урожая, создал показательный огород. Эти меры привели к тому, что в течение одного года площадь под огородами в районе Хасавюрта выросла почти в пять раз. В результате, по сообщению журнала «Плановое хозяйство Дагестана», завод работал «в разгар сезона в три смены, сырья подвозят достаточно и вполне хватит для выполнения плана»¹⁹². Создание этого завода, отмечалось далее в журнале, дало хасавюртовскому крестьянину возможность зарабатывать с каждой десятины свыше 500 руб. вместо 60—80 руб. с десятины кукурузы (и то в урожайный год).

Кроме того, завод начал принимать дикие яблоки, кизил и алычу, которые растут в лесах и никогда не имели сбыта. Это обстоятельство еще более увеличивало доход крестьян¹⁹³. «Приведенные факты,— заключает автор статьи Хан-Магомедов,— с очевидностью доказывают, какое большое экономическое значение имеет этот завод и насколько выгодна для социалистического строительства, в частности для индустриализации сельского хозяйства, постройка таких заводов»¹⁹⁴. А фруктово-консервные предприятия и пункты были созданы в Буйнакске, в Кайтаго-Табасаранском, Аварском, Даргинском и Андийском округах; в ряде других округов были построены, кроме того, маслобойные и сыроваренные предприятия.

Из всего сказанного можно заключить, что борьба за ликвидацию фактического неравенства имела самое непосредственное влияние на социально-экономическое развитие дагестанского аула, на улучшение условий быта и подъем экономического положения крестьян.

---

¹⁹² «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 4—5, стр. 13.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Там же, стр. 13—14.

Однако для нас важно осветить экономическую политику Советского государства непосредственно в самом дагестанском ауле.

Когда закончились военные действия и начал осуществляться переход к мирному строительству, экономика Дагестана, как и всей страны в целом, находилась в состоянии глубокого упадка. Продукция промышленности сократилась более чем в четыре раза по сравнению с дореволюционной, а такая отрасль, как консервная, составляла всего 10,5% от уровня 1913 г. Более чем наполовину сократилась валовая продукция сельского хозяйства¹⁹⁵. Вот как характеризовалось экономическое состояние республики на Втором Вседагестанском съезде Советов, состоявшемся в 1922 г.: «Революционные потрясения, не говоря уже о том, что нищая страна в течение четырех лет не получала ничего извне и кормилась собственными средствами,— читаем мы в материалах съезда,— и продолжительная гражданская война, окончившаяся победой бедноты только в прошлом году, довели экономическое состояние Дагестана до полного истощения... Голод 1921 года довершил картину экономического обнищания края»¹⁹⁶.

Особенно сильно пострадали равнинные районы республики, которые с первых дней Октябрьской революции являлись ареной ожесточенной борьбы против врагов Советской власти. Для иллюстрации того, какой огромный ущерб нанесли гражданская война и иностранная военная интервенция равнинному аулу достаточно привести следующие данные. До революции на так называемой Кумынской плоскости было 249 населенных пунктов с населением в 60 тыс. человек. После революции здесь осталось 178 населенных пунктов с населением в 32 тыс. человек¹⁹⁷.

В республике не хватало самого необходимого: хлеба, семян, сельскохозяйственного инвентаря. Точно такое положение переживала вся страна. В этих условиях надо было начинать прежде всего с оживления сельского хозяйства, так как только подъем сельского

---

¹⁹⁵ «Плановое хозяйство Дагестана», 1927, № 4, стр. 12.

¹⁹⁶ «Доклад Президиума ДагЦИК Второму Вседагестанскому съезду Советов о работе Президиума с декабря 1921 г. по декабрь 1922 г.». Махачкала, 1922, стр. 4.

¹⁹⁷ Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 958, л. 3.

хозяйства мог обеспечить население продовольствием, а промышленность сырьем. В. И. Ленин говорил, что «пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую „больную“ задачу». И указывал, что «неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только *через* это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата»¹⁹⁸.

К числу таких мер следует отнести переход от политики коммунизма к новой экономической политике, замену продразверстки продналогом и допущение частной торговли. Продналог был в два раза меньше продразверстки и его сумма определялась до начала весеннего сева. Все, что оставалось сверх налога, поступало в полное распоряжение крестьянина, который мог свободно обменять эти излишки через рынок на нужные ему товары. Переход к продналогу создавал личную материальную заинтересованность производителя в развитии производства и способствовал быстрому оживлению сельского хозяйства.

С оживлением сельскохозяйственного производства появились и товарные излишки. Их реализация происходила через рынок. Поэтому рыночные отношения и явились тем связующим звеном, благодаря которому стала налаживаться регулярная экономическая связь, смычка между рабочим классом и крестьянством. Вместе с тем свобода торговли и некоторые уступки, сделанные частным предпринимателям в связи с переходом к нэпу, вызвали оживление элементов капитализма в стране. Однако Советское государство приняло меры, чтобы такое оживление не переросло известных границ и проходило в определенных рамках. Наиболее серьезную роль в этом играла налоговая политика Советского государства. Еще на XI съезде РКП(б) указывалось, что «Налоговая политика должна иметь задачей регулирование процессов накопления путем прямого обложения имущества, доходов и т. п.

---

¹⁹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 320.

В этом отношении налоговая политика является главным орудием революционной политики пролетариата в переходную эпоху»¹⁹⁹.

Еще определеннее по этому поводу были решения XII съезда РКП(б). «Наше законодательство (в первую очередь налоговое), — было записано в постановлении съезда, — должно учитывать классовые деления в деревне, соответственно возлагая главные экономические тяготы на наиболее зажиточные хозяйства»²⁰⁰.

В Дагестане, в связи с переходом от продразверстки к продналогу, поставки государству были снижены с 1270 тыс. до 650 тыс. пудов сельскохозяйственных продуктов, т. е. примерно в два раза²⁰¹. Продналог в Дагестане распространялся на хлеб, мясо, картофель, сено, овощи, шерсть, мед и сушеные фрукты. Взимание налога производилось путем процентного отчисления продуктов с каждого хозяйства. Отчислению подлежали 15% учтенного дохода двора. В годы военного коммунизма обычно облагали аул в целом, и уже после этого сельская администрация по своему усмотрению распределяла общую сумму разверстки между дворами. С введением продналога Советская власть отказалась от такой практики и перешла к индивидуальному обложению по размерам пашни, числу едоков и полученному урожаю. В период продразверстки, в связи с продовольственными затруднениями и необходимостью во что бы то ни стало получить нужные продукты, Советская власть для взыскания разверстки временно использовала практику круговой поруки. С переходом к продналогу круговая порука была ликвидирована и заменена личной ответственностью каждого отдельного хозяйства.

В связи с переходом к новой экономической политике трудовое крестьянство республики получило большие льготы. От налога на хлеб были освобождены дворы с урожаем менее 25 пудов с десятины, от поставок сена и овощей — дворы, имевшие менее четверти десятины сенокоса и менее четверти десятины огорода. Согласно закону о продналоге, население Казикумухского, Гунибского, Аварского и Андийского округов, где в 1920/21 г.

¹⁹⁹ «КПСС в резолюциях...», ч. I, изд. 7, стр. 616.

²⁰⁰ Там же, стр. 749.

²⁰¹ «Советский Дагестан», 23 августа 1921 г.

был крупный падеж скота, вовсе освобождалось от поставок мяса²⁰². В дальнейшем хозяйства бедноты, красных партизан и семей красноармейцев получили ряд дополнительных льгот. В горных округах — Аварском, Андийском, Гунибском, Казикумухском, Самурском и других — маломощные дворы, имевшие менее одной четверти десятины посева, менее двух голов крупного рогатого скота и не более 12 голов мелкого скота, вовсе были освобождены от налога, а таких дворов в горах было около 80—90%. В целом по Дагестану, в связи с переходом от продразверстки к продналогу, от обложения было освобождено до 45% всех дворов, главным образом маломощных, бедняцких²⁰³.

В 1922/23 г. продналог вновь был понижен на 10%. Это значит, что от налога дополнительно освободились сотни и тысячи бедняцких дворов. Вместе с тем практика первых трех лет показала и недостатки продовольственного налога. Необходимость рассчитаться с государством натурой в определенной мере ограничивала возможность крестьянина свободно распоряжаться продуктами и была препятствием на пути усиления товарности его хозяйства. А это, в свою очередь, тормозило дальнейшее расширение товарного оборота и сказывалось отрицательно на создании устойчивой валюты. Между тем отсутствие твердой валюты отражалось на реализации продуктов сельского хозяйства и промышленности. Крестьяне выражали недовольство наличием большого числа натуральных поставок.

На недостатках продналога особо остановился XII съезд партии, состоявшийся в 1923 г. Съезд отметил, что переход от продразверстки к продналогу — «только первый шаг, который могла сделать Коммунистическая партия по пути к облегчению положения крестьянства и улучшению всей хозяйственной жизни разоренной войной и контрреволюцией страны»²⁰⁴. Съезд указал, что в обстановке оздоровления хозяйственной жизни «...партия теперь может и должна сделать следующий шаг в деле расширения для крестьянства возможности свободно распоряжаться продуктами своего

²⁰² Там же.

²⁰³ «Доклад Президиума ДагЦИК Второму Вседагестанскому съезду Советов о деятельности Президиума», стр. 4.

²⁰⁴ «КПСС в резолюциях...», ч. I, изд. 7, стр. 706.

труда»²⁰⁵. Для этого XII съезд счел необходимым заменить натуральные платежи денежными и перейти к единому прямому сельскохозяйственному налогу, который обеспечил бы «соответствие тяжести обложения каждого хозяйства с размерами его доходов и достатков» и дал бы «возможность Советской власти наилучшим образом проводить политику ограждения интересов крестьянской бедноты и середняка»²⁰⁶. Указания XII съезда были претворены в жизнь уже в следующем году. Успехи восстановления народного хозяйства позволили уже в 1924 г. полностью завершить переход от продовольственного к денежному налогу. Все виды обложений были заменены единым сельскохозяйственным налогом.

Переход от натурального налога к денежному и замена многочисленных платежей единым сельскохозяйственным налогом являлись дальнейшим шагом на пути к наиболее полному прогрессивно-подходящему налогу. Благодаря этому значение налоговой политики как фактора, регулирующего социально-экономические процессы в доколхозной деревне, возросло еще больше.

Чтобы судить об этом, рассмотрим итоги проверки тяжести налогового обложения в СССР специальной правительственной комиссией. По данным этой комиссии, в 1924/25 г. кулаки платили в 14 раз больше сельскохозяйственного налога по сравнению с беднотой, а середняки в четыре раза больше²⁰⁷.

То же самое наблюдалось и в Дагестане. Если в первые годы, согласно закону о продналоге, сумма взыскиваемого налога составляла здесь 15% от всех доходов, невзирая на мощность двора, то теперь, в связи с переходом к единому подходядно-прогрессивному сельскохозяйственному налогу, отчуждаемая доля непосредственно зависела от мощности двора. Иными словами, все бремя налогового обложения, благодаря целенаправленной классово-политике государства, падало на наиболее мощные предпринимательские слои деревни. Характерно, что если сумма средств производства и валовый доход в этой группе дворов были выше, чем у бедняцкой, в среднем примерно в семь раз, то на-

²⁰⁵ «КПСС в резолюциях...», ч. 1, изд. 7, стр. 706.

²⁰⁶ Там же, стр. 707.

²⁰⁷ «Тяжесть обложения в СССР». М., Госфиниздат, 1929, стр. 46.

лог с этого дохода они платили в четырнадцать раз больше. Это означает, что Советское государство умело использовало налоговую политику в целях ограничения роста капиталистического производства в сельском хозяйстве.

В 1925 г. дагестанское крестьянство получило дополнительные льготы. Единый сельскохозяйственный налог для трудящихся горцев был понижен на 40%. В следующем году от обложения было освобождено еще 34% дворов республики. В результате от обложения были освобождены 79% всех дворов, в основном, батрацко-бедняцких и маломощных середняцких. Несмотря на это, общая сумма налога с 509 тыс. в 1925/26 г. выросла до 702 тыс. на 1926/27 г.²⁰⁸ Как отмечается в отчете ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов, «...это повышение полностью относится за счет увеличения размера обложения мощных хозяйств при одновременном освобождении вовсе от налога бедняцких хозяйств»²⁰⁹.

Эти данные лишней раз свидетельствуют о том, что налоговая политика в руках Советского государства служила, с одной стороны, действительным средством поддержки и поощрения неимущей бедноты, с другой,— мощным орудием ограничения капиталонакоплений.

В укреплении бедняцко-середняцких хозяйств и ограничении кулака огромную роль сыграл также сельскохозяйственный кредит. До 1924 г., пока хозяйство находилось еще в состоянии упадка и не было устойчивой твердой валюты, государство в кредитовании сельского хозяйства фактически не играло особой роли, и, как отмечалось на XII съезде партии, «основным кредитором мелкого крестьянина являлся его более зажиточный сосед». В решениях съезда говорилось, что «на почве экономической зависимости зажиточные получают возможность и политического подчинения себе маломощных элементов крестьянства. Отсюда гигантская важность вопроса о создании такого доступного мелким и мельчайшим крестьянам государственного и кооперативного кредита, который мог бы вклиниться в

---

²⁰⁸ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов». Махачкала, 1927, стр. 18—19.

²⁰⁹ Там же, стр. 19.

экономические отношения крестьянства против кулака»²¹⁰. Съезд считал необходимым уделить этому делу максимум средств и партийных сил. Претворение в жизнь указаний съезда стало возможным в связи с начавшимся хозяйственным оживлением и завершением денежной реформы, в корне изменившими хозяйственное положение в стране. Для организации работы по кредитованию сельского хозяйства в 1924 г. был создан специальный сельскохозяйственный банк, который принял необходимые меры для развертывания широкой сети кредитных кооперативов на селе. В связи с этим дело кредитования претерпело коренные изменения. Достаточно сказать, что благодаря принятым мерам и особенно в результате завершения денежной реформы и перехода к твердой валюте, сумма сельскохозяйственного кредита по стране выросла почти в тридцать с лишним раз²¹¹.

С этого времени планомерный и устойчивый характер принимает и сельскохозяйственный кредит в Дагестане. Для борьбы с ростовщическим, кабальным кредитом и для планомерного направления свободных средств населения и ресурсов государства в 1924 г. учреждается Дагсельбанк²¹². За первые же полтора года своего существования этот банк выдал кредитов на сумму в 1101 тыс. руб. Из этой суммы было выдано долгосрочного кредита 419 294 руб. и краткосрочного 682 438 руб.²¹³ Причем сумма кредита росла из года в год. Согласно сведениям Наркомзема ДАССР, в 1924/25 г. крестьянству республики был выдан кредит на сумму в 925 623 руб., в 1925/26 г.— 960 436 руб., а в 1926/27 г.— 1 799 551 руб.²¹⁴ Эти данные свидетельствуют о том, что кредитование особенно резко усилилось в связи с завершением процесса восстановления народного хозяйства и началом индустриализации страны. Кредит выдавался главным образом бедняцко-средняцким хозяйствам и в значительной мере ограничивал сферу деятельности кулацкого спекулятивного кредита²¹⁵.

²¹⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 748.

²¹¹ М. А. Краев. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954, стр. 251.

²¹² Рукописный фонд ИИЯЛ, д. 1033, л. 15.

²¹³ Там же.

²¹⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 62, л. 54.

²¹⁵ Там же.

До революции в Дагестане также существовали ссудно-сберегательные товарищества, кредитовавшие сельское хозяйство. Однако кредит в условиях советской действительности принципиально отличался от кредита в условиях дореволюционного аула. Тогда кредит использовался для обогащения и эксплуатации, а в советское время он был направлен на подъем благосостояния бедняков до уровня средних слоев крестьянства и опреничение кулаков-ростовщиков. Если до революции, например, основная часть кредита выдавалась на аренду и покупку земли, на покупку товаров для продажи, на наем рабочей силы, то после установления Советской власти в республике кредит выдавался только на приобретение рабочего скота, сельскохозяйственного инвентаря и необходимых семян, т. е. только в трудовых целях. Таким образом, если до революции кредит стимулировал предпринимательство и эксплуатацию, то после революции сельскохозяйственный кредит способствовал хозяйственному росту бедноты и ограничению эксплуататорских элементов общества.

Однако Советское государство не ограничивалось лишь кредитованием маломощного крестьянства. Оно вело решительную борьбу против ростовщических сделок кулака, особенно против кредитования под урожай озимых, и кабальных закупок урожая на корню. В 1921—1923 гг., когда в республике разразились стихийные бедствия (засуха, голод, эпизоотии скота), сделки такого рода получили очень широкий размах. Пользуясь затруднениями бедноты, кулаки за бесценок скупали урожай хлеба, винограда и других сельскохозяйственных культур на корню, а потом втридорога продавали его тем же беднякам и середнякам. Чтобы проиллюстрировать это на конкретном примере, укажем, что в 1922—1923 гг. при продаже хлеба на корню цена за пуд пшеницы за один-два месяца до ее созревания составляла 50—60 коп., а на рынке пуд пшеницы стоил 1 р. 20 коп. — 1 руб. 50 коп., ведро виноградного сусла соответственно стоило 35—55 коп. и 80 коп. — 1 руб., т. е. в два раза дороже²¹⁶. Таким образом закупка урожая на корню давала кулаку-скупщику огромные барыши.

²¹⁶ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 62, л. 14.

Чтобы оградить маломощную часть крестьян от таких ростовщических сделок, дагестанское правительство постановило: во-первых, считать такие сделки незаконными и запретить их; во-вторых, выдавать крестьянской бедноте кредит под залог урожая или, в крайнем случае, закупать урожай на условиях, приемлемых для крестьянина-бедняка²¹⁷. Этим постановлением Советское государство ограждало горца-бедняка от кабальной зависимости от кулака.

Видное место в системе мероприятий, направленных на хозяйственный подъем бедняцко-средняцких слоев деревни, занимает Манифест ЦИК СССР, опубликованный накануне годовщины Октябрьской социалистической революции. Согласно этому Манифесту, с маломощного населения Дагестана была сложена задолженность по ссудам, выданным в период борьбы с последствиями голода, в сумме более миллиона рублей²¹⁸.

На зажиточные хозяйства эти льготы не распространялись. Больше того, дагестанское правительство вынесло решение взыскать кредитную и самоссудную задолженность с зажиточных дворов и обратить ее в фонд кредитования бедноты,

Сильное воздействие на социальное развитие деревни оказывала также земельная политика Советского государства. Земля — основное средство сельскохозяйственного производства. Поэтому вопрос о собственности на землю всегда имел исключительно большое значение. В старой России господствовала феодальная собственность на землю. В то время как в среднем на один крестьянский двор приходилось семь дес. наделной земли, каждый помещик имел в своей собственности в среднем по 2333 дес., т. е. столько же, сколько 300 крестьянских хозяйств. Естественно, что главным вопросом аграрного движения был вопрос о земле. Крестьянство выступало за изъятие помещичьих земель и превращение земли во всенародное достояние. Вековые чаяния крестьян осуществились в Октябре 1917 г. благодаря победе пролетарской революции и национализации земли. Последняя сыграла исключительно большую революционизирующую роль и обеспечила Советской

²¹⁷ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 60, л. 14.

²¹⁸ «Красный Дагестан», 12 января 1928 г.

власти в лице трудового крестьянства надежного союзника в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции. Одновременно национализация земли дала в руки Советской власти мощное орудие воздействия на крестьянские массы в борьбе против капиталистических элементов общества, за социалистическое переустройство сельского хозяйства.

Вместе с тем надо отметить, что в декрете о земле далеко не все было последовательно. В нем были положения, с которыми большевики не были согласны, но которые были включены по требованию самих крестьян. Таким было, например, требование об уравнительном переделе земли, о котором говорилось выше. Точно так же по требованию крестьян декрет запрещал аренду земли и использование наемного труда. Большевики приняли и эти требования, так как понимали, что эта мера отражает настроения крестьян, видевших в аренде и найме рабочей силы возможность для кулака концентрировать земельную площадь и обрабатывать ее путем эксплуатации чужого труда. В результате в послереволюционной деревне сложилось довольно противоречивое положение: революция передала в руки трудового крестьянства десятки миллионов десятин земли, но из-за отсутствия или недостаточного количества рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря беднота и маломощные середняки, т. е. именно те слои населения, которые в основном и были наделены землей, не имели возможности обработать ее. В то же время по требованию самих крестьян земельная аренда была запрещена. Таким образом огромные массивы плодороднейшей земли по существу были обречены на запустение. Советское государство предвидело, что исключение из хозяйственного оборота этих массивов может самым неблагоприятным образом отразиться на сельскохозяйственном производстве и разрешило аренду на второй же год после перехода к нэпу. Однако в отличие от прошлого аренда разрешалась только краткосрочная, не более чем на один севооборот, при условии, что арендованную землю двор будет обрабатывать своими собственными силами. В период нэпа, когда началось оживление крестьянского хозяйства, обнаружилось, что запрещение аренды служило серьезным препятствием на пути развития производительных сил

деревни и, в первую очередь, отрицательно сказалось на хозяйстве бедняка и маломощного середняка.

В первые же годы новой экономической политики маломощные слои убедились и в том, что их собственное хозяйство поглощает далеко не все трудовые ресурсы семьи. Продажа свободных рабочих рук являлась непременным условием их существования. Между тем, по их же требованию, декрет запретил капиталистическое применение наемного труда в деревне. Тогда беднота стала продавать свои рабочие руки в обход закона. А это было, в первую очередь, наруку кулаку, так как беднота при этом не могла использовать силу советского законодательства для защиты своих интересов. Кроме того, ограничение аренды и запрещение наемного труда в деревне самым серьезным образом сказывались на середняке. В условиях нэпа, когда началось оживление крестьянского хозяйства, середняк был кровно заинтересован в расширении производства. Между тем ограничение аренды и запрещение наемного труда сковывали его стремление и тормозили хозяйственный рост. Естественно, что в таких условиях среди крестьянства стало вызревать недовольство сложившимся положением. Это недовольство проявилось, в частности, в том, что перед выборами 1924/25 г. политические требования крестьян стали преобладать над экономическими. Пытаясь использовать недовольство середняка, резко активизировали свою подрывную деятельность разгромленные эксплуататорские классы и особенно кулачество. Вновь были извлечены на свет такие лозунги, как «крестьянские союзы», «Советы без коммунистов» и др., усилились политический бандитизм и кулацкий террор. А. К. Азизян пишет, что «союз с середняком дал трещину»²¹⁹. Как свидетельствует докладная записка об итогах перевыборов, кулачеству удалось «...во время перевыборов 1924/25 г. значительно усилить свое влияние»²²⁰. Это сказалось в уменьшении удельного веса коммунистов и комсомольцев в Советах.

Учитывая создавшееся положение, уже в мае 1925 г. третий съезд Советов Союза ССР принял меры, кото-

---

²¹⁹ А. К. Азизян. Аренда земли и борьба с кулаком. М.—Л., 1929, стр. 30.

²²⁰ ЦПА, ИМЛ, ф. 17, оп. б. н., д. 103, л. 60.

рые внесли успокоение в крестьянские массы и стимулировали дальнейшее развитие сельского хозяйства. Крестьянину было дано право «сдавать землю в аренду до 2 севооборотов при многополье и на срок не свыше 12 лет при трех- и четырехполье». В отдельных случаях разрешалась аренда и свыше 12 лет²²¹. Съезд одобрил также правила, обеспечивающие применение наемного труда, в том числе и на арендованной земле²²².

Известно, что применение вольнонаемного труда — главное проявление земледельческого капитализма, а превращение рабочей силы в товар — один из главных факторов, обуславливающих превращение простого товарного производства в капиталистическое. Прекрасно понимая это, Советское государство разрешило наем, но ограничило его масштабы. По новым правилам использовать наемный труд можно было только в том случае, если наравне с наемными рабочими работали и все трудоспособные члены семьи нанимателя. Двор, систематически прибегавший к эксплуатации чужого труда, лишался политических прав и подвергался индивидуальному усиленному налоговому обложению.

Одновременно были приняты решительные меры для корейного улучшения положения сельскохозяйственных рабочих. Для них был установлен 8-часовой рабочий день с гарантированной оплатой, с еженедельным днем отдыха. Продление рабочего дня и использование рабочей силы в дни отдыха разрешалось только в период срочных сельскохозяйственных работ. Причем, согласно трудовым договорам, хранящимся в ЦГА ДАССР, сверхурочная работа должна была оплачиваться дополнительно. Больше того, нанимающий был обязан оплатить рабочему вынужденный прогул, невыход на работу в связи с болезнью. Предусматривался даже оплачиваемый отпуск. Законными считались лишь те отношения найма-продажи, которые предусматривали все эти условия, в противном случае они признавались недействительными и не регистрировались. Отсюда можно заключить, какие большие права и льготы предоставило советское трудовое право сельскохозяйственному рабочему. Впервые в истории государство решительно встало

²²¹ «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях». М., 1939, стр. 99.

²²² Там же, стр. 99, 100.

на защиту интересов трудящихся в борьбе против кулака.

III съезд Советов СССР одобрил также новое положение о едином сельскохозяйственном налоге, согласно которому платежи крестьян были понижены на 100 млн. руб. Было также решено передать часть земель государственного фонда крестьянам в мало-земельных губерниях, не допуская при этом административных преград при выборе форм землепользования. Крестьянам был предоставлен и ряд других льгот.

В той же докладной ЦК по поводу этих мер записано: «Снижение налога, разрешение аренды и т. д. ... рассеяли недоверчивое отношение середнячества к Соввласти»²²³. Уже перевыборы 1926 г. продемонстрировали эффективность мер, принятых партией и Советским государством. Характерной чертой указанных перевыборов было совместное выступление бедноты и середняков, изоляция кулаков и очищение сельсоветов от кулацких и антисоветских элементов²²⁴.

Те же события развертывались и в Дагестане. Умело осуществляя земельную политику, политику помощи бедноте, политику ограничения кулака, Советская власть и здесь использовала все меры для регулирования социально-экономических процессов.

Чтобы ярче проиллюстрировать роль экономической политики Советского государства в развитии производительных сил Дагестана и осереднячении аула, приведем еще один пример. В ауле Рутул Семурского округа было 367 дворов. До революции эти хозяйства были обложены налогом в сумме три тыс. руб. В 1925 г. рутульцы уже уплачивали налоги лишь в сумме 1015 руб., т. е. на 66,1% меньше, чем до революции. Такая низкая ставка налога, наряду с другими формами помощи бедноте, создала личную заинтересованность крестьян в развитии производства и в корне изменила характер социальных процессов в ауле. Так, из 2674 жителей аула до революции уходили на заработки 350 человек, а в 1925 г. — всего 40 человек. Больше того, из 79 батраков 30 после революции с помощью органов Советской власти обзавелись землей, скотом и занялись своим

²²³ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. б. н., д. 103, л. 61.

²²⁴ Там же.

хозяйством. Таким образом, благодаря заботе, вниманию и помощи Советского государства 340 дворов из 429, до революции добывавших себе средства на пропитание путем продажи собственных рабочих рук, получили землю, скот и стали самостоятельными²²⁵. И это было повсеместным явлением.

4. Развитие кооперации

Мы проследили, как Советское государство ограничивало рост крайних групп крестьянства и поддерживало мелкого собственника, пока тот не убедился, что в одиночку ему из нужды не выйти, что единственный выход — организация крупного коллективного хозяйства. Однако деятельность Советского государства и в этот период не ограничивалась только поддержкой бедняцко-среднеяцких масс; оно с первых же дней своего существования стало ориентировать трудовое крестьянство на общественную обработку земли.

Этот общий для всей страны курс нашел свое отражение и в Дагестане. Уже первые законодательные акты о земле делали ставку на социалистическое переустройство сельского хозяйства республики, поощряли переход к общественной обработке земли. Но для того, чтобы крестьянин согласился на обобществление основных орудий и средств производства, понял преимущества такого обобществления, нужны были время и условия. На первых порах необходимо было выработать такие формы объединения мелких товаропроизводителей, которые позволяли бы, с одной стороны, добиться подъема сельскохозяйственного производства, с другой, — вовлечь трудовое крестьянство в социалистическое строительство. Такую форму В. И. Ленин увидел в кооперации. В ряде своих работ, и особенно в статье «О кооперации», В. И. Ленин показал роль и значение кооперации в деле вовлечения трудящихся крестьян в социалистическое строительство. Суть ленинского кооперативного плана заключалась в том, что в условиях диктатуры пролетариата, при наличии союза рабочих и крестьян и руководящей роли пролетариата в этом

---

²²⁵ «Красный Дагестан», 17 августа 1926 г.

Союзе, при наличии социалистической промышленности, объединение основных масс крестьянства сначала в области сбыта и снабжения, а затем и в области производства является тем средством, при помощи которого мелкое раздробленное крестьянское хозяйство может быть превращено в крупное социалистическое. В. И. Ленин указывал, что массовое кооперирование — лучшая форма соединения частных интересов с общегосударственными и подчинения частных интересов общегосударственным. Именно поэтому В. И. Ленин видел в кооперации наиболее простой, легкий и доступный для крестьянства путь к социализму. В. И. Ленин отметил также огромную воспитательную роль кооперации, убедительно показал, как крестьянин, участвуя в работе правления ревизионных и лавочных комиссий, обсуждая и решая дела на общих собраниях членов кооператива, постепенно привыкнет к общественному ведению дел, выработает навыки коллективизма.

В работе «О продовольственном налоге» В. И. Ленин подчеркивал значение кооперации для перехода к социализму. Он видел в кооперации не только форму организации производства, способную охватить, в случае успеха, более широкие массы населения, но и считал, что переход к кооперации способен «вырвать более глубокие и более живучие корни старых, досоциалистических, даже докапиталистических отношений, наиболее упорных в смысле сопротивления всякой „новизне“»²²⁶. Особое значение имела кооперация для таких сплошь крестьянских национальных республик, как Дагестан. И в самом деле, учитывая роль кооперации в вытеснении частника и в овладении торговлей, в выработке у крестьян навыков коллективизма, в налаживании смычки между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством, в укреплении союза рабочего класса и крестьян, нетрудно понять, что в условиях национальных республик, где еще сохранились простой продуктообмен, докапиталистические формы хозяйствования и кабальные отношения, где промышленный пролетариат либо только зарождался, либо был еще очень малочисленным и политически незрелым, кооперация должна была сыграть и сыграла особенно важную роль.

---

²²⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 327.

Говоря о кооперации как о единственной форме объединения мелких товаропроизводителей, способной обеспечить экономический подъем деревни и приобщить крестьянство к социализму, В. И. Ленин указывал, что кооперирование надо начинать с самого легкого и доступного для крестьян, с обобществления рыночных связей мелкого товаропроизводителя. Сравнительная легкость и доступность этой формы объединения объяснялась тем, что она не затрагивала основы крестьянского хозяйства — индивидуального производства и частной собственности на орудия и средства производства — и в то же время обеспечивала организованный сбыт излишков и снабжение крестьян необходимыми товарами, тем самым, с одной стороны, избавляя его от эксплуатации торговцем и ростовщиком и, с другой, — стимулируя его хозяйственный рост.

Такая форма объединения товаропроизводителей на том этапе истории вполне устраивала и Советское государство потому, что она в условиях свободы обмена облегчала учет и контроль в наименее организованных, в наиболее подверженных влиянию стихии и в то же время в самых обширных слоях населения — в мелкобуржуазной среде. А учет и контроль в конкретных условиях того периода, когда в стране господствовал мелкокрестьянский, мелкобуржуазный уклад, который ежедневно и ежечасно порождал капитализм, В. И. Ленин считал важнее всего. Он так и говорил: «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы сможем это сделать, если сорганизуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда), либо он скинет нашу, рабочую, власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие»²²⁷. Одновременно, как указывал В. И. Ленин, «кооперация, как форма торговли, выгоднее и полезнее, чем частная торговля, не только по указанным причинам, но и потому, что она облегчает объединение, организацию миллионов населения, затем всего населения поголовно, а это обстоятельство, в свою очередь,

---

²²⁷ Там же, стр. 311.

есть гигантский плюс с точки зрения дальнейшего перехода... к социализму»²²⁸.

Кооперативное движение в Дагестане началось незадолго до революции. К началу первой мировой войны в Дагестане насчитывалось около двадцати всевозможных кооперативных объединений. В основном это были сельскохозяйственные кредитные объединения мелких виноградарей, садоводов, кустарей, скотоводов и мелких торговцев. Возьмем к примеру ссудно-сберегательное товарищество, существовавшее в Дербенте под названием «Етим банхи» («Банк бедняков»). При анализе деятельности этого товарищества выяснилось, что, несмотря на его довольно громкое название, беднякам в него доступ был закрыт: слишком высоким был паевой взнос, да и ссуду можно было получить только под залог, твердо гарантировав ее возвращение при любых обстоятельствах. Причем выдавалась она на небольшой срок, при сравнительно высоком проценте. Как правило, ссуда бралась для покупки земли, рабочего скота и найма рабочей силы.

До революции такого рода объединения создавались главным образом для того, чтобы противостоять наступлению крупного капиталистического производства, чтобы получить возможность для расширения производства. Отсюда и двойственный характер тогдашней кооперации. С одной стороны, она как будто бы защищала мелкого производителя от поглощения крупным, с другой, она сама была рассадником крепких кулацких хозяйств и в этом смысле, как говорил В. И. Ленин, являлась «коллективным капиталистическим учреждением»²²⁹.

Объединения того времени имели широкие экономические связи как внутри Дагестана, так и за его пределами²³⁰. Однако в условиях частной собственности и жестокой конкуренции, без всякой поддержки со стороны государства они не могли превратиться в массовую организацию, объединяющую бедноту и способствующую росту маломощных крестьян.

Массовый характер кооперативное движение принимает только после Октябрьской социалистической ре-

²²⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 327.

²²⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 433.

²³⁰ «Красный Дагестан», 7 августа 1928 г.

волюции. Благодаря разнообразным льготам и финансовой поддержке Советской власти, кооперация привлекает все более широкие слои населения. Летом 1918 г. в Дагестане возникло до 30 кооперативных объединений, в том числе одно по совместной обработке земли. Но эти объединения просуществовали недолго. В связи с временным падением Советской власти в Дагестане, они, лишившись всякой поддержки, потеряли торговые связи и распались²³¹.

Новое развитие кооперативного движения связано с восстановлением Советской власти в республике в марте 1920 г. В конце 1923 г. в республике вновь возникло 30 потребительских обществ, которые объединяли до пяти тыс. членов²³². Однако кооперативные объединения этого периода были крайне слабыми. Общая хозяйственная разруха, отсутствие твердой валюты и, вдобавок ко всему, стихийные бедствия, разразившиеся в Дагестане в 1921—1923 гг. и довершившие ужасную картину экономического упадка, остро сказывались на деятельности и экономическом состоянии объединений тех лет. Журнал «Плановое хозяйство Дагестана» справедливо отмечает, что в то время на паевые взносы членов кооперации «едва можно было купить коробку спичек»²³³.

Советское государство тогда не располагало достаточными средствами и потому не могло кардинально изменить положение дел кооперации. В результате частнику удалось захватить инициативу в свои руки: до 1925 г. в торговле он оставался центральной фигурой. В 1923/24 г. на его долю приходилось 59,5% всего товарооборота в дагестанском ауле²³⁴. До этого его удельный вес в деревенском товарообороте был еще значительнее.

Перелом в работе кооперации в республике наступил в 1924 г. Оживление сельскохозяйственного производства и восстановление регулярных связей с промышленными центрами, денежная реформа и стабилизация валюты быстро сделали свое дело. Уже через два года потребительская кооперация объединяла 21,3% всего сельского

²³¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 2, д. 41, л. 3—50.

²³² «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 102.

²³³ Там же.

²³⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 49, д. 32/3, л. 82.

населения. Это почти в четыре раза больше, чем было на 1 октября 1925 г.²³⁵ Частник в торговле был решительно потеснен. По данным правительственного доклада VI Вседагестанскому съезду Советов, его удельный вес в 1924/25 г. уже составлял 33,4%, а в 1925/26 г. — 30,2%.

О резком потеснении частника в торговле свидетельствуют и материалы по округам. Так, например, в отчетном докладе Гунибского окружного исполкома за 1925 г. сообщается, что «в снабжении населения главную роль играет торговля кооперативная. Частная торговля работает нерегулярно»²³⁶. Причиной этого, как указывается в докладе, было усиление конкуренции со стороны кооперации. Все это говорит о том, что уже к концу восстановительного периода кооперация решительно овладела торговлей и основательно потеснила частника.

Улучшилась и торгово-финансовая деятельность потребительской кооперации. Например, сумма товарооборота в сельской местности через сельские потребительские общества только за один год — с 1924/25 по 1925/26 г. выросла с 1875 тыс. руб. до 3440 тыс. руб.²³⁷ Огромную роль в этом сыграл общий экономический подъем страны. К концу 1926 г. промышленность СССР достигла довоенного уровня производства, а промышленность Дагестана, как уже отмечалось, превысила этот уровень на 73,9%. Okрепло и сельское хозяйство. Это неизбежно сказалось и на укреплении рыночных отношений между городом и деревней, проводником которых являлась кооперация. Достаточно сказать, что если в 1924/25 г. потребительская кооперация сбывала горскому крестьянину промышленных товаров на 1378,8 тыс. руб., то через два года эта сумма достигла 6741,4 тыс. руб., т. е. выросла более чем в пять раз²³⁸.

Деятельность кооперации в республике, как и в целом по стране, в этот период развертывалась в основном в двух направлениях: по линии снабжения населения

²³⁵ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов», стр. 36.

²³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 572, оп. 1, п. 33, л. 116.

²³⁷ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов».

²³⁸ «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 103.

промышленными товарами и по линии содействия ему в реализации излишков сельскохозяйственной продукции. Кооперация целиком была подчинена задаче объединения крестьян в области снабжения и сбыта, выработки у них навыков коллективизма, она способствовала подрыву позиции частного торговца, спекулянта и освобождению бедноты от кулацкой кабалы. Чтобы показать, какую выгоду давала крестьянину кооперативная торговля по сравнению с частной, достаточно обратиться к следующим данным. В 1926/27 г. за центнер пшеницы, проданной по рыночной цене, крестьянин мог купить в кооперации 19,18 м ситца, а у частного лишь 14,66 м²³⁹. По данным тех лет, цены в кооперативной торговле были на 10—15% ниже, чем в частной. Если цены частной торговли на все товары взять за 100, то цены кооперативной торговли в 1924/25 г. составляли 89,5%, в 1925/26 г. — 89,2%, а в 1926/27 г. — 86,2%²⁴⁰. Это происходило потому, что у частного наценка к себестоимости товара в два с лишним раза была выше, чем в кооперации. Вытеснение частной торговли имело огромное значение не только в смысле избавления крестьян от кабальной зависимости, но и для улучшения его материального положения. Например, за три года (1924, 1925, 1926), благодаря вытеснению спекулянтов и частного торговца кооперацией, экономия крестьянства в целом по стране составила солидную сумму — 305 млн. руб.²⁴¹

В Дагестане же роль кооперации в избавлении крестьян от кабалы и улучшении условий жизни горца была куда более значительной. Вот пример. До середины 1924 г. торговля такими необходимыми в быту товарами, как керосин и сахар, в основном находилась в руках частного. Затем кооперация решительно вытеснила его и взяла дело снабжения аула в свои руки. Что это дало горцу? Ответ на этот вопрос дает отчет ЦИК и СНК ДАССР IV съезду Советов республики. Махачкалинское отделение Нефтесиндиката, читаем мы в отчете, отпускает кооперации керосин на льготных условиях и благодаря этому крестьянин может получить керосин на

²³⁹ «Основные показатели потребительской кооперации СССР». М., 1929, стр. 166.

²⁴⁰ «Вся кооперация СССР». М., 1928, стр. 126.

²⁴¹ Там же.

местах по цене от 4 до 8 коп. за фунт. Это большое достижение, так как всего три месяца назад крестьянин должен был ездить за керосином за 100 и более верст в город или платить спекулянту по 20 и более копеек за фунт»²⁴². То же самое и с сахаром.

Но деятельность потребительской кооперации не ограничивалась только снабжением аула необходимыми промышленными товарами. В первое время она производила также заготовку и сбыт сельскохозяйственной продукции в городе и тем самым играла исключительно большую роль в борьбе против городского спекулянта-скупщика. О результатах деятельности кооперации в этом направлении можно судить по следующим данным. В начале июля 1924 г. на махачкалинском рынке фунт мяса стоил 32 коп., затем, когда кооперация заготовила и выбросила на рынок мясо по гораздо более низкой цене, цены упали до 18 коп. за фунт²⁴³.

Таким образом, вытесняя частника из товарооборота, потребительская кооперация, с одной стороны, освобождала деревенского труженика от эксплуатации торговцем и спекулянтом, с другой, — она непосредственно осуществляла экономическую смычку между городом и деревней, между социалистической промышленностью и сельским хозяйством. Именно в этом и заключалось ее важнейшее значение в деле укрепления союза рабочего класса и трудового крестьянства, в приобщении миллионных масс крестьян к социализму.

Если потребительская кооперация сыграла главную роль в обобществлении рыночных связей крестьян и в вытеснении частника из сферы обмена, то в обобществлении его производства такую роль сыграла сельскохозяйственная производственная кооперация. Впервые сельскохозяйственные производственные объединения в Дагестане после восстановления Советской власти возникли в 1922 г. В конце 1923 г. было уже 20 таких объединений, в которых числилось 1848 хозяйств. Через год сельскохозяйственная кооперация охватывала уже 5062 хозяйства²⁴⁴. В первые годы после своего возникновения, в условиях разрухи и слабого развития рыночных отношений, сельскохозяйственная кооперация носи-

²⁴² «Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV съезду Советов», стр. 80.

²⁴³ Там же, стр. 78.

²⁴⁴ Там же, стр. 45.

ла универсальный характер. Но по мере того, как сельское хозяйство республики стало восстанавливаться, стали расти товарность и укрепляться рыночные связи, универсальная система стала тормозом на пути обслуживания самых разнообразных потребностей крестьянства. Возникла необходимость специализации сельскохозяйственной кооперации. От универсального союза Дагселькредитсоюз сперва отпочковывается Дагплодвинсоюз, затем Дагживотноводсоюз и т. д. Эти союзы объединяли в основном четыре вида сельскохозяйственных кооперативов: кредитные товарищества, общие универсальные товарищества, специальные товарищества и колхозы. Первоначально, когда перед всей кооперацией стояла задача овладения рыночными отношениями, преобладали кредитные товарищества. Они вели кредитную деятельность на посреднических началах: сбывали продукцию своих членов, создавали предприятия для ее обработки (фруктово-консервные, сыроваренные и маслозаводы, шерстомойки и т. д.), снабжали членов товариществ сельскохозяйственным инвентарем.

Развитие сельскохозяйственной кооперации в этот период происходило главным образом в результате растущей из года в год значительной материальной и технической помощи Советского государства. Это и понятно, Советское государство в тот период рассматривало сельскохозяйственную кооперацию как основное средство в социалистическом переустройстве мелкого индивидуального крестьянского хозяйства.

В связи с этим кооперации на льготных условиях отпускались тракторы и другие сельскохозяйственные машины и орудия, значительные льготы предоставлялись ей и при налоговом обложении. На льготных условиях, наконец, производились заготовка и сбыт продукции членов кооперации. Для последних, в частности, были установлены твердые закупочные цены. Государственные организации, кроме того, вели торговые операции в первую очередь с кооперативными объединениями. Приведем несколько примеров. В 1925 г. кооперативным объединениям Дагестана было выделено 16 тракторов и много другой техники: плугов, железных борон, косилок, опрыскивателей и др. При покупке надо было внести лишь 25% стоимости отпущенных машин и орудий производства. Для погашения остальной суммы

давалась отсрочка на два урожая²⁴⁵. Не меньшие льготы предоставлялись при налоговом обложении. Первичная кооперация с оборотом до 10 тыс. рублей была совершенно освобождена от обложения. С остальных налог был понижен на 25—50%, при этом от обложения освобождался весь внутренний оборот между всеми видами кооперации²⁴⁶.

Благодаря материальной и технической помощи Советского государства в этот период возникают и простейшие формы производственной кооперации, которые объединяли труд крестьян на время полевых работ.

Тяга бедняцких и маломощных середняцких дворов к этим простейшим формам производственной кооперации объясняется еще и тем, что в них они видели единственную возможность для хозяйственного роста и борьбы против кулацкого наступления.

Коренной перелом в развитии производственного кооперирования произошел в связи с завершением восстановления народного хозяйства и первыми успехами индустриализации. Успешное развертывание индустриализации страны позволило значительно усилить снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и орудиями. Снабжение машинами Дагестана, например, в 1926/27 г., по сравнению с 1925/26 г., выросло в 2,5 раза²⁴⁷. За один этот год удвоилась численность тракторов в распоряжении кооперативных объединений всех видов²⁴⁸. Результаты не замедлили сказаться. В течение 1926 и 1927 гг. число членов сельскохозяйственной кооперации увеличилось почти в 4,5 раза²⁴⁹. На 1 октября 1927 г. всеми видами сельскохозяйственной кооперации было охвачено уже 12,7% дворов. Однако своей деятельностью сельскохозяйственная кооперация обслуживала не только своих членов.

Если потребительская кооперация все свое внимание сосредоточила на снабжении деревни промышленными товарами, то сельскохозяйственная кооперация была за-

---

²⁴⁵ «Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б)». Махачкала, 1925, стр. 76.

²⁴⁶ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР IV съезду Советов», стр. 27.

²⁴⁷ «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов», стр. 46.

²⁴⁸ «Итоги X Дагпартконференции». Махачкала, 1929, стр. 32.

²⁴⁹ «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов», стр. 44.

нята созданием встречного потока сельскохозяйственной продукции из деревни для города и промышленности. Через нее проходила почти вся заготовительная деятельность Советского государства.

В отчете ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов в 1927 г. отмечалось, что «основные объекты заготовок в ДАССР (шерсть, кожсырье, кишсырье и пушнина) почти полностью охвачены государственной и кооперативной торговлей»²⁵⁰. В течение 1927/28 г., например, в Дагестане кооперация заготовила сельскохозяйственной продукции на 3 947 033 руб., а реализовала — на сумму 2 799 708 руб.²⁵¹ В основном это была продукция животноводства и садоводства. На долю этих двух отраслей сельского хозяйства приходилось 91,5% всей заготавливаемой и реализуемой продукции²⁵². Деятельность сельскохозяйственной кооперации по заготовке и сбыту продукции сельского хозяйства в условиях Дагестана имела исключительно большое значение. Труднодоступная горная местность, отсутствие надежного дорожного сообщения и транспорта приводили к тому, что в горах погибала продукция на миллионы рублей, а те двory, которые пытались реализовать ее, по этим же причинам терпели огромные убытки. В первую очередь это относится к тем районам, где выращивались такие быстропортящиеся плоды, как персики и абрикосы. Жители этих районов неоднократно обращались за помощью в организации сбыта фруктов²⁵³. Из-за отсутствия налаженного сбыта очень часто горская беднота была вынуждена отдавать продукцию своего двора за бесценок скупщику, частному торговцу и спекулянту. Поэтому легко себе представить, какие огромные выгоды получило горское крестьянство, когда дело заготовки и сбыта взяла в свои руки сельскохозяйственная кооперация. Сдав свою продукцию на приемный пункт по твердым льготным ценам, горский труженник снимал с себя все остальные заботы о ее дальнейшей судьбе и получал возможность более производительно использовать свое время и силы. Одновременно с

---

²⁵⁰ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов», стр. 35.

²⁵¹ Там же, стр. 45.

²⁵² Там же.

²⁵³ ЦГА ДАССР, ф. 572, оп. 1, д. 15, л. 352.

заготовкой и сбытом кооперация занималась и переработкой сельскохозяйственного сырья, особенно продуктов садоводства. В районах садоводства и виноградарства были созданы предприятия по консервированию и переработке фруктов. Эти предприятия заключали с окружающим населением договоры, согласно которым завод брал на себя обязательство по твердой, заранее определенной, цене купить у крестьян фрукты, а те, в свою очередь, обязывались вырастить и сдать определенного количества и качества урожай. При этом договор предусматривал обязательный комплекс профилактических мероприятий в садах.

В этом отношении особенно показателен пример Гоцатлинского сельскохозяйственного товарищества. Как свидетельствуют документы, товарищество в селении Гоцатль возникло в 1926 г. «по инициативе отдельных партийцев... Оно выбило из рук кулачества преимущества, предоставляемые неорганизованностью сбыта крестьянских фруктов»²⁵⁴. И дальше в документе рассказывается, как это было сделано. Если до этого фрукты скупал частник, то после организации товарищества крестьянство в подавляющем своем большинстве (82,1%) стало сбывать фрукты этому товариществу. Последнее закупало 72,8% всех фруктов, а частник лишь 27,2%.

В 1928 г. товарищество охватило 92,8% всех дворов в самом Гоцатле и распространило свою деятельность на 17 других аулов. Товарищество, кроме того, на месте организовало переработку фруктов и тем самым обеспечило работой 130 бедняков. Одновременно были приняты меры для повышения культуры садоводства и повышения урожайности фруктов. Товарищество пригласило агронома и организовало для крестьян семидневные курсы, открыло прокатный пункт, где трудящиеся крестьяне могли взять опрыскиватели, протравочные орудия, плуги и т. д.

Для иллюстрации можно сослаться и на деятельность Чохского товарищества «Нур» («Луч»). Это товарищество возникло в 1923/24 г. и к концу 1927 г. объединяло 666 членов. Однако своей деятельностью оно охватывало не только своих членов. В 1927 г., например,

---

²⁵⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 1, д. 209, л. 141.

«Нур» обслуживал 25 селений с 5031 двором²⁵⁵. Товарищество выдавало кредит своим членам на приобретение рабочего скота, посевного материала и необходимого инвентаря, через прокатный пункт получило сепараторы, маслобойки, построило в Чохе сыроваренный завод. Продукция членов товарищества перерабатывалась бесплатно и, наконец, «Нур» организовал на пюреваренных заводах в селениях Хиндах и Гергебиль бесплатную переработку фруктов (персиков и абрикосов)²⁵⁶. Надо при этом заметить, что вся деятельность товарищества носила строго классовый характер и прежде всего была направлена на подъем бедняцкого и маломощного середняцкого хозяйства. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что бедняки получили 95,1% всех кредитов, выданных товариществом. Да и само товарищество объединяло в основном бедняcko-середняцкие массы (97%); зажиточных в его составе было всего 3%²⁵⁷.

Сельскохозяйственная кооперация в значительной степени удовлетворяла и производственные нужды крестьян. В 1926 г., например, ей принадлежало 40% всех зерноочистительных пунктов и 56,5% всех тракторов²⁵⁸, которые в первую очередь использовались для оказания помощи маломощным слоям аула. Через кооперацию осуществлялось также снабжение крестьян сельскохозяйственным инвентарем. Как свидетельствуют документы, к 1927 г. в ряде земледельческих округов посредничество частного прекратилось окончательно. Вот что сообщается, например, в докладе о деятельности Хасавюртовского окружного исполкома за 1926 г. В разделе «Организация средств производства» записано: «Снабжение сельскохозяйственным инвентарем производилось исключительно через сельхозкооперацию»²⁵⁹. Это, конечно, не означает, что частник не играл никакой роли в снабжении аула орудиями производства. В Дагестане, где ремесло всегда было очень широко развито, кузнечное дело являлось источником доходов не только для отдельных дворов, но и для целых кварталов и

²⁵⁵ ЦГА ДАССР, ф. 527, оп. 1, д. 37, л. 60.

²⁵⁶ Там же, д. 33, л. 114—115.

²⁵⁷ Там же, д. 37, л. 60.

²⁵⁸ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI Вседагестанскому съезду Советов», стр. 38.

²⁵⁹ ЦГА ДАССР, ф. 262, оп. 8, д. 2а, л. 91.

даже аулов. Однако машины и усовершенствованные сельскохозяйственные орудия Советское государство поставляло в аул исключительно через кооперацию. При этом не следует забывать, что снабжение крестьян машинами и орудиями производства, как отмечалось выше, осуществлялось на льготных условиях.

Роль частного в снабжении аула орудиями производства оставалась ощутимой только в горных районах республики, где сложная техника, поставляемая государством, не находила почти никакого применения. Прimitивная соха, серп и рабочий скот в этих районах обычно приобретались у частного. Авторы записки, основываясь на итогах проверки горного аула, писали, что «удовлетворение производственных нужд... кооперативной сетью нельзя считать достаточным. Так, производственные покупки крестьян у частного (в том же Гоцатле. — О. Г.) равны 95,5% всех покупок, а от госкооперативных организаций — 4,5%»²⁶⁰.

Велика роль Советского государства также и в деле повышения культуры земледелия и животноводства. В этих целях через сельскохозяйственную кооперацию создавались плодовые питомники, опытные и показательные участки, племенные рассадники. В условиях Дагестана особое внимание обращалось на улучшение породности и продуктивности скота, для чего были открыты десятки случных пунктов и племрассадников. Скрещивание крупного рогатого скота и овец бедноты и маломощных середняков производилось бесплатно.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что сельскохозяйственная кооперация в руках Советского государства являлась мощным орудием воздействия на широкие слои деревенского населения. Через нее советское государство подготавливало крестьян к более совершенным формам производственного кооперирования и более совершенным формам ведения сельского хозяйства.

Исключительно большую роль играла кооперация в борьбе против кулака. Осуществляя политику преимущественного кооперирования бедноты и середняков, преимущественного их обслуживания, Советское государство использовало кооперацию в качестве одного из

²⁶⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 209, л. 142.

основных рычагов ограничения эксплуататорских тенденций кулачества и освобождения бедноты от кулацкой кабалы. Чтобы показать итоги деятельности Коммунистической партии и Советского государства в этом направлении, приведем данные об изменении социального состава сельскохозяйственной кооперации на различных этапах ее развития (в %) ²⁶¹.

Социальные группы	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Бедняки	21,0	43,1	54,5
Середняки	66,8	46,1	40,5
Кулаки	12,2	10,8	5,0

Очевидно, что на всех этапах развития сельскохозяйственной кооперации беднота и середняки составляли основную массу ее членов. Констатируя этот факт, одновременно надо отметить, что соотношение социальных групп в кооперации менялось. Так, в начальный период развития кооперации, когда главное внимание было сосредоточено на подъеме крестьянского хозяйства, в кооперации преобладал середняк. Значительную роль в это время играл и кулак. Если в составе всего населения республики его удельный вес в тот период достигал 4—5%, то в кооперации он составлял 12,2%. Постепенно, по мере хозяйственного роста аула, в кооперации начинает преобладать беднота.

В 1925 г. был создан специальный фонд кооперирования бедноты, благодаря которому маломощные дворы освободились от вступительных взносов и платежей. В 1927 г. благодаря классовой политике Советского государства, направленной на подъем маломощных хозяйств аула, в кооперации преобладали уже бедняки. По сравнению с 1925 г. их удельный вес вырос более чем в два раза. Вместе с середняками они составляли уже 95% всех членов сельхозкооперации. Удельный вес кулаков за это время уменьшился почти в два раза и стал соответствовать их численности среди сельского населения.

И все же надо заметить, что часть кулаков продолжала находиться в системе сельхозкооперации и пользоваться льготными кредитами, техникой и т. д.

²⁶¹ «Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б). Стенографический отчет». Махачкала, 1925 г.

Льготы и привилегии неизбежно способствовали их укреплению. Но не это было определяющим в развитии кооперации. Последняя систематически очищалась от кулаков, удельный вес и роль которых постоянно падали. Главное заключалось в том, что кооперация всемерно поддерживала бедняцко-средняцкие массы и всей своей деятельностью готовила их к обобществлению производства, к коллективному труду.

5. Зарождение первых коллективных хозяйств

Отличительная черта социально-экономического развития доколхозной советской деревни заключалась не только в усилении середняка. В этот период впервые в истории человечества появились новые социалистические формы организации сельскохозяйственного производства.

О необходимости преобразования мелкого индивидуального, крестьянского производства в крупное социалистическое указывали еще К. Маркс и Ф. Энгельс. В статье «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Ф. Энгельс писал: «Наша задача по отношению к мелким крестьянам будет состоять прежде всего в том, чтобы их частное владение перевести в товарищеское...»²⁶². При этом теоретики марксизма подчеркивали, что этот перевод должен быть осуществлен «...не насильственным путем, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели»²⁶³. Однако в исторических условиях, когда практика революционного движения еще не выдвинула задачи перехода мелкого крестьянского хозяйства к коллективному производству, К. Маркс и Ф. Энгельс не могли указать конкретных форм и путей преобразования общества.

Разработка конкретных форм и путей такого преобразования была осуществлена В. И. Лениным в новой исторической обстановке, когда победа пролетарской революции поставила на повестку дня необходимость создания крупных коллективных хозяйств.

---

²⁶² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 2, стр. 455.

²⁶³ Там же.

В «Проекте программы РКП(б)», в выступлениях на I Всероссийском съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун в декабре 1918 г. и в других своих работах и выступлениях В. И. Ленин постоянно указывал на необходимость перехода «к общей обработке земли», «к крупному социалистическому земледелию».

В этом и только в этом видел В. И. Ленин возможность избавить крестьянина от нищенского, полуголодного, полудикого образа жизни. Выступая на I Всероссийском съезде земельных отделов, В. И. Ленин говорил: «Жить по-старому, как жили до войны, нельзя, и такое расхищение человеческих сил и труда, какое связано с мелким отдельным крестьянским хозяйством, дальше продолжаться не может. Вдвое и втрое поднялась бы производительность труда, вдвое и втрое был бы сбережен человеческий труд для земледелия и человеческого хозяйства, если бы от этого раздробленного мелкого хозяйства совершился бы переход к хозяйству общественному»²⁶⁴. При этом Владимир Ильич подчеркивал, что борьба за общественную обработку земли — наиболее трудная борьба, что эта задача может быть решена только чрезвычайно упорным и длительным трудом²⁶⁵.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал постепенность и длительность перехода к крупному коллективному хозяйству и указывал при этом, что такой переход надо осуществить только добровольным путем, через агитацию, через силу примера. На VIII съезде РКП(б), отмечая, что крестьянин во всем мире является практиком и реалистом, что ему нужны конкретные примеры того, что «коммуния» лучше всего, Ленин говорил: *«Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина»*²⁶⁶.

В. И. Ленин разработал также пути перевода мелкого индивидуального хозяйства в крупное коллективное. Он указывал, что обобществление надо начинать с самого легкого, понятного и доступного — с рыночных отношений и, уже достаточно подготовившись, накопив необходимый опыт, переходить к обобществлению производства. У В. И. Ленина встречаем мы и рекомендации

---

²⁶⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 319.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 188.

о формах коллективного хозяйства — это коммуна, артель и товарищества по совместной обработке земли. Если обратиться к истории, то мы вспомним, что колхозное строительство в нашей стране развивалось в основном на базе этих трех форм организации крупного коллективного хозяйства.

Постоянно призывая использовать силу примера и всячески предостерегая от применения насилия в отношении крестьян, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал, что для развития социалистического земледелия необходима материальная помощь Советского государства. Выступая на I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей 4 декабря 1919 г. В. И. Ленин говорил: «...мы не были бы коммунистами и сторонниками введения социалистического хозяйства, если бы не осуществляли государственной помощи всякого рода коллективным земледельческим предприятиям. Мы вынуждены это делать и потому, что это соответствует всем нашим заданиям, и так как мы прекрасно знаем, что эти товарищества, артели и коллективные организации являются новшеством, и если ему не оказать поддержку со стороны рабочего класса, стоящего у власти, то оно не привьется»²⁶⁷. Позднее, в работе «О кооперации» В. И. Ленин, развивая эту мысль дальше, писал: «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса»²⁶⁸. В данном конкретном случае речь шла о поддержке рабочим классом кооперативного строя.

Вместе с тем В. И. Ленин считал необходимым предотвратить возможность того, чтобы эта помощь была встречена крестьянами с насмешкой, чтобы крестьянин сказал про коммунара и членов артелей и товариществ, что они — казенные нахлебники. Для этого, говорил В. И. Ленин, необходимо, чтобы каждая коммуна и каждая артель доказали, что они лучше всех предприятий старого типа, чтобы они стали образцовыми и чтобы соседние крестьяне сами потянулись к ним.

На I съезде земледельческих коммун и сельскохозяйственных артелей В. И. Ленин отмечал, что: «лишь в том случае, если удастся на деле показать крестьянам

---

²⁶⁷ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 176.

²⁶⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 33, стр. 429.

преимущества общественной, коллективной, товарищеской, артельной обработки земли, лишь, если удастся помочь крестьянину, при помощи товарищеского, артельного хозяйства, тогда только рабочий класс, держащий в своих руках государственную власть, действительно докажет крестьянину свою правоту, действительно привлечет на свою сторону прочно и настоящим образом многомиллионную крестьянскую массу»²⁶⁹.

О необходимости организации крупного социалистического земледелия говорилось и в программе партии, принятой VIII съездом РКП(б). В программе прямо указывалось, что создание советских хозяйств, товариществ для общественной обработки земли, сельскохозяйственных коммун, как совершенно добровольных союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства, является одной из основных задач пролетарской диктатуры²⁷⁰.

К этому же были направлены, как отмечалось выше, и все законы Советской власти по аграрному вопросу, начиная с Декрета о земле. В них делалась ставка на победу коллективного хозяйства, на социалистическую переделку мелкотоварного производства.

Этот общий для всей страны курс нашел отражение и в Дагестане. И декреты Бакинского СНК, принятые летом 1918 г., и законы Дагестанского Революционного комитета об осуществлении положения о социализации земли предусматривали и поощряли переход к общественной обработке земли. При наделении землей и инвентарем коллективным хозяйствам представлялся ряд льгот. Так, в «Положении об осуществлении декрета Российской Советской Федеративной республики о социализации земли», принятом Дагестанским Военно-Революционным комитетом 23 августа 1920 г., говорилось: «Вся площадь сельскохозяйственного фонда используется в первую очередь для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, во вторую, — для добывания средств к существованию единоличных землепользователей»²⁷¹.

Инициатива Коммунистической партии и Советского государства по организации социалистического

²⁶⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 30, стр. 173—174.

²⁷⁰ «КПСС в резолюциях...», ч. I, изд. 7, стр. 424.

²⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 1, л. 15.

производства в деревне встретила горячую поддержку у трудового крестьянства. Батрацко-бедняцкие слои деревни стали объединяться в сельскохозяйственные коммуны, артели, товарищества.

Первое коллективное хозяйство в Дагестане, по дошедшим до нас сведениям, возникло 17 октября 1920 г. в селении Аскент Кюринского округа. Сохранился и протокол общего собрания аула по этому поводу. Вот что говорится в постановлении этого собрания:

«Заслушав доклад, а также чтение и разъяснение уставов о сельскохозяйственных коммунах и артелях и находя желая наши вполне соответственными с основными положениями прочитанного устава о сельскохозяйственных трудовых артелях, мы решили перейти к братскому и товарищескому ведению хозяйства и постановили организовать у себя сельскохозяйственную трудовую артель»²⁷².

В артель тут же записалось 23 двора. Они имели семь быков, две коровы, четыре буйвола, одну телку и один плуг. Государство, кроме того, наделило артель земельным участком в 250 дес.

27 апреля 1921 г. сельскохозяйственная артель была организована и в селении Чох Гунибского округа. Чохская сельхозартель объединила 41 хозяйство бедноты, у которых было три лошади, 30 ослов, восемь коров, 146 овец и коз, восемь плугов и две арбы. Для артели был отведен 51 гектар земли²⁷³.

Об общем числе сельскохозяйственных объединений в начальный период мы не располагаем никакими сведениями. Первые данные о численности колхозов в Дагестане относятся к 1927 г. Согласно справке Народного Комиссариата земледелия ДАССР, составленной в 1927 г., в республике в 1925 г. было всего 15, в 1926 г. — 29, а накануне XV съезда партии — 39 колхозов, которые объединяли всего 542 хозяйства²⁷⁴. Однако заведомо можно сказать, что эти цифры далеки от действительности. Это и понятно. Систематический учет и перепись сельскохозяйственных объединений были начаты лишь в 1927 г., поэтому о начальном периоде коллективизации мы имеем лишь отрывочные сведения, которые

²⁷² ЦГА ДАССР, ф. 38, оп. 1, д. 3, л. 18.

²⁷³ Там же, оп. 2, д. 5, л. 17—18.

²⁷⁴ Там же, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 36.

не позволяют сколько-нибудь полно осветить место и роль первых коллективных хозяйств в экономической и политической жизни аула. Мы не располагаем почти никакими сведениями даже о том, каковы были формы объединений и их социальный состав, организация, учет и оплата труда, не говоря уже о степени обобществления средств производства, производственных успехах первых колхозов, распределении доходов и т. д.

И все же на примере даже отдельных коллективов раскрываются как общие закономерности, так и специфические черты начального периода колхозного строительства в республике.

Мы уже говорили о социальных сдвигах, происшедших в результате Великой Октябрьской социалистической революции. Период гражданской войны и иностранной военной интервенции, а также хозяйственная разруха и продовольственные затруднения внесли в социальный состав аула также свои коррективы. Известно, что значительная часть бедноты, которая раньше существовала работой по найму, получив землю и опираясь на поддержку Советского государства, приобрела возможность заняться своим хозяйством. В период разрухи к сельскому хозяйству обратилась также часть промышленных рабочих и, в первую очередь, отходников. В годы гражданской войны и хозяйственной разрухи они потеряли свои традиционные связи с промышленными районами и были вынуждены осесть в ауле. При распределении земли, естественно, многие из них получили и свою долю угодий, как члены сельского схода. Однако, если вспомнить, что подавляющее большинство их не имело сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, то станет очевидным, что для независимого хозяйствования у них не было никаких возможностей. Эти условия и породили отношения найма и сдачи: беднота либо сдавала свой надел и искала себе средства к существованию в продаже своих рабочих рук, либо была вынуждена на кабальных условиях нанимать рабочий скот и необходимый инвентарь. Это был старый путь, на каждом шагу порождавший капиталистические, эксплуататорские отношения. Однако это был далеко не единственный путь, на который встало тогда трудовое крестьянство. Часть крестьян, правда еще очень незначительная, по инициативе большевистской партии стала

строить свою жизнь на новых, коллективных началах. Это был непривычный и неизведанный путь. Именно поэтому подавляющее большинство крестьян не поняло и не приняло его вначале. По этому пути на первых порах пошли лишь наиболее передовые элементы деревни. Имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет сделать заключение, что эти наиболее передовые крестьяне в подавляющем своем большинстве были отходниками, знающими крупное фабрично-заводское производство и привыкшие к коллективному труду. Показателем в этом отношении пример того же аула Аскент. Это было селение с очень скудными возможностями. Острое безземелье и исключительно неблагоприятные природные условия привели к тому, что почти все население этого аула жило заработками на бакишских нефтяных промыслах. В тяжелые годы хозяйственной разрухи, когда им пришлось вернуться к земледелию, как основному занятию, наиболее передовые элементы аула предпочли коллективный труд. Та же картина и в Чохе. И здесь застрельщиками организации знаменитой «Чохской коммуны» были бедняки-отходники и активные борцы за власть советов — красные партизаны. При чем артель в Чохе была организована на земле, отнятой у крупных кулаков-овцеводов. Об имущественном положении первых колхозников более точно можно судить по списку учредителей Баташюртовской сельскохозяйственной артели «Сабанчи-кыйины» («Труд крестьянина»). Этот список составлен в 1926 г. и сохранился в архиве республики ²⁷⁵.

Учредители	Стоимость имущества, руб.	Валовой доход двора, руб.	Учредители	Стоимость имущества, руб.	Валовой доход двора, руб.
Абдул Аджиев	1500	250	Абуш Шамавов	1500	250
Мавлет Шабазов	2300	300	Абдурагим Казава-		
Керим Шахабов	2200	300	тов	1600	200
Акай Атаев	2300	400	Пахрудин Сатиев .	1400	250
			Эльмурза Акаев	1400	250

Как мы видим организаторами Баташюртовской артели также были бедняки и маломощные середняки.

²⁷⁵ ЦГА ДАССР, ф. 212, оп. 2, д. 4, л. 3.

В этот период наиболее распространенными формами объединения были артель, коммуна и товарищество по общей обработке земли. Правда, очень часто объединения носили одно и то же название, но по степени обобществления основных средств производства, по организации и учету труда, по распределению продуктов между членами коллектива, они сильно отличались друг от друга. Хотя их основная масса состояла из батрацко-бедняцких слоев, однако по имущественному положению она не была однородной и это сказывалось на степени обобществления средств производства. Например, рабочие отходники, вступая в коллективы, обобществляли и основные средства производства. И это нетрудно понять. Землю им дала Советская власть, а сельскохозяйственная техника, экспроприированная у помещика и крупного кулака, тоже была получена ими от Советского государства. Поэтому частнособственнические тенденции в этих объединениях были наименее выраженными. Такого рода объединения по степени обобществления средств производства были наиболее последовательными. В них сильнее были тенденции к уравнительному распределению продуктов труда. Объяснялось это и навыками коллективного труда. Отходники издавна занимались на работу группами, совместно выполняли тот или иной цикл работы за определенную оплату, а потом полученную сумму поровну распределяли между собой. В новых условиях они также сообща трудились на коллективной земле, также поровну распределяли продукты труда. И в этом случае налицо использование опыта прошлого.

Известна и другая форма организации, когда один крестьянин имел кое-какой инвентарь, но не имел рабочего скота, у другого, наоборот, был скот, но не было пропашного инвентаря. Чтобы иметь возможность заниматься хозяйством, им приходилось объединять все средства производства. В этом случае преобладала форма распределения по едокам или по работникам. Нередко бывало и так, что объединялась более или менее обеспеченная группа дворов. Как показал опыт, такого рода объединения обычно происходили в целях получения у государства земельного участка. В этом случае ни свою землю, ни свой скот, дворы, вошедшие в объединение, как правило, не обобществляли. Они трудились коллек-

тивно лишь на коллективной земле. Естественно, что совсем по-другому распределялась у них и продукция: сперва выделялась часть урожая для распределения между дворами по степени участия их рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря в процессе производства на коллективной земле, затем выделяли часть урожая для распределения по числу рабочих рук, принимавших участие в обработке коллективного участка (иногда эта часть распределялась и по едокам). Понятно, что в таких коллективах объединялся лишь труд крестьян на время полевых работ на коллективном участке. Как правило, такие коллективы носили сезонный характер. Этого же рода объединения возникали при пользовании трактором и другими сложными сельскохозяйственными машинами. Кроме совместно приобретенной машины, которая по очереди обрабатывала землю каждого члена объединения, у них ничего не обобществлялось. И все же надо заметить, что эти объединения играли исключительно большую роль в ликвидации традиционной межи, в выработке навыков коллективизма. Возникая в период полевых работ, по выполнении того или иного цикла они тут же распадались. Но все же за короткий период крестьяне воочию могли убедиться в силе коллективизма, в производительности коллективного труда. Мы имеем сведения, что такого рода объединения возникали десятками. Например, на VII Дагестанской конференции ВКП(б) отмечалось, что в течение 1924 г. было зафиксировано 20 объединений такого рода²⁷⁶. Аналогичные примеры приводились и в отчете VI съезду Советов ДАССР²⁷⁷.

Выборочная перепись, проведенная весной 1926 г., также зафиксировала хозяйства, состоящие в тракторных артелях²⁷⁸. Они составляли всего 0,6% всех обследованных дворов, но экономическое и политическое значение этого факта куда более значительно. Материалы этой переписи интересны еще и тем, что они позволяют точно судить и о социальном составе этих «тракторных артелей». Беспосевные среди них составляли всего 2,4%.

---

²⁷⁶ «Седьмая Дагестанская конференция ВКП(б)». Махачкала, 1925, стр. 76.

²⁷⁷ «Отчет ЦИК и СНК ДАССР VI съезду Советов», стр. 27.

²⁷⁸ ЦГА ДАССР, ф. 22, оп. 8, д. 13, л. 27.

с посевом до трех дес. — 83,2%, имеющие от трех до восьми дес. посева на двор — 9,6% и многопосевные или сеющие свыше восьми дес. посева на двор — 4,8%²⁷⁹. Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что названные простейшие объединения, возникшие вокруг сложных сельскохозяйственных машин, состояли в основном из малопосевных бедняков. Вместе с тем бесспорно и то, что иногда сложная техника, посылаемая Советским государством в деревню для подъема бедняцко-средняцких слоев, попадала и в руки кулака. В таком случае, по имеющимся у нас сведениям, трактор превращался из орудия подъема благосостояния бедноты в орудие ее закабаления. В связи с этим местные органы власти уделяли особое внимание социальному составу этих объединений, решительно пресекая попытки кулака использовать их в своих интересах.

Охарактеризованные формы объединений складывались, как правило, в зерновых районах республики. Поэтому, естественно, они не исчерпывали всех разновидностей, всего многообразия общественного хозяйства. Очень часто хозяйственная специализация того или иного района, или его исторический опыт либо порождали самые неожиданные формы объединений, либо давали примеры приспособления старой испытанной формы ведения хозяйства к новым отношениям на совершенно новой основе.

В первом разделе было отмечено, что в силу различий в естественно-географических условиях в сельском хозяйстве Дагестана давно произошла хозяйственная специализация районов: главной отраслью сельского хозяйства на равнине было полеводство, в горных районах — животноводство. Однако в горах не было достаточно кормов и поэтому большую часть скота, в основном овец, приходилось перегонять на зимние пастбища. Так сложилась отгонная система овцеводства. Эта система с некоторыми изменениями сохранилась и после революции. Советское государство сделало все, чтобы создать максимум благоприятных условий для мелкого овцевода. Однако, как показал опыт первых лет, в условиях преобладания мелкого производства и

---

²⁷⁹ Там же.

сохранения частной собственности отгонное скотоводство по-прежнему было выгодно только крупным собственникам. Выход из создавшегося положения нашли сами крестьяне. В Дагестане, наряду с кошом — объединением, где хозяйственную жизнь возглавлял серкер, стали возникать и коши на товарищеских началах. В записке Наркомзема «Организационные типы кочевого овцеводства», составленной в 1924/25 г., указывается, что «в горных районах наблюдается несколько организованных форм».

При этом записка подчеркивает, что «наиболее совершенной формой является форма, когда овцеводы объединяются в кош на товарищеских началах»²⁸⁰. Но не только в товарищеских началах создания коша заключалось совершенство этой формы перед другими. По сведениям, имеющимся в записке, она была выгоднее и экономически. Так, в первом и во втором случаях, когда кош возглавлял крупный скотовод, на содержание овцы мелкий собственник расходовал 1 руб. 75 коп.— 2 руб., а в третьем случае, когда кош организован на товарищеских началах,— 1 руб. 50 коп.— 1 руб. 70 коп., т. е. меньше примерно на 20%²⁸¹. Эти цифры свидетельствуют о том, что уже простое товарищеское объединение не только освобождает мелкого производителя от кулацкой кабалы, но в одинаковых условиях хозяйствования дает неоспоримый экономический эффект.

Этот пример лишний раз показывает, как трудящиеся слои деревни поддержали инициативу коммунистической партии и Советского государства, как творчески относились они к организации общественного хозяйства, как творчески использовали опыт прошлого для перехода к новым отношениям, к новому способу производства. В коше на товарищеских началах дело не дошло до обобществления скота, но объединение во время перегона показало мелким скотоводам все преимущества коллективного труда перед индивидуальным и тем самым сыграло большую роль в подрыве старых патриархальных устоев и индивидуалистской психологии трудящегося горца.

Из всего сказанного можно сделать заключение, что

---

²⁸⁰ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 62, л. 201.

²⁸¹ Там же.

в исследуемое время наиболее распространенной формой коллективного хозяйства Дагестана были простейшие производственные объединения: всевозможные товарищества по совместному выпасу скота, по совместной обработке земли, по совместному использованию сложной сельскохозяйственной техники. Эти объединения строились на обобществлении труда и имели преимущественно характер сезонных объединений. Однако в подъеме экономики бедняцко-средняцких масс, в выработке у них навыков коллективизма и особенно в разрушении старых патриархальных форм хозяйствования и освобождения их от кулацкой кабалы они сыграли исключительную роль. Эти объединения продемонстрировали неоспоримые преимущества коллективного труда перед мелким, индивидуальным. Но этого было недостаточно. Необходимо было доказать их экономическую эффективность и по сравнению с крупным, вооруженным современной техникой капиталистическим производством. А это было возможно только при оснащении социалистического сельского хозяйства усовершенствованной техникой, при развертывании производительных сил земледелия. Слабо развитая промышленность еще не была в состоянии обеспечить крупные сельскохозяйственные объединения машинами и орудиями производства. Разоренная войной страна не могла предоставить им необходимые кредиты, слабо был развит товарооборот, не было кадров механизаторов. В связи с этим первые коллективные хозяйства были экономически и организационно слабыми. Они объединяли в основном пролетарские и полупролетарские слои деревни.

Перед партией стояла задача развить производительные силы крестьянства. Эту задачу В. И. Ленин считал самой экстренной и самой неотложной. Отвечая на вопрос, почему именно крестьянства, а не рабочих, В. И. Ленин говорил: «Потому, что для улучшения положения рабочих нужны хлеб и топливо. Сейчас „задержка“ самая большая — с точки зрения всего государственного хозяйства — именно из-за этого. А увеличить производство и сбор хлеба, заготовку и доставку топлива нельзя иначе, как улучшив положение крестьянства, подняв его производительные силы. Начать надо с крестьянства»²⁸².

---

²⁸² В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 320.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что без этого невозможно восстановить и развивать также и крупную промышленность — материальную основу социализма. Вот почему, хотя с первых дней установления Советской власти, партия и Советское государство и ориентировали трудовое крестьянство на общественную обработку земли, они не могли взять сразу решительный курс на победу социалистического земледелия. Для этого не созрели еще необходимые условия.

6. Краткие выводы

В заключение следует подчеркнуть, что до XV съезда партии в дагестанском ауле происходил процесс роста середняков. Советские историки на обширном материале доказали, что это — явление общее для всей страны. Вместе с тем известно, что социально-экономическое развитие народов нашей страны было далеко не равномерным. Поэтому, естественно, что и процесс осереднячения в разных районах и у разных народов, в зависимости от ряда местных условий, развивался по-разному. Так, в РСФСР в 1927 г. середняки составляли 63,8% всего населения²⁸³. В Казахстане и в Киргизии, наоборот, более двух третей всего населения составляли бедняки²⁸⁴. Один из исследователей доколхозной деревни Киргизии, В. П. Шерстобитов, пишет: «Даже в 1925—26 гг. киргизский оседлый аил был в основном бедняцким... Ввиду малочисленности средних и высших групп подавляющая часть стоимости основных средств производства также находилась во владении низших групп»²⁸⁵. Несмотря на осереднячивание среднеазиатской доколхозной деревни, накануне коллективизации там в кочевых районах центральной фигурой оставался бедняк.

В Дагестане середняк, как собственник основных средств производства, безусловно вышел на первое место.

---

²⁸³ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», М.—Л., 1931, стр. 67.

²⁸⁴ Г. Ф. Дахшлейгер. К характеристике социально-экономических отношений в Казахском ауле. М., 1961, стр. 22.

²⁸⁵ В. П. Шерстобитов. Социально-экономические отношения в аиле, кыштаке и деревне Киргизии до коллективизации сельского хозяйства.— «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР». М., 1963, стр. 90.

Однако средние слои деревни еще не составляли абсолютного большинства населения Дагестана. Такая неравномерность в социально-экономическом развитии советской доколхозной деревни явилась прямым следствием неравномерного развития народов России до революции.

Деревня центральных районов страны накануне революции стояла на капиталистическом пути развития. Здесь возникли и развивались два антагонистических класса — деревенская буржуазия и деревенский пролетариат. Однако даже здесь, как говорил В. И. Ленин, чисто капиталистические отношения были придавлены еще в громадных размерах отношениями крепостническими²⁸⁶. Проявлением этого было господство сословной, феодальной собственности на землю. Вся вторая половина XIX в. и особенно начало XX в. прошли под флагом роста революционного крестьянского движения за захват помещичьих земель. В деревне развернулись две социальные войны — война всего крестьянства против помещиков и война деревенской бедноты против кулаков-мироедов. Вот почему в центральных районах аграрный вопрос был разрешен сравнительно быстро и последовательно, и на этой основе крестьянство поднялось до уровня середняка.

Совсем по-другому обстояло дело, например, в кочевых районах среднеазиатских республик. До революции они были отсталыми, сплошь сельскохозяйственными колониальными окраинами. Основным занятием населения и ведущей отраслью хозяйства являлось здесь экстенсивное кочевое скотоводство. Как отмечает М. П. Ким, у кочевников «...не существовало ни частной собственности на землю, ни индивидуального землепользования»²⁸⁷. Право распоряжаться районами кочевков, согласно сложившемуся обычаю, принадлежало родовой знати. Используя это право, знать присваивала общинную землю, и на этой почве складывалась частная поземельная собственность. Все это происходило под оболочкой патриархально-родовых отношений. Бай-полуфеодал считался главой аула и «благодетелем» по отношению

---

²⁸⁶ В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 56—57.

²⁸⁷ М. П. Ким. Октябрьская революция и аграрный вопрос в Казахстане. — «Вопросы истории», 1946, № 10, стр. 82.

к остальным сородичам. Эксплуатация происходила преимущественно в форме родовой взаимопомощи: бай иногда помогал своему бедному родственнику ссудой или скотом, который отдавался во временное содержание с правом пользования в течение этого времени молоком или настригом. По сути дела это была эксплуатация за одни харчи. Но такая форма зависимости создавала иллюзию «родовой взаимопомощи», «родового мира». Знать сознательно поддерживала мысль, будто бай является просто старшим в роде, его покровителем и благодетелем. Это было им наруку. Иллюзии о родовом равенстве не только способствовали заполучению даровой рабочей силы, но и затуманивали сознание трудящихся, делали их послушным орудием в руках богатой верхушки.

В связи с присоединением к России в жизни этих народов произошли глубокие изменения: стала исчезать хозяйственная замкнутость, росли рынки и рыночные связи, наблюдалась специализация скотоводства. Одновременно происходили и социальные сдвиги. В связи с проникновением капитализма начинается расслоение крестьянства, происходит оседание части кочевников и переход их к более передовым и интенсивным формам хозяйства. Однако значение этого факта нельзя преувеличивать. Расслоение крестьян, по свидетельству А. Турсунбаева, происходило в рамках натурального, патриархального крестьянского хозяйства без общественного разделения труда. Поэтому социально-экономическая дифференциация не приняла тогда своей типичной формы²⁸⁸. Но не прогрессивные преобразования «являлись главным итогом колониальной аграрной политики царизма. Главный итог царской колониальной политики,— как отмечает М. П. Ким,— это обезземеление и разорение трудящихся масс скотоводов, неслыханный гнет и политическое бесправие их»²⁸⁹. Поэтому аграрно-крестьянский вопрос здесь тесно переплетается с национально-колониальным вопросом. До революции, когда господствовал патриархально-родовой и патриархально-феодальный уклад в быту и экономике, когда вся общественная жизнь регла-

---

²⁸⁸ А. Турсунбаев. Победа колхозного строя в Казахстане. Алма-Ата, 1957, стр. 14—24.

²⁸⁹ М. П. Ким. Указ. соч., стр. 83—84.

менгировалась мусульманским духовенством и трудящиеся массы были одурманены пропагандой «родового мира», «родовой чести» и «родовой поруки», в центре внимания революционного движения были не классовые интересы, а борьба за ликвидацию последствий колониальной политики царизма. Поэтому в начальный период аграрная политика Советской власти в этих районах была направлена прежде всего против колонизаторства. Аграрные преобразования тех лет слабо коснулись байско-манапского землевладения. На VIII съезде РКП(б) В. И. Ленин поставил вопрос, что может сделать партия и Советская власть для таких народов, как казахи, узбеки, киргизы, таджики, туркмены. «Можем ли мы подойти к этим народам и сказать: „Мы скинем ваших эксплуататоров“? И тут же отвечал: «Мы этого сделать не можем, потому что они всецело в подчинении у своих мулл. Тут надо дождаться развития данной нации, дифференциации пролетариата от буржуазных элементов, которое неизбежно»²⁹⁰.

В силу этого Дагестан в разрешении аграрного вопроса занял как бы промежуточное положение между этими двумя группами районов. Здесь революция не так полно и последовательно, как в центральных районах страны, очистила аул от феодально-крепостнических и капиталистических устоев в сельском хозяйстве. Помещичье землевладение, хотя и было в основном ликвидировано, но сохранялась собственность многих представителей патриархально-феодальной верхушки, мечети и кулаков. Произошло это потому, что в силу слабой социальной дифференциации аула столкновение интересов бедноты и аульной верхушки не выросло до уровня классовых боев; вторая социальная война только-только начиналась и была еще слабо выражена. Патриархальной верхушке и кулакам с помощью мулл еще удавалось противопоставить родовые, аульные и национальные интересы интересам классовым и, тем самым, увести бедноту от своих непосредственных классовых задач.

Вместе с тем, сравнивая характер первых аграрных преобразований в Дагестане и во многих районах Средней Азии и Казахстана, в частности в кочевых, нетрудно убедиться, что задачи буржуазно-демократической рево-

---

²⁹⁰ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 151.

люции в Дагестане были решены гораздо глубже и полнее, чем в этих районах.

Таким образом, по степени завершения аграрного вопроса, по уровню социально-экономического развития накануне XV съезда партии и по удельному весу различных классов и классовых групп можно выделить три группы районов.

Первую группу составляли районы, до революции стоявшие на капиталистической стадии развития, с высокой степенью классовой дифференциации общества. Ликвидировав помещичье, казенное, церковное и кабинетское землевладение, изъяв у кулака излишки, сверх потребительско-трудовой нормы, революция самым решительным образом перекроила аграрный строй в этих районах и обеспечила все условия для осереднячения деревни.

Во вторую группу входили в основном те районы, которые совершали переход от докапиталистических отношений к капиталистическим. Капитализм здесь пустил глубокие корни. Однако, несмотря на процесс классового расслоения общества, дифференциация пролетариата от буржуазии, особенно в деревне, далеко еще не завершилась. Патриархальщина крепко держалась в экономике, в быту, в формах хозяйства. Эту группу представляли, в основном, земледельческие колониальные окраины. Здесь развертывалось антифеодальное национально-освободительное движение, в котором до определенного времени участвовала и национальная буржуазия. Поэтому революция, нанеся сокрушительный удар помещичье-феодальному землевладению и ликвидировав последствия колониальной политики царизма, на первых порах почти не коснулась собственности аульных богатеев. В этих районах в исследуемый период середняк занял центральное место в земледелии, но средние слои не составляли еще абсолютного большинства населения.

Третью группу составляли в основном кочевники и народы, у которых основной отраслью хозяйства являлось экстенсивное патриархальное скотоводство. Патриархально-феодальные и даже патриархально-родовые отношения у них были настолько сильны, настолько велико было влияние мусульманской религии, что трудящиеся этих народов очень часто оказывались на поводу у родовой знати и мулл. Будучи основной силой антиколони-

ального, национально-освободительного движения, и в этом смысле являясь непосредственными союзниками рабочего класса, поднявшегося во главе народов России на борьбу против всякого социального и национального гнета, они в то же время далеко не всегда поднимались до понимания своих классовых задач и классовых интересов в этом движении. Поэтому у таких народов аграрная революция на первом этапе ограничилась, в основном, ликвидацией последствий колониальной политики царского самодержавия. Перераспределение земли здесь, по сути дела, не было осуществлено. Поэтому, хотя середняк, благодаря политике Коммунистической партии и Советского государства, и рос, но, не взяв основных средств производства в свои руки, он не мог превратиться в центральную фигуру в сельском хозяйстве. В этих районах и численно, и по месту в производстве главной фигурой все еще оставался бедняк.

Однако различия в уровне социально-экономического развития деревни этих районов проявлялись не только в неравномерности роста середняков или удельного веса той или иной социальной группировки, но и в самой природе различных социальных групп крестьянства. В центральных районах страны, например, верхние слои представляли, в основном, деревенскую буржуазию. В дагестанском ауле, как мы заметили, значительная часть сельской верхушки состояла из патриархально-феодалных элементов; она опиралась на сохранившиеся патриархальные отношения, пользовалась докапиталистическими формами эксплуатации. К сожалению, статистика того времени не проводила грани между ними и сельской буржуазией и, исходя из чисто имущественного положения, записала их всех в кулаки, хотя эти две группы населения являлись продуктом различных общественно-экономических укладов.

**Ликвидация
патриархально-феодалных элементов
и дальнейшие изменения
в социально-экономическом развитии
доколхозного аула**

**1. Ликвидация
патриархально-феодалных элементов**

Осуществляя задачу, поставленную X съездом партии,—обеспечить восстановление и развитие разрушенного войной народного хозяйства,—советский народ под руководством Коммунистической партии добился выдающихся успехов. За короткий период, в течение 1921—1925 гг., крупная промышленность была восстановлена на три четверти, а сельское хозяйство давало 87% продукции 1913 г. Вопрос «кто—кого», поставленный В. И. Лениным в начале нэпа, решался явно в пользу социализма: доля государственного и кооперативного сектора в валовой продукции промышленности в 1925 г. составляла 81%, а частного—всего 19%; все виды кооперации объединяли до 5 млн. крестьянских дворов. В значительной степени был потеснен частник и в торговле. На его долю приходилось лишь 25% всего товарооборота.

Опираясь на эти успехи, XIV съезд ВКП(б) взял курс на обеспечение «победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом»¹, курс на развертывание социалистической индустриализации страны. Такой курс полностью соответствовал установкам В. И. Ленина, который указывал, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»², отвечал коренным интересам социалис-

¹ «КПСС в резолюциях...», ч. II, изд. 7. М., Госполитиздат, 1954, стр. 196.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 434.

тического строительства. Развертывание социалистической индустриализации знаменовало собой новый этап в борьбе за построение социализма в СССР.

Пути развития дагестанского аула также определялись общими задачами социалистического строительства в СССР. Вместе с тем, в силу особенностей его исторического, социально-экономического и культурного развития, эти задачи осуществлялись здесь несколько в иных условиях и в иной обстановке.

Еще совсем недавно Дагестан был колонией царизма, в которой преобладали полунатуральное хозяйство и патриархально-феодалные отношения. Как и большинство республик Советского Востока, Дагестан не прошел промышленной стадии капитализма и осуществлял переход к социализму от полуфеодалных отношений. Крайне слабой была здесь материально-техническая база народного хозяйства, особенно сельского. Партия и Советское государство оказывали Дагестану исключительно большую материальную помощь. Однако в исследуемый период возможности страны в этом отношении были крайне ограниченными, в силу чего в большинстве районов республики примитивная соха по-прежнему оставалась основным орудием в земледелии.

Не менее серьезным препятствием на пути социалистического переустройства народного хозяйства республики была культурная отсталость ее населения. В. И. Ленин считал поголовную грамотность, толковость и приобщение населения к культуре необходимым условием победы социализма. Между тем культурный уровень дагестанского населения все еще оставался чрезвычайно низким, хотя за семь лет советской власти число грамотных здесь более чем удвоилось. В 1927 г. грамотные дагестанцы составляли лишь 12% всего населения республики, в то время как в целом по стране грамотность населения повысилась до 40%³.

Ко всему этому надо добавить, что царское правительство и местные феодально-клерикальные элементы, используя пестроту национального состава населения Дагестана, в течение многих десятилетий сеяли между его народами рознь и вражду, противопоставляли и натравливали их друг на друга. Чтобы добиться нацио-

---

³ «История КПСС». М., 1962, стр. 369.

нального мира и подлинно нерушимой дружбы между ними, нужны были время и большая кропотливая организационно-воспитательная работа.

Речь, следовательно, шла о социалистическом переустройстве края, где еще сохранились докапиталистические отношения, где не было промышленных центров, где рабочий класс был малочисленным и политически незрелым, где сохранялись межнациональная рознь и недоверие. Все это свидетельствует о том, что условия борьбы партийной организации ДАССР за построение социализма, сильно отличались от условий центральной России. В этой борьбе дагестанские коммунисты столкнулись с рядом дополнительных трудностей, без преодоления которых невозможно было социалистическое преобразование республики. К числу таких трудностей следует отнести пережитки полупатриархальных-полуфеодальных отношений в экономике и в быту населения.

Партийные и советские организации республики с первых же дней установления Советской власти решительно взяли курс на размежевание классовых сил и классовых интересов, на освобождение трудящихся дагестанского аула от влияния феодально-клерикальных и капиталистических элементов. Этой задаче была подчинена вся экономическая и политическая деятельность партийных и советских организаций республики в тот период. Это и понятно. Успех борьбы за ликвидацию пережитков патриархально-феодальных отношений всецело зависел от классового самосознания и организованности аульной бедноты. Вместе с тем опыт первых лет показал слабую организованность трудящихся Дагестана. В округах время от времени проводились конференции и съезды бедноты, на которых руководящие партийные и советские работники выступали с отчетами и докладами о деятельности правительства республики, с разъяснением задач, стоящих перед трудящимися горцами; в аулах также проводились подобные собрания и совещания. Эти мероприятия способствовали подъему творческой инициативы масс, сыграли исключительно большую роль в политическом воспитании трудящихся. Однако такого рода конференции, съезды, собрания и совещания собирались время от времени, от случая к случаю и часто носили кампанейский характер. Вопрос о методах руководства и формах организации аульной бедноты в тот период

был одним из наиболее животрепещущих вопросов деятельности партийной организации республики. По этому вопросу существовали различные мнения и суждения. Наиболее распространенным среди руководителей партийной организации было мнение о необходимости создания в дагестанском ауле специальной бедняцкой организации — союза бедноты под названием «Дагустан-Мискин-Халк» — («Бедный люд Дагестана»). В начале 1925 г. областной комитет партии поставил вопрос о создании такой организации перед ЦК ВКП(б). В обоснование своего предложения обком ссылался на опыт деятельности бедняцких организаций Украины — «Комназемов» («комитеты незаможных селян») и Союза «Кошчи» в Средней Азии.

В мае 1925 г. ЦК партии направил для обследования деятельности Дагестанского областного комитета партии своего инструктора Ш. Н. Ибрагимова.

В первых числах июня 1925 г. результаты этого обследования и доклад секретаря Обкома М. Далгата заслушаны были в ЦК. После всестороннего рассмотрения итогов деятельности Дагестанского обкома ВКП(б), Секретариат ЦК партии призвал Обком партии воздержаться от принятия решений по вопросу о создании специальных бедняцких организаций типа «комназемов» и «кошчи». Дело в том, что «Комназемы» на Украине и «Кошчи» в Средней Азии возникли в определенной исторической обстановке, в ходе гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда местные советские и партийные организации были еще слабы, и беднота в борьбе против внутренней и внешней контрреволюции, в борьбе против помещиков, кулаков, баев и духовенства нуждалась в твердой организации, стоящей на страже их интересов. В этих условиях «комназемы» и «кошчи» явились надежной опорой Коммунистической партии в борьбе за упрочение Советской власти, за укрепление союза рабочих и крестьян. Они сыграли огромную роль в ликвидации кулацкого саботажа и вовлечении трудящихся в строительство Советского государства.

После окончания гражданской войны и победы Советской власти «комназемы» и «кошчи» были освобождены от ряда государственно-административных функций и реорганизованы в добровольные общественные организации трудящихся деревни. И в этом качестве они

оказывали большую помощь бедноте и середнякам в деле подготовки их к социалистическому переустройству сельского хозяйства. В то же время в деятельности «комназемов» и «кошчи» были и крупные недостатки. Нередко в своей деятельности они делали попытки подменить сельские советы, кресткомы и кооперативные объединения, противопоставить себя деревенским партийным организациям.

Создание специальной бедняцкой организации в дагестанском ауле в совершенно иной период, когда партия требовала от местных партийных организаций прочно опираться на середняков, не могло не сказаться и на союзе бедноты с середняцкими массами аула. Поэтому, исходя из конкретной исторической обстановки, ЦК партии не поддержал инициативы Дагестанского обкома о создании в ауле специальной бедняцкой организации «Дагустан-Мискин-Халк». 5 июня 1925 г. секретариат ЦК ВКП(б) обратился к коммунистам Дагестана со специальным письмом.

«Одним из основных недочетов Вашей организации,— читаем мы в письме,— является недостаточное внимание к работе в аулах, медленное усвоение политики партии в деревне, а также неполное применение ее к национальным условиям Дагестана.

Необходим более решительный поворот всей Вашей организации лицом к деревне (аулу)»⁴.

ЦК ВКП(б) призвал обком к укреплению связи и усилению руководства местными партийными организациями «путем созыва совещаний и более частого выезда членов обкома и инструкторов на места»⁵. ЦК предложил обкому партии повернуться «лицом к аулу» и развернуть работу среди бедноты и середняков путем систематического проведения бедняцко-середняцких собраний, организации систематических отчетов местных органов Советской власти перед аульным активом и т. д.

Вопрос о методах руководства и формах организации деревенской бедноты в этот период имел исключительно большое значение не только для Дагестана, но и для всей страны. Этот вопрос был предметом

---

⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, сп. 7, д. 1, л. 54.

⁵ Там же.

всестороннего обсуждения на октябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) 1925 г. Пленум поручил Политбюро ЦК ВКП(б) обсудить вопрос о работе бедняцких организаций национальных восточных окраин и вместе с тем постановил «...проводить особые собрания бедноты, приступить к организации в селах, волостях и районах групп бедняков (с непременно́м втягиванием в них батраков)»⁶. Пленум особо подчеркнул, что вся деятельность собраний и групп бедноты должна проходить совместно с середняками.

Письмо ЦК и постановление октябрьского Пленума ЦК ВКП(б) имели для коммунистов Дагестана огромное значение. Исходя из указаний Центрального Комитета партии, Дагестанский обком ВКП(б) принял меры для оживления работы в ауле. Члены обкома, Дагестанского ЦИК и СНК ДАССР на три месяца были командированы на места. Многие опытные партийные и советские работники были посланы на постоянную работу в аулы и округа. Стало практиковаться регулярное обследование местных партийных и советских организаций инструкторами и членами бюро обкома, а также широкое обсуждение итогов проверки на активе местных партийных и советских работников совместно с представителями бедноты и середняков.

Особенно оживилась работа в связи с предстоящими перевыборами местных Советов в 1926 г. В январе 1926 г. повсеместно были проведены расширенные участковые пленумы исполкомов с участием председателей сельских Советов и кресткомов. Пленумы прошли под лозунгом «Месяц отчета Окрвластей». Во всех аулах были проведены собрания батраков, бедняков и середняков. На этих собраниях обсуждались три вопроса: о работе сельсовета; о предстоящих перевыборах; о союзе батраков, бедняков и середняков и о кандидатах в члены будущего Совета. В некоторых округах были проведены беспартийные конференции бедноты и середняков.

Меры, принятые партийной организацией республики по оживлению работы в ауле, способствовали подъему классового самосознания бедноты и середняков. Вот что сообщал в своей докладной записке в обком от

⁶ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 182.

4 марта 1926 г. секретарь Кюринского окружного комитета партии о результатах предвыборной деятельности окружной партийной организации: «...Эта работа принесла большой плюс тем, что сельские активисты вошли в курс работы, ознакомились с задачами предстоящих выборов и с задачами „Нового курса в деревне“ и, в частности, с вопросами о необходимой организованности союза батраков-бедняков-середняков против кулацкого союза»⁷.

И все же работа среди деревенской бедноты была поставлена слабо и страдала рядом серьезных недостатков. Несмотря на постановление октябрьского Пленума ЦК ВКП(б), областной комитет партии все еще проявлял колебания в выработке методов и организационных форм работы среди деревенской бедноты.

В начале 1927 г. ЦК партии вновь подверг обследованию деятельность Дагестанского Обкома КПСС, а 16 марта 1927 г. Секретариат ЦК принял новое постановление. В этом постановлении были отмечены достижения в области хозяйственного и культурного строительства в Дагестане, «значительный рост промышленности, помощь сельскому хозяйству, проведение новых дорог, увеличение сети школ и больниц, заметный подъем активности дагестанского крестьянства и т. д.»⁸ Вместе с тем ЦК указал, что «Директивы ЦК (письмо Дагкому от 5 июня 1925 г.) в основном проводятся крайне медленно и недостаточно решительно..., по-прежнему недостаточно уделено внимания работе в ауле»⁹.

Коренной перелом в работе среди деревенской бедноты наметился лишь после пленума Дагестанского обкома ВКП(б), проходившего 24—28 июня 1927 г. В центре внимания пленума были вопросы о работе среди деревенской бедноты и о задачах парторганизации в предстоящих выборах. В резолюции по докладу секретаря обкома М. Далгата о работе среди деревенской бедноты пленум отметил общий культурный и хозяйственный рост деревни, рост политической активности всех социальных слоев аула. Пленум указал на

⁷ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 79, л. 22.

⁸ «Звезда», 1927, № 1, стр. 9.

⁹ Там же.

необходимость овладеть этой активностью и направить ее в советское русло.

«Вся наша деревенская политика...,—говорилось в резолюции пленума,—...имеет своей задачей, под руководством партии укрепление союза пролетариата и беднейших крестьян со средним крестьянством и высвобождение середняков из-под влияния кулачества. Борьба за среднее крестьянство—одна из основных политических задач, стоящих за последние годы перед нашими деревенскими парторганизациями»¹⁰. Пленум указал, что сделать это «возможно и легко с помощью деревенской бедноты». Но беднота в деревне была раздроблена, распылена. Основным препятствием, тормозившим работу среди дагестанской бедноты, как отмечал пленум, «была неясность организационной формы работы среди бедноты в условиях Дагестана»¹¹.

Исходя из этого, пленум указал, что «...основной вопрос, стоящий сейчас перед Дагестанской организацией в работе с беднотой,—это организационный вопрос». В качестве основной формы работы в ауле были выдвинуты собрания и группы бедноты. Пленум признал, кроме того, нецелесообразным создание специальной централизованной бедняцкой организации наподобие «комназемов» или «кошчи».

Для успешной работы среди бедноты пленум предложил всем местным партийным организациям «с самого же начала учесть опыт российских и других губерний»¹², проводить эту работу систематически, избегая кампанейского характера.

После июньского пленума обкома партии местные партийные организации активно приступили к развертыванию работы среди бедноты путем организации бедняцких групп и собраний. В Ачикулакском, Кайтаго-Табасаранском, Буйнакском, Дербентском, Кизлярском, Лакском и других округах были организованы десятки бедняцких групп¹³. В течение июля—сентября 1927 г. только в Аварском, Гунибском, Самурском округах и Тляратинском районе было проведено 214 бедняцких

¹⁰ Там же, № 2 (4), стр. 22.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ «Красный Дагестан», 5 июля 1928 г.

собраний. В их работе приняли участие более 8500 представителей бедноты и середняков¹⁴. Собрания проходили под руководством коммунистов и при небывалой активности бедняцко-середняцких масс крестьянства. Попытки феодально-клерикальных элементов и кулачества сохранить свое влияние кончились полным провалом. Ярким свидетельством этого были итоги перевыборов местных Советов в 1926—1927 гг. Если в 1924 г. в перевыборах местных Советов участвовало всего 30,3% всех избирателей¹⁵, то в 1926 г.—50%, а в 1927 г.—61,3% всех избирателей¹⁶.

Выборы происходили в ожесточенной классовой борьбе. Эта была борьба между рабочим классом, с одной стороны, и феодально-клерикальными и кулацкими элементами, с другой, за овладение основной массой крестьянства. От того, на чью сторону станут крестьянские массы, зависело и социалистическое строительство в ауле.

Выборы явились ярким свидетельством роста влияния партии на широкие массы дагестанского крестьянства. Роль духовенства и кулаков была сведена на нет. Подавляющее большинство избранных (96,7%) составляли освобожденные от сельхозналога бедняки (65,3%) и маломощные середняки (31,4%). Удельный вес коммунистов и комсомольцев в Советах в 1926 г. составил 9,6%, а в 1927 г.—14,6%¹⁷. На предвыборных собраниях и сходах бедняки и середняки повсеместно требовали изъятия вакуфных и других земель нетрудовых элементов.

Подводя итоги отчетно-выборным кампаниям 1926—1927 гг., бюро обкома партии справедливо отметило, что «бедняцкая масса в основном была готова к осуществлению задач, стоящих перед партией по работе в деревне»¹⁸.

Февральский (1927 г.) Пленум ЦК ВКП(б) в своих решениях записал, что «Выборы в Советы — это основная и общая проверка со стороны миллионных масс

---

¹⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, д. 219, л. 183.

¹⁵ Там же, л. 30.

¹⁶ «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов». Махачкала, 1929, стр. 6.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ЦПА ИМЛ при КЦ КПСС, ф. 17, оп. 21, д. 965, л. 3.

беспартийных рабочих и крестьян всей работы Советской власти и нашей партии»¹⁹. В условиях Дагестана эта проверка показала, что крестьянство республики решительно поддерживает политику Коммунистической партии и Советского государства. Выборы 1926—1927 гг. свидетельствовали о том, что трудящиеся горцы в значительной мере освободились от влияния феодально-клерикальных элементов.

Опираясь на возросшее классовое самосознание и поддержку широких слоев бедноты и середняков, на размежевание классовых сил и классовых интересов, партийная организация республики приняла решительные меры, направленные на ликвидацию патриархально-феодальных элементов и завершение аграрной революции, начатой еще в результате победы Октябрьской революции. 23 февраля 1927 г. ЦИК и СНК ДАССР приняли постановление об изъятии вакуфного имущества²⁰. Согласно этому постановлению, изъятие вакуфного имущества должно было быть завершено к октябрю 1928 г.

В целях еще большей активизации бедноты в борьбе с феодально-клерикальными элементами конфискацию вакуфного имущества было поручено провести органам бедняцко-середняцким масс—кресткомам (комитетам крестьянской взаимопомощи). Это вызвало новую волну политической активности трудящихся масс аула. Беднота выявляла вакуфные земли и передавала их безземельным и малоземельным крестьянам. Особенно успешно разворачивалось изъятие вакуфов там, где местные партийные организации сумели возглавить инициативу бедноты и середняков. Так обстояло дело, например, в Буйнакском округе. Окружной комитет партии сразу же по опубликовании постановления правительства республики командировал во все аулы своих уполномоченных. Последние провели собрания местных партийных ячеек, на которые были приглашены представители бедноты и середняков, и умело организовали работу по изъятию вакуфов. В результате, уже к лету того же года конфискация мечетского имущества в округе находилась на стадии завершения. В руки кресткомов

¹⁹ «КПСС в резолюциях...», ч. II, 1954, стр. 355.

²⁰ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 164 л. 109.

было передано 870 дес. пашни, 363 дес. сенокосов, 5096 пудов пшеницы, 5485 руб. деньгами, два дома, 5 медресе и много другого имущества²¹.

Всего по республике к концу 1928 г. было изъято у мечетей 6958 дес. земли, 88 домов, 5 медресе, 42 мельницы и другое имущество на сумму 212 702 руб.²² Все это поступило в распоряжение кресткомов. В результате резко окрепла материальная база кресткомов, усилилась помощь, оказываемая ими бедноте. Вот некоторые данные, свидетельствующие об этом. На 1 октября 1926 г. денежные фонды кресткомов составляли 60 тыс. руб., а на 1 октября 1927 г. — 342 тыс. руб., т. е. выросли почти в шесть раз²³. Такое увеличение денежных фондов позволило им резко усилить материальную и производственную помощь бедноте. О росте такой помощи свидетельствуют следующие факты. Если в 1926 г. в кресткомах было 26 машин и тракторов, которые использовались для обработки земли бедноты, то в 1928 г. их число было доведено до 141. В несколько раз выросла и денежная помощь²⁴. Особенно ощутимую роль в подъеме экономики маломощных слоев крестьян сыграла передача кресткомами в руки бедноты бывшей мечетской земли. Вот что говорится по этому поводу в записке Дагестанского ЦК кресткомов в ЦИК ДАССР: «...С изъятием вакуфов материальное положение бедноты заметно улучшилось, ибо 5500 дес. вакуфной земли, переданной непосредственно в пользование бедноты, в наших дагестанских условиях, где горец, имея 0,5 десятины пахотной земли уже считается обеспеченным, составляют колоссальные средства, следовательно, помощь передачею земли оказана очень значительная, не говоря уже о том, что [кресткомы], увеличив свои фонды, усилили и помощь бедноте на обработку этих земель»²⁵. И далее записка заключает: «...Изъятие вакуфов дало большой эффект в улучшении положения бедноты Дагестана и их общественной организации — [кресткомов]»²⁶.

²¹ «Звезда», 1927, № 6 (8), стр. 45.

²² Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 164, л. 109.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

Однако в ряде мест вследствие слабой организаторской и политической деятельности партийных и советских организаций феодально-клерикальные элементы сумели сохранить влияние на обширные слои крестьянства и использовать это влияние в своих целях. В таких местах изъятие вакуфов по существу было сорвано. Так обстояло дело, например, в Даргинском округе²⁷. Поэтому к сроку, установленному постановлением ЦИК и СНК ДАССР, изъятие вакуфов в целом по Дагестану не было завершено.

Одновременно с изъятием вакуфов были также приняты меры и к выселению оставшихся еще помещиков, по изъятию у них земли и имущества. На этом вопросе следует остановиться более подробно. Дело обычно представляется таким образом, будто Декрет о земле одним ударом положил конец и помещикам и помещицкому землевладению, будто этот вопрос больше не вставал перед Советским государством. В советской исторической науке почему-то принято концентрировать все внимание именно на этой стороне вопроса. В действительности дело было сложнее. Если под помещиками разуметь крупных земельных магнатов, оно, конечно, так и было. Однако, кроме них, оставалась значительная прослойка других категорий помещиков. В. И. Ленин и Коммунистическая партия решали социальные вопросы с величайшей осторожностью, с учетом конкретных исторических условий. В параграфе о кооперации уже отмечалось, как В. И. Ленин отнесся к вопросу о приеме помещика в товарищество. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в каждом отдельном случае вопрос надо решать индивидуально, исходя из того, каков сам человек, что он может дать обществу. Говоря об уничтожении, о ликвидации эксплуататорского класса, В. И. Ленин, Коммунистическая партия всегда имели в виду его ликвидацию лишь как социальной категории, живущей за счет чужого труда, но не как физическое истребление. Больше того, В. И. Ленин считал, что многие помещики имеют навыки, опыт в организации крупного хозяйства и наш долг — использовать этот опыт. Коммунистическая партия и Советское государство решали эти вопросы, исходя из ленинских

---

²⁷ «Красный Дагестан», 18 февраля 1927 г.

указаний. Чтобы удостовериться в этом, достаточно вспомнить, как, объявив помещичьи земли всенародным достоянием, Декрет о земле не исключил для помещиков возможности заниматься земледелием. Закон о земле представлял помещику, не принимавшему активного участия в контрреволюционной борьбе против Советской власти, право на надел земли по трудовой норме при условии ведения хозяйства без применения наемного труда и без сдачи земли в аренду.

Как свидетельствуют документы, многие бывшие помещики воспользовались этим правом и получили свой надел. Больше того, многие хозяйства помещиков были сохранены как образцово-показательные, и с первых же дней своего существования Советское государство взяло их под свою защиту. Однако опыт показал, что большинство помещиков, используя трудности гражданской войны и послевоенной разрухи, систематически занималось антисоветской, контрреволюционной деятельностью. В обход советских законов, путем всевозможных злоупотреблений, многие помещики получили участки значительно большие, чем им было положено по трудовой норме, и стали эксплуатировать крестьян путем установления кабальных отношений. Все это вызвало естественное возмущение широких слоев трудового крестьянства. Поэтому 20 марта 1925 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской социалистической революции хозяйствах»²⁸. Необходимость принятия такой меры в постановлении объяснялась следующим образом: «...Как показал семилетний опыт, бывшие помещики, оставленные на принадлежащей им ранее земле, не только не ведут культурного хозяйства, но в большинстве случаев разрушают доверенное им имущество. Под видом ведения культурного хозяйства, под видом организации сельскохозяйственных артелей и коммун бывшие помещики эксплуатируют крестьян, применяя наемный труд и устанавливая с окрестным населением кабальные отношения. Значительная часть бывших помещиков получила землю путем обхода законов и путем злоупотреблений.

²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 573р, оп. 5, д. 13, л. 17.

В то же время эта категория землепользователей оказалась непримиримо враждебной по отношению к рабоче-крестьянской власти. Значительная часть бывших помещиков стала принимать активное участие в контрреволюционном движении и в продолжение 7 лет ведет в деревне явную и скрытую контрреволюционную агитацию против мероприятий Советской власти, а равно поддерживает и использует пережитки старого режима — покорность и страх перед помещиками наиболее отсталых крестьян. Все это вызывает в широких слоях трудового крестьянства естественное возмущение»²⁹. Исходя из всего этого, ЦИК и СНК СССР постановили лишить бывших помещиков права на землепользование и проживание в хозяйствах, принадлежавших им до издания Декрета о земле. Выселение должно было быть завершено к 1 января 1926 г. Это постановление не распространялось лишь на лиц, боровшихся за Советскую власть и имевших особые заслуги³⁰.

Основной целью постановления Советского правительства было лишение бывших помещиков экономической базы, опираясь на которую они закабалили деревенскую бедноту, ослабление их политического влияния на крестьянские массы и, тем самым, дальнейшее ограничение и вытеснение частного сектора в сельском хозяйстве. Особенно большое значение имело указанное постановление для таких национальных республик, как Дагестан, где, в силу отсталости населения, аграрная революция не была завершена и помещики сохранили значительные земельные площади и пользовались влиянием среди населения. Поэтому представляется целесообразным остановиться на истории разрешения этого вопроса в Дагестане более подробно.

В течение пяти дней после принятия Советским правительством указанного постановления в Дагестане была создана комиссия по выселению помещиков. Председателем комиссии был назначен Тымчук, членами — Кириллов и Успенский. 25 марта 1925 г. комиссия приступила к исполнению своих обязанностей и подготовила материалы на выселение 196 помещиков. Однако работу свою она не довела до конца и была расформи-

---

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

рована. В начале 1926 г. была создана новая комиссия в составе Ахундова (председатель), Атаева и Мамедбекова. В марте 1926 г. она приступила к работе. Из учтенных помещиков комиссия сочла необходимым выселить 108 человек. Однако к работе комиссия приступить не успела из-за выезда Ахундова и Атаева за пределы республики. К середине 1927 г. была создана третья комиссия под председательством Коркмасова. В ее состав вошли Х. Магомедов, Тагиев, Алексеенко, Хорунжик. Комиссия в этом составе приступила к работе 20 июля 1927 г. Таким образом прошло более двух лет, прежде чем удалось приступить к выселению помещиков. Причиной этого были не только трудности организационного характера. В распоряжении исследователя имеется много документов, свидетельствующих о том, что сохранение помещиков и их земельладения вызывало недовольство бедняцких слоев населения. Об этом сообщает, в частности, газета «Красный Дагестан» от 24 июня 1925 г.³¹ Немало материалов по этому вопросу хранится и в Центральном государственном архиве ДАССР³². Не раз этот вопрос ставился на пленумах и конференциях партийной организации республики. На июньском пленуме Дагестанского обкома ВКП(б) в 1925 г., например, отмечалось, что «вопрос о помещиках стоит давно, а выселить их не можем: делают ссылки на то, что они засеяли хлеб, [что] необходимо дать им возможность снять данный урожай и т. д. А вслед за этим они приступают к новому севу и опять остаются, а в крестьянской бедноте растет по этому поводу недовольство»³³. Все это свидетельствует о том, что и трудящиеся массы и партийно-советские организации требовали высылки бывших помещиков и сами давно были готовы к этому.

Однако оппортунистически настроенные и классово чуждые элементы, засевшие в земельных органах, всячески тормозили работу по выявлению помещиков. Кроме того, сказалось недопонимание социально-экономических процессов, происходивших в дагестанском ауле того периода, некоторыми руководящими работниками, которые, вопреки фактам, выступали с утвержде-

³¹ «Красный Дагестан», 24 июня 1925 г.

³² ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 6.

³³ «Красный Дагестан», 24 июня 1925 г.

ниями будто бы в Дагестане «помещиков не было или почти не было».

Но, как бы там ни было, ясно одно, что с осуществлением постановления ЦИК и СНК СССР о выселении бывших помещиков в республике сильно затянули. ЦИК и СНК ДАССР опубликовали постановление по этому вопросу лишь 14 апреля 1927 г., т. е. спустя два с лишним года после решения союзного правительства, а республиканская комиссия приступила к работе еще позднее — 20 июля 1927 г.

Комиссия взяла на учет 204 хозяйства бывших помещиков и крупных земельных собственников. Однако закон 14 июля коснулся лишь 116 из них. По решению ВЦИК 58 из них были подвергнуты высылке. 51 помещик был оставлен на месте с сохранением имущества, необходимого для ведения трудового хозяйства, а семь дворов вообще не были затронуты³⁴. Этот факт еще раз свидетельствует о величайшей терпимости и гуманности Советского государства. Всероссийский Центральный Исполнительный комитет распорядился выслать лишь 58 наиболее крупных помещиков, активно участвовавших в борьбе против Советской власти и продолжавших свою контрреволюционную деятельность, причем и они были оставлены внутри республики, а остальные помещики из числа 204, учтенных комиссией, вообще остались на своих местах и сохранили собственность, необходимую для ведения трудового хозяйства.

В ходе проведения этого постановления в жизнь у помещиков было изъято 38 915 га³⁵ земли, до 40 тыс. голов скота, сельскохозяйственный инвентарь, зерно, фураж, шерсть, жилые и сельскохозяйственные постройки и другое имущество³⁶. О том, в чье распоряжение поступило это имущество, можно судить по следующим данным. Из 26 857 тонкорунных овец, изъятых у помещиков, были переданы товариществам 58%, акционерному обществу «Овцевод» — 34,2%, Наркомзему — 3,9%, Дагкентбирлиги — 3,9%.

Из 9888 грубошерстных овец 69,8% также поступило в распоряжение товариществ, 29,4% овец было

³⁴ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 11.

³⁵ ЦГА ДАССР, ф. 127р, оп. 17, д. 204, л. 6.

³⁶ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 12.

продано с торгов, остальные были переданы Наркомзему. Такому же распределению подвергся крупный рогатый и рабочий скот: товариществом было передано 51% рогатого скота и 75,5% волов³⁷. В основном в их распоряжение были переданы также земли и сельскохозяйственный инвентарь. По указанию Центральной комиссии, 25% конфискованного у помещиков имущества поступило в распоряжение бедноты в качестве безвозвратной ссуды³⁸.

Таким образом, конфискованная у помещиков собственность перешла в распоряжение всевозможных товариществ и бедноты и была использована для укрепления общественного сектора в сельском хозяйстве и подъема материального уровня трудящихся крестьян.

Вместе с тем надо сказать и о трудностях, которые пришлось преодолеть в ходе подготовки и осуществления этого акта, имеющего столь большое значение для дальнейших судеб дагестанского аула. О некоторых из них уже говорилось — это трудности организационного характера. Однако и после их преодоления было немало других, более серьезных трудностей, которые в конечном итоге не могли не наложить отпечатка на осуществляемом акте. Прежде всего следует отметить, что выселение помещиков носило административный характер, без должной поддержки снизу. Трудящиеся слои крестьян, как уже отмечалось, уже в 1925 г. потребовали конфискации помещичьей собственности и высылки помещиков. Этот вопрос не раз обсуждался и партийной организацией. Однако при реализации постановления от 14 апреля 1927 г. комиссия не сделала почти ничего, чтобы активизировать трудящиеся слои аула. Выселение помещиков осуществляли не бедняцко-средняцкие организации, как это было сделано при ликвидации вакуфов, а специально созданные из руководящих работников округов комиссии. Ссылаясь на итоги проверки партийной комиссией выполнения постановления от 14 июля, газета «Красный Дагестан» в подборке материалов под общим заголовком «Учсть уроки Наркомзема» писала по этому поводу: «...Выселение по-

---

³⁷ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 12.

³⁸ Там же, л. 13.

мещиков... проводилось кабинетным порядком помимо участия бедняцко-середняцких масс»³⁹.

Кроме того, наблюдалась также несогласованность в работе местных комиссий с деятельностью Центральной комиссии. В той же подборке отмечалось, что Наркомзем «... не дал округам указаний, кого следует подводить под категорию подлежащих выселению»⁴⁰.

Вот несколько примеров. Кизлярская окружная комиссия предоставила материалы на выселение 21 помещика, однако Центральная комиссия не удовлетворила ее ходатайства, ссылаясь на то, что высылке подвергаются лишь помещики — потомственные дворяне. Между тем в списке, предложенном кизлярской комиссией, были такие лица, которые в свое время имели свыше 500 дес. земли, до 70 голов рогатого скота, до 6—7 тыс. овец и свыше тридцати наемных рабочих⁴¹. К тому же комиссия установила, что все эти лица активно участвовали в контрреволюционном движении. Из селения Рутул, несмотря на настояния Самурского Окружного Комитета ВКП(б), не были выселены бывшие беки. Вот характерный случай, о котором сообщалось тогда в печати. Дербентский окружной исполнительный комитет собрал материалы и послал их с просьбой выселить из округа бывшего князя Абдурахмана Алиева. В материалах были документы, которые свидетельствовали о том, что Алиев по-прежнему эксплуатирует бедноту, избивает своих батраков. Центральная комиссия отказалась выселить Алиева только на том основании, что он является отцом заместителя Наркома здравоохранения. После настойчивых требований окружного комитета ВКП(б) и окружного исполкома Алиева все же удалили из его имения. Но и после этого в Наркомземе нашелся работник, который послал в Дербентский окружной комитет партии отношение с требованием оставить Алиева на месте и даже надеть его землей⁴².

Комиссия проявила непоследовательность и при реализации конфискованного у помещиков имущества. Хотя значительная часть земли, скота, сельскохозяйст-

³⁹ «Красный Дагестан», 31 октября 1929 г.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 75.

⁴² «Красный Дагестан», 3 июля 1928 г.

венного инвентаря и поступила в распоряжение кооперативных объединений и беднячко-средняцких масс, другая, меньшая часть, поступила в распродажу с торгов (до 30% конфискованного у помещиков имущества). Чтобы стало понятным, кому это попало, укажем, что в торгах участвовали прежде всего не батраки и бедняки, и даже не середняки, а кулаки, имевшие для этого необходимые средства. В их-то руки и попала значительная доля этого имущества. Кстати, об этом говорилось и в материалах проверки, о которых мы уже упоминали ⁴³.

По этим причинам завершить ликвидацию бывших помещиков и их землевладения в установленные сроки не удалось. В своих имениях осталось 95 крупных собственников и арендаторов, которые владели 36,5 тыс. га земли (по 384,4 га в среднем на владельца) ⁴⁴. Специальная комиссия комакадемии в составе Ларина (председатель), Зелкиной и Шаймарданова в своей записке в ЦК ВКП(б) сообщала, что «даже после проведения этой операции (т. е. выселения.— О. Г.), значительная часть помещиков все же осталась и даже сохранила дореволюционные размеры хозяйства. Так, в предгорном Кюринском округе, в селении Кандик не был выселен помещик Хан-Магомедов, имевший 44 дес. пашни, 22 дес. сенокоса, 1800 дес. пастбищ, 50 лошадей, 25 коров, 8 рабочих быков, 8 буйволов, 8 буйволиц и 1500 овец. В том же округе помещик Риза Арджанов сохранил в своем распоряжении 70 дес. пашни, 70 дес. сенокоса, 80 лошадей, 80 коров, 1500 овец, 12 буйволов и буйволиц. В Табасаранском округе была оставлена земля у помещиков, имеющих по 50—70 дес. пашни и по 100—150 дес. сенокоса» ⁴⁵. Между тем в Кюринском и Табасаранском округах средний надел двора составлял 2,52 га пашни и сенокоса ⁴⁶.

В записке приводится и ряд других фактов, причем отдельные из них свидетельствуют о том, что некоторые помещики даже увеличили свою собственность по сравнению с той, что была у них до революции ⁴⁷.

⁴³ «Красный Дагестан», 31 октября 1929 г.

⁴⁴ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 49, д. 33, л. 4.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, л. 4, 5.

⁴⁷ Там же.

Несмотря на отмеченные недостатки, принятые меры имели исключительно большое значение в дальнейшем экономическом росте бедняцко-средняцких слоев аула и основательно подорвали материальную базу патриархально-феодалных элементов общества. Достаточно указать, что в ходе проведения этих мер у феодально-клерикальных элементов было изъято и передано трудящимся слоям до 50 тыс. гектаров плодороднейшей земли и всевозможного имущества на 1,5 млн. руб. В докладной записке по итогам выселения помещиков сообщалось, что «... в результате этого крестьянство... получило в пользование новые участки земли, бывшие в собственности помещиков. Все изъятое имущество... было реализовано согласно инструкции Совнаркома в целях поддержания общественных организаций и бедняцкого слоя деревни...»⁴⁸.

Наиболее полным и последовательным социально-экономическим мероприятием, направленным на коренное изменение форм хозяйства и быта в дагестанском ауле, была земельно-водная реформа. История подготовки и осуществления этой реформы исключительно интересна и поучительна. На ее примере можно убедительно показать, каким тернистым был путь, по которому шли народы Дагестана, сколько преград пришлось им преодолеть, чтобы добиться осуществления поставленной цели. Несмотря на это, вопрос о земельно-водной реформе, ее история до сих пор не привлекли должного внимания исследователей. Между тем изучение опыта осуществления этой реформы в конкретных условиях Дагестана может помочь другим народам избежать тех ошибок, которые были допущены, свести к минимуму неизбежные при этом политические издержки и намного ускорить движение общества вперед, к поставленной цели.

Впервые вопрос о земельной реформе в условиях Дагестана был поставлен на февральском пленуме областного комитета партии в 1926 г. Тогда в резолюции по этому вопросу было отмечено, что осуществление земельной реформы диктуется необходимостью провести землеустройство и пастбищеустройство. Пленум указал, что при осуществлении землеустроительных

---

⁴⁸ ЦГА ДАССР, ф. 800, оп. 1, д. 2, л. 161.

работ необходимо строго придерживаться классового принципа — наделять лучшей и удобной землей по трудовой норме прежде всего безземельные, малоземельные, бедняцкие и середняцкие дворы, поощряя при этом кооперативные формы землепользования⁴⁹. Второй задачей, которая ставилась пленумом в связи с земельной реформой, была ликвидация аграрной перенаселенности гор путем переселения части населения с гор на равнину. По этому вопросу в резолюции пленума было записано: «В виду острого малоземелья в нагорных округах ДАССР... и в целях наделения землей безземельных крестьян Дагестана, признать необходимым переселение»⁵⁰.

Однако по мнению пленума фонд свободных земель в Дагестане для наделения малоземельных горцев был недостаточен. Поэтому пленум признал необходимым «закрыть границу ДАССР для переселенцев из других республик» и «расширить территорию ДАССР путем присоединения земель из госфонда соседних административных образований»⁵¹.

В марте 1927 г. областная партийная организация на своей очередной VIII конференции вновь указала на необходимость «принять меры к ускорению проведения земельной реформы в Дагестане»⁵². Конференция призвала обратить особое внимание на развитие коллективных форм землепользования — колхозов, трудовых артелей, совхозов, оказывая им достаточную материальную помощь⁵³.

Такие образом, и февральский пленум 1926 г., и VIII областная партийная конференция связывали с земельной реформой две конкретные задачи: во-первых, ликвидацию аграрной перенаселенности гор путем переселения части населения на равнину, во-вторых, развитие коллективных форм землепользования — колхозов, всевозможных товариществ, совхозов и др.

Практически вопрос о земельной реформе был решен на VI Вседагестанском съезде Советов, который собрался через три дня после окончания работы VIII областной

⁴⁹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 7, д. 1, л. 68.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же, оп. 8, д. 43, л. 1.

⁵³ Там же.

партийной конференции. Первоначально в повестке дня предстоящего съезда вопрос о реформе не стоял. Но в связи с тем, что VIII областная партийная конференция уделила этому вопросу много внимания и, к тому же уже в течение более года шла подготовка к нему, было решено включить вопрос о земельной реформе в повестку дня съезда. Это было сделано 24 марта 1927 г., лишь за четыре дня до открытия съезда, когда большинство делегатов уже прибыло в столицу республики. По этой причине делегаты съезда не имели возможности соответствующим образом подготовиться к обсуждению этого важнейшего вопроса. Тем не менее, съезд обсудил вопрос о земельной реформе и принял по нему соответствующее решение. В постановлении съезда отмечалась необходимость «принять самые экстренные меры к немедленному проведению намеченной Правительством земельной реформы»⁵⁴, ибо, во-первых, «сельское хозяйство Дагестана в своей известной части еще является натуральным, настолько малопродуктивным, что, выделяя для товарного рынка, оно не в состоянии удовлетворить даже самых ограниченных потребностей горского крестьянства»⁵⁵; во-вторых, «земельный голод в горах и вызываемая им безработица среди горского крестьянства, которую не могут ослабить в достаточной степени ни развитие цензовой промышленности, ни отхожие, ни кустарные промысла, держат значительную часть горского крестьянства в состоянии крайней нужды»⁵⁶; и, в-третьих, «нынешнее положение горского крестьянства может быть изменено только ликвидацией земельного голода, путем переселения части горцев на плоскость»⁵⁷.

Одновременно съезд поручил правительству республики «немедленно приступить к отводу дополнительных наделов горским обществам на плоскости», «ускорить землеустройство плоскостного населения»; произвести учет земель и населения горной части республики для выяснения избыточного населения и определения сколько

---

⁵⁴ «Постановления VI Вседагестанского съезда Советов». Махачкала, 1927, стр. 30.

⁵⁵ Там же, стр. 29.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же, стр. 30.

земли потребуется для их устройства на равнине, а также ускорить межселенное землеустройство⁵⁸.

В соответствии с решением VI съезда были разработаны также мероприятия, которые должны были лечь в основу земельной реформы. К числу этих мероприятий относились: переселение шести тыс. хозяйств с гор на равнину, отвод 23 тысячам хозяйств дополнительных наделов на равнине, проведение межселенного землеустройства, организация мелиоративных работ, постройка 31 агропункта и 20 ветеринарных пунктов. Проведение реформы было рассчитано на семь лет — с 1927 по 1934 г. Расходы на ее проведение были определены в сумме 21 млн. рублей⁵⁹. Эти мероприятия под общим названием «План земельной реформы в Дагестане» были одобрены 21 сентября 1927 г. СНК РСФСР.

Таким образом и февральский пленум 1926 г., и VIII областная партийная конференция, и VI Вседагестанский съезд Советов обошли вопрос о завершении аграрной революции. Все внимание было сосредоточено на переселении бедноты с гор на равнину, на присоединении к Дагестану дополнительных площадей за счет территории соседних областей и республик и прекращение переселения из других районов СССР.

Возникает вопрос, почему первоначальный план земельной реформы оказался сведенным к переселению, к предоставлению дополнительных наделов, к межселенному землеустройству, почему он не отразил сложнейшие социально-политические вопросы? Чтобы полнее разобраться в этом вопросе, важно установить, кто был автором этого плана, каковы его место и роль в общественной жизни республики, взгляды на историю ее народов.

Как свидетельствуют документы того периода, в конкретных условиях Дагестана инициатором реформы выступил Н. Самурский, бывший тогда председателем Дагестанского ЦИКа. На 2-й сессии ЦИК ДАССР VI созыва он говорил: «Земельная реформа — это, конечно, не новая и не нами выдуманная идея»⁶⁰.

Отсюда можно понять, что мысль о необходимости

---

⁵⁸ «Постановления VI Вседагестанского съезда Советов». Махачкала, 1927, стр. 30.

⁵⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 49, д. 33, л. 7.

⁶⁰ ЦГА ДАССР, ф. 37 р, оп. 19, д. 115, л. 29.

земельной реформы в Дагестане пришла ему после того, как он узнал, что она осуществляется в Узбекистане и Туркменистане. Н. Самурский запросил из этих республик необходимые материалы и после ознакомления с ними пришел к выводу «... что там земельная реформа заключается в том, чтобы отобрать земли, принадлежащие баям, и передать их беднейшим крестьянам»⁶¹. Причем баев он безоговорочно отождествил с помещиками. «У нас товарищи,— говорил он,— такого положения в Дагестане нет. Баи, которые были, давно изгнаны, а земли у них отняты»⁶². Согласно этим высказываниям выходило, будто аграрный вопрос в Дагестане давно решен и нет нужды возвращаться к нему.

На таких же позициях стоял и М. Ахундов, возглавлявший тогда Наркомат земледелия ДАССР. На той же сессии он говорил: «Под земельно-водной реформой там (в Узбекистане, Туркмении.— О. Г.) подразумевалось отобрание земель у баев и передача их беднякам, а реформа в Дагестане предусматривает лишь наделение за счет свободных земель». В другом своем выступлении М. Ахундов, отмечая, что «... многие горцы испугались предстоящей реформы и объясняют ее так, что-де, у одних горцев будут отбирать землю, а другим давать», заверял, что «... мы не только не будем отбирать у горцев земли, но, наоборот, будем представлять достаточное количество земли малоземельным и безземельным крестьянам нагорных округов за счет избыточных плоскостных земель»⁶³.

Точку зрения Н. Самурского и М. Ахундова разделяли тогда многие видные партийные и советские работники республики. Механически сопоставляя размеры земли, орудия производства в крестьянском хозяйстве Дагестана и центральных районов страны, они видели, что горское крестьянство от такого сравнения проигрывает. При таком сопоставлении дагестанский кулак нередко выглядел значительно маломощнее даже середняка центральной полосы. Однако такое механическое сравнение различных и по историческому прошлому, и по уровню социально-экономического развития и, наконец,

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

⁶³ Там же, л. 4.

по средней вооруженности орудиями и средствами производства районов лишь запутывало вопрос. Пренебрежение конкретной действительностью, анализом всей совокупности общественно-экономических отношений того времени, непонимание социально-экономических процессов, происходящих в дагестанском ауле, преувеличение местных особенностей — все это породило глубоко ошибочную точку зрения, которая наложила заметный отпечаток на практическую деятельность тех лет. Несомненно, здесь сказались и теоретическая слабость, и недостаток опыта сравнительно молодой дагестанской партийной организации. В этом и заключалась главная причина того, что с самого начала идея земельной реформы развивалась вне связи с задачами аграрной революции, без учета необходимости реконструкции сельского хозяйства на новой технической и социальной основе и все дело сводилось к переселению, к дополнительным наделам и межселенному землеустройству. Конечно, сами по себе эти мероприятия для дагестанского аула были крайне необходимы, однако в конкретных условиях того периода они не могли исчерпать всего комплекса аграрных мероприятий.

Как уже отмечалось, в Дагестане подавляющее большинство населения концентрировалось в малоземельной горной части республики, а на равнине пустовали сотни тысяч га плодородной земли. Из-за малочисленности равнинного населения эти угодья не могли быть вовлечены в хозяйственный оборот, в горах же, напротив, из-за острого малоземелья тысячи трудящихся веками влачили жалкое существование. На этой почве в Дагестане издавна шел процесс стихийного переселения отдельных хозяйств с гор на равнину. Как правило, переселялись маломощные дворы. Однако в условиях господства частной собственности многие из них не были в состоянии освоить равнинные земли и поэтому либо гибли, либо возвращались назад, либо попадали в кабалу к равнинному кулаку и помещику.

Возможность для планового, организованного освоения плоскостных земель горцами появилась лишь после победы Октябрьской революции, в результате национализации земли. Достаточно сказать, что если до 1918 г. переселенцами было создано на равнине 23 поселка, то за первые семь лет Советской власти было зарегистри-

ровано 47 таких новых поселений⁶⁴. Однако из-за хозяйственной разрухи Советское государство не располагало первоначально ни финансовыми, ни техническими возможностями, чтобы решительно воздействовать на этот процесс.

Возможности для придания ему планового и организованного характера появились лишь в 1924 г., когда постепенно стала крепнуть экономика республики и стабилизировалась валюта. В новых условиях Советское государство взяло на себя основную заботу по организации и осуществлению переселения. С этой целью на 3-й сессии ДагЦИК в 1924 г. был организован Переселенческий комитет, который в 1925 г. был реорганизован в Переселенческую часть при Управлении землеустройства и государственных земельных имуществ Наркомзема⁶⁵. Через этот орган Советское государство оказывало переселенцам всевозможную помощь. В 1924 г. переселяющемуся двору выдавалась ссуда в сумме 75—125 руб. Через год эта ссуда была увеличена — от 100 до 325 руб., причем 75 руб. из них выдавалось безвозвратно⁶⁶. Таким путем в течение 1924—1927 гг. в 26 поселках было размещено 2056 хозяйств, из которых 1169 были бедняцкими. Им было отведено 45 тыс. га земли⁶⁷.

Однако работа по организации переселения имела и ряд серьезных недостатков. Нередко переселенческие поселки организовывались без учета реальных возможностей водоснабжения и орошения земель, были разбросаны на большой территории, что затрудняло их организованное обслуживание; переселенцы кредитовались и устраивались на новых местах в индивидуальном порядке⁶⁸. Все эти недостатки не могли не вызвать обратного процесса. Из каждых 100 переселившихся дворов в это время назад возвращалось 28. Правда, среди возвращавшихся большинство составляли стихийно переселившиеся лица. Но даже это обстоятельство свидетельствовало, что организация дела переселения оставляла желать лучшего.

Включение проблемы переселения в план земельной реформы в качестве основного пункта объяснялось

⁶⁴ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 17, д. 204, л. 29.

⁶⁵ Там же, л. 30.

⁶⁶ Там же, л. 31.

⁶⁷ Там же, л. 30.

⁶⁸ Там же.

желанием в кратчайший срок положить конец былой материальной нищете и духовной отсталости горца, веками отрезанного от внешнего мира и влачившего жалкое существование. И в докладах, и в плане постоянно подчеркивалась необходимость быстрее переселения бедноты. Однако в конкретной обстановке того периода и при отмеченном методе решения вопроса переселение бедноты объективно могло способствовать и способствовало укреплению феодально-клерикальных элементов общества в горах. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратить внимание на общественный резонанс, который имели решения VI Вседагестанского съезда Советов и его директивы по плану земельной реформы среди различных слоев аула. По свидетельству комиссии Комакадемии, зажиточные слои говорили: «Пускай переселяются бедняки, нам останутся их дома и земли, так как они не имеют права их продать, а мы сами останемся в горах»⁶⁹. Беднота же требовала: «Прежде чем переселять нас на плоскость, заберите у кулака, помещика, крупного овцевода землю и дайте ее нам»⁷⁰. Выдвигая такое требование, беднота исходила из того, что без предоставления ей отобранной у помещиков, кулаков и других крупных собственников земли, без оказания ей необходимой экономической помощи, переселение фактически укрепило бы положение эксплуататорских элементов. Помещики и кулаки же понимали, что переселение революционной части бедноты, которая, естественно, первой откликнулась бы на призыв переселяться, освобождало их от опасности революционной переделки общества и способствовало бы увековечению пережитков средневековья в горах.

Кроме переселения, план земельной реформы намечал и другой путь освоения равнинных земель — путь выделения так называемого «дополнительного надела на плоскости». По первоначальному плану земельной реформы, наряду с единовременным переселением 6 тысяч горских дворов, предполагалось представить на равнине дополнительные наделы еще 23 тысячам хозяйств горцев. Авторы плана предполагали, что дополнительные наделы будут освоены горцами по опыту «казмаляров». Согласно последнему, горские овцеводы со сво-

⁶⁹ ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, ф. 17, оп. 49, л. 33, л. 4.

⁷⁰ Там же.

ими стадами спускались на равнину на зимние пастбища, отстраивались здесь, производили запашки и таким путем постепенно, сначала экономически, связывались с равниной, а затем и вовсе обосновывались на ней.

Однако, если мы вспомним, что свыше 70% горского крестьянства вовсе не имели овец, а 24% дворов имели не более 50 голов, то минимальное участие этих дворов в откочевке станет очевидным. Кстати, Ахундов в докладе на VI Вседагестанском съезде отмечает, что мелкие овцеводы действительно часто бывают в тяжелом положении. «Наши данные говорят о том,— подчеркивал он,— что ниже 100 голов овец иметь невыгодно»⁷¹. И понимая это, он тем не менее предполагал освоить дополнительные наделы. Вот что он говорил несколько позднее, на 2-й сессии ЦИК ДАССР: «...дополнительные наделы на плоскости будут осваиваться горцами... в процессе внутренней дифференциации в соответствии со своими хозяйственными возможностями...»⁷². А освоение «в соответствии со своими хозяйственными возможностями» означало, что эти дополнительные наделы, в конкретных условиях того периода, неизбежно попали бы в руки кулаков, тем более, что VI съезд официально узаконил «предварительный отвод таких наделов и целым группам горских обществ в совместное пользование»⁷³.

И, наконец, о межселенном землеустройстве. VI съезд предписал правительству республики ускорить межселенный передел земли. Однако ограничиться межселенным землеустройством означало увековечить существующие внутриселенные земельные отношения, которые в значительной мере способствовали сохранению патриархально-феодалных пережитков и кулацкой кабалы. Для того, чтобы решительно встряхнуть, а затем и преобразовать патриархальный уклад, веками бытовавший в дагестанском ауле, нужно было наряду с межселенным осуществить и внутриселенное землеустройство. Однако речи о внутриселенном переделе земли в первоначальных установках по земельной реформе не было. При таких обстоятельствах межселенный передел земли, совершенно не затрагивавший к тому же старого уклада жизни

⁷¹ ЦГА ДАССР, ф. 37р., оп. 19, л. 94, л. 324.

⁷² Там же, д. 115, л. 15.

⁷³ «Постановления VI Вседагестанского съезда Советов», стр. 30.

внутри аула, мог быть использован зажиточными слоями для затушевывания внутриаульной классовой борьбы под лозунгом «защиты интересов всего аула». История Дагестана знает немало примеров, свидетельствующих об этом. Напомним хотя бы долголетнюю кровавую борьбу между аулами Соситль и Эчеда из-за пастбищной горы «Эчеда-меер». В этой борьбе погибли десятки соситлинцев и эчединцев, вообще не имевших никакого скота. Ложное представление об «аульной чести» заставило их обнажить кинжалы друг против друга в интересах крупных овцеводов.

Таким образом, и в этом случае в выигрыше оказались бы зажиточные слои общества. Прекрасно понимая это, многие делегаты VI съезда выступили с критикой установок по земельной реформе. Вот что говорил, например, делегат Осман Муртузалиев: «...Мы хотим переселить с гор на плоскость бедняков, а я говорю, что, наоборот, нужно переселить не бедняков, а кулаков, т. к. у бедняков ничего нет, а голыми руками на плоскости ничего не сделаешь. В настоящее время в аулах кулаки имеют громадные земли и сады и пусть эти земли останутся в пользовании бедняков. Кулаков же надо переселить на плоскость»⁷⁴. «...При переселении целесообразно было бы,— говорил другой делегат — Алиев,— переселить сюда (на равнину.— О. Г.) не бедняков, которые не имеют рабочего скота и проч., и которым трудно устраиваться, а более состоятельных людей, которые имеют баранту, рабочий скот»⁷⁵.

Однако, к сожалению, съезд принял ошибочные установки. В этом, конечно, не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что вопрос о земельной реформе был включен в повестку дня съезда без должной подготовки, без предварительного широкого обсуждения.

Как только VI Вседагестанский съезд Советов закончил свою работу, была создана специальная группа, которая на основе директив съезда приступила к разработке конкретного плана земельной реформы. Возглавил эту группу профессор-экономист Макаров. Судя по документам, Макаров участвовал в осуществлении столыпинской реформы, после революции

⁷⁴ ЦГА ДАССР, ф. 37р, оп. 19, д. 94, л. 353.

⁷⁵ Там же, л. 355.

был одним из поборников теории «устойчивости мелкокрестьянского хозяйства» и играл далеко не последнюю роль в группе «неонародников», возглавляемой профессором Чайновым. Его мировоззрение, конечно, не могло не оставить своего отпечатка на плане, подготовкой которого он руководил. Макаров откровенно признавался в своей «склонности к крупным хозяйствам» и утверждал, будто бы в развитии капитализма в дагестанском ауле виновата горская беднота, «которая сама лезет под эксплуатацию своих экономически более сильных соседей»⁷⁶. На практике эта точка зрения ярко проявилась при определении норм наделения землей. Разработанный под руководством Макарова план предусматривал три нормы:

«первая — норма наделения безземельных и малоземельных хозяйств;

вторая — норма нейтрально трудовых хозяйств, несколько большая, чем предыдущая, так как у этих хозяйств больше фактическая обеспеченность средствами производства;

третья — норма оставления земли у хозяйств, имеющих избыток. Они превращаются в хозяйства трудовые по высокой обеспеченности средствами производства. Некоторое повышение нормы этой группы против предыдущей, нейтральной группы хозяйств позволит не сокращать особенно производство, так как оно обосновано средствами производства»⁷⁷.

Очевидно, что нормы, предложенные Макаровым, обрекали бедняцкие и середняцкие хозяйства на нищету и неизбежную эксплуатацию, по-прежнему оставляя львиную долю земельных площадей у аульных верхов. В то же время разработанный им план совершенно обходил задачи завершения аграрной революции и коренного переустройства социально-экономических отношений в ауле путем коллективизации сельского хозяйства.

Предложения Макарова вызвали резкий протест партийной организации и трудящихся республики. Особенно острые прения развернулись на IX областной партийной конференции в ноябре 1927 г. в связи с обсуждением вопроса о нуждах сельского хозяйства республики и

⁷⁶ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 8, д. 13, л. 187.

⁷⁷ «Красный Дагестан», 4 января 1930 г.

работе среди деревенской бедноты. Многие делегаты отмечали, что реформа совершенно не касается вопросов социалистического переустройства сельского хозяйства и ликвидации патриархально-феодальных пережитков в экономике и в быту. Наиболее полно эти мысли выразил делегат Б. Астемиров. Он отметил, что реформа совершенно не связана с кооперацией, неправильно ориентирует переселенческую политику. Более того, Б. Астемиров указал, что «земельная реформа должна дать нам возможность изменить старый уклад жизни. Нам нужно... из переселяющихся индивидуальных хозяйств создать новые, коллективные формы хозяйства»⁷⁸. Конференция высказалась за необходимость ликвидации пережитков патриархально-феодальных отношений и всемерное развитие производственного кооперирования.

Началась решительная борьба за пересмотр плана земельно-водной реформы, составленного под руководством Макарова. Огромную помощь в этой борьбе оказал Центральный Комитет партии. Отдел по работе в деревне ЦК ВКП(б) в августе-сентябре 1928 г. подверг специальной проверке состояние подготовки и проведения реформы и указал на необходимость включить в нее вопрос о ликвидации остатков помещичьего землевладения и об урезке кулацких излишков. Особое внимание было уделено задачам кооперирования и коллективизации. Вслед за этим X областная партийная конференция, состоявшаяся в апреле 1929 г., также указала, что завершение аграрной революции и развертывание коллективизации являются основными задачами реформы. На борьбу за пересмотр первоначального плана земельно-водной реформы коммунисты мобилизовали и бедняцко-середняцкий актив. С этой целью по решению Обкома партии по всем округам были проведены бедняцкие конференции. Только с августа по сентябрь 1929 г. состоялось 15 конференций, на которых присутствовало 949 представителей бедноты и середняков⁷⁹. Конференции прошли при большой активности бедняцких и середняцких масс. Самые оживленные прения развернулись вокруг земельно-водной реформы. По этому

⁷⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 8, л. 49, л. 20.

⁷⁹ «Красный Дагестан», 24 сентября 1929 г.

вопросу выступили 144 делегата⁸⁰. Почти на всех конференциях отмечалась прокулацкая сущность плана землеустроительных работ, составленного Макаровым.

Конференция бедноты Кизлярского округа, например, осудила предложенные Макаровым нормы наделения земель, называя их кулацкими⁸¹.

На конференции бедноты Левашинского района делегаты говорили, что большинство земель сосредоточено в руках кулачества и требовали передать их колхозам и бедноте. Конференция единодушно вынесла постановление, в котором говорилось: «выявить кулацкие излишки и передать их колхозам и бедноте»⁸². Бедняцко-средняцкие массы решительно требовали пересмотра первоначального плана земельно-водной реформы и ждали сигнала об изъятии помещичьих земель и кулацких излишков. Один из представителей бедноты из селения Акуша заявил: «Мы ждем только слова закона, чтобы отобрать земли у кулаков»⁸³. Другой сказал: «Вот если вы нам дадите кулацкую землю у себя в горах, вот это будет настоящая Октябрьская революция»⁸⁴.

Беднота аула не ограничилась только требованиями о предоставлении ей помещичьей земли и излишков кулака. Нередко под руководством коммунистов она самолично приступала к урезке кулацких земель. Примером может служить факт, имевший место в ауле Дженгутай Буйнакского района.

Партийная ячейка этого аула совместно с группой бедноты вынесла решение об урезке земли у кулаков и передаче всех этих излишков аульной бедноте. Это решение было единодушно поддержано на деревенском сходе⁸⁵.

Выражая чувства и настроения бедняцко-средняцких масс, местные партийные организации решительно требовали пересмотра плана реформы. С помощью Отдела по работе в деревне ЦК ВКП(б) и комиссии Коммунистической академии был разработан новый план земельно-водной реформы. Были выработаны также

---

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же.

⁸² «Дарган», 19 сентября 1929 г.

⁸³ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 10, д. 13, л. 8.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, л. 8, 9.

новые нормы наделения земель, которые не превышали размеров землевладения середняцкого хозяйства и колебались от двух до семи га пахотной земли, в зависимости от сельскохозяйственного района.

Новый план земельно-водной реформы представлял собою комплекс последовательных социально-экономических мероприятий, направленных на ликвидацию остатков патриархально-феодалных отношений и завершение аграрной революции, на коренное изменение социально-экономических отношений в дагестанском ауле на базе его социалистической реконструкции⁸⁶.

В положении о земельно-водной реформе говорилось: «При проведении ЗВР, независимо от сплошного землеустройства и нормирования землепользования, проводится единовременная ликвидация остатков бывшего помещичьего и всех других видов нетрудового и незаконного пользования землей, а также изъятие излишков земель сверх нормы у кулацких хозяйств. Одновременно ликвидируются и все пережитки, а равно и возникшие на этих основаниях преимущества в водопользовании». Положение предусматривало при этом полную ликвидацию «помещичьих и других нетрудовых землепользований» и завершение изъятия «излишков у кулацких хозяйств» к 1 января 1931 г.⁸⁷

С целью укрепления и развития социалистического сектора в сельском хозяйстве предпочтение при проведении землеустроительных работ отдавалось коллективным хозяйствам. В положении о земельно-водной реформе по этому поводу говорилось: «Все изъятые... земли, не ожидая общего землеустройства, передать по установленным нормам в трудовое пользование группам безземельных и малоземельных хозяйств из числа батрачества и бедноты, в первую очередь в сельскохозяйственные коллективы, коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли»⁸⁸.

В случае невозможности доведения наделов земли до нормы из-за природных условий положение предписывало исключить из списка землепользователей кулаков, служителей религиозных культов, а также прочих лиц,

---

⁸⁶ ЦГА ДАССР, ф. 168, оп. 10, д. 13, л. 64.

⁸⁷ Там же, л. 66—71.

⁸⁸ Там же, л. 66.

лишенных избирательных прав⁸⁹. На проведение реформы Советское правительство выделило свыше 50 млн. руб.⁹⁰

Для организации практической работы по проведению земельно-водной реформы в районах, аулах, на промышленных предприятиях и в профсоюзах были созданы комиссии содействия земельно-водной реформе. Тем самым практическая работа по проведению реформы превращалась в дело самих трудящихся Дагестана, т. е. достигалась максимальная активность масс. Дагестанская партийная организация направила сотни членов партии из областного и районного актива в аулы для организации бедноты на проведение реформы.

Проведение земельно-водной реформы проходило в ожесточенной классово-борьбе. Помещики, кулаки, духовенство и националистические элементы Дагестана выступили единым фронтом против мероприятий Советского государства. Особенно большую активность проявило мусульманское духовенство. Оно всеми средствами пыталось сыграть на религиозных чувствах горца-бедняка. Муллы усердно твердили, что «на чужой земле ничего не уродится», что «грех забирать землю у соседа, аллах покарает неверных!»⁹¹

Преодолевая сопротивление феодально-клерикальных элементов и кулачества, дагестанская партийная организация добилась больших успехов в проведении реформы. Повсеместно проводилась конфискация земли феодально-клерикальных элементов, отбирались излишки у кулаков. В течение 1929—1931 гг. было ликвидировано помещичье и мечетское землевладение, а у кулаков изъято 254,3 тыс. га земли⁹². Широко были развернуты работы по осушению и орошению пустующих земель. С 1927 по 1930 г. землеустройство было проведено на территории в 2924 тыс. га.

Исключительно большое, революционное значение имело внутриселенное землеустройство. Оно в корне ликвидировало патриархально-феодальные пережитки в сельском хозяйстве. Изъятие кулацких излишков и передача лучших земель бедноте и середнякам перестраи-

⁸⁹ Там же, л. 71.

⁹⁰ «Красный Дагестан», 23 марта 1930 г.

⁹¹ «Красный Дагестан», 3 октября 1930 г.

⁹² ЦГА ДАССР, ф. 127р, оп. 17, д. 204, л. 9.

вали всю систему землевладения в ауле, облегчая тем самым крестьянам переход к коллективным формам ведения хозяйства. В борьбе за изъятие земель нетрудовых элементов еще более углублялось различие классовых интересов бедноты и кулачества, росла политическая активность бедняцко-средняцких масс, их классовое самосознание, тяга крестьян к коллективному хозяйству.

Яркой иллюстрацией этих процессов может быть история передела земли в аулах Нижний Дженгутай и Нижнее Казанище Буйнакского района. «В селении Н. Дженгутай,— читаем мы в газете „Красный Дагестан“,— было 1148 хозяйств. Из них 111 в колхозе. Общая площадь пахотной земли равнялась 3039 га. До внутриселенного передела земли в ауле было 82 безземельных и 538 малоземельных хозяйств. Таким образом, большинство хозяйств аула находилось „на голодном пайке“. Земля переходила из рода в род и концентрировалась в руках немногочисленной верхушки аульских богатеев. Такое положение приводило к существованию скрытой аренды и кабальных отношений. ЗВР положила этому конец. При внутриселенном переделе 640 малоземельных хозяйств получили участки по норме, равной землепользованию середняка, 261 хозяйство осталось при прежней норме, а у 267 хозяйств были изъяты излишки. Лучшие участки были переданы колхозу и бедноте. Колхозам предоставлялись льготы и при определении норм наделения землей. На одно единоличное хозяйство в 4 души по единой норме было отведено по 2,67 га, а на такое же хозяйство колхозника — 2,81 га. Кулакам были выделены самые дальние, неполивные и худшие земли.

Изъятие кулацких излишков и внутриселенный передел земли в Н. Дженгутае прошли при большой активности бедноты. Со словами: „Идем отбирать земли у буржуев“ беднота единодушно выступила против эксплуататорских элементов. Такая же картина наблюдалась и в селении Нижнее Казанище. Здесь в первый день передела в колхоз вступило 15 хозяйств, а к концу землеустроительных работ в колхозе насчитывалось 245 хозяйств»⁹³.

⁹³ «Красный Дагестан», 3 октября 1930 г.

Таким образом, ограничивая кулака, внутриселенное землеустройство в то же время всячески стимулировало рост коллективного социалистического производства в сельском хозяйстве.

Особенно большую роль сыграла земельно-водная реформа в ликвидации патриархальных форм землевладения и организации хозяйства, в ограничении и вытеснении крупных собственников-овцеводов. Начиная с 1928 г. повсеместно вводится новый порядок выпаса скота. Если раньше в ряде аулов, по постановлению сельского схода, каждый член общества должен был выпасать скот одинаковое количество дней, невзирая на численность его скота, то теперь «количество дней очередного выхода на пастьбу определяется в зависимости от голов скота»⁹⁴. От размеров землепользования зависит теперь степень участия в общественных работах по благоустройству дорог, земельных участков, в охране общественных пашен и покосов.

С ликвидацией патриархальных форм организации хозяйства постепенно стирались также и сословно-кастовые пережитки. Можно сказать, что земельно-водная реформа нанесла сокрушительный удар по экономической основе этих пережитков. С этого времени они сохранились лишь как бытовые пережитки, как проявление косности и отсталости некоторых слоев населения.

В результате осуществления земельно-водной реформы была также подорвана экономическая мощь крупных скотоводов-полуфеодалов, которые вели хозяйство с помощью старой патриархальной системы «кош». Мы располагаем данными об экономическом положении 890 таких хозяйств. Эти данные собраны в связи с раскулачиванием и сомневаться в их достоверности нет оснований. Правда, можно допустить, что цифры не совсем точны, но общее экономическое состояние этих дворов на различных этапах развития они передают достаточно полно.

По этим данным, до революции на один двор этой группы приходилось в среднем 30,9 голов лошадей и крупного рогатого скота, 553,7 голов овец и 24,3 га земли. Накануне реформы в среднем на двор они имели 24,7 голов лошадей и крупного рогатого скота, 412 голов овец и 17,3 га земли. Хотя это и было гораздо мень-

---

⁹⁴ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, л. 209, л. 1.

ше, чем до революции, но все же во много раз больше, чем в среднем на одно хозяйство в республике. Совсем другую картину мы наблюдаем после осуществления реформы. В среднем на двор в этой группе приходилось уже 2,6 голов крупного рогатого скота и лошадей, 14,8 голов овец и 3,6 га земли⁹⁵. Иными словами, в результате осуществления земельно-водной реформы эта группа крупных собственников, как экономическая категория, прекратила свое существование.

Мероприятия по ликвидации остатков помещичьего землевладения, по изъятию вакуфного имущества и осуществление земельно-водной реформы сопровождались дальнейшим развитием процесса осереднячения дагестанского доколхозного аула. Об этом красноречиво свидетельствуют материалы экспедиции, организованной Дагобкомом партии в октябре 1928 г. для изучения социального лица дагестанского аула. Как показывают эти материалы, за два года удельный вес батрацкой группы среди сельского населения уменьшился на 4,1%, а сосредоточенные у этой группы средства производства сократились на 2,2%. Бедняцкая группа за это время увеличилась количественно на 1,9%, но удельный вес живого и мертвого инвентаря в ее распоряжении уменьшился на 2,6%. Что же касается середняков, то их удельный вес среди населения вырос за это время на 3,2%, а сосредоточенные у этой группы средства производства выросли на 18,8%. Более четкое представление об изменениях, происшедших за это время, дает табл. 20, составленная по материалам двух обследований — в 1927 и 1928 гг.

Как свидетельствует эта таблица, по численности населения крайние группы уменьшились, увеличились группы бедняков и середняков, т. е. наблюдается экономический подъем низших и постепенное вытеснение высшей группы. По отношению к средствам производства выросла только средняя группа. Удельный вес остальных групп уменьшился. Особенно резко снизился удельный вес верхней, кулацкой, группы — почти в два раза. Но это результат не прямой экспроприации, не насильственного ограничения и изъятия средств производства, а экономической политики Советского государства, направленной на подъем бедняцко-середняцких масс и

⁹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 14, д. 16, л. 1.

Распределение средств производства между различными социальными группами *

Социальные группы	1927 г.		1928 г.	
	душ населения в группе, %	средства производства, %	душ населения в группе, %	средства производства, %
Батраки	18,7	9,1	14,6	6,9
Бедняки	25,7	17,4	27,6	14,8
Середняки	49,2	44,7	52,4	63,5
Кулаки	6,4	28,8	5,4	14,8

* «Плановое хозяйство Дагестана», 1930, № 3—5, стр. 26—32.

ограничение кулака. Осуществляя политику, направленную на подъем экономики ранее отсталых национальных окраин до уровня передовых, Коммунистическая партия и Советское государство за десять лет существования Советской власти добились блестящих результатов по индустриализации национальных окраин и оснащению сельского хозяйства этих районов передовой сельскохозяйственной техникой. Помощь сельскому хозяйству особенно возросла после XV съезда партии. В 1928 г. в Дагестан было завезено сельскохозяйственного инвентаря в четыре с лишним раза больше, чем в 1926 г., и в два с лишним раза больше, чем в 1927 г.⁹⁶ Вся эта техника поступала в распоряжение бедняцко-средняцких слоев крестьянства и способствовала их быстрому хозяйственному подъему, улучшению их технической оснащенности. Благодаря этому середняк и в Дагестане превратился в центральную фигуру как по удельному весу среди населения, так и по месту в производстве.

Надо отметить, что то же самое произошло и в других республиках и областях страны, где, вследствие незавершенности аграрной революции, процесс осереднячения происходил несколько медленнее. В частности, в республиках Средней Азии, где преобладало бедняцкое хозяйство, земельно-водная реформа также решительно изменила социальный облик деревни. Г. Ф. Дахштейгер в докладе на сессии по истории советского

⁹⁶ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 56.

крестьянства отмечал, что передел земли и конфискация хозяйств крупных баев-полуфеодалов решительно изменили соотношение социальных групп в казахском ауле в пользу середняка, ставшего центральной фигурой, изменили место этих групп в экономической и политической жизни аула, ликвидировали основные остатки докапиталистических отношений в ауле. Это означает, что накануне коллективизации середняк повсеместно выдвинулся на центральное место. Это, конечно, не означает, что нивелировались особенности в развитии. Даже роль середняка, несмотря на то, что он стал повсеместно центральной фигурой в сельском хозяйстве, не была одинаковой. Однако коренное изменение в соотношении групп налицо.

Коротко о характере преобразований, осуществленных в ходе земельно-водной реформы. Этот вопрос особенно остро дискутировался на сессии по истории советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. При этом полемика обнаружила две совершенно противоположные точки зрения. Согласно одной из них, «по своей классовой сущности эти преобразования носили буржуазно-демократический или революционно-демократический характер»⁹⁷. При этом ее последователи признают, что «этот краткий вывод отнюдь не исчерпывает их оценки и исторического значения»⁹⁸. Наиболее полно эту точку зрения выразил казахский историк Г. Ф. Дахшлейгер.

Сторонники другой точки зрения утверждают, что эта мера сугубо социалистическая, что она имеет ярко выраженную социалистическую направленность.

Сторонники первой точки зрения в своей аргументации исходят из того, что ликвидация патриархально-феодалов, крепостнических устоев — это задача буржуазно-демократической революции, поэтому и мероприятия, направленные на ликвидацию патриархально-феодалов, они называют буржуазно-демократическими. Сторонники второй исходят из того, что эти преобразования были осуществлены Советским государством в интересах победы социализма и поэтому называют их социалистическими. Ликвидация остатков

⁹⁷ Г. Ф. Дахшлейгер. Указ. соч., стр. 46—47.

⁹⁸ Там же.

феодално-крепостнических устоев в экономике и организации общества объективно является задачей буржуазно-демократической революции. Но, когда во главе революционного движения стоит пролетариат, руководимый Коммунистической партией, эта задача является всего лишь начальным этапом в развертывании движения. Так было, например, в Центральной России. Пролетарская революция в нашей стране в первые же дни установления диктатуры пролетариата попутно разрешила задачи буржуазно-демократической революции, а летом 1918 г. были организованы комбеды, которые конфисковали у кулаков 50 млн. дес. земли и распределили ее среди деревенской бедноты. Известно, что весь этот период В. И. Ленин делил на два этапа: первый — буржуазный (длился до лета и даже до осени 1918 г.), когда в основном разрешались задачи буржуазно-демократической революции, т. е. ликвидировались остатки крепостничества, и второй — пролетарский. Он начался с организации комбедов, в результате деятельности которых был нанесен сокрушительный удар по капиталистическим элементам деревни. В. И. Ленин говорил по этому поводу: «В стране, где пролетариату пришлось взять власть при помощи крестьянства, где пролетариату выпала роль агента мелкобуржуазной революции,— наша революция до организации комитетов бедноты, т. е. до лета и даже осени 1918 года, была в значительной мере революцией *буржуазной*... Но когда стали организовываться комитеты бедноты,— с этого момента наша революция стала революцией *пролетарской*... И когда мы увидели, что в деревне, летом 1918 года, началась и произошла Октябрьская революция.., только тогда наша революция не по прокламациям, не по обещаниям и заявлениям, а *на деле стала пролетарской*»⁹⁹. Из этого, конечно, не следует, будто социалистическая революция в деревне началась лишь после организации комбедов. Известно, что начало ее было положено в октябре 1917 г. Декретом о земле, который объявил землю всенародным достоянием и, тем самым, ликвидировал один из источников капиталистического накопления в деревне. Известно также, какое огромное значение придавал В. И. Ленин национализации земли в

⁹⁹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 29, стр. 137.

деле перехода страны к социализму. Однако практически основным удар по капиталистическим элементам деревни был нанесен после организации комбедов. Это говорит о том, что в разрешении аграрного вопроса и на национальных окраинах было много отличного и своеобразного. Так, если в Средней Азии и Казахстане аграрные преобразования были направлены главным образом против последствий колониальной политики царизма, то в Дагестане они явно были направлены главным образом против средневекового землевладения. Однако задачи буржуазно-демократической революции не были здесь доведены до конца. Патриархально-феодальный уклад был ликвидирован лишь в ходе аграрных преобразований, уже в середине или в конце 20-х годов, в результате осуществления земельно-водной реформы, когда произошла дифференциация классов и классовых интересов, когда был взят курс на социалистическое переустройство сельского хозяйства. Именно поэтому перед земельно-водной реформой ставилась задача не только ликвидации пережитков патриархально-феодальных отношений, но и попутного проведения социалистических преобразований. В Дагестане, например, в ходе проведения реформы изъятие остатков помещичьей и мечетской земли и излишков земли у кулака неразрывно связывалось с развертыванием коллективизации. Следовательно, аграрные преобразования этих лет, несмотря на то, что перед ними стояла задача ликвидации остатков патриархально-феодального уклада в земельном строе, имели ярко выраженную социалистическую направленность, т. е. не только доводили до конца задачи буржуазно-демократической революции, но и решали задачи пролетарской революции.

Историки, доказывающие буржуазно-демократический характер этих преобразований, выдвигают такой довод, что, мол, непосредственно вслед за ними не последовало социалистическое преобразование аула. Однако эта последняя аргументация не выдерживает никакой критики. Во-первых, доведение до конца задач буржуазно-демократической революции — лишь одна из задач этих преобразований, причем далеко не главная, поэтому она не может быть доказательством. Кстати, это понимает и Г. Ф. Дахшлейгер, который прямо го-

ворит, что его тезис не исчерпывает всей значимости этих преобразований. Во-вторых, пролетарский этап революции в деревне центральных районов также не сопровождался социалистическим переустройством деревни.

Называя аграрные преобразования середины 20-х годов в национальных республиках буржуазно-демократическими, последователи этой точки зрения ссылаются и на то, что эти преобразования вызвали активизацию процесса осереднячения, усиление отношений найма — сдачи и рост мелкотоварного производства. Однако, если обратиться к последствиям пролетарского этапа аграрной революции в центральных районах страны, отпадет и этот довод. Советские историки считают, что главное содержание первого этапа — это ликвидация помещичьего землевладения и начало осереднячения крестьянства, а второго — частичная экспроприация кулачества и осуществление главных сдвигов в осереднячении¹⁰⁰. Следовательно, социально-экономические последствия аграрных преобразований в национальных республиках и областях и второго, социалистического, этапа в центральных районах страны одинаковы. Поэтому ссылка на резкое усиление средних слоев в результате осуществления земельных реформ также не может служить аргументом.

Несколько слов об оценке, данной аграрным преобразованиям 1921—1922 гг. исследователем киргизской деревни В. П. Шерстобитовым. Главной их целью, по мнению последнего, «являлось уравнивание фактического землепользования (а также водопользования) русского и киргизского населения, ликвидация последствий насильственных земельных захватов царизма»¹⁰¹. Однако, по его же свидетельству, реформа, естественно, не ограничилась этим. Одновременно с уравниванием национальных прав, в ходе осуществления реформы в русских поселках было проведено межселенное и внутриселенное землеустройство, у кулаков были отобраны излишки земли, скота, семян и сельскохозяйственного инвентаря. «Таким образом,— замечает он по этому поводу,— продолжалась линия... на ущемление и экспро-

¹⁰⁰ «История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР», стр. 14.

¹⁰¹ В. П. Шерстобитов. Указ. соч., стр. 87.

принадлежность кулацкого хозяйства — линия сугубо социалистическая»¹⁰². И далее, «...землеустройство, коснувшееся всех без исключения русских хозяйств и особенно, конечно, кулацких, еще ярче подчеркивает социалистическую направленность аграрных преобразований в северной Киргизии»¹⁰³. Касаясь же киргизов, автор отмечает следующее: «В оседлых киргизских районах внутриселенное землеустройство почти не проводилось, не говоря уже о кочевых, где земельный строй был оставлен в неприкосновенности до самой коллективизации»¹⁰⁴.

Таким образом, В. П. Шерстобитов фактически затронул вопрос о характере аграрных преобразований в русских поселениях Киргизии. У киргизов же, по его свидетельству, «земельный строй был оставлен в неприкосновенности до самой коллективизации».

2. Курс на коллективизацию

Решительная перегруппировка социальных сил в доколхозном ауле в пользу средних слоев была колоссальным завоеванием Коммунистической партии и Советского государства. Однако, говоря об этом, не надо забывать, что средние слои представляли собой мелких товаропроизводителей. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Что в мелкокрестьянской стране преобладает „уклад“ мелкокрестьянский, то есть частью патриархальный, частью мелкобуржуазный, это само собой очевидно. Развитие мелкого хозяйства есть развитие мелкобуржуазное, есть развитие капиталистическое...»¹⁰⁵, и предупреждал, что в мелкокрестьянской стране капитализм имеет более прочную базу, чем коммунизм. Преобладание мелкокрестьянского хозяйства ставило под угрозу завоевания Октября и порождало опасность реставрации капитализма. Чтобы избежать этого, необходимо было мелкое индивидуальное крестьянское хозяйство заменить крупным коллективным. К 1927 г. мы располагали уже всеми необходимыми для этого

¹⁰² В. П. Шерстобитов. Указ. соч., стр. 88.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 322—323.

политическими и материальными условиями. Благодаря осуществлению политики социалистической индустриализации больших успехов добилась промышленность. По выпуску валовой продукции уровень довоенного 1913 г. был превзойден на 17%. Только в одном 1926/27 г. прирост промышленной продукции в стране составил 18%. Значительно вырос и социалистический сектор в народном хозяйстве страны. Его доля в промышленности к концу 1927 г. составила 86%. Неуклонный рост социалистического сектора в промышленности сопровождался быстрым вытеснением частника и из торговли. С 53% в 1924/25 г. его доля в розничном товарообороте уменьшилась к концу 1927 г. до 35%, а в оптовой торговле — с 9 до 5% ¹⁰⁶.

Иное положение сложилось в сельском хозяйстве. В то время как промышленность, достигнув уровня 1913 г., быстро набирала темпы, сельское хозяйство по существу топталось на месте. Производство зерна не достигло даже и довоенного уровня. Еще хуже обстояло дело с товарной продукцией сельского хозяйства. В 1927 г. она составляла всего 37% от уровня 1913 г. ¹⁰⁷

Точно такую же картину мы наблюдаем и в Дагестане того периода. В 1926/27 г. дагестанская промышленность выпустила почти вдвое больше продукции, чем в 1913 г. Причем 98,8% этой продукции приходилось на долю социалистического сектора. Ведущее место занял социалистический сектор и в товарообороте. В розничном товарообороте доля частника уменьшилась с 45% в 1924/25 г. до 28% в 1926/27 г., а в оптовом — с 35 до 6% ¹⁰⁸.

Совсем иное положение переживало сельское хозяйство республики. В 1927 г., по сравнению с дореволюционным 1913 г., поголовье лошадей составляло 80%, крупного рогатого скота — 117%, овец и коз — 87,1%. Особенно тяжелым было положение зернового хозяйства. К 1927 г. производство зерна было восстановлено лишь на 46,7% ¹⁰⁹. Понятно, что при таких условиях значительно сократилось и производство на рынок. Сошлемся на такой пример. До революции один из

¹⁰⁶ «История КПСС», М., 1962, стр. 412—413.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Красный Дагестан», 11 июня 1928 г.

¹⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84.

наиболее развитых зерновых районов, Хасавюртовский округ, вывозил на рынок до 2 млн. пудов хлебных излишков и считался житницей Дагестана. А в 1927 г. этот округ дал всего 50 тыс. пудов товарного зерна¹¹⁰.

Положение, сложившееся в это время в сельском хозяйстве СССР, обычно объясняют структурными изменениями, происшедшими в деревне в результате победы Октябрьской революции. Так, во втором издании истории КПСС прямо указывается, что сокращение товарного хлеба в стране произошло потому, что были ликвидированы крупные помещичьи хозяйства и значительно меньше стало крупных кулацких дворов — основных поставщиков товарного хлеба, а главными производителями хлеба стали мелкие середняцкие и бедняцкие хозяйства. Это означает, что в результате Октябрьской революции был совершен переход от крупного производства, дающего максимум товарной продукции, к мелкому, дающему минимум товарной продукции¹¹¹.

В результате передачи помещичьей и кулацкой земли в руки крестьян, благодаря огромной помощи Коммунистической партии и Советского государства резко улучшились материальные условия жизни мелких крестьян, выросла их производственная база. Но, несмотря на это, мелкое производство по самой своей природе является полупотребительским, полунатуральным. Оно далеко не всегда способно даже на простое воспроизводство и поэтому его связи с рынком чрезвычайно ограничены. Больше того, можно утверждать, что к 1927 г., несмотря на финансовую и организационную помощь Советского государства, мелкое крестьянское хозяйство все меньше и меньше проявляло способность к подъему производительности труда, к увеличению товарной продукции. Сложная сельскохозяйственная техника и расширенное воспроизводство были ему просто недоступны. Появились симптомы того, что оно достигло потолка и стало топтаться на месте. Это хорошо прослеживается на развитии восстановительного процесса. В 1921—1925 гг. на базе аграрных преобразований процесс восстановления сельского хозяйства шел довольно бурными темпами, однако, достигнув до-

¹¹⁰ «Звезда», 1929, № 9 (23), стр. 14—15.

¹¹¹ «История Коммунистической партии Советского Союза». М., 1963, стр. 413.

революционного уровня, темпы его роста в 1926—1927 гг. резко упали.

В условиях же Дагестана процесс восстановления сельского хозяйства замедлился даже несмотря на то, что его уровень не достиг дореволюционного. Достаточно указать, что до 1926 г. среднегодовой прирост сельскохозяйственной продукции по республике в целом составлял 10%, а в 1926/27 г.— всего 1—2%. К этому времени стала отчетливо проявляться неизбежная и все большая зависимость мелкого крестьянского хозяйства от случайностей природы. Не совсем благоприятные погодные условия 1927/28 хозяйственного года привели к тому, что в 1928 г. в Дагестане валовое производство сельского хозяйства вновь упало до уровня 1925 г. Надо отметить, что это падение произошло главным образом за счет равнинных земледельческих районов, где помещику и кулаку был нанесен наиболее чувствительный удар и центральной фигурой земледелия стал середняк, т. е. мелкий товаропроизводитель. поголовье скота в это время хотя и незначительно, но все же выросло. И в этом мы склонны видеть проявление того, что в животноводстве, особенно в его основной отрасли — овцеводстве — главным собственником по-прежнему оставался крупный собственник. Та же картина наблюдается и при анализе хозяйства всего восстановительного периода. В 1926 г. полеводство по сравнению с 1916 г. было восстановлено лишь на 59%, а животноводство на 87,9%¹¹². Более того, хотя на животноводство приходилось 40,2% всей валовой продукции сельского хозяйства, в 1927 г. оно давало 56,4% всей товарной продукции¹¹³. Это тоже можно отнести за счет того, что в животноводстве еще сильны были позиции крупного производства, дающего максимум товарной продукции.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что причины отставания сельского хозяйства от общих темпов развития, отмеченные в Истории КПСС, в известной мере имеют отношение и к Дагестану. Однако главные причины медленного развития процесса восстановления сельского хозяйства республики заключались в другом. Во-первых, надо отметить, что до революции

¹¹² «Красный Дагестан», 12 апреля 1927 г.

¹¹³ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 19, д. 146, л. 84—86.

видное место в экономике занимали и крупные хозяйства колонистов. В ходе гражданской войны многие из них покинули пределы республики. Достаточно напомнить о том, что в Хасавюртовском округе до революции было 249 населенных пунктов с населением в 60 тыс. человек, а после революции в округе насчитывалось лишь 178 населенных пунктов, в которых проживало 32 тыс. человек¹¹⁴. Во-вторых, основные боевые действия эпохи гражданской войны и иностранной военной интервенции также разворачивались на равнине. В результате ирригационная система здесь частично была заброшена, частично разрушена. Для ее восстановления нужны были большие средства, которыми в тот период республика не располагала. Огромные массивы земли по-прежнему невозможно было вовлечь в хозяйственный оборот. В результате восстановительный процесс на равнине разворачивался чрезвычайно медленно. Достаточно указать на то, что если горные районы к этому времени по посевным площадям в основном достигли дореволюционного уровня, то в зерновых равнинных районах посевная площадь составляла 55,4% дореволюционного уровня, а в Хасавюртовском округе — всего 25%¹¹⁵.

И, наконец, темпы роста сельскохозяйственного производства в Дагестане в значительной степени тормозились вследствие незавершенности аграрной революции. В материалах по аграрному вопросу и о состоянии сельского хозяйства республики, подготовленных Наркомземом в тот период, прямо указывается, что феодально-клерикальные элементы оказывали всяческое сопротивление реконструкции, смене форм и системы хозяйства, чтобы иметь дешевую рабочую силу, и тем самым препятствовали развитию сельскохозяйственного производства¹¹⁶. Надо отметить, что точно такое же положение было характерно и для других национальных республик. В районах, где аграрные преобразования были завершены в ходе революции, уже в 1925/26 г. был достигнут дореволюционный уровень развития хозяйства, а там, где эти преобразования не были доведены

---

¹¹⁴ Рукописный фонд ИИЯЛ Даг. филиала АН СССР, д. 958, л. 3.

¹¹⁵ ЦГА ДАССР, ф. 37 р, оп. 19, д. 146, л. 83.

¹¹⁶ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 160.

до конца, например в Казхстане, Средней Азии, Дагестане, восстановительный процесс растянулся до завершения аграрной революции¹¹⁷.

Из всего этого следует, что к 1927 г. сельское хозяйство страны оказалось в тупике. В связи с развертыванием индустриализации бурно росла социалистическая промышленность. Появились сотни и тысячи новых фабрик и заводов, быстро увеличивалось городское население. В связи с этим из года в год увеличивалась потребность страны в хлебе. А мелкое крестьянское хозяйство было неспособно обеспечить необходимый рост производительных сил, удовлетворить потребности страны в хлебе.

Вопрос о хлебе вновь, как и в 1918 г., стал превращаться в вопрос о социализме. Необходимо было раз и навсегда решить хлебную проблему и одновременно избавить трудящихся деревни от нищеты и эксплуатации. Выход был один — объединить мелкие крестьянские хозяйства в крупные коллективы, способные на базе современной техники поднять производительность труда и обеспечить страну необходимой сельскохозяйственной продукцией.

В течение первого десятилетия существования Советской власти постепенно к этому стали склоняться и трудовые слои деревни. Как мы уже отмечали, до революции крестьянин считал, что для коренного улучшения его жизни необходимо конфисковать помещичьи имения и провести уравнильное распределение всей земли. Этим, как ему казалось, обеспечивались равные условия для хозяйственного роста и максимум свободы в отношении землепользования. Большевики были против уравнильного передела, понимая, что на деле, в условиях неравного распределения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота, никакого равенства не получится. Тем не менее они полностью удовлетворили эти требования крестьян, так как понимали, что это послужит делу сплочения деревенской бедноты вокруг рабочего класса и повороту всего трудящегося крестьянства в сторону Советской власти. Десятилетний опыт подтвердил правоту Коммунистической партии. Как

---

¹¹⁷ «Основные элементы сельскохозяйственного производства». М., 1930 г.

предвидел В. И. Ленин, трудящиеся крестьяне собственным горбом, на собственном печальном опыте убедились, «что уравнительная дележка — вздор»¹¹⁸. Беднота поняла, что мелкому индивидуальному хозяйству из нужды не выйти, что нищета и кулацкая кабала — его неизбежные спутники. Не имея рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря, беднота по-прежнему была вынуждена обращаться к кулаку. Передко, сдав свою землю в аренду, бедняк по-прежнему либо отправлялся в город, либо нанимался к кулаку.

Таким образом переход к коллективному хозяйству, основанному на общественном труде, стал осознанной исторической необходимостью. И этот переход был намечен XV съездом нашей партии в декабре 1927 г. Съезд указал, что объединение и преобразование мелких индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы является основной задачей партии в деревне. Одновременно съезд решил, что успехи политики партии в деревне дают возможность «принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму»¹¹⁹. Каковы же были эти меры, положившие начало более систематическому, более настойчивому ограничению и вытеснению кулака и частника из хозяйственной жизни деревни?

В области налоговой политики съезд предписал осуществить переход к «наиболее полному прогрессивно-подоходному обложению»¹²⁰. Согласно указанию съезда, Советское правительство разработало и приняло новый закон о сельскохозяйственном налоге. По этому закону от обложения освобождались маломощные бедняцкие дворы, которые составляли 35% всех крестьянских хозяйств. Значительно был снижен налог с середняцких дворов.

Особенно большие льготы были оказаны коллективным хозяйствам. Колхозы, получающие доход не более 30 руб. на едока, вовсе освобождались от обложения. А для тех колхозов, где доход на колхозника не превышал дохода единоличного двора по волости или району, при обложении делалась скидка до 60%, а для колхо-

¹¹⁸ В. И. Ленин. Сочинения, т. 28, стр. 156.

¹¹⁹ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 362.

¹²⁰ Там же, стр. 363.

зов, где этот доход был выше среднего уровня волости или района,— до 30%.

Вместе с тем заметно выросло налоговое обложение кулаков. Если раньше в счет налога, обычно, отчислялся определенный процент учтенного дохода, то теперь налог увеличивался в прямой зависимости от доходов. Больше того, наиболее богатые кулацкие дворы облагались в индивидуальном порядке. Например, в связи с переходом к продналогу, отчислению подлежало 15% всего учтенного дохода облагаемого двора, независимо от его социальной принадлежности. По новому закону, отчисляемая сумма составляла от 5 до 35—40% всех доходов, в зависимости от социального положения облагаемого. Вот некоторые данные на этот счет.

В 1928/29 г. в Дагестане было учтено 174 734 хозяйства. Из них 107 053 хозяйства, или 61,1% от общего числа, были полностью освобождены от налога¹²¹. Обложению подлежало 67 675 дворов.

90,5% облагаемых хозяйств уплачивали лишь 34,9% всего налога, а 9,5% зажиточных и кулацких дворов — 65,1% налога.

В дальнейшем были приняты дополнительные меры, направленные на то, чтобы перенести всю тяжесть обложения на наиболее крупные кулацкие хозяйства. Благодаря этому сумма налога со средних и маломощных слоев в течение 1928—1930 гг. была снижена, а обложение кулаков соответственно выросло почти в два раза.

Если дворы, облагаемые в индивидуальном порядке, в 1928/29 г. вносили 31,4% всего сельхозналога, то в 1929/30 г. отчуждаемая у них доля составляла уже 43,2%, а в 1930/31 г. — 59,3%. Средняя сумма налога на одно кулацкое хозяйство за это же время возросла с 477 руб. до 546 руб., а на трудовое хозяйство понизилась с 15 руб. 70 коп. до 11 руб. 45 коп.¹²²

Эти данные со всей очевидностью свидетельствуют о том, что прогрессивно-подоходное обложение всем своим острием было направлено на ограничение частнокапиталистического сектора в сельском хозяйстве, на ограничение и вытеснение кулака. В то же время новая нало-

¹²¹ «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов». Махачкала, 1929, стр. 90.

¹²² «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 124.

говая политика содействовала росту помощи бедняцко-средняцким слоям, развертыванию колхозного строительства.

Усиление наступления на кулачество можно выразительно проиллюстрировать и на примере ограничения аренды. Нам уже приходилось говорить о решениях третьего съезда Советов Союза ССР, направленных на расширение аренды, и причинах, побудивших Советскую власть принять такие решения. Почти трехлетний опыт показал, что, как правило, на долгосрочную аренду идут кулаки. Беднота не хотела связывать себя долгосрочными договорами, так как имела реальную надежду с помощью Советского государства освоить свой надел собственными средствами. XV съезд партии постановил взять курс на постепенное сокращение площади земли, сдаваемой в аренду. Одновременно были ограничены и сроки аренды. Теперь арендовать или сдавать землю в аренду можно было лишь на один севооборот¹²³. Была запрещена, кроме того, субаренда.

Исключительно большое значение для дальнейшего развертывания наступления на кулачество имело решение XV съезда КПСС о подчинении земельных обществ сельским Советам и о лишении права голоса на сельском сходе лиц, не имеющих права голоса на выборах в Советы. Это решение имело особенно большое значение для таких республик и областей, как Дагестан, где были еще живучи патриархальные пережитки. Благодаря этому решению кулаки были отстранены от непосредственного участия в делах сельского схода и, тем самым, лишены возможности непосредственно воздействовать на его дела.

XV съезд партии признал также необходимым решительно покончить с куплей-продажей и правом дарить землю, что имело место в некоторых районах Кавказа и Средней Азии. Это указание съезда имело самое непосредственное отношение и к Дагестану¹²⁴. Одной из особенностей аграрной революции в республике было сохранение на первых порах права купли-продажи крестьянских мюльков. Требования бедноты выселить помещиков и изъять вакуфную собственность, их активное участие в политической жизни страны свиде-

¹²³ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 364—365.

¹²⁴ Там же.

тельствовавали о том, что настало время положить конец сделкам с землей. 4 января 1929 г., с некоторой затяжкой, правительство республики дало директиву положить конец купле-продаже земли, тем самым кулак лишался и этой возможности эксплуатировать бедноту на базе ее обезземеления¹²⁵.

В связи с курсом на коллективизацию, ограничением и вытеснением кулака были также приняты меры для усиления помощи трудящемуся крестьянству за счет средств из государственных и местных бюджетов. В частности, были увеличены фонды помощи бедноте, создавались государственные и кооперативные пункты по прокату сельскохозяйственных орудий. Вместе с тем советское государство резко ограничило продажу сельскохозяйственной техники кулакам. Все эти нововведения готовили крестьян к коллективизации. Были также приняты меры по ограничению и дальнейшему регулированию отношений, складывающихся на почве найма-продажи рабочей силы. Если до XV съезда значительная часть сельскохозяйственных рабочих нанималась без оформления договоров, то XV съезд партии потребовал неуклонно проводить в жизнь так называемые «Временные правила», а нарушителей привлекать к строжайшей ответственности¹²⁶.

Вся эта система мероприятий в аулах Дагестана осуществлялась одновременно с выселением помещиков, изъятием вакуфного имущества и проведением земельно-водной реформы. Поэтому она сопровождалась большими изменениями в социальном облике дагестанского доколхозного аула.

Согласно материалам выборочного обследования, проведенного Дагестанским обкомом партии в октябре 1928 г., середняк прочно занял центральное место и в производстве, и среди населения. Средние слои составляли к этому времени уже 52,4% всего населения. Особенно отчетливо происшедшие социальные изменения можно проследить на сокращении числа сроковых рабочих. По данным ЦСУ СССР, в 1926 г. в Дагестане в индивидуальных хозяйствах было 15,3 тыс. сроковых рабочих, в 1927 году — 13,4 тыс., а в 1928 их осталось

¹²⁵ ЦГА ДАССР, ф. 168р, оп. 9, д. 5а, л. 1—2.

¹²⁶ «КПСС в резолюциях...», ч. 11, 1953, стр. 365—366.

всего 10,0 тыс.¹²⁷ По сравнению с 1926 г. число сроков рабочих в индивидуальных дворах, как видим, уменьшилось более чем на треть. И, конечно, это произошло в результате систематического, настойчивого ограничения и вытеснения кулака и всемерной поддержки бедноты.

Осуществление всех этих мероприятий сопровождалось не только отмеченными выше социальными сдвигами. Оно вызвало также резкий скачок и в развитии производительных сил сельского хозяйства республики.

Об этом вполне убедительно свидетельствуют следующие факты. За годы восстановительного периода прирост пашни в республике составил 17,5%, лошадей — 10,6%, крупного рогатого скота — 13,2%, овец и коз — 11,5% по сравнению с годом наибольшего падения сельскохозяйственного производства. А за четыре последующих года посевная площадь увеличилась по сравнению с 1925 г. на 32,1%, поголовье лошадей — на 28%, крупного рогатого скота — на 28,9%, овец и коз — на 27,3%¹²⁸. В итоге по уровню сельскохозяйственного производства республика почти достигла довоенного уровня. Общее поголовье скота составляло 99,6%, а поголовье крупного рогатого скота на 22,5% превзошло уровень 1913 г.¹²⁹ Посевные площади по сравнению с тем же периодом составляли 84,7%¹³⁰. Некоторое отставание земледелия объяснялось тем, что на равнине восстановительный процесс, как мы об этом уже говорили, развивался очень медленно. В горах же посевная площадь превысила довоенный уровень на 9,9%¹³¹.

Курс на коллективизацию сельского хозяйства и подготовка наступления социализма по всему фронту осуществлялись в обстановке резкого обострения классовой борьбы. Наиболее жестокая борьба развернулась вокруг хлебозаготовок и выборов в местные Советы в 1928 и 1929 гг. Воспользовавшись зерновым кризисом, кулачество предприняло очередную попытку продикто-

---

¹²⁷ «Наемный труд в сельском и лесном хозяйстве СССР», стр. 122—123.

¹²⁸ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 213, л. 25; «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 54—56.

¹²⁹ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 56.

¹³⁰ Там же, стр. 54.

¹³¹ ЦГА ДАССР, ф. 37 р, оп. 19, д. 146, л. 83.

вать свои условия и сорвать социалистическое строительство. Оно стало прятать хлеб, отказывалось продавать его по твердым ценам государству, стремясь тем самым не только усугубить и без того тяжелое продовольственное положение страны, но и вызвать недовольство населения. Кулаков поддерживали спекулянты города. Партия не могла мириться с этим и была вынуждена принять против кулачества чрезвычайные меры.

В отношении кулаков, уклонявшихся от хлебных поставок по твердым ценам, стала применяться 107 статья Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшая конфискацию хлебных излишков. Открытые контрреволюционные выступления были подавлены силой диктатуры пролетариата.

Кулацкий саботаж особенно сильно отразился на городах и потребляющих районах страны. Например, в Дагестане, где своего хлеба всегда не хватало, уже к концу 1927 г. завоз хлеба сократился почти в пять раз, а рыночные цены на хлеб выросли в два-четыре раза. В 1928 г. хлебный дефицит вырос еще на 27%. Создалась реальная угроза голода¹³².

Следует отметить, что этому в значительной степени способствовала и тогдашняя практика проведения хлебозаготовок в Дагестане. При проведении последних учитывались лишь общие данные о размерах посевных площадей и числе едоков. Такая система учета сводила все дело к определению количества хлеба, необходимого завезти извне. Подобная практика, сложившаяся под влиянием тех лиц, которые считали Дагестан «строго потребляющим районом» и которые выступали с отрицанием наличия кулака в дагестанском ауле, была на руку эксплуататорским элементам.

Лишь в 1929 г. с помощью ЦК ВКП(б) коммунисты Дагестана отвергли негодную практику, резко осудили ее вдохновителей и превратили хлебозаготовительную кампанию в орудие наступления против кулака. В связи с этим вокруг хлебозаготовок в дагестанском ауле разгорелась ожесточенная классовая борьба. Газета «Красный Дагестан» за тот период приводит массу примеров, как кулаки и муллы прятали хлеб, как пытались они

---

¹³² «Плановое хозяйство Дагестана», 1928, № 1—2, стр. 66.

втянуть в саботаж беднячко-средняцкие слои аула. «В селении Фриг,— писала газета 23 декабря 1929 г.,— мулла Герейхан Белярхан повел бешеную агитацию против заготовок. Не ограничиваясь агитацией среди зажиточных, он собрал бедноту аула и обратился к ним с речью, в которой убеждал их не давать хлеб государству». Сам Герейхан скрыл в яме 60 пудов хлеба. В селении Янги-юрт Махачкалинского района кулаки скрыли свои излишки и пытались продать их частным скупщикам. Такие факты имели место также в селениях Тарки и Кумторкала¹³³.

Стремясь ввести в заблуждение крестьян, сорвать хлебозаготовки и тем самым вызвать недовольство масс, кулаки распространяли клеветнические слухи, будто хлебозаготовки связаны с предстоящей войной. Такие слухи, например, распространяли кулаки и муллы в Самурском округе. В Манас-ауле Буйнакского района кулаки и их приспешники пустили слух, будто Советское государство сегодня отбирает зерно, а завтра будет отбирать картофель¹³⁴.

Кулачество не ограничивалось лишь антисоветской агитацией. Оно часто переходило и к террористическим действиям против активных партийных, советских и общественных работников. В селении Гутнич Кайтагского района, например, при сборе хлеба кулаками был убит председатель сельсовета¹³⁵. В Хасавюрте кулаки убили активиста, посланного на хлебозаготовки¹³⁶. Такие же случаи были в селении Куркент Касумкентского района и в ряде других мест. Иногда кулакам удавалось проникнуть в кооперацию, в сельские Советы и затормозить ход хлебозаготовительной кампании. Такие факты имели место в Кизлярском, Хасавюртовском, Касумкентском и ряде других районов¹³⁷.

Успешному ходу заготовительной кампании препятствовали также правооппортунистические и левацкие ошибки и извращения, допущенные некоторыми партийными и советскими работниками на местах. В Касумкентском районе, например, середняк был обложен на-

¹³³ «Красный Дагестан», 10 сентября 1929 г.

¹³⁴ «Красный Дагестан», 23 декабря 1929 г.

¹³⁵ «Красный Дагестан», 21 октября 1929 г.

¹³⁶ «Красный Дагестан», 1 октября 1929 г.

¹³⁷ «Красный Дагестан», 22 октября 1929 г.

логом наравне с кулаком. Посланные для проведения хлебозаготовок уполномоченные райкома Исрапилов и Кахруманов исказили классовую линию партии и повели прокулацкую деятельность. Исрапилов стал применять самые строгие меры к бедняку и защищать кулака. Он пытался недообложить, снизить хлебные поставки кулацких хозяйств. Кахруманов же, приехав в сельсовет, заявил, что кулаков в ауле нет, хлеба — тоже нет. Целегюнский, Гильярский и Зизикский сельсоветы выдали справки о бедности кулакам, а Уллу-Гатагский — бывшему владельцу лесопильного завода. Вследствие этого в Касумкентском районе хлебозаготовительная кампания проходила с большими перебоями¹³⁸.

Ярким примером «левацких» ошибок, игравших на руку классовому врагу, может служить хлебозаготовительная кампания в Цумадинском районе. Цумадинский район по плану должен был дать государству 1700 пудов хлебных излишков. Кампанией по сбору излишков руководила районная комиссия, в состав которой вошли секретарь райкома партии и председатель райисполкома. Несмотря на то, что район являлся горным, с очень ограниченными запасами хлеба, комиссия «решила» собрать вместо 1700 пудов 7000 пудов хлеба! Хлебозаготовки, таким образом, проводились без учета социальной принадлежности крестьянина. В результате главным образом облагались бедняки и середняки¹³⁹.

Вследствие извращения политики партии в ряде мест крестьянство попало под влияние кулацкой агитации и стало прятать хлеб. Это еще больше активизировало подрывную деятельность кулачества. Кулацкий саботаж стал принимать массовый характер. Все это поставило план хлебозаготовительной кампании под угрозу срыва. Июльский план хлебозаготовок в 1929 г. по Дагестану был выполнен только на 60%, а сентябрьский — на 70%. В итоге оказался невыполненным и кварталный план¹⁴⁰.

Причиной слабого хода хлебозаготовок являлась также неудовлетворительная работа заготовительных организаций и кооперативной системы. Сельскохозяйст-

¹³⁸ «Красный Дагестан», 29 декабря 1929 г.

¹³⁹ «Красный Дагестан», 27 июня 1930 г.

¹⁴⁰ «Красный Дагестан», 3 октября 1930 г.

венная и потребительская кооперации стали конкурировать между собой. Так, Хасавюртовское сельскохозяйственное товарищество предупредило крестьян, чтобы они сдавали излишки хлеба только сельскохозяйственной кооперации, а не потребительской, в противном случае они угрожали лишить их семенной ссуды. Такие же факты имели место в Ачикулакском районе. Здесь крестьяне были вынуждены везти хлеб за 30—40 верст в Ачикулакское товарищество «Хлебороб», лишь бы не сдавать его в ближайшие приемные пункты потребительской кооперации¹⁴¹. В свою очередь, потребительская кооперация не выдавала дефицитных товаров сдающим хлеб сельскохозяйственной кооперации¹⁴².

Партийная организация не могла мириться с таким положением. Необходимо было создать коренной перелом в хлебозаготовительной кампании. С этой целью в ответ на отказ кулаков продавать государству излишки хлеба были приняты решительные меры: кулаки, злостно уклонявшиеся от хлебозаготовок, отдавались под суд, проводилась конфискация излишков хлеба у кулаков и спекулянтов, отказывавшихся продавать их государству по твердым ценам; в целях активизации борьбы против кулачества бедноте были предоставлены льготы: 25% хлеба, конфискованного у кулачества, поступало в их распоряжение.

В целях ликвидации искривлений политики партии, усиления хлебозаготовительной кампании и преодоления кулацкого саботажа областной комитет партии мобилизовал лучшие партийные силы. В конце сентября 1929 г. Дагобком командировал в аулы на хлебозаготовки 30 человек. Им на помощь были организованы специальные рабочие бригады¹⁴³. Уполномоченные партии и рабочие развернули на местах широкую разъяснительную кампанию. Они организовывали крестьянские сходы, рассказывали бедноте и середнякам о значении хлебозаготовок, провели огромную работу по ликвидации искривлений партийной линии в вопросах хлебозаготовок, по организации бедноты и середняков на борьбу против кулачества. Сошлемся на опыт того же Касумкентского района. Учитывая тяжелое положение, сло-

¹⁴¹ «Красный Дагестан», 30 сентября 1929 г.

¹⁴² «Красный Дагестан», 22 октября 1929 г.

¹⁴³ Там же.

жившееся в районе в период хлебозаготовок из-за сопротивления кулачества, туда были посланы уполномоченный обкома и рабочая бригада. Они развернули широкую агитационно-массовую деятельность, почти во всех селениях провели бедняцко-средняцкие сходы, на которых с разъяснением целей и задач хлебозаготовок выступили посланцы рабочего класса. Одновременно были приняты необходимые меры по отношению к «заготовителям», искажавшим классовую политику партии, и кулакам, отказывавшимся продать хлеб государству. Результаты не замедлили сказаться. Уже к 29 октября Касумкентский район сдал государству 23 тыс. хлеба вместо 12 тыс., намеченных по плану¹⁴⁴.

Решительные меры, принятые партийной организацией и правительством Дагестана, коренным образом изменили ход хлебозаготовок. План хлебозаготовок 1929 г. был выполнен на 116%, и Дагестан вышел на четвертое место по Союзу¹⁴⁵.

Одновременно с решительным хозяйственным вытеснением кулачества партия и Советское государство проводили мероприятия по ликвидации влияния кулачества и в области политической жизни аула. Важнейшую роль в этом сыграли выборы местных Советов в 1929 г.

Выборы 1929 г. коренным образом отличались от выборов 1927 г. Если избирательная кампания 1927 г. проходила в обстановке, когда капиталистические элементы сохраняли еще в дагестанском ауле значительное влияние, то перевыборы в 1929 г. проходили в обстановке решительного наступления на кулачество, когда в результате ряда социально-экономических мероприятий и большой всесторонней помощи партии и Советского государства социальное лицо аула коренным образом изменилось.

В связи с предстоящей кампанией перевыборов Советов, по указанию Центрального Комитета партии Дагестанский обком принял решение о проведении смотра работы групп бедноты. Смотр проходил под руководством партийной организации, при широком участии партийно-советских и общественных организаций

---

¹⁴⁴ «Красный Дагестан», 29 октября 1929 г.

¹⁴⁵ «Красный Дагестан», 8 июня 1930 г.

трудящихся. В аулы для организации смотра были направлены ответственные работники.

Повсеместно группы бедноты обсуждали вопросы о задачах бедноты в перевыборах советов, об оказании помощи бедноте, об усилении наступления против кулачества. Во время смотра были избраны делегаты на районные бедняцкие конференции.

Бедняцкие конференции сыграли огромную роль в укреплении организационного и идейного руководства беднотой, в еще более широком вовлечении ее в хозяйственную и политическую деятельность. На 15 конференциях, проведенных в первой половине 1929 г., присутствовало 949 делегатов. Делегаты разоблачили кулаков, проникших в советский аппарат на местах, помогли партийной организации укрепить влияние на середняцкие слои аула.

В связи с предстоящими выборами значительно активизировали свою деятельность и эксплуататорские элементы. Кулачество и духовенство всячески пытались использовать религию и пережитки патриархально-родовых отношений для сохранения своего влияния на массы. В тех же целях кулаки бесплатно предоставляли беднякам и середнякам сельскохозяйственный инвентарь, устраивали им «угощение». Совместно с кулачеством выступали и муллы. Пытаясь запугать бедняков, муллы распускали слухи о божьей каре и скором крахе Советской власти.

В селении Желал-Кент Кайтаго-Табасаранского округа кулаки подожгли саманник председателя избирательной комиссии, сожгли склады хлеба и в ряде других селений. Были также случаи убийства наиболее активных партийных и советских работников.

Под руководством партийной организации республики беднота аула в союзе с середняком дала решительный отпор кулакам и духовенству. Выборы продемонстрировали возросшую активность бедняцко-середняцких слоев аула. Если в выборах сельских Советов в 1927 г. участвовало 61,3% всех избирателей, то в 1929 г.— 65%¹⁴⁶. Значительно изменился социальный состав вновь избранных сельских Советов. Удельный вес

---

¹⁴⁶ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 18.

бедноты и середняков вырос до 97% ¹⁴⁷. Выборы продемонстрировали также рост влияния партии на трудящихся горцев. Партийная и комсомольская прослойка в сельских Советах с 14,6 в 1927 г. выросла до 18,1% в 1929 г.

Ликвидация кулацкого саботажа во время хлебозаготовок и поражение, нанесенное кулачеству в период выборов в местные Советы, имели исключительно большие социальные и политические последствия. Кулак в дагестанском ауле был изолирован. Ведущей фигурой в хозяйственных и политических делах стал бедняк. В борьбе против кулачества выросла и окрепла политическая сила, способная совершить революционный переворот в ауле.

3. Дальнейшее развертывание кооперативного строительства

Период после XV съезда партии ознаменовался не только усилением наступления на кулачество и дальнейшим развитием процесса осереднячения, но и изменением отношения крестьян к общественному хозяйству. Если до XV съезда перед кооперацией стояла задача объединить крестьян в области сбыта и снабжения, теперь нужно было объединить их и в области производства. Съезд прямо указал на необходимость совершить переход «от кооперирования сбыта и снабжения к обобществлению производства индивидуальных крестьянских хозяйств» ¹⁴⁸.

Исходя из решений XV съезда, партийная организация республики также выдвинула на первый план задачу производственного кооперирования крестьян. IX областная партийная конференция указала «на необходимость углубления работы в сторону производственного кооперирования крестьян, развертывая создание коллективов, товариществ», и призвала местные организации всемерно содействовать кооперированию бедноты ¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Там же, стр. 19.

¹⁴⁸ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 356, 363.

¹⁴⁹ «Красный Дагестан», 21 ноября 1928 г.

В этих условиях, в связи с перенесением центра тяжести на производственное кооперирование, особенно сильно выросла роль сельскохозяйственной кооперации. После XV съезда партии в Дагестане, как и во всей стране, наблюдается быстрый рост ее сети. К концу 1928 г. сельскохозяйственная кооперация объединяла уже 18,7% всех дворов. Это было в 2,2 раза больше, чем в 1926 г., и на 6% больше, чем в 1927 г.¹⁵⁰

Однако рост сельскохозяйственной кооперации в Дагестане проходил далеко не равномерно. На равнине, где преобладали удобные пахотные земли, где широко применялась сельскохозяйственная техника и всемерно внедрялись технические и специальные культуры, кооперацией были охвачены значительные слои крестьянства. Число кооперированных дворов здесь достигало в среднем 32%¹⁵¹.

Иное положение сложилось в горах. Здесь кооперация охватила лишь 11% всех хозяйств¹⁵².

Особенно большими были успехи сельскохозяйственной кооперации в районах технических и специальных культур. В них кооперация нередко объединяла более половины всех хозяйств.

Например, в Дербентском районе было кооперировано к сентябрю 1928 г. 53% всех хозяйств, в Ачикулакском — 55%¹⁵³.

Наряду с количественным ростом производственной кооперации происходил также и процесс ее качественного укрепления. Если в 1926/27 г. сельскохозяйственная кооперация имела убыток 50 тыс. руб., то на 1 июля 1928 г. она имела уже прибыль в 95 тыс. руб. На 1 октября 1927 г. ее валовый доход равнялся 2343 тыс. руб., а на 1 июля 1928 г. — 7035 тыс. руб.¹⁵⁴

Однако наряду с успехами в деятельности кооперации были и серьезные недостатки. XV съезд, в частности, отмечал «непропорционально высокую кооперированность зажиточной верхушки деревни»¹⁵⁵. И в самом деле, как мы уже отметили, удельный вес кулаков и за-

¹⁵⁰ «Красный Дагестан», 9 мая 1929 г.

¹⁵¹ Архив Дагобкома КПСС, ф. 1, оп. 9, д. 208, л. 161.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ «Красный Дагестан», 4 сентября 1926 г.

¹⁵⁵ «КПСС в резолюциях...», ч. II, стр. 359.

житочных в кооперации, например в Дагестане, постоянно был выше их удельного веса среди населения. Особенно сильно были засорены чуждыми элементами органы управления кооперацией. При проверке руководящих органов 10 кооперативных организаций всех видов летом 1928 г. оказалось, что в их составе чуждые элементы составляли 27% от числа всех работников. По сельскохозяйственной кооперации это число достигло 50%. Среди них оказались помещики, кулаки, белогвардейцы, торговцы и др.¹⁵⁶

Естественно, что эти элементы искажали политику партии по кредитованию беднячко-средняцких хозяйств, вследствие чего часть средств, выделяемых Советским государством на оказание помощи трудовым слоям аула, попадала в распоряжение нетрудовых элементов. Об этом свидетельствуют, в частности, материалы обследования комиссией РКИ состояния кредитования весной 1928 г.¹⁵⁷ Это обследование, например по Даргинскому округу, выявило, что деятельность многих сельскохозяйственных кредитных товариществ носит прокулацкий характер¹⁵⁸. Бедняк или середняк, два-три года состоявший членом товарищества, получал кредит в сумме не более 15—20 руб. А кулаку выделялось до 600—700 руб.¹⁵⁹ Левашинское товарищество «Кубзара» («Крестьянин»), например, все кредиты роздало овцеводам-кулакам. Урахинское товарищество получило через Дагсельбанк из фонда бедноты 2500 руб. Эти деньги были розданы на приобретение рабочего скота зажиточным, имеющим по 2 лошади, по два быка, до 100 и более овец¹⁶⁰.

Как отмечала комиссия РКИ, в Даргинском округе «нет ни одного товарищества, которое не потерпело бы убытков от 2 до 10 тысяч рублей»¹⁶¹. Точно такое же положение было характерно и для ряда других округов. Во многих сельскохозяйственных товариществах Кайтагского, Буйнакского, Карабудахкентского районов

---

¹⁵⁶ «Звезда», 1928, 5(13), стр. 42.

¹⁵⁷ «Звезда», 1928, № 2(10), стр. 5.

¹⁵⁸ «Красный Дагестан», 24 мая 1928 г.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ «Красный Дагестан», 7 августа 1928 г.

¹⁶¹ «Красный Дагестан», 27 мая 1928 г.

размеры ссуд колхозам также не превышали ссуд, выданных кулакам ¹⁶².

Чтобы использовать льготы, предоставленные партией и Советским государством кооперированному населению, эксплуататорские элементы нередко создавали свои объединения. В качестве примера можно сослаться на сельскохозяйственное товарищество «Винкульт» Кизлярского округа. Оно имело 170 членов и 145 из них были лишены избирательных прав ¹⁶³. Коммунисты Дагестана повели решительную борьбу за очищение рядов кооперации от такого рода элементов.

Июльский пленум областного комитета партии 1928 г., отметив слабые стороны организационного, хозяйственного и, особенно, финансового состояния сельскохозяйственной кооперации, постановил:

1) принять меры к организационному укреплению низовой сети сельскохозяйственной кооперации путем усиления руководства со стороны «Дагкентбирлиги» и местных партийных и советских организаций;

2) отмечая наличие кулацкого засилья в части руководящих органов низовой сети сельскохозяйственной кооперации, в ближайшую перевыборную кампанию поставить задачу усиления бедняцко-средняцкого влияния и руководства ¹⁶⁴.

На основании этого постановления партийная организация республики летом 1928 г. провела досрочные перевыборы руководящих органов сельскохозяйственной кооперации. Перевыборы явились ярким свидетельством роста влияния партии на трудящиеся массы Дагестана. Они способствовали еще большему укреплению партийного ядра в сельскохозяйственной кооперации. Число членов партии в правлениях с 42,3% выросло до 61,9%, в ревизионных комиссиях — с 33,1% до 39,1%, в Советах — с 28,1% до 34,9% ¹⁶⁵.

Значительно вырос также удельный вес бедноты в руководящих органах сельскохозяйственной кооперации: в правлениях в результате перевыборов их удельный вес

---

¹⁶² «Красный Дагестан», 1 августа 1928 г.

¹⁶³ «Звезда», 1928, № 4 (12), стр. 23.

¹⁶⁴ «Звезда», 1928, № 3 (11), стр. 48.

¹⁶⁵ Там же, стр. 13.

вырос с 49,1% до 68,2%, в ревизионных комиссиях — с 48,4% до 67,5%, в советах — с 61,1% до 72,1%¹⁶⁶.

Но в то же время система сельскохозяйственной кооперации и ее организационные формы уже не соответствовали тем новым задачам, которые были поставлены перед ней XV съездом партии. В сельскохозяйственной кооперации преобладали кредитные товарищества, которые непосредственно не занимались производственным кооперированием бедноты и середняков. Из 69 товариществ кредитных было 59. Такое же положение было характерно для кооперативной сети всей страны.

Учитывая это обстоятельство, Центральный комитет партии принял ряд мер по реорганизации структуры и методов работы сельскохозяйственной кооперации. Постановлением ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «Об организационном построении сельскохозяйственной кооперации» последняя была приспособлена к задачам производственного кооперирования и коллективизации крестьянских хозяйств. Был осуществлен переход от кредитного товарищества к поселковому производственному товариществу — наиболее простой и доступной для крестьян форме коллективного хозяйства.

Реорганизация сельскохозяйственной кооперации и подчинение ее структуры и работы задачам производственного кооперирования явились шагом вперед по пути осуществления ленинского кооперативного плана.

Исходя из постановления Центрального Комитета, Дагестанский областной комитет партии также провел мероприятия по завершению специализации сельскохозяйственной кооперации и подчинению ее задачам коллективизации сельского хозяйства. Из существовавшего до того универсального союза кооперации «Дагкентбирлиги» последовательно были выделены в дополнение к образованному в ноябре 1928 г. Дагживотноводсоюзу: в октябре 1929 г. — Садоогородсоюз, в конце декабря — Дагполеводсоюз. Эти три союза объединяли 135 поселковых товариществ, в которых было 30 722 члена¹⁶⁷.

Перестройка сети сельскохозяйственной кооперации способствовала значительному улучшению производственного обслуживания крестьян. Накануне реорганиза-

¹⁶⁶ «Звезда», 1929, № 1 (15), стр. 13.

¹⁶⁷ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 73.

ции на кредитование производственных процессов в сельском хозяйстве было выделено лишь 39% всех средств, а после реорганизации — уже 81¹⁶⁸. Об этом же свидетельствует и деятельность вновь организованных союзов кооперации.

Для примера можно сослаться на работу хлебной кооперации — Дагполеводсоюза. В 1929 г. по линии Дагполеводсоюза было реализовано сельхозмашин на 66,2% больше, чем в 1928 г.¹⁶⁹ Количество прокатных пунктов в системе Дагполеводсоюза в 1929/30 г. достигло 106, тогда как к 1928/29 г. их было 67¹⁷⁰. Через эти пункты хлебная кооперация оказывала бедняцким и середняцким хозяйствам большую производственную и техническую помощь. В 1929/30 г. было отремонтировано 523 сельскохозяйственных машины и оказана помощь запасными частями на сумму 78 тыс. руб.¹⁷¹ Эта помощь в первую очередь оказывалась коллективным хозяйствам. 82% всей работы, проделанной Дагполеводсоюзом в 1929/30 г. по протравливанию семян и очистке зерна, по сбору урожая была проведена в колхозах¹⁷². Хлебная кооперация сыграла также большую роль в организации бедняцко-середняцких масс на борьбу против кулачества в период хлебозаготовок осенью 1929 г.

Большую работу по обслуживанию производственных нужд крестьянства проводили и другие виды кооперации. Через Дагживотноводсоюз, например, проводилась метизация овец, снабжение племенными матками, организация случных пунктов для скота и т. д. Одновременно животноводческая кооперация осуществляла работы по строительству сыро- и маслозаводов. Подобную же деятельность развернул и Садоогородсоюз. Иными словами, реорганизация сети сельскохозяйственной кооперации позволила ей перейти на путь производственного обслуживания крестьян.

Переход к производственному обслуживанию крестьян и решительная борьба против кулачества совершенно изменили социальное лицо сельскохозяйственной коопе-

---

¹⁶⁸ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 125.

¹⁶⁹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 40, л. 1.

¹⁷⁰ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 73.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 40, л. 1.

рации. Накануне коллективизации 99,8% дворов, объединенных в ней, являлись бедняцкими и середняцкими¹⁷³.

В переходе от обобществления рыночных связей крестьянства к обобществлению крестьянского производства особенно большую роль сыграла контрактация — договорная система между государственными и кооперативными организациями, с одной стороны, и крестьянскими хозяйствами — с другой. По контрактационному договору государство брало на себя обязательство удовлетворить производственные нужды крестьянского хозяйства в сельскохозяйственных машинах, тракторах, удобрениях, семенах и т. д., а сельскохозяйственные коллективы и индивидуальные хозяйства обязывались, в свою очередь, произвести и поставить государству сельскохозяйственных продуктов определенного количества и качества.

Контрактация, минуя посредников, непосредственно связала сельское хозяйство с промышленностью и явилась одной из форм новой производственной смычки между рабочим классом и крестьянством. Новые формы производственной связи промышленности с сельским хозяйством развивались наряду с дальнейшим усилением товарооборота и укреплением торгово-кооперативной связи между городом и деревней.

Первоначально Советское государство применяло контрактацию только в производстве технических и специальных культур — сахарной свеклы, льна, хлопка, кенафа, клещевины, подсолнечника и др. XV съезд партии дал указание всемерно расширять производственную смычку между промышленностью и сельским хозяйством. В связи с этим, начиная с 1928 г., метод контрактации стал применяться и в зерновом хозяйстве.

В Дагестане контрактация стала применяться с октября 1928 г., первоначально в животноводстве. После организации Дагживотноводсоюза вся деятельность по контрактации продукции животноводства проходила через него. Планом 1928 г. было предусмотрено охватить контрактацией 65 880 пудов шерсти, на что было выделено 545 тыс. руб. Деньги отпускались овцеводам за восемь месяцев вперед, до сдачи шерсти. Одновременно

---

¹⁷³ Там же.

государство брало с овцевода обязательство, что эти средства будут затрачены на приобретение улучшенных пород овец, на благоустройство пастбищ, приобретение лекарств и т. д.¹⁷⁴

Контракционные договоры заключались на льготных для бедняцко-средняцкой части крестьянства условиях. Бедноте выдавалось авансом 75% всей суммы, предусмотренной договором, сразу же после его заключения, середнякам — 50%, зажиточным слоям крестьянства — 30%, причем последним эта сумма выдавалась в два срока. Хозяйствам, которые вели племенное овцеводство, предоставлялись, кроме того, дополнительные льготы¹⁷⁵.

В 1929 г. система контракции была пересмотрена в сторону дальнейшего расширения льгот коллективным и бедняцко-средняцким хозяйствам. Коллективным хозяйствам и бедноте выдавались долгосрочные крупные авансы, бедняцко-средняцким хозяйствам — краткосрочные авансы (с октября по май), для кулаков контракция была безавансовой. Коллективным и бедняцко-средняцким хозяйствам были установлены дополнительные льготы. Им в первую очередь выдавались и дефицитные товары, в первую очередь у них осуществлялись и всевозможные агрозоотехнические мероприятия.

В 1929 г. контракцией было охвачено до 20% всех крестьянских хозяйств республики¹⁷⁶. Значительно возросла и продукция, охваченная контракционными договорами. Например, если в 1928 г. шерсти было законтрактовано 65 800 пудов, то в 1929 г. — 98 400 пудов. Контракция охватила также свыше 28 тыс. голов скота¹⁷⁷.

В 1929 г. началась контракция и зерновых культур. В первый же год было законтрактовано 32 599 га земель, принадлежащих преимущественно коллективным хозяйствам. При 3,3% коллективизации, в посевах, охваченных контракцией, удельный вес колхозной пашни пре-

---

¹⁷⁴ «Красный Дагестан», 24 октября 1928 г.

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ «Красный Дагестан», 13 октября 1929 г.; «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 79.

¹⁷⁷ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 79.

вышал 30% ¹⁷⁸. Вместе с техническими культурами тогда было законтрактовано 52 287 га посевов зерна ¹⁷⁹.

Контрактация зерновых культур также проводилась на льготных для коллективных хозяйств условиях. Так, на один гектар законтрактованной площади колхозы и совхозы получали 35 пудов семенного зерна, простейшие объединения — 25 пудов, а индивидуальные хозяйства — 20 пудов ¹⁸⁰. По контрактационному договору крестьяне принимали на себя обязательство провести ряд мероприятий, связанных с сортировкой и протравливанием семян, с проведением сева только рядовой сеялкой, с прополкой посевов. На эти мероприятия было выделено 1375 тыс. руб. ¹⁸¹ Непременным условием заключения контрактационного договора было проведение сева на сплошных массивах.

Всемерно помогая подъему благосостояния беднячко-средняцкой части крестьянства, контрактация одновременно являлась мощным средством в деле ограничения и вытеснения кулачества. Планомерная помощь Советского государства избавила бедноту и часть малоимущих середняков, не владеющих достаточным количеством средств производства для обработки пашни, от необходимости сдавать в аренду земли, от неизбежности найма сельскохозяйственного инвентаря. Льготные кредиты Советского государства лишили кулаков возможности вести ростовщические сделки, освободили трудящихся крестьян от кулацкой кабалы. Вместе с тем, связывая социалистическую промышленность с сельским хозяйством, превращая последнее в аккуратного поставщика необходимого сырья, контрактация играла огромную роль в ликвидации стихийного производства на рынок, в обеспечении как общегосударственных интересов, так и интересов отдельного производителя. Контрактация была наиболее простой и приемлемой для широких крестьянских масс формой перехода к организованному производству и сбыту по предварительным государственным заказам. Она способствовала планомерному воздействию Советского государства на сельское хозяйство, служила средством

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 5, д. 406, л. 317.

¹⁸⁰ Там же.

¹⁸¹ «Красный Дагестан», 13 октября 1929 г.

вовлечения сельского хозяйства в русло государственного планирования на основе его социалистического переустройства.

Таким образом, контрактация способствовала решению важнейших задач, поставленных XV съездом перед партией и Советским государством: развитию колхозов, подъему хозяйства бедноты, ограничению и вытеснению кулачества, повышению культуры сельского хозяйства.

Одновременно с ростом производственного кооперирования продолжала быстро развиваться и потребительская кооперация. В течение двух лет после XV съезда партии число ее пайщиков увеличилось в 2,5 раза, а товарооборот — почти в два раза¹⁸². В 1929 г. пайщиками потребительской кооперации были 55,3% всех хозяйств республики¹⁸³.

Особенно значительные изменения произошли в соотношении различных секторов в товарообороте. Так, в 1925/26 г. на государственный и кооперативный сектор падало 69,8% всех оборотов, а в 1928/29 г. их доля в товарообороте выросла до 86%, роль частного за это же время упала с 30,2% до 14%¹⁸⁴. Иными словами, частник накануне массовой коллективизации по существу не играл уже сколько-нибудь видной роли в товарообороте.

Надо подчеркнуть при этом, что такое положение было характерно и для горных, и для равнинных округов. Для большей убедительности можно сослаться на пример высокогорного Гунибского округа. До XV съезда в этом округе было три потребительских общества с 13 отделениями и 4857 членами, к концу 1928 г. в округе насчитывалось уже 7 самостоятельных потребительских обществ с 19 отделениями, а число пайщиков выросло до 7505, или до 54,4%¹⁸⁵.

Еще более разительны качественные изменения, происшедшие в деятельности потребительской кооперации округа. Например, паевой капитал за тот же период вырос на 81%, а закупки товаров — на 77%, причем 97,5% всех товаров было закуплено государственным

¹⁸² «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов», стр. 59.

¹⁸³ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 110.

¹⁸⁴ Там же, стр. 101.

¹⁸⁵ ЦГА ДАССР, ф. 572, оп. 1, д. 37, л. 45.

сектором. Доля частного в общем товарообороте за то же время уменьшилась с 25% до 4,5%¹⁸⁶. Это говорит о том, что частник по существу был вытеснен из торговли.

4. Развитие колхозного движения

После XV съезда партии особенно ощутимые изменения произошли в колхозном строительстве. Если на 1 октября 1927 г. в Дагестане было 39 колхозов, то ровно через год их уже насчитывалось 232 — почти в шесть раз больше. Число дворов в них увеличилось соответственно с 542 до 4938, т. е. более чем в девять раз. Если в 1927 г. удельный вес коллективизированных дворов составлял всего 0,3% от числа всех хозяйств, то в 1928 г. он достиг уже 2,9%¹⁸⁷. Сами по себе эти цифры незначительны, но если их сравнить с предыдущим годом — изменения огромные. Как отмечалось раньше, в Дагестане до XV съезда по существу не было конкретного руководства колхозным движением. Партийные и советские организации республики имели самое смутное представление о ходе коллективизации, о формах объединения крестьян, об организации общественного производства и т. д. Коллективизация в республике первоначально развертывалась стихийно, без конкретного руководства, главным образом на основе объективного воздействия целенаправленной экономической политики Советского государства. После XV съезда партии объединение крестьян в коллективы стало первоочередной задачей партийной организации республики. Этой задаче была подчинена и экономическая политика. Однако надо отметить, что в таких ранее отсталых колониальных окраинах, каким когда-то был Дагестан, решающую роль в создании этого перелома сыграла помощь более развитых и передовых народов нашей страны и прежде всего русского народа. Только благодаря этой помощи удалось обеспечить определенные материальные и технические предпосылки такого перелома.

Героический рабочий класс СССР, полный решимости построить первое в мире пролетарское государство и

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ ЦГА ДАССР, ф. 127 р, оп. 3, д. 10, л. 36.

приобщить миллионные массы трудового крестьянства к социалистическому строительству, обеспечил быстрые темпы индустриализации страны, значительно увеличил производство сельскохозяйственных машин и все полнее стал удовлетворять производственные нужды крестьян. Для иллюстрации достаточно привести следующие данные. В 1927 г. в Дагестан было завезено сельскохозяйственных машин и орудий на 286,8 тыс. руб., в 1928 г.— на 785 тыс. руб., а в 1929 г.— на 1137 тыс. руб.¹⁸⁸ Только за один 1928 г. в республику было завезено инвентаря больше, чем за все предыдущие годы. Было организовано 22 прокатных и 30 зерноочистительных пунктов. В 1929 г. советское правительство выделило Дагестану 9850 плугов, 2350 борон, 3300 уборочных машин, 400 культиваторов, 560 сеялок и много другого инвентаря¹⁸⁹.

Машиноснабжение по-прежнему производилось строго по классовому принципу. Однако в связи с курсом на коллективизацию главное внимание было обращено на то, чтобы в первую очередь и на льготных условиях обеспечить сложным сельскохозяйственным инвентарем и машинами коллективные хозяйства. Вот несколько примеров, свидетельствующих об итогах такой политики. В 1928/29 г. в республике каждый колхоз имел сельскохозяйственного инвентаря в среднем на сумму в 1268 руб., а в 1929/30 г.— на 9688 руб. Это 322,9 руб. в среднем на один двор колхозника¹⁹⁰. В пересчете на гектар посева техническая оснащенность колхозов за это же время выросла с 17,6 до 30,5 руб.¹⁹¹. Из 114 тракторов¹⁹², имевшихся в республике в 1928 г., 66 принадлежало колхозам¹⁹³.

Равным образом после XV съезда партии в несколько раз возросло кредитование сельского хозяйства республики. В 1928/29 г. Советское государство отпустило сельскому хозяйству 2059 тыс. руб.— в два с лишним ра-

---

¹⁸⁸ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 56.

¹⁸⁹ «Красный Дагестан», 9 октября 1929 г.

¹⁹⁰ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 57.

¹⁹¹ Там же, стр. 56.

¹⁹² «Материалы к отчету правительства VII Вседагестанскому съезду Советов ДАССР», стр. 46.

¹⁹³ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 2—3, стр. 91.

за больше, чем в 1927 г., а в 1929/30 г. сумма кредита составила уже 2746 тыс. руб., т. е. выросла на 33%. Коренным образом изменилось и направление кредита. Вот некоторые данные, свидетельствующие об этом. В 1928/29 г. социалистический сектор сельского хозяйства (колхозы и совхозы) получил 19,5% всех кредитов, а единоличники — 80,5%, в 1929/30 г. социалистический сектор уже получил 81% кредитов (колхозы — 65%, совхозы — 16%), а единоличники лишь — 19%¹⁹⁴. Эти данные лишней раз свидетельствуют о том, что вся экономическая политика Советского государства была подчинена подъему бедняцко-средняцких хозяйств и развертыванию коллективизации.

Значение мероприятий партии и Советского государства по подъему материального благосостояния трудового крестьянства Дагестана и вовлечению его в русло коллективизации можно ярко проиллюстрировать на примере весенних посевных кампаний 1928 и 1929 гг.

Несмотря на затяжную зиму, бескормицу, ранние продолжительные суховеи и падеж скота в 1928 г., партийная организация республики повела решительную борьбу за выполнение директив XV съезда и проведение весенней посевной кампании под лозунгом коллективизации сельского хозяйства. Накануне полевых работ областной комитет партии обратился ко всем первичным организациям с письмом, в котором говорилось: «Оздоровление существующих колхозов и очищение их от всяких чуждых элементов, организация новых, путем вовлечения батраков и маломощных хозяйств, есть первоочередная задача, которую мы должны выполнить, мобилизовав все наши силы и средства»¹⁹⁵. Для выполнения этой задачи областной комитет партии считал необходимым сосредоточить основное внимание на удовлетворении в первую очередь нужд коллективных хозяйств в семенах, кредитах и сельскохозяйственных машинах, на оказании всемерной помощи бедняцко-средняцким хозяйствам. С этой целью фонд коллективизации был увеличен с 80 тыс. руб. в 1927 г. до 200 тыс. руб. к началу весенних полевых работ, причем районным организациям была дана директива: 60% этого фонда использовать весной. Между колхозами были распреде-

¹⁹⁴ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 126.

¹⁹⁵ «Красный Дагестан», 28 марта 1928 г.

лены 30 новых тракторов и 27 пудов семян. На машиноснабжение было израсходовано 486 тыс. руб. Кроме того, беднякам и середнякам была выдана ссуда в размере 421 тыс. руб.¹⁹⁶

В результате помощи партии и Советского государства колхозное движение в Дагестане весной 1928 г. имело значительные успехи. Только в дни весенних полевых работ было организовано 138 новых колхозов и товариществ по совместной обработке земли¹⁹⁷.

Исключительно важную роль в социалистической реконструкции сельского хозяйства сыграла весенняя посевная кампания 1929 г. В 1929 г. было принято специальное постановление Советского правительства о развитии сельского хозяйства и подъеме урожайности зерновых культур. Это постановление было вызвано отставанием темпов развития сельского хозяйства от темпов развития промышленности. Июльский и ноябрьский пленумы ЦК ВКП(б) 1928 г. отметили, что дальнейший рост индустрии невозможен без соответствующего роста сельского хозяйства. Дальнейшее всемерное развитие сельского хозяйства являлось необходимым условием роста индустриализации страны и, следовательно, социалистического переустройства деревни.

Исходя из задач, выдвинутых пленумами, партийная организация Дагестана развернула борьбу за расширение посевных площадей и повышение урожайности сельскохозяйственных культур. Весной 1929 г. было намечено расширить яровой клин на 7%. Одновременно Областной Комитет партии поставил перед местными партийными и советскими органами задачу довести число колхозов во время посевной кампании до 300. На решение этих задач были мобилизованы все силы республики. Число зерноочистительных пунктов с 30 весной 1928 г. было доведено до 100, а прокатных — с 22 до 71. Вместо намеченных по плану на 1929 г. 3347 было завезено 3648 различных сельскохозяйственных машин и орудий. На проведение весенней посевной кампании было отпущено 910 тыс. руб. Советское государство выделило Дагестану 133 600 пудов семян различных культур¹⁹⁸. Кулаки и муллы начали бешеную агитацию

¹⁹⁶ «Красный Дагестан», 28 марта 1928 г.

¹⁹⁷ «Красный Дагестан», 13 июля 1928 г.

¹⁹⁸ «Красный Дагестан», 9 мая 1929 г.

против увеличения посевных площадей, против покупки чистосортных семян и новых агрономических мероприятий. Они запугивали крестьян, будто «чистосортные семена в нашей почве не взойдут и не дадут никакого урожая», что Советская власть отпускает семена и кредит только затем, чтобы осенью за это «содрать с крестьянина три шкуры и, мол, поэтому зимой придется голодать».

Однако кулацкая агитация не имела успеха. Крестьянство Дагестана при повседневной помощи партии и Советского государства успешно справилось с поставленной задачей. Посевные площади под яровыми были увеличены на 7,5% и достигли вместо 116 300 га, намеченных планом, 117 860 га.

Больших успехов достиг и социалистический сектор сельского хозяйства. Число колхозов за весеннюю посевную кампанию выросло до 350 вместо 300, намеченных планом, посевные площади колхозов увеличились до 9 тыс. га против 8655 по плану. Особенно усилился приток в колхозы бедноты и середняков в период полевых работ. Вот яркий пример. В селении Ясная Поляна Кизлярского района в период осеннего сева 1928 г. в колхозе объединялись 21 хозяйство из общего числа в 48. Во время весеннего сева 1929 г. при помощи трактора колхоз вспахал на одно хозяйство 5 га, а единоличники — по 2 га. Результаты сева привели в колхоз еще 6 хозяйств. Во время осенних полевых работ 27 хозяйств, объединенных в колхоз, вспахали и засеяли свыше 100 га земли. О таких успехах единоличники не могли и мечтать. Вследствие этого в колхоз вступили все остальные хозяйства. Единоличниками остались лишь четыре кулацких хозяйства¹⁹⁹.

Являясь крупными хозяйствами социалистического типа, колхозы республики были более рентабельны и устойчивы, более производительны и товарны. Сравнивая посевные площади колхозов с посевными площадями индивидуальных хозяйств, можно увидеть, что по нагрузке посевов коллективные хозяйства вдвое превышали индивидуальные хозяйства. При 3,3% коллективизации в 1929 г. на колхозный сектор приходилось 5,3% всех посевов.

---

¹⁹⁹ «Красный Дагестан», 29 декабря 1929 г.

Еще больших успехов добились колхозы в 1930 г. При 7,8% коллективизированных хозяйств им принадлежало 16% всех посевов²⁰⁰.

Товарность колхозов превышала товарность индивидуальных хозяйств почти в четыре раза²⁰¹. Применение сложного сельскохозяйственного инвентаря и достижений агрономической науки дало возможность колхозам значительно превзойти индивидуальные хозяйства и по урожайности сельскохозяйственных культур. Урожайность зерновых в колхозах в этот период была выше, чем в индивидуальных, в среднем на 1—2 ц²⁰².

Таким образом, опыт первых колхозов свидетельствовал о том, что только коллективный труд создает условия для ликвидации нищеты и вековой отсталости, которые царили в дагестанском ауле столетиями. Применение сельскохозяйственных машин и тракторов в колхозах значительно повышало производительность труда, облегчало труд и убеждало крестьян в преимуществах коллективного производства. В результате появилась большая тяга бедняцко-средняцких масс аула к обобществлению труда, к коллективному ведению хозяйства. Об этом красноречиво говорят итоги бедняцких конференций, проходивших по всему Дагестану летом 1929 г. В августе 1929 г., подводя итоги этих конференций, газета «Красный Дагестан» отмечала, что они «выступили за объединение батрацких, бедняцких и середняцких хозяйств в коллективные хозяйства»²⁰³.

Представители бедноты Левашинского района, например, на конференции заявили, что «организация колхозов — единственный путь подъема благосостояния батраков и бедняков»²⁰⁴. На этой же конференции почти все делегаты указывали на необходимость укрепления колхозов, объединения батраков и середняков для отпора кулачеству, которое яростно сопротивлялось коллективизации сельского хозяйства. В своем постановлении по колхозному строительству конференция бедноты Левашинского района отметила необходимость: «Настойчиво внедрять в сельское хозяйство социалистические

²⁰⁰ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 75.

²⁰¹ «Плановое хозяйство Дагестана», 1929, № 9—10, стр. 13.

²⁰² ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 39, л. 80.

²⁰³ «Красный Дагестан», 17 августа 1929 г.

²⁰⁴ «Дарган», 19 сентября 1929 г.

формы обработки земли»²⁰⁵. Беспартийная конференция, проведенная в августе 1929 г. в Ачикулакском районе, также единодушно высказалась за всемерное развертывание коллективизации²⁰⁶.

В результате колхозное движение в Дагестане, как и по всей стране, вступило в новую фазу своего развития. В 1929 г. начался быстрый рост колхозов. Если на 1 октября 1928 г. в республике было 232 колхоза, которые объединяли 4938 хозяйств, то на 1 октября 1929 г. уже насчитывалось 363 колхоза, которые объединяли 5606 хозяйств. Удельный вес коллективизированных дворов с 2,9% вырос до 3,3%²⁰⁷. Значительно увеличились посевные площади колхозного сектора. По сравнению с 1928 г. они выросли более чем в 3,5 раза, что составило 15 тыс. га. На одно хозяйство в 1928 г. в среднем приходилось 0,85 га посева, а в 1929 г. — 2,2 га²⁰⁸. Особенно бурный рост колхозного движения в Дагестане наблюдался в последние три месяца 1929 г. С 1 октября по 31 декабря 1929 г. число колхозов выросло с 363 до 425, а хозяйств в них — с 5606 (3,3%) до 16 224 (9,1%), т. е. почти в три раза. Задание пятилетнего плана на конец 1930 г. было превышено в два раза. Если к 1 октября на один колхоз в среднем приходилось 15 хозяйств, то на 31 декабря 1929 г. это число достигло 39²⁰⁹. Таким образом, шел процесс не только количественного, но и качественного роста колхозов. Их число за три месяца увеличилось на 67, т. е. примерно на 18%, а число хозяйств в них почти утроилось. Следовательно, росли и укреплялись главным образом старые колхозы, которые стали центрами объединения широких бедняцко-средняцких масс аула.

Вместе с тем надо отметить, что особенности физико-географических условий республики, неравномерность социально-экономического развития отдельных ее районов в прошлом и разница в материально-технической оснащенности хозяйства, о которых мы говорили выше, неизбежно сказались и на процессе развития колхозного движения.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ «Красный Дагестан», 27 августа 1929 г.

²⁰⁷ ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 36.

²⁰⁸ ЦГА ДАССР, ф. 478, оп. 3, д. 12, л. 1.

²⁰⁹ ЦГА ДАССР, ф. 37, оп. 21, д. 62, л. 5, 6.

В этом смысле наиболее подготовленной к обществу хозяйству была равнинная часть республики, особенно земледельческий район, охватывающий Ачикулакский, Кизлярский, Хасавюртовский, Махачкалинский и Буйнакский округа. Расположенная вдоль железнодорожного полотна, эта часть исключительно плодородной земли и богатых возможностей для развития высокотоварного сельского хозяйства еще до революции была объектом интенсивной колонизации. Крупное капиталистическое производство и классовая дифференциация получили здесь широкое развитие. В реконструктивный период на эти районы, которые являлись житницей Дагестана, было направлено главное внимание партийной организации республики, они в первую очередь снабжались машинами, кредитами, комплектовались кадрами. Здесь главным образом концентрировалась сложная сельскохозяйственная техника. По данным 1927 г., удельный вес примитивных орудий (сохи, косули и др.) в этих районах составлял всего 7,8%. Именно в этих районах получили наибольшее развитие сельскохозяйственная кооперация, совхозы и колхозы. Так, если кооперированные хозяйства в среднем по Дагестану в 1928 г. составляли 18,7%, то на плоскости это число достигало 32%, а в таких зерновых округах, как Ачикулакский, — 55%, Кизлярский — 41%.

Крестьянство этих крупнейших зерновых районов республики имело сравнительно богатый опыт коллективного ведения хозяйства. В то время, как на 1 октября 1929 г. по всему Дагестану было коллективизировано 3,3% хозяйств, на равнине их число составляло 7,2%. На эти районы приходилось 87,4% всех хозяйств, объединенных в колхозы. Именно поэтому в период хлебозаготовок в равнинных зерновых районах развернулась ожесточенная классовая борьба, в результате которой кулак потерял политический вес и был ослаблен экономически.

Иное положение было в горах, где ведущей отраслью сельского хозяйства продолжало оставаться отгонное экстенсивное скотоводство, главным образом овцеводство. Резко пересеченная местность и террасное земледелие делали почти невозможным применение в сельском хозяйстве нагорного Дагестана усовершенствованных сложных машин и орудий. 98% всех орудий вспашки и обработки почвы в горных районах составляли прими-

тивные сохи и косули. В этой части Дагестана крайне слабо была развита и сельскохозяйственная кооперация. Число кооперированных хозяйств в 1928 г. в среднем составляло здесь 11%, а в отдельных районах и того меньше. В Андийском округе, например, было кооперировано только 5,5% всех хозяйств. Горское крестьянство не имело также опыта ведения крупного хозяйства. На горные районы, в которых проживало две трети населения Дагестана, в 1929 г. приходилось всего 12,6% хозяйств колхозников, а число всех коллективизированных хозяйств горных районов достигало всего 0,7%. В связи с этим здесь наиболее крепко держались патриархально-феодалские пережитки и сравнительно слабо была развита классовая дифференциация общества. Горская беднота зачастую вставала на защиту «родовых» интересов, вопреки интересам классовым.

Учитывая эти особенности в развитии высокогорного аула, Центральный Комитет партии в сентябре 1928 г. указал на необходимость делать главный упор в условиях гор на развертывание простейших форм кооперации. Поэтому, когда говорят о бурном росте колхозного движения в Дагестане, надо иметь в виду, что речь идет главным образом о равнине.

В целом по республике, как уже отмечалось, практика колхозного строительства выдвинула и закрепила три основные организационно-хозяйственные формы построения общественного хозяйства — товарищество по совместной обработке земли, сельскохозяйственную артель и коммуну. Соотношение этих форм на различных этапах развития до XV съезда партии, к сожалению, установить невозможно из-за отсутствия данных. Обильный, хотя зачастую и противоречивый материал, восполняющий этот пробел, появляется лишь с 1928 г. Противоречивость этого материала заключается в следующем. Все местные и центральные архивные материалы и статистические издания свидетельствуют о том, что вплоть до XVI съезда партии в Дагестане преобладала артельная форма организации общественного хозяйства²¹⁰,

---

²¹⁰ «Колхозы в 1928 г. Итоги обследования колхозов». М., 1932, стр. 2, 3; «Колхозы в 1929 г. Итоги сплошного обследования колхозов». М., 1931, стр. 2; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами». М.—Л., 1931, стр. 31; ЦГА ДАССР, ф. 127, оп. 3, д. 10, л. 36.

материалы же к отчету правительства ДАССР к десяти-летию автономии Дагестана эти свидетельства опровергают²¹¹. В отчете приводятся данные на конец 1930 г. Они свидетельствуют о том, что в это время преобладали товарищества (55%) по совместной обработке земли²¹². Отчет следующим образом объясняет этот факт: «Снижение количества с.-х. артелей в 1929/30 г. сравнительно с 1928/29 г. объясняется тем, что колхозы, числившиеся в 1928/29 г. артелями, имели только устав артелей, а фактически были СОЗами... В силу этого колхозы, формально числившиеся артелями, были переведены на устав СОЗов»²¹³. В какой-то мере оно так и было. Однако объяснить уменьшение удельного веса артелей с 84% в 1928/29 г. до 44% в 1929/30 г., а их численности с 305 до 178, при общем значительном росте колхозов, только этим никак нельзя²¹⁴. В связи с указанием XVI съезда партии о том, что в некоторых районах незернового характера, а также в национальных районах Востока на первое время могут получить массовое распространение товарищества по общественной обработке земли, как переходная форма к артели, многие даже хорошо организованные артели были переведены на устав товариществ. Поэтому при рассмотрении поставленных вопросов надо отдать предпочтение итогам обследования колхозов в 1928 и 1929 гг., а также материалам сборника «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами».

Как свидетельствуют итоги этих обследований, в 1928—1930 гг. в Дагестане преобладала артельная форма организации коллективного хозяйства. Вот данные на этот счет: в 1928 г. из 137 обследованных колхозов товариществ по совместной обработке земли было 15,3%, артелей — 82,5%, а коммун — 2,2%²¹⁵. В 1929 г. из 311 обследованных колхозов товариществ по совместной обработке земли было 17,7%, артелей — 80%, а коммун — 2,3%²¹⁶. В соотношении уставных форм колхозов, таким образом, особых изменений не произошло; и в 1928 г., и

---

²¹¹ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 74.

²¹² Там же.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Там же.

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ «Колхозы в 1929 г....», стр. 2.

в 1929 г. преобладающей формой организации коллективных хозяйств остается артель.

Здесь следует подчеркнуть, что именно от организационной формы в значительной мере зависит степень обобществления основных средств производства и место общественного и личного хозяйства среди источников существования крестьян, более того, опыт коллективизации учит, что изыскание правильной организационно-хозяйственной формы общественного хозяйства было наиболее трудной задачей социалистического преобразования сельского хозяйства. М. И. Калинин отмечал в 1928 г.: «Главным тормозом в колхозном движении является не материальная часть. Как мы ни бедны и как ни мало правительство дает средств для колхозов сравнительно с их нуждами, не в этом гвоздь. Гвоздь в том, что мы еще не нашли ту наилучшую форму колхоза, которая бы дала возможность объединить производство, кооперировать его и вместе с тем не подчинила бы личность казарменному быту»²¹⁷. Впоследствии постановление ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. признало, что такой «наилучшей» формой является сельскохозяйственная артель. В артели обобществлялись все основные средства производства: мертвый и живой инвентарь, хозяйственные постройки, товарно-продуктивный скот и т. д. Вместе с тем поддерживались и личные интересы колхозника: в его пользовании оставлялись приусадебные земли, простой инвентарь, часть молочного скота, мелкий скот, птица и жилые строения. Тем самым в артели достигалось наиболее гармоническое сочетание общественных и личных интересов, наиболее полное и рациональное использование производительных сил и наибольшая производительность труда. Однако, пока не был накоплен опыт, пока не была выработана и проверена на практике наиболее рациональная форма организации общественного хозяйства, наряду с артелью, как мы уже отмечали, развивались также товарищества по совместной обработке земли и коммуна.

Товарищества являлись простейшими видами коллективного хозяйства. В условиях Дагестана наибольшее развитие получили два типа товариществ: в зерно-

---

²¹⁷ М. И. Калинин. Международное и внутреннее положение Советского Союза.— «Правда», 7 июля 1928 г.

Вых, земледельческих районах — товарищества по совместной обработке земли (ТОЗ); в животноводческих — товарищества по совместному выпасу скота.

По уставу ТОЗ, вступающий в него крестьянин обязательно обобществлял только землю и семена. Обобществление рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря было делом добровольным и за их использование ТОЗ выдавал владельцу дополнительную оплату.

Товарищества по совместному выпасу скота организовались для совместного использования отведенных им пастбищных и сенокосных угодий. При вступлении в такое товарищество крестьянин делал установленный взнос деньгами или натурой. Из этих взносов и складывалось общественное хозяйство. За бедняков и маломощных середняков эти взносы, как правило, делали кооперативные объединения и кресткомы, которые имели на эти цели специальные фонды. Товарищество по совместному выпасу скота приобретало и заготавливало необходимые членам товарищества сельскохозяйственные орудия, машины, скот, фураж, топливо, строительные материалы и другие предметы; на закрепленном за ним участке товарищество должно было устроить общий скотный двор и жилые постройки; оно оказывало денежную и натуральную помощь своим членам, принимало меры к количественному и качественному улучшению своего стада и с этой целью устраивало племенные рассадники и случные пункты, принимало меры к улучшению пастбищных и сенокосных угодий и т. д. Таким образом, в этих двух типах товариществ обобществлялась в основном земля — в первом случае пахотная, во втором — пастбищно-сенокосная. Вся остальная масса средств производства — рабочий и продуктивный скот, инвентарь, хозяйственные постройки — оставалась в частной собственности крестьян.

Высшей формой общественного хозяйства являлась коммуна, в которой обобществлялись все средства производства, весь скот и все отрасли хозяйства. В центральных районах страны коммуны появились в эпоху военного коммунизма, в 1918—1919 гг., на базе бывших помещичьих имений, монастырских земель, на готовой материально-технической базе. Они объединяли пролетарские слои деревни и скорее являлись коммунально-общечитиями, нежели хозяйственными предприятиями.

На самом раннем этапе колхозного строительства коммуна являлась преобладающей формой организации общественного хозяйства. Однако в дальнейшем, особенно в период новой экономической политики, рост коммун стал ослабевать. В этот период крестьянство больше тяготело к простейшим формам объединения, которые позволяли им сохранять в своем распоряжении основные средства производства и в то же время давали им возможность хозяйственного роста.

В Дагестане, где первые коллективные хозяйства появились уже в период нэпа, коммуны не имели почти никакого распространения. В 1928 г. в республике было всего две коммуны. В следующем году их стало семь. Однако в 1930 г. коммун опять стало меньше. А в последующий период развертывания массового колхозного движения оставшиеся коммуны были переведены на артельный устав и вовсе прекратили свое существование. Объясняется это тем, что такая форма общественного хозяйства, как коммуна, в которой обобществлены все средства производства, может существовать только при высокой степени развития производительных сил сельского хозяйства, когда за счет общественного хозяйства удовлетворяются все потребности трудящихся. В ту пору такого уровня развития производительных сил еще не было; для этого еще не было необходимых материальных возможностей. Поэтому коммуна, как организационно-хозяйственная форма коллективного хозяйства, не получила дальнейшего развития.

В то же время чрезвычайно характерно, что в самом начале колхозного строительства, в самую тяжелую для страны эпоху, именно коммуна была наиболее распространенной формой общественного хозяйства. Отсюда следует, что вопрос о том, какова должна быть организационная форма объединения, определяется не только уровнем развития производительных сил. Многое зависит еще и от того, кто, какие социальные слои организуются в коллектив. Как показывает опыт нашей страны, объединение пролетарских слоев неизбежно сопровождается появлением наиболее развитых форм коллективного хозяйства с высокой степенью обобществления производства. Это происходит потому, что пролетарские слои не имеют своих средств производства и объединяются либо на готовой производственной базе, либо

создают её уже в процессе коллективного труда. По мере вовлечения в это движение полупролетарских и бедняцко-средняцких слоев уровень обобществления и форма объединения начинают меняться. Мелкий собственник еще не был готов к тому, чтобы полностью перейти к общественному хозяйству. Так появляются другие формы организации коллективного хозяйства, более соответствующие и экономическому укладу страны и уровню развития колхозного строительства. Об этом красноречиво свидетельствуют и данные о социальном составе колхозов республики по уставным формам. Из всех членов тозов не имели средств производства 8,2% дворов, в составе артелей таких было уже 32%, а в коммунах — 67,9%. Зато дворов со средствами производства от 200 до 800 руб., т. е. в основном средних, в тозах было 51,6%, в артелях — 21,3%, а в коммунах — лишь 3,8%. Хозяйств без всякого скота в тозах было 18%, в артелях — 55,6%, а в коммунах — 92,5%, а без рабочего скота соответственно — 39,5%, 78,1% и 98,1%²¹⁸. Как свидетельствуют эти данные, форма объединения и ее социальный состав тесно связаны между собой и обуславливают друг друга.

Посмотрим теперь, как форма организации общественного хозяйства влияла на степень обобществления основных средств производства. В 1929 г. в тозах обобществленный посев составлял 80,3%, в артелях — 86,4%; рабочий скот соответственно — 30,4% и 41%. В следующем году соотношение общественной и частной собственности внутри коллективного хозяйства претерпело дальнейшие изменения. В тозах удельный вес обобществленного посева вырос с 80,3% до 84,4%, а в артелях — с 86,4% до 91,2%; рабочего скота соответственно — с 30,4% до 36,2% в тозах и с 41% до 78,5% в артелях²¹⁹. Эти цифры свидетельствуют о том, что во всех видах кооперации происходит неуклонный рост удельного веса общественного производства. Однако уровень обобществления в тозах значительно отставал от артелей. Вследствие этого уже в исследуемое время в артелях труд в общественном хозяйстве являлся главным источником средств существования, тогда как в товариществе личное хозяйство еще преобладало над общественным. В 1929 г.

²¹⁸ «Колхозы в 1928 г. ...», стр. 146—147.

²¹⁹ «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами», стр. 35.

в артели 61,7% всех средств существования приносило коллективное хозяйство, а доходы от личного хозяйства составляли всего 27,2%. В товариществе, наоборот, общественное производство давало члену 42% всех средств, остальные средства он извлекал из личного хозяйства (46,3%), а также работой по найму (11,7%)²²⁰.

Приведенные данные говорят не только о взаимозависимости организационно-хозяйственной формы и степени обобществления основных средств производства. Они свидетельствуют также и о разнице в обобществлении различных видов средств производства. Судя по материалам сплошного обследования колхозов за 1928—1929 гг., в наибольшей степени были обобществлены сельскохозяйственный инвентарь и пахотная земля, в наименьшей — продуктивный скот и хозяйственные постройки. В 1928 г. удельный вес обобществленных основных средств производства составлял 37,9%, в том числе сельскохозяйственного инвентаря — 91,7%, пашни — 73,5%, скота — 13,6%²²¹. Процесс обобществления еще менее коснулся хозяйственных построек и продуктивного скота. Например, обобществление овец составляло 2,4% ко всему поголовью, имевшемуся у членов колхозов, коров — 6%²²², а хозяйственных построек — 3,7%²²³. Обычно это принято объяснять тем, что скот составлял основу благосостояния хозяйства, и поэтому крестьянин стремился сохранить его в индивидуальной собственности. Это бесспорно. Однако не меньшую роль играло в этом и другое обстоятельство. Известно, что социальный состав колхозов в этот период был батрацко-бедняцким. В подавляющем своем большинстве (82%) это были представители пролетарских и полупролетарских слоев деревни, как правило, не имевших сельскохозяйственного инвентаря, рабочего скота, овец и т. д.²²⁴ Все основные средства приобретались ими уже в процессе становления и развития общественного хозяйства с помощью государства, и поэтому они находились в коллективной собственности. В подтверждение этого можно привести данные о составе обобществленного сельскохозяйственного инвентаря.

²²⁰ «Колхозы в 1929 г. ...», стр. 158.

²²¹ «Колхозы в 1928 г. ...», стр. 50—51.

²²² Там же.

²²³ Там же, стр. 17.

²²⁴ «10 лет социалистического строительства в ДАССР», стр. 75.

По итогам обследования колхозов в 1928 г., в Дагестане 61,8% этого инвентаря составляли тракторы и прицепные орудия, 19,3% — молотилки, 10,4% — уборочные машины, 4% — орудия по обработке и подготовке почвы, 3,2% — сеялки и 0,9% — зерноочистительные машины²²⁵. Как видим, сельскохозяйственный инвентарь колхозов состоял в основном из сложных машин, бесспорно приобретенных на общественные средства.

То же самое и с посевной площадью. По тем же данным, 72,7% всех земель колхозы получили у государства. Крестьянская надельная земля в составе обобществленных площадей составляла лишь 27,3%²²⁶.

Продуктивный же скот в этих хозяйствах находился в индивидуальной собственности, имел чисто потребительское значение и поэтому процесс обобществления в меньшей степени затрагивал его. К тому же две трети всех колхозников вовсе не имели скота, так что зачастую им и обобществлять было нечего.

В значительной степени это объясняется и тем, что у крестьян еще не было и навыков создания общественного животноводства. Эти причины и обусловили отставание в развитии обобществления скота по сравнению с обобществлением посева и сельскохозяйственного инвентаря.

Еще более сложным в рассматриваемое время был вопрос о принципах распределения продуктов труда. Как нами было уже отмечено, этот вопрос в республике решался в основном двумя путями — путем уравнительного распределения продуктов и путем учета меры участия основных средств производства каждого члена коллектива в общественном производстве. Уравнительный принцип включал в себя распределение продуктов труда по потребности, по едокам и по рабочей силе. В другом случае распределение доходов происходило с учетом использования в коллективном хозяйстве земли, скота, инвентаря или по взносам в коллективный капитал. Однако за отсутствием данных, показать соотношение различных форм оплаты продуктов труда до 1928 г. мы не можем. Такого рода учет в республике впервые был произведен в 1928 г. во время сплошного обследования колхозов. Согласно итогам этого обследования,

²²⁵ «Колхозы в 1928 г. ...», стр. 43.

²²⁶ Там же, стр. 53.

2,8% всех колхозов распределяли продукты труда по потребности, 8,3% — по едокам, 84,7% — по рабочей силе, 5,6% — по взносам в коллективный капитал и 2,8% — по работе в колхозе собственными средствами производства. Распределение по земле и по скоту обследование не зафиксировало²²⁷. Однако это не значит, что таких форм распределения продуктов труда в республике не было. Судя по материалам проверки организационно-хозяйственного состояния колхозов, и эти формы распределения были довольно широко распространены в Дагестане.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что наиболее распространенным в распределении продуктов труда был уравнительный принцип. Вместе с тем абсолютное преобладание формы распределения по числу работников говорит о том, что в подавляющем большинстве колхозов доходы распределялись по труду. Правда, о количестве и качестве труда еще речи не было. Но уже тогда многие колхозы старались выработать более совершенные методы организации, учета и оплаты труда.

Принцип распределения доходов по размерам внешних средств производства отражал попытку части более обеспеченных членов кооперации приспособить старые отношения к новой форме организации производства и несомненно сулил им возможности обогащения. Однако он именно в силу этого и не получил в той социальной среде сколько-нибудь широкого развития. Безусловно господствующим принципом распределения доходов в колхозах уже тогда был принцип распределения по труду. В дальнейшем предстояло лишь совершенствование этого принципа.

Чтобы более конкретно представить себе развитие организационно-хозяйственных форм колхозного строительства, т. е. чтобы получить четкое понимание социальных отношений внутри колхоза, рассмотрим для примера развитие общественного хозяйства в двух горных аулах — Кикун и Гапшима. Селение Кикун издавна специализировалось на выращивании знаменитых гергебильских персиков и абрикосов. Гапшиминцы были преимущественно животноводами и отходниками.

---

²²⁷ «Колхозы в 1928 г. ...», стр. 56—57.

Вследствие острого малоземелья основная масса населения Гапшима жила за счет продажи своих рабочих рук. По-разному сложилось и развивалось в этих аулах и общественное хозяйство. Кикунинцы пришли к колхозу через простейшее объединение мелких и средних собственников, путем все большего подчинения личных интересов общественным. Гапшиминцы, наоборот, начали с коммуны и постепенно приняли такую форму организации, в которой наилучшим образом сочетались и личные, и общественные интересы.

Высокогорный аул Кикунин в начале восстановительного периода оказался оторванным от традиционных мест сбыта продукции садоводства. Результаты многолетних трудов — тонны первосортных персиков и абрикосов — гибли прямо на деревьях. Перед кикунинцами встала дилемма, либо вырубить сады и обратиться к земледелию и тем самым в корне изменить направление своего хозяйства, либо восстановить торговые связи, найти пути для реализации ценной продукции и тем самым сохранить традиционное направление.

В 1924 г. жители аула обратились в Гунибский окружной исполнительный комитет с просьбой организовать у них кооператив, который занялся бы сбором их продукции и снабжением аула необходимыми товарами. Просьба кикунинцев была удовлетворена — все бремя по организации сбыта и снабжения Советское государство взяло на себя²²⁸. Заботы государства дали новый толчок для развития садоводства, в частности, был построен консервный завод, который сыграл огромную роль в создании общественного хозяйства в горных садоводческих аулах. Завод заключил льготный договор, согласно которому взял на себя обязательство принимать фрукты членов товарищества прямо в саду. Расчет сначала делался деньгами, но затем, по просьбе кооператоров, — промтоварами и зерном, приобретение которых в те годы было сопряжено с огромными трудностями²²⁹. Кооператоры пользовались и другими льготами. В частности, кикунинцы — члены объединения платили на 25—50% меньше налогов, чем единоличники.

---

²²⁸ ЦГА ДАССР, ф. 572, оп. 1, д. 15, л. 352.

²²⁹ ЦГА ДАССР, ф. 575, оп. 4, д. 23, л. 9.

В 1928 г. в Кикунни возникает уже производственное товарищество садоводов. По уставу, за вступающим в объединение оставлялось пять плодовых деревьев. Остальные передавались в собственность объединения. Объединению был передан также участок кресткомовской земли. В 1929 г. по инициативе активистов колхозного строительства Р. Османова, М. Идрисова, О. Османилова и др. товарищество перешло на устав артели. В первое время колхоз испытывал большие трудности, связанные преимущественно с земельной неустроенностью. Сады членов колхоза были разбросаны на большой площади, что приводило к распылению рабочей силы и средств производства по многочисленным террасным участкам, затрудняло осуществление комплексных агромероприятий. Все это в конечном итоге не могло не отразиться и действительно стало отражаться на росте общественного хозяйства. Поэтому на сельском сходе было решено провести землеустройство, которое способствовало бы росту колхозного производства и в то же время не ущемляло бы интересов трудящихся-единоличников. Согласно этому решению, колхоз получил единый массив орошаемых садов, а единоличникам, участки которых попали в состав этого массива, отводились равноценные участки в другом месте. В первые же месяцы возникновения колхоза государство выделило ему ссуду на приобретение рабочего скота, завезло сельскохозяйственный инвентарь. И в товариществе, и в артели кикунинцы работали сообща, а продукты труда распределяли по едокам.

Обратимся теперь к истории колхоза им. Тельмана селения Гапшима. Гапшима был малоземельным аулом, зажатым меж отвесных скал в узкой теснине. Даже солище редко заглядывало сюда. Основная масса населения состояла из батраков и бедняков, которые добывали себе средства к существованию работой по найму. Гапшиминец — пастух, чабан или косарь — был привычной фигурой в соседних более богатых аулах. Значительную часть своих доходов он добывал также работой по найму в период полевых работ у соседей-лакцев, в основном кустарей, которые уходили на заработки за пределы области и не могли сами вести свое хозяйство. До революции в Гапшима 56 дворов были лишены права пользования общественной землей: 40 из них как

потомки рабов, а 16 как не имеющие представителей мужского пола.

Советская власть не имела возможности сразу же после победы революции улучшить земельный баланс общества, так как ни Гапшима, ни соседние аулы не располагали свободными землями. И все же Советская власть приняла все возможные в таких условиях меры, чтобы как-то облегчить положение наиболее обездоленных, и прежде всего уравнила всех членов джамаата в правах на общественную землю. Однако они не имели ни рабочего скота, ни сельскохозяйственного инвентаря. Поэтому передовая часть джамаата решила объединить свои усилия в борьбе за лучшую жизнь. Так в Гапшима возникла коммуна. Ее костяком были 30 потомков рабов-«лагов» и вдовы, т. е. наиболее обездоленная часть населения. Первым председателем коммуны был избран Рабадан Гуруев, а секретарем партийной организации — Магомед Чартаев.

В коммуне были объединены скот, пашня и другие средства производства. Чтобы реально представить себе экономическую мощь коммуны, социальный состав ее в первое время после возникновения, надо отметить, что у объединившихся 30 дворов было всего 5 быков и 25 овец.

Все коммунары были разбиты на три постоянные бригады, между которыми были перераспределены земля, скот и другие средства производства. Бригады выполняли весь цикл работ на выделенном им участке. Продукция распределялась с самого начала по трудодням, однако трудодни начислялись не по количеству и качеству работы, а по числу дней, проведенных в поле, независимо от выполняемой работы.

Особенно острым был вопрос о содержании общественного скота. Первое время он оставался в индивидуальных хозяйствах, затем по инициативе Сулеймана Магомедова были построены необходимые помещения и создана бригада по обслуживанию общественного животноводства. Сулейман Магомедов был и первым заведующим молочнотоварной фермы колхоза. До сих пор старожилы аула с благодарностью говорят о том, что своей фермой и коллективными традициями в животноводстве гапшиминцы в значительной мере обязаны именно этому пионеру коллективизации аула.

Активную роль в утверждении общественного хозяйства в Гапшима сыграла и женщина-горянка. Первой дояркой коммуны была Марьям Магомедова. В числе первых горянок-колхозниц была Патимат Бигаева. Это были активные борцы за новую жизнь, за светлое будущее горской женщины.

Интересна судьба коммунарки Патимат Магаалиевой. Сейчас ей 70 лет, но она по-прежнему полна энергии и неутомимо трудится в колхозе. Когда ей было десять лет, у нее умер отец. На руках матери осталось семь дочерей. Со смертью отца древний обычай лишил их семью права на общественную землю. Семья не погибла от голода только благодаря поддержке таких же безземельных бедняков. Незадолго до революции Патимат вышла замуж за бедняка-отходника. Муж принимал активное участие в борьбе за власть Советов и был одним из первых коммунистов в селении. Когда организовывалась коммуна, он работал на химзаводе в Махачкале. Много пережила молодая женщина, вступая самостоятельно в коммуны: боялась, что муж не одобрит ее шага, бросит с пятью детьми. Однако тревоги оказались напрасными. Муж — бывший красный партизан, коммунист, рабочий — поддержал поступок жены и сам стал активным членом коммуны.

Интересно проследить, как складывались взаимоотношения между членами коммуны и остальным населением аула. Коммунисты боялись противодействия единоличников, когда коммуне отводили общественный участок земли. Однако единоличники не только не выразили недовольства, а, наоборот, понимая, что своими средствами колхозу не обработать земли, пришли на помощь коммунаркам: все полевые работы в первый год образования коммуны были осуществлены при непосредственном участии всего общества в целом. Изучая историю таких малоземельных аулов как Гапшима и других, нельзя не обратить внимания на удивительно развитую классовую солидарность, классовое чутье населения. Объясняется это его сравнительно однородным классовым составом, наличием большой прослойки рабочих-отходников, а равным образом наличием сильно развитого чувства коллективизма, сложившегося в борьбе с иноземными захватчиками и, особенно, с суровой и капризной природой. Естественно, что, когда в

Гапшима возникла коммуна, весь аул с надеждой следил за ней. Как только коммуна сталкивалась с трудностями, аульчане всеми силами помогали ей и многие тут же записывались в ее члены.

Задолго до массовой коллективизации почти все гапшиминцы были уже коммунарами. Эти примеры еще раз показывают, какими трудными и многообразными путями шло горское крестьянство к коллективному хозяйству, как на собственном опыте вырабатывало оно наиболее рациональные формы организации общественного хозяйства.

I. Анализ социально-экономического развития дагестанского аула свидетельствует о том, что до победы колхозного строя для него было характерно самое причудливое переплетение элементов различных общественно-экономических укладов. Это явление, впервые подмеченное В. И. Лениным еще в 1918 г., было общим для всей страны¹. В апреле 1921 г. в работе «О продовольственном палого» В. И. Ленин вновь подчеркнул это положение. В переходной экономике страны налицо были элементы различных общественно-экономических укладов. Этими элементами были:

- «1) патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство;
- 2) мелкое товарное производство (сюда относится большинство крестьян из тех, кто продает хлеб);
- 3) частнохозяйственный капитализм;
- 4) государственный капитализм;
- 5) социализм»².

Все эти элементы имели место и в Дагестане. Однако по уровню своего развития Дагестан сильно отставал от России. Поэтому аграрная революция имела здесь свои особенности, хотя конечный итог ее и был единым. В центральных районах страны в результате победы Октябрьской социалистической революции в земледелии был совершен переход от крупного капиталистического производства к мелкому. На отсталых колониальных окраинах итогом аграрной революции был переход от полупатриархального, полунатурального к мелкотоварному производству. Чтобы ликвидировать исторически сложившуюся неравномерность в развитии

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 27, стр. 303.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 309—310.

дагестанского аула и подготовить его к социалистическому переустройству, в середине 20-х годов в республике были осуществлены аграрные преобразования, направленные на ликвидацию патриархально-феодалных элементов и ограничение эксплуататорских тенденций кулака. В результате осуществления этих мероприятий разница в социально-экономическом облике советской деревни стала сглаживаться, середняк во всех отраслях сельского хозяйства и среди населения выдвинулся на центральное место, деревня была подготовлена к более или менее одновременному социалистическому переустройству.

II. Если в начальный период нэпа в сельскохозяйственном производстве и в обмене безусловно господствовал мелкий собственник, то уже к концу восстановительного периода крупное социалистическое предприятие в форме потребительской кооперации вытесняет частника из товарооборота. Основным контрагентом потребительской кооперации остается мелкое хозяйство бедняка и середняка, но между ними складывались отношения совершенно нового типа: если раньше частный торговец, спекулянт и ростовщик подвергали мелкого производителя жестокой эксплуатации и обрекали его на разорение и нищету, то теперь, опираясь на помощь и поддержку кооперации, мелкий производитель получил возможность экономического роста.

Таким образом, в кооперации сотрудничали два противоположных по своей социальной природе контрагента: с одной стороны — Советское социалистическое государство, которое оказывало всяческую помощь и поддержку мелкому производителю, и в этих целях вытеснившее частного торговца из товарообмена, а с другой — мелкое крестьянское хозяйство, которое использовало эту помощь для своего хозяйственного роста и обогащения. В данном случае Советское социалистическое государство выступает как носитель социалистических тенденций; мелкое крестьянское хозяйство, будучи частным собственником на орудия и средства производства, выступает как носитель тенденций буржуазных, капиталистических.

Социалистические отношения наиболее ярко были выражены в совхозах и в высших формах организации общественного хозяйства — коммунах и артелях.

III. Экономический подъем и осереднячение деревни в первой половине 20-х годов происходили главным образом на базе роста мелкого производства. Поэтому он был невысоким. Особенно контрастно это проявлялось на фоне огромных успехов социалистической промышленности. Партия и Советское государство с самого начала понимали это и ориентировали трудовое крестьянство на общественную обработку земли, на коллективное ведение хозяйства. Однако, пока в этом не убедилась основная масса крестьян, коллективное хозяйство не получило широкого развития и не играло заметной роли в экономике. Потребовалось около десяти лет, чтобы мелкие крестьяне сами осознали безвыходность своего положения, невозможность освободиться от кулацкой кабалы и добиться человеческих условий жизни в одиночку. Это десятилетие сыграло исключительную роль в выработке и проверке путей и методов приобщения различных народов к социализму. Причем история социалистического строительства в Дагестане показывает, что приобщение ранее отсталых народов к социализму происходило не в обход жизненного опыта данного народа, а, наоборот, через его опыт, путем всемерного использования его практики. В конкретных условиях Дагестана исключительную роль в социалистическом переустройстве животноводства сыграл так называемый кош — объединение мелких овцеводов для совместного выпаса скота, который на новой социально-правовой основе был использован трудящимися слоями аула в качестве простейшего производственного объединения животноводов. Вместе с тем опыт социалистического преобразования дагестанского аула свидетельствует о том, что, каковы бы ни были национальные особенности, существует только один путь приобщения широких крестьянских масс к социализму — испытанный жизнью ленинский кооперативный план. Формы производственного кооперирования крестьян могут дать примеры самого различного сочетания общих закономерностей социалистического преобразования сельского хозяйства с конкретными условиями и особенностями развития данного народа, однако, при всех случаях основа их будет одной — общественное хозяйство и общественная собственность на основные орудия и средства производства.

IV. Перевод мелкого раздробленного индивидуального крестьянского хозяйства на колхозный, социалистический путь развития представлял собой одну из наиболее трудных задач, которая стояла перед нашей партией после свержения власти помещиков и капиталистов и без разрешения которой невозможно было построение социализма в СССР.

Коммунистическая партия и Советское государство сразу же после победы Великой Октябрьской социалистической революции взялись за осуществление этой задачи. Они оказывали всестороннюю материальную и техническую помощь первым росткам социализма в деревне. Государство взяло на себя заботу по созданию всех необходимых условий для обеспечения коренного поворота деревни к социализму: развернуло производство сельскохозяйственного машиностроения, организовало снабжение колхозов и кооперированных крестьян сельскохозяйственным инвентарем и тракторами через прокатные пункты и МТС, оказывало им финансовую помощь путем предоставления кредита. Наряду с этим в целях поддержки ростков социализма в деревне использовались землеустройство, налоговая политика и т. д. Благодаря этому в кратчайший исторический срок отсталое, раздробленное хозяйство нашей страны было превращено в крупное передовое хозяйство.

Коллективизация сельского хозяйства не везде развивалась одинаковыми темпами. Экономическая и культурная отсталость, унаследованная от прошлого, в известной степени осложняла социалистическое переустройство сельского хозяйства многих национальных областей и республик. Однако благодаря правильной политике Коммунистической партии и помощи рабочего класса эти трудности оказались преодолимыми.

Осуществляя директиву X съезда: «...помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию...»³, Коммунистическая партия и Советское государство стали создавать на окраинах промышленные очаги, выращивать кадры местных рабочих, развивать Советскую государственность, а также национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. Благодаря этому в предельно

---

³ «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 559.

Короткие сроки были созданы необходимые условия, которые позволили включить в русло социалистического строительства в прошлом отсталые и угнетенные народы. В осуществлении этой задачи ведущая роль принадлежит великому русскому народу, который на всех этапах социалистического строительства оказывал народам национальных меньшинств огромную бескорыстную помощь.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
1. Тема исследования и ее основные проблемы	3
2. Литература	6
3. Источники	13
<i>Глава первая. АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДАГЕСТАНЕ НАКАНУНЕ</i> <i>ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ</i>	19
1. К характеристике вопроса	19
2. Некоторые особенности развития аграрного строя в Дагестане	21
3. Аграрная политика царского самодержавия	27
4. Землевладение и землепользование	40
5. Проникновение элементов капитализма и рост бессловного землевладения	55
6. Классовое расслоение дагестанского аула	66
7. Краткие выводы	133
<i>Глава вторая. РАЗРЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА ОКТЯБРЬСКОЙ</i> <i>РЕВОЛЮЦИЕЙ И ОСЕРЕДНЯЧЕНИЕ АУЛА . . . . .</i>	140
1. Первые аграрные преобразования	140
2. Классовое расслоение аула	172
3. Роль Советского государства в регулировании социально-экономических процессов в доколхозном ауле	219
4. Развитие кооперации	237
5. Зарождение первых коллективных хозяйств	252
6. Краткие выводы	264

<i>Глава третья.</i> ЛИКВИДАЦИЯ ПАТРИАРХАЛЬНО-ФЕОДАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ДОКОЛХОЗНОГО АУЛА	270
1. Ликвидация патриархально-феодалных элементов	270
2. Курс на коллективизацию	312
3. Дальнейшее развертывание кооперативного строительства	329
4. Развитие колхозного движения	339
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	361

Гамид Гамидович Османов

**Социально-экономическое развитие
дагестанского доколхозного аула**

Утверждено

*к печати Дагестанским филиалом
Академии наук СССР*

Редактор З. А. Янкова

Редактор издательства И. И. Зелкин

Художник Л. С. Эрман

Технический редактор Ю. В. Рылина

Сдано в набор 3/XI 1964 г.

Подписано к печати 20/I 1965 г. Формат 84 × 108^{1/32}.

Печ. л. 11,5—18,88 усл. л. Уч.-изд. л. 19,3. Тираж 3100 экз.

Т-02658. Изд. № 2445. Тип. зак. № 5423.

Темплан 1964 г. № 118.

Цена 1 р. 31 к.

Издательство «Наука»,

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства «Наука»,

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10